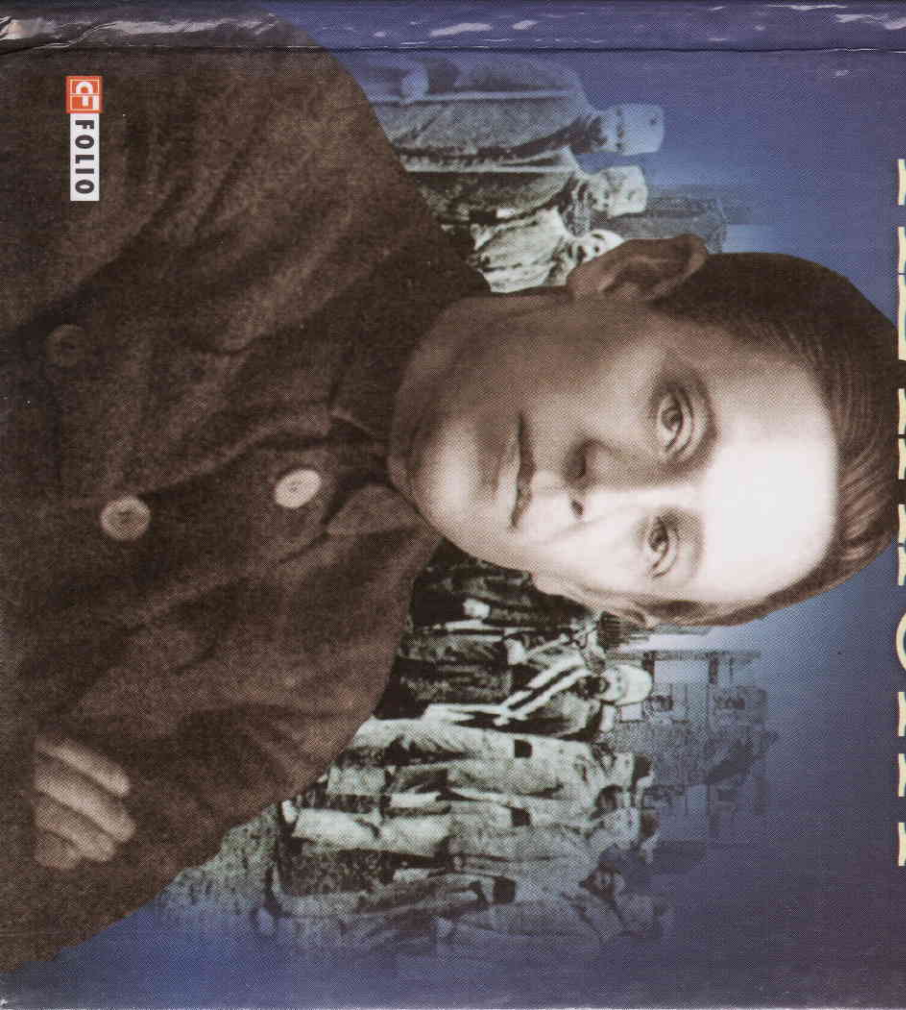

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

В. А. САВЧЕНКО

СИМОН ПЕТАНОРА

CE FOLIO

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

В. А. САВЧЕНКО

СИМОН ПЕТЛЮРА

Ошибки Петлюры... Они были одновременно заблуждениями всего поколения и результатом предыдущего развития Украины. Но главной ошибкой (или достоинством) его были идеализм и идеализация положения на Украине, которые породили неправильную оценку ситуации, но вместе с тем служили «оправданием» такого необходимого в борьбе энтузиазма. Петлюра наследовал романтический образ «казацкой Украины», сформированный еще Шевченко, Гоголем, множеством украинских писателей и историков эпохи Николая I и Александра II. Во многом это был образ «прекрасного прошлого», «вольного казачества».

Автор

Харьков
ФОЛИО
2006

ББК 84.4 УКР-РОС
С 12

Серия «Время и судьбы»
основана в 2004 году

Художник-оформитель
Л. Д. Киркач-Осипова

Савченко В. А.

С 12 Симон Петлюра / Худож.-оформитель Л. Д. Киркач-Осипова. — Харьков: Фолио, 2004. — 415 с. — (Время и судьбы).

ISBN 966-03-3454-0.

Эта книга рассказывает о человеке, которого советская пропаганда начиная с 20-х годов XX столетия сделала воплощением всего самого темного: предательства, обмана и человеконенавистничества — о Симоне Петлюре.

Автор книги о Петлюре пытается доказать, что его герой не был ни суперзлодеем, ни супергероем. Он был политиком, и политиком искусным, хотя и противоречивым, сумевшим в течение десяти лет сохранить политическое влияние. А в политике слишком часто ради сохранения власти приходится снимать белые перчатки.

ББК 84.4 УКР-РОС

© В. А. Савченко, 2004
© Л. Д. Киркач-Осипова,
художественное оформление,
2004
© Издательство «Фолио»,
марка серии, 2004

ISBN 966-03-3454-0

ВСТУПЛЕНИЕ

Его прах покоится на престижном кладбище Монпарнас, самом маленьком кладбище в Париже. Совсем недалеко, в квартале от кладбища, в 20-е годы (когда он и был предан земле), бушевала знаменитая парижская богема, в теперь модных и дорогих кафе: «Ротонда», «Дом», «Купол». Тут ночами просиживали Пикассо, Дали, Бретон... До семнадцатого года Ленин и Троцкий, впоследствии его заклятые враги, часто бывали в кафе «Дом».

В дождливом феврале 2001 года я вновь оказался у могилы Петлюры. На старом кладбище в утренние часы я был едва ли не единственным посетителем, и толпы туристов не осаждали соседние могилы знаменитостей: Сартра и его жены, Бодлера, Гейнзбурга, Сутина, Тцара... По иронии судьбы Петлюра упокоился метрах в тридцати от могилы своего любимого писателя Ги де Мопассана. Бронзовый лик Петлюры смотрел немного надменно, в легком тумане безлюдного кладбища он казался сфинксом. Я ощутил присутствие Главного атамана далекой Украины в центре Парижа... Сколько он мог поведать!

Странно, Петлюра, литератор и журналист, никогда не писал о своей жизни — ни воспоминаний, ни заметок... Он как бы нарочно пытался остаться бесплотным символом, человеком «без личной жизни». Батка Махно, в том же Париже, оставил четыре тома воспоминаний, размахнувшись на десять. А Петлюра — ни строчки. Трудно писать об этом человеке, превратившем свою жизнь в тайну и борьбу... борьбу, как казалось многим, обреченную на проигрыш и бесцельную.

Вот уже пятнадцать лет «копаюсь» я в этой истории, вот уже пятнадцать лет, с некоторой периодичностью, за-

даю себе вопрос: «А кем он был, этот Пётлюра?» И почему, собственно, Петлюра? Когда приливы и отливы перестройки стали обнажать, а может, и укрывать тиной историческую правду, когда стало «все можно», большим искушением было написать о Петлюре как об «отце нации», представить его безупречным вождем Украины, сокрушающим всех и вся... Но выяснилось, что поражений у него было гораздо больше, чем побед, и что ошибок он совершил предостаточно...

Писать о нем — лишний раз проверять себя. Ведь заучивая на истфаке утвержденные ЦК КПСС формулировки, думал про себя: «Уж я не погрешу против исторической правды во имя политической необходимости! История должна писаться без предубеждения, историк должен следовать только фактам...» Но с Петлюрой этого долго не получалось. Да его и личностью-то, достойной внимания, просто не считали. Уже начиная с 20-х годов, еще при жизни, в нем видят персонификацию всех «темных сторон» человека: предательства, обмана, человеконенавистничества... Он становится едва ли не главным «демоном» в советской историко-пропагандистской «демонологии» почти на семьдесят лет, его ставят в один ряд с «бандитом» батькой Махно, «кровавым генералом» Деникиным, «иудошкой» Троцким... Монополия на истину приводит к простому, не нуждающимся в доказательствах «ходам» мифотворчества.

Даже в бытовой речи иногда да и мелькнет, особенно у наших ветеранов, гневное: «Ух ты, Петлюра!» Ибо Петлюра уже не человек, а не оформленное научно, не осязаемое понятие. Хотя сознание некоторых наших соотечественников и цепляется за старые стереотипы, цивилизация, построенная на «советских мифах», исчезает как, Атлантида. Мы уже живем не в СССР, не при социализме, нас уже не направляет КПСС. На обломках Советской «империи» возникло пятнадцать более или менее независимых государств. У нас уже совсем другая жизнь, своя история... Иногда даже кажется, что новый мир более открыт, более гуманен и в нем найдется место и для уважения чужой точки зрения, и для уважения чужой национальности...

Вернемся к Петлюре. Дело в том, что для множества людей в государстве Украина имя Петлюры стало понятием патриотизма, борьбы за независимость, национальное

достоинство... И здесь Петлюра «перерос себя», превратился в символ, но уже всего «светлого». Имя Петлюры стали превращать в икону все политические диссиденты, вечные инсургенты, которым так необходим был образец для подражания. Иногда на Украине Петлюру пытаются превратить в «святого», и те же политинформаторы, что взахлеб рассказывали о «гениальном» Володе Ульянове, сейчас воспевают, забыв всякую меру, Симола Васильевича Петлюру. И вызывают раздражение елейные хвалебные песнопения. Мы это уже проходили...

Петлюра стал больше фактором современности, нежели истории. В его имени — квинтэссенция политических программ современных партий национально-демократической ориентации на Украине. Отношение к его памяти определяет отношение украинца к своей государственности.

Интересно, что ни ту ни иную стороны не интересовала реальная жизнь Петлюры. Фактаж даже мешал и страшил... Он разрушал такие удобные черно-белые схемы. Создатели «историй» не хотели даже слушать, что Петлюра был обыкновенным человеком с необыкновенной судьбой. Но важнее всего то, что Петлюра был политиком. А в политике часто «цель оправдывает средства» и ради сохранения власти приходится снимать «белые перчатки». Петлюра был искусным политиком, сумевшим, лавируя в мутном море бунтов и «классовой борьбы», сохранить политическое влияние почти на десять лет. Но при этом он был противоречивым политиком, имя которого проклинали, смешивали с грязью многие его вчерашние соратники: и Винниченко, и Петрушевич, и Грушевский. Он не мог вместиться в прокрустово ложе политических оценок. Он был политиком в эволюции, в постоянном движении, в беге времени.

Массовому же сознанию нужен или супергерой, или суперзлодей. Петлюра — наш современник и как «продукт творчества» коллективного сознания имеет фанатичных поклонников и непримиримых врагов.

Общественное сознание на Украине нуждается в легенде. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать позиции критиков и почитателей Петлюры. Эти критики и почитатели живут сейчас, в нашем времени, и именно они — «социально активные» граждане — прихо-

дят на митинги и к избирательным урнам. На Украине общество поделено еще и исторической памятью.

«Карикатура» Петлюры

1. контрреволюционер
2. беспринципный авантюрист
3. кровавый диктатор
4. ставленник буржуазии и помещиков
5. бандит и злодей
6. «махровый» националист
7. русофоб
8. антисемит и погромщик
9. предатель (агент Австрии, Германии, Польши...)
10. бездарный полководец и правитель
11. «антихрист», враг православия и предатель.

«Икона» Петлюры

1. революционер
2. народный вождь, политический лидер
3. демократ
4. социалист
5. гуманист и моралист
6. националист
7. враг империи, но не русского народа.
8. защитник евреев.
9. патриот
10. гениальный полководец
11. поборник православия.

Огромной трудностью для автора книги стала попытка соблюсти исторические пропорции. Поэтому он решил идти непосредственно за фактами. Их обилие не должно удивлять — это оправданная реакция на десятки брошюрок о Петлюре, где как раз и отсутствовал «его величество факт». Это реакция на «карикатуру» и «икону» Петлюры, ведь именно факт срывает маски и пропагандистские ярлыки.

Нужно оговориться, что личная жизнь Петлюры скудна, аскетична. Он не приемлет алкоголь, пьяные шумные застолья, «разврата с балеринами». О его личной жизни мало что известно...

Эта книга написана для широкого круга читателей, поэтому автор отказался от сложного библиографического аппарата, принятого в научной литературе.

ГЛАВА I

ПОЛТАВА. ЮНОША БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ 1879—1901 гг.

На стол прокурора Полтавского окружного суда легла тоненькая папка дела с длинным названием — «Наблюдения к дознанию о националистической полтавской группе революционной украинской партии в Полтавской духовной семинарии». Первый лист содержал список из тринадцати имен семинаристов, которые были взяты под постоянное наблюдение агентов местной полиции еще в начале 1901 года. Мало что говорящие фамилии шестнадцати-двадцатилетних юношей из мещанского и духовного сословий... расплывчатые обвинения в антиправительственной деятельности и пропаганде украинского языка, которого, как казалось полтавскому прокурору, вообще никогда в природе не существовало... Достаточно вздорные обвинения...

Только на второй фамилии в списке задержался беглый взгляд прокурора... Его, возможно, поразила необычная фамилия семинариста — «Петлюра», и, может быть, мелькнула мысль: «...Ба, да это будущий висельник... Наверняка кончит этот Петлюра свою жизнь в петле».

Полистав дело семинаристов, прокурор нашел и бегло изучил сведения и о самом Семене Васильеве Петлюре, родившемся 10 мая 1879 года, мещанине города Полтавы, православном, что был изгнан из пятого класса семинарии, совсем недавно, летом 1901 года, за неблагонадежность, революционные «украинофильские» настроения, конфликт с ректором семинарии...

«Приметы Семена Петлюры: рост 166 см, среднее телосложение, внешность интеллигентная, серьезная, имеет привычку выставлять левую ногу вперед и держать руки перед собой; волосы на голове светло-русые, длинные, прямые, пробор с правой стороны, брови и усы русые, борода редкая, рыжеватая, глаза серые, большие, близору-

кий; при вечернем освещении читает с помощью очков; череп правильный, круглый, лоб плоский и широкий, нос прямой, лицо продолговатое...»

Можно сказать: юноша «без особых примет». Перед нами портрет обыкновенного молодого разночинца начала XX века, и опасность от него бескрайней Российской державе казалась очевидно минимальной... как от укуса комара. До тридцати годков такие «провинциальные господа» позволяют себе модные и смелые политические разговорчики и статейки антимонархические, а там, глядишь, обзаведясь семьей, поступаю на государеву службу и становяюсь осторожными либералами, «любителями галушек и этнографических застольных песен по праздникам».

Прокурор полистал и список запрещенной литературы, что была изъята у полтавских семинаристов. Прокурора переполняли назидательные мысли:

«Список запрещенной властями литературы в несведущих умах становится списком рекомендованных революционных книг. Их запрещенность порождает невиданный спрос, моду... Опять тот же книжный набор: Степняк, Чернышевский, Маркс — с добавлением Шевченко и Франко. Почему-то вся эта невинная беллетристика в современной России превращается в призывы к топору! Студенты начитаются о героях-революционерах и тут же пытаются им подражать. Воистину, Россия мыслит чувствами, а художественные книги становятся политическими манифестами... И всем этим юнцам обязательно хочется стать героями. Этим писателей требовалось еще лет тридцать назад высылать на каторгу, начиная с помещика Тургенева... Вот Достоевский после каторги остепенился и проклял всех этих революционных «бесов»...»

Прокурор утвердил предписание — продлить надзор за юношами, хотя про себя решил, что для империи сейчас большую опасность представляют «поляки и евреи», а скромная украинская молодецкая фронда будет в сонном полтавском мороке выпускать свой революционный пар только посредством застольных разговоров. И не беда, что семинаристы издавали нелегальный рукописный журнал «Рассвет» «малороссийского направления», все это казалось в 1901 году только юношеским задором и подростковым непослушанием, ведь империя была незыблема, сильна и обширна... Триста лет не было великой смуты на Руси, и триста лет династия Романовых удерживала эти бескрай-

ние просторы... Кто же мог тогда предположить, что через шестнадцать лет...

Утопающая в зелени садов провинциальная Полтава не предоставляла «молодому человеку с амбициями» широкого поля деятельности для реализации своих талантов. Была Полтава тиха, нетороплива, опрятна и украиноговоряща, хотя для крупных городов украинских губерний Российской империи украинский язык на улицах и в семьях уже был скорее исключением из правил... Вся официальная да и приватная жизнь крупных городов была русскоязычной. Двести лет чиновники вели «дела», а учителя учили на русском языке. А вот Полтава сохранила свой казачий колорит, гоголевский прищур, этнографическую девственность. Полковой казачий город был славен и богат во времена Хмельницкого и Мазепы. В начале XX века сельскохозяйственный черноземный центр Украины уступил в своем развитии промышленным районам: Харьковщине, Екатеринославщине, Херсонщине... Полтавская жизнь постепенно замерла на отметке «середина XVIII века».

Полтава была небольшим торговым городом с мелкими кустарными предприятиями. Город населяло (в начале XX века) всего около 53 тысяч жителей (в то время в Одессе — 415 тыс., в Киеве — 250 тыс., в Харькове — 176 тыс.). Полтавские улицы сохраняли преимущественно сельский вид: с одноэтажными домиками, с «садками вышнэвыми коло хат». Только 15% домов было каменными и только 5% улиц — мощеными. Небольшие фабрики производили «мелочи»: суконные ткани, кирпичи, свечи, мыло, горилку и пиво, табак, краски.

Патриархальная Полтава сохраняла все особенности украинского города, и это проявлялась в языке, одежде, быте (на Полтавщине украинцы составляли 92% населения). В городе в 60—90-е годы XIX века активно действовали «Громада», «Уния», «Братство тарасовцев» — кружки украинской национально-демократической интеллигенции. Полтавская и Черниговская губернии были единственными районами Украины, где сохранились и продолжали свою историю «старосветские помещики», где значительным и влиятельным слоем были украинские дворяне — «шляхтичи», в большинстве своем обязанные своими титулами казачьей сабле своих предков из XVII века.

На окраине Полтавы, в предместье Павленки — «Новое строение», в полутора километрах от знаменитого поля Полтавской баталии и в 700 метрах от центральной площади «с колонной», стоял вполне сельский домишко полтавского мещанина Василия Павловича Петлюры. Происходил Василий Петлюра из того слоя «щирых» полтавских мещан, что сохранили в своей исторической памяти родовую принадлежность к вольному запорожскому казацкому сословию и неприязнь к имперским символам, смутное недовольство исторической несправедливостью двадцатилетней давности — ликвидацией вольного украинского казачества указом императрицы Екатерины Великой.

Фамилия «Петлюра» довольно редко встречается на Украине, и немногочисленные ее носители жили, в большинстве своем, в Полтаве и Полтавском уезде. Эта фамилия была явно запорожского происхождения и связана с казацкими кличками, которыми неизменно награждали казаков, принявших запорожский «постриг». Возможно, казачий предок Симона Васильевича был на редкость живучим, и казаки вытянули его еще живым из петли...

Очевидно, что далекие предки Симона Петлюры избежали перевода из вольных казаков в «крепостное состояние», осуществленного по указанию Екатерины Второй. В Полтаве в конце XIX века регистрировались две ветви фамилии Петлюра, что происходили от ратмана (советника) городской Полтавской Думы, богатого мещанина Трофима Петлюры, который жил в середине XIX века. Среди полтавских носителей этой фамилии значатся: титулярный советник, присяжный заседатель, купец...

Василий Павлович Петлюра, возможно, был правнуком ратмана Трофима Петлюры. Построив просторный дом в четыре комнаты на Загородной улице № 20, а потом и еще один домик рядом, Василий Петлюра женился на коренной полтавчанке казацкого рода Ольге Марченко. И жили они душа в душу, скромно, но с песнями.

В конце 80-х годов XIX века дела извозчика Василия Петлюры пошли в гору... он стал хозяином трех извозных «выездов», работал сам и давал работу еще двум молодым извозчикам. Через десять лет у Василия Петлюры было уже большое извозное предприятие в шесть пар лошадей и с шестью работниками. «Старый» Петлюра владел еще и десятиной доброго дубового леса неподалеку от Полтавы. И хотя соседи считали «старого» Петлюру человеком зажиточным и прижимистым, трудился он от зари до зари и

приучал детей помогать «по хозяйству». Извозчикам в Полтаве в начале века не нужно было выдерживать конкуренцию с трамваями, которых не существовало. Однако обширный клан полтавских извозчиков (человек в 40—50) не давал расслабиться «старому» Петлюре и вынуждал его постоянно контролировать свою «территорию» и не «сдавать позиций».

Василий Петлюра не «цурался» и общественных обязанностей: его несколько раз избирали судебным заседателем Полтавского уезда.

Семья у Василия Петлюры была большая, как и многие семьи полтавчан начала XX века. Жена родила ему 12 детей, трое из которых умерли еще в детстве, в 1900 году умер от туберкулеза еще один сын Иван, бурсак первого класса семинарии. После этих смертей в семье осталось три брата (и все трое были семинаристами): Федор, Семен, Александр; и пять сестер: Фрося (Ефросиния), Татьяна, Марианна, Марина, Феодосия.

Судьба братьев и сестер Симона Петлюры сложилась трагически, как у многих коренных полтавчан первой половины XX века. Старший брат — Федор Петлюра — после окончания семинарии учился в Сельскохозяйственном институте, стал агрономом, даже земским агрономом 1-й степени, работал в Кобеляцком уезде Полтавщины. Федор Петлюра был не только энергичным и знающим агрономом, но и членом тайной Украинской революционной партии. В апреле 1907 года он неожиданно и загадочно умер, а возможно, и был убит (Федора нашли мертвым у дверей собственного жилища и дознание не проводили, посчитав его умершим «от сердца»).

Младший брат Александр, 1888 года рождения, окончив семинарию, тоже не связал свою судьбу с церковью. Он поступил в военное училище... служил в армии в чине подпоручика и до 1917 года, успев повоевать на фронтах Первой мировой, дослужился до чина капитана. В ноябре 1917 года Александр Петлюра перешел под знамена Центральной Рады. В 1918—1920 годах Александр командовал батальоном личной охраны своего брата, батальоном Третьей железной дивизии петлюровцев. В 1920 году стал подполковником армии УНР. Уже в эмиграции, в Польше, Симон Петлюра своим личным указом повысил брата в звании — тот стал полковником петлюровской армии. С 1918 по 1924 год Александр находился, как говорится, «при брате». Но когда Симон уехал в Париж, Александр

остался в Польше. В сентябре 1939 года Александр сражается против вторгшихся в Польшу немцев в рядах польской армии, командуя батальоном. В 1944 году, спасаясь от ареста «советами», Александр выехал в Германию, а оттуда в Канаду. Умер он в 1951 году в канадском городе Торонто, дав своему сыну Владимиру прекрасное образование. Владимир Александрович Петлюра, которому сейчас примерно 63 года, еще преподает физику и математику в одном из колледжей Канады.

Старшие сестры Петлюры умерли молодыми: Ефросиния в 1918 году, после того как постриглась в монашки, Татьяна — на первом году своего замужества (ее мужем был полтавчанин, хозяин свечного заводика Павел Иваненко). Марина и Феодосия, оставшиеся старыми девами, были арестованы в Полтаве в 1937 году «за демонстрацию петлюровщины» и вскоре расстреляны в подвалах НКВД.

Марианна (Мариямна) Петлюра вышла за муж за полтавчанина Ивана Скрипника и родила сына Степана, который уже в 1919 году, в возрасте 21 года, служил хорунжим в петлюровской армии «при дяде». Вместе с Симоном Петлюрой Степан эмигрировал в Польшу. А уже после Второй мировой войны Степан Скрипник стал архиепископом Украинской автокефальной церкви Мстиславом, патриархом Киевским и всея Украины. Его родной брат — Сильвестр Скрипник — был так же священником, но не за кордоном, как Степан, а в Советской Украине. Сильвестр Скрипник неоднократно арестовывался, а в октябре 37-го был расстрелян вместе со своими тетками за то, что якобы создал «контрреволюционную фашистскую повстанческую организацию церковников периферии Полтавской области», которая, на удивление, была связана с «троцкистско-зиновьевским антисоветским центром»!

В роковом 1937 году расстрелян был еще один сын Марианны Петлюры и Ивана Скрипника — Андрей, работавший ветеринаром в Чернигове. Младший сын четы Скрипников, Валериан, был арестован в 1937 году и вышел на свободу только в 1952 году.

Парадоксально, но сыновья «старого» Петлюры и не думали продолжать его прибыльное извозное дело, а избрали для себя интеллигентный хлеб «властителей дум». Что же повлияло на такой выбор? Очевидно, не только набожность отца и матери, но и семейная традиция толка-

ла сынов Василия Петлюры в семинарию. Петлюры имели множество родичей духовного сана. Так, мать Василия Петлюры была игуменьей Тепловского монастыря под Феодосией, в Крыму. Дед «младших» Петлюр по материнской линии, овдовев, постригся в монахи и вскоре получил чин иеромонаха Киевского Ионовского скита. К тому же, на бursy и семинарии не распространялся известный циркуляр о «кухаркиных детях», что закрывал двери гимназий перед бедным мещанством. А «старого» Петлюру, несмотря на его «извозное предприятие» и положение «личного возника» архиерея, нельзя было назвать хорошо обеспеченным человеком. Он был не в силах оплачивать учебу сыновей в гимназии и университете.

Средний сын Василия — Семен — постоянно был на побегушках у отца: помогал запрягать и распрягать, мыть коней, заготавливать сено. В тринадцать лет Семен поступает в начальную церковную двухгодичную школу при Преображенской церкви, что находилась в Тупом переулке. В пятнадцать лет Семена отдают в духовное училище, расположенное в Полтаве на улице Колонистской, в 15 минутах ходьбы от дома Петлюры. Там кроме закона Божьего, церковной истории, катехизиса, церковного пения преподавали и светские предметы: историю, арифметику, чистописание, географию, русский, церковнославянский, латинский, греческий языки, музыку и рисование. В четырех классах полтавского училища насчитывалось тогда около 250 молодых бурсаков. В основном, это были дети из небогатых семей полтавского мещанства и сельского духовенства.

Из предметов, преподаваемых в бурсе, Семен полюбил историю и музыку. Он научился неплохо играть на скрипке, которую купил ему отец, пел в «бурсацком» хоре. Но свидетельства о бурсацкой юности молодого Петлюры на этом и заканчиваются... и не удивительно, он тогда еще не сформировался как личность, как «Симон».

О детских годах Симона Петлюры писать сложно... подводит не только крайняя скудность документов. Родился 10 мая 1879 года... Семья, школа, ребячьи забавы... Обыкновенный полтавский мальчишка с предместий, Семен ничем не отличался от тысяч своих ровесников.

В 1895 году Семен Петлюра поступает в Полтавскую духовную семинарию, где ему предстоит учиться шесть

долгих лет. Эти годы стали годами становления мировоззрения будущего украинского политика. Время это совпало с формированием на Украине новой идеологии украинского национализма, с появлением первых украинских политических партий. На полгода старше Симона Петлюры был молодой семинарист Иосиф Джугашвили — Сталин. Сталин поступил в Тифлисскую семинарию также после духовного училища, а через четыре года его изгнали оттуда... Петлюра же «продержался» в семинарии почти шесть лет и был выгнан из нее на последнем курсе.

Полтавских семинаристов надзиратели будили без десяти семь... в восемь часов утра те уже шли в церковь на молитву, в девять начинались лекции, которые продолжались до двух часов дня. После обеда было «свободное время», которое проходило как у всех юношей: за чтением книг, дружеским общением, тайным распитием горилки, ухаживанием за симпатичными девушками из епархиального женского училища, что находилось рядом с семинарией. С пяти до полвосьмого вечера в семинарии проходили занятия, после чего семинаристы отправлялись на вечернюю молитву... После молитвы воспитатели «приписывали» юношам сон, но молодость брала свое и юноши искали духовных и телесных развлечений. Кто был робок с девушками, шел в библиотеку...

Семен Петлюра не был в числе первых учеников, даже напротив — он с первых месяцев учебы попал в черный список недорослей. Все свободное время «недоросль», не особенно интересуясь семинарскими заданиями, бессистемно читал огромное количество книг по истории, модную художественную украинскую и русскую литературу. Он стал собирать и записывать в тетрадки народные украинские песни, зачитывался произведениями Ивана Франко, Леси Украинки, Тараса Шевченко, Васыля Стефаныка... Именно тогда он испортил зрение и надел очки, которые уже к 25 годам носит крайне редко, стесняясь их, хотя на нескольких фотографиях юный Петлюра запечатлен в очках. Но они не придавали революционеру решительности, а даже напротив... и Петлюра всю жизнь вынуждает себя щуриться, вглядываясь в едва различимые лица окружающих.

Карьера священника все меньше привлекает его и даже страшит. Петлюра узнает о недавнем разрешении выпускникам семинарий продолжать учебу в университетах, чем

воспользовались уже несколько его полтавских друзей... Он надеялся попасть в университет и начать «новую жизнь».

В семинарии шушукались: Петлюра — «крамольник, украинский революционер», да и к тому же второкурсник! В первый год учебы в семинарии он отставал по многим предметам и не мог никак осилить древнегреческий язык, за что был оставлен на второй год. Успокаивало тогда его родителей лишь то, что на второй год в первом классе был оставлен каждый четвертый семинарист.

Справедливости ради надо отметить, что если в первом и втором классах семинарии Семен Петлюра был в числе худших учеников, то со временем он стал догонять своих товарищей, и в старших классах стал достойным учеником.

Трехэтажное величественное здание семинарии находилось рядом с бурсой, на той же улице. Семинария имела 6 классов и 13 отделений, она была переведена в Полтаву из уездного Переяслава в 1862 году и стала одним из главных центров культурной жизни города. В ней преподавали такие знаменитости, как украинский писатель И. Нечуй-Левицкий, композитор Г. Гладкий... Выделялся своей харизмой и крутым нравом престарелый ректор И. Пичета... Свое ректорство он совмещал с руководством епархиальным братством и обязанностью цензора «Полтавских епархиальных ведомостей».

Набору преподававшихся в семинарии дисциплин могут позавидовать современные университеты: французский, греческий, латинский языки, история литературы и языкознание, общая и российская история, логика, философия и психология, физика и математика, рисование и специальные церковные предметы. В Полтавской семинарии учились известный поп Г. Гапон, писатели П. Капельгородский и Г. Маркевич, историк академик А. Левицкий, статистик П. Бодянский...

Количество семинаристов доходило до 500 человек, причем около половины из них были из других регионов империи и даже из других стран. А великолепная библиотека семинарии, что насчитывала около 7 тысяч томов, была притягательной для многих интеллигентов Левобережной Украины. В этой библиотеке каким-то чудом сохранилось знаменитое на всю Украину Пересопницкое Евангелие XVI столетия, на котором ныне присягают президенты современной Украины.

Воспитывая семинаристов в «монархическом, великорусском, православном духе», преподаватели каждый год водили юношей на поле Полтавской битвы, где возвышалось несколько памятников над могильными курганами павших. История была где-то рядом, о ней взалоб говорили учителя, и главным бранным словом было «мазепец», с обязательной приставкой «изменник». Причем Карл XII и его шведы «отделялись» легкой укоризной, павшим шведским воинам был даже поставлен красивый памятник, а вот украинским казакам доставалось за все... Семен Петлюра, уже многократно слышавший легенды и про отмороженный нос Карла XII, и про головореза-вурдалака Мазепу, почти не воспринимал происходящего. Думы его были далеко во времени, возможно, он воображал себя запорожским атаманом на гнедом скакуне с острым турецким ятаганом, который изменяет своим полководческим талантом ход баталии и пленяет «ненавистного долговязого Петра».

Уже с весны 1898 года в семинарии начали появляться запрещенные, но этим и притягательные, книжки, изданные за кордонами Российской империи: львовский «Литературно-научный вестник», «женевские» брошюры полтавчанина Михаила Драгоманова. Девятнадцатилетний Семен Петлюра, уставший от катехизисов и литургий, с жадностью набрасывается на запрещенную литературу, запоем читая нудные политические творения от корки до корки. Его привлекала таинственность этой импортной литературы и загадочный город Львов — Лемберг в австрийской Галичине, где она печаталась. Львов, который многим тогда казался главным украинским центром! С появлением в семинарии подобной литературы сформировался и узкий кружок ее читателей, человек 30—40 семинаристов вторых—шестых классов, которые организовали тайную студенческую «Украинскую громаду» (общество), куда немедленно вошел и Семен Петлюра.

Весной 1900 года Семен вступает уже в «настоящую» антигосударственную партию — Революционную украинскую партию, сокращенно РУП, основанную в феврале 1900 года в Харькове на тайном съезде представителей украинских студенческих организаций. Партия была молодой, и 90 процентов ее членов составляли студенты и семинаристы. Лидером ее стал Дмитрий Антонович — двадцатидвухлетний профессорский сын из Киева, студент

Харьковского университета. Демократия, конституция, нация, республика, равенство, свобода, передел земли, автономия Украины — лозунги эпохи стали звучными лозунгами новой партии.

Семинаристская «громада» Полтавы сразу же рекрутировала в РУП до 20 юношей вторых—шестых классов. Среди них оказались будущие лидеры РУП: Симон Петлюра, Микола Гмыря, Иван Сидоренко, Константин Шавревский, Александр Мишта, Сергей Андреевский... Уже с первых «партийных» шагов за всеми юношами велась слежка, и их участие в «тайной организации» не было секретом для полтавской полиции.

В Полтаве семинаристов-руповцев взяли под опеку старшие партийные «товарищи»: Николай Михновский, статский советник Гнатевич, украинские дворяне Кучерявенко, Шемет и Кохановский. На квартире у Аркадия Кучерявенко собиралось несколько десятков молодых руповцев и хранилась запрещенная литература. Они готовили себя к борьбе и начинали практиковаться в агитации среди гимназистов и ремесленников Полтавы.

На «тайные» вечера молодых подпольных руповцев приходил известный украинский писатель Панас Мирный, там читали запрещенную литературу, пели песни, спорили... Развитие национального самосознания — вот что беспокоило членов РУП. Ведь даже в украинском городе Полтаве мало кто думал тогда о «воле Украины», а в южных и восточных городах Украины с их «разноплеменностью» украинских патриотов было и того меньше.

Особое влияние на семинаристов имел учитель пения и хормейстер «украинофил» Иван Ризенко, именно он привил семинаристам «украинские национальные настроения», разучивая казацкие думы и песни Шевченко. Песня на Украине, за неимением бесцензурного печатного слова, стала главным пропагандистом украинских идей. Она была лирической, родной и могла объединить, пусть на время, самых разных людей.

Ходили по рукам семинаристов и рукописные запрещенные стихи Шевченко, различные агитационные брошюры и воззвания, подцензурный журнал «Селянин», и даже социал-демократическая «Искра». (Та «Искра», что издавалась Лениным «и компанией» с 1900 года за кордоном. Кстати, и группа социал-демократов «искровцев» достаточно активно действовала в полтавской глубинке.)

В феврале 1900 года в Полтаву приехал молодой харьковский адвокат, советник городской Думы Харькова Ни-

колай Михновский. Приехал он не просто, а с тайной, далеко идущей миссией — попытаться организовать в Полтаве борьбу за самостоятельность Украины.

Справка: Михновский Николай (1873—1924) — из дворян Полтавской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета. Политический деятель, публицист, идеолог украинского национализма, автор ряда политических трактатов. Один из лидеров РУП и Украинской народной партии. Активный участник политической жизни в Украине в 1891—1918 гг. Отошел от политики в конце 1918 г. Покончил жизнь самоубийством в советском Киеве.

На празднике в Шевченковские дни, когда на квартире либеральной семьи Русовых пели песни, пили горилку и спорили о будущем, Михновский провозгласил свой знаменитый манифест — манифест «Самостийна Украина», который стал катехизисом украинского национализма. Этот манифест поразил и взволновал Петлюру, а идеи «Украины — для украинцев», «Украины — от Вислы до Каспия», «кровавой борьбы против москалей», «сохранения и не смешиваемости украинской крови», которые пропагандировал тогда Михновский, шокировали своей узколюбостью и фанатизмом даже молодого украинофила. Уже через несколько лет «оперившийся» Петлюра подвергнет их нелицеприятной критике как «шовинистические», «нездоровые». Пути их разойдутся...

«Национализм крови» Михновского привлечет ограниченное число сторонников, которые через несколько лет попытаются взорвать памятник А. С. Пушкину в Харькове, мстя русскому поэту за поэму «Полтава»...

В январе 1901 года в Полтаву, вместе со своим хором, приехал пятидесятидевятилетний полтавский дворянин, основоположник украинской национальной музыки, композитор и общественный деятель Николай Лысенко. Его оперы и песни отражали героическую историю Украины, воспевали казацкие времена. Выступления хора Лысенко на Украине были своеобразной агитацией, украинской фрондой. Так, выступая в Полтаве, хор Лысенко исполнил запрещенный украинский гимн «Ще нэ вмэрла Украйины ни слава, ни воля...» Слушатели, в большинстве украинские патриоты, оглушили зал громом оваций, а после концерта вынесли композитора из зала на руках «как нового Кобзаря».

Семинаристы тайного кружка, без разрешения начальства, пригласили Лысенко в актовыв зал семинарии послушать в исполнении хора семинаристов его собственное запрещенное цензурой сочинение — кантату «Бьют пороги», причем дирижировать должен был Семен Петлюра. Петлюра подготовил и вступительную речь в честь композитора. Николай Лысенко с радостью принял приглашение и явился в семинарию, не предупредив о своем визите ректора Ивана Пичету. Однако ректор узнал о появлении композитора и неожиданно нагрянул в зал, где собрались «тайные» хористы.

Разгневанный самоуправством и «подпольностью» мальчишек, ректор накинулся на Лысенко с бранью, упрекая композитора в «подстрекательстве к развращению юношества» и в «мазепенской интриге». За сегод композитора вступился тогда Петлюра, заявив, что Лысенко — почетный гость семинаристов, гордость Украины и его никому не позволено оскорблять... Вечер был испорчен, так же, как настроение обиженного композитора... Петлюра и его товарищи извинились перед Лысенко и проводили его до дома, где остановился композитор...

Казалось бы, незначительное событие... но с него начался конфликт Семена Петлюры с руководством семинарии, который вскоре привел Петлюру к исключению из учебного заведения и круто изменил его судьбу.

Надо отметить, что набожные родители и приятели Семена пытались бороться за его «карьеру» священника... Известный в Полтаве общественный деятель Николай Дмитриев обратился к своему важному другу в Петербурге — молодому чиновнику государственного контроля Алексею Лотоцкому, чтобы он похлопотал в «синодальных столичных сферах» за горячего провинциального юношу. Лотоцкий пробовал хлопотать в Синоде, однако это не помогло. Тогда он обратился к своему коллеге — князю Абашидзе, который был ректором Тифлисской семинарии (в дальнейшем архиепископ Таврический), с просьбой дать Петлюре возможность продолжить образование в Тифлиссе. Князь Абашидзе, хотя и сам был умеренным грузинским националистом, не хотел идти на открытый конфликт с Синодом, да еще из-за какого-то «малороссиянина» мешанина. Путь к дальнейшему образованию для Петлюры был закрыт. Оставался прямой путь — в революцию...

Отец Семена еще пробовал обращаться за помощью и к архиерею Иллариону, которого часто и бесплатно возил

на своих дрожках. Благодарный Илларион согласился помочь в том случае, если Семен прекратит «заниматься революцией». Вызвав к себе молодого строптивца, Илларион потребовал от Семена отречься от своих «заблуждений», пожалеть старого отца, признать свою «провину».

При условии раскаянья Семена могли еще оставить в Полтавской семинарии. Но когда архиерей спросил Петлюру, обещает ли он исправиться, обещает ли он больше не подвергать свою душу «сатанинским искусам» политики и революции, Петлюра отрезал, заявив, что ему идеи революции дороже, чем семья и церковь, и что от своих убеждений он не отречется...

Позднее его товарищи напишут в воспоминаниях о том, что Семен Петлюра был признанным лидером в семинарии и умел убеждать товарищей без настырности и криков. Петлюра, несмотря на свою «обыкновенность» и отсутствие внешнего лоска, отличался достаточным самолюбием, чтобы не участвовать в юношеских попойках, драках, набегах на чужие сады и огороды... Он долго держался особняком, как бы догадываясь о своем будущем предназначении. Он был уже тогда «идейным» и любил постоянно что-то организовывать...

В бурсе, а потом и в семинарии за Петлюрой закрепилась «библейская» кличка Симон-зилот. В старших классах семинарии Семен стал все чаще называть себя романтично, на «французский манер» — Симоном, возможно, памятуя об «освободителе народов Латинской Америки» Симоне Боливаре. В его поведении чувствовалась некая театральность, и не только потому, что юный Симон любил театр, сам играл в семинарских спектаклях, руководил хором, пытался писать пьесы, то есть «имел склонность к искусству»... Семен-Симон уверовал в некое свое предназначение, в то, что ему суждено сыграть важнейшую историческую роль или погибнуть за народ...

Симон уже давно стал подумывать о дальнейшей учебе в университете в Харькове или Киеве. Его тяготила даже мысль о карьере священника. Да и с религией у Симона складываются непростые отношения. Вся «прогрессивная» молодежь начала XX века кичилась своим показным атеизмом. Безверие стало модным вызовом поколению отцов и системе. Русские философы, отвечая на запросы интеллигенции, старались отыскать иного, неканонического Бога. Петлюра тоже пустился на поиск истины...

Хотя Симон веру в Бога-Творца сохранил на всю жизнь, однако казенная и двуличная атмосфера семинарии навсегда отвратили его от официальных церковных структур. К тому же Петлюра, как и большинство социалистов, считал официальную церковь «прислужницей самодержавия и русского империализма». Двойственность его характера проявлялась и в дальнейшем, когда Симон в субботу мог посещать масонскую ложу, а в воскресенье ходить в церковь Московского патриархата, к заутрене, в понедельник же выступать в Центральной Раде против «русификаторской политики» церкви.

Вместе с тем Петлюра был, наверное, единственным деятелем Центральной Рады и Директории, который заявлял, что церковь необходима для воспитания народа. В годы гражданской войны украинские социалисты (Винниченко и К°) систематически критиковали его за «пристрастие» к церковным молебнам и введение в войсках военного духовенства.

Очевидно, в июне или июле 1901 года Петлюра был отчислен из Полтавской семинарии и для него началась взрослая и мятежная новая жизнь. Он готовил себя на роль «профессионального революционера». «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского показала провинциальному юноше дорогу в иную, легендарную, жизнь, где постоянный риск, жертвенность, благородство служат построению нового идеального общества. Политическая наивность была характерной чертой эпохи.

Другие семинаристы, участники конфликта с композитором, отделались легким испугом — были строго предупреждены ректором... А Симон был изгнан — в революцию!

ГЛАВА 2

МЯТЕЖНЫЕ ГОДЫ СКИТАНИЙ

1902—1908 гг.

Исключенный из полтавской семинарии Симон Петлюра оказался в категории отверженных людей с «волчьим билетом». Именно из таких юношей, изгнанных из университетов, семинарий, институтов, формировались «кадры профессиональных революционеров». Они были выбиты из колеи, они не видели возможного приложения своим бурлящим силам. Изгнанные из университетов: Ленин, Винниченко, Пилсудский... исключенный из семинарии Сталин... бросивший университет Троцкий... Этот горячий материал требовал «всего и немедленно», молодые максималисты мечтали разом перевернуть мир, прекратить все беды и несправедливости общества.

Уже через несколько недель после своего изгнания из семинарии Петлюра становится делегатом (от полтавских семинаристов) Всеукраинского студенческого съезда, который полуподпольно прошел в Полтаве.

Двадцатитрехлетнему юноше положено было самому зарабатывать на свой хлеб, и Петлюра выбрал самый распространенный в среде бывших студентов путь — репетиторство. Известно, что долгое время Петлюра репетиторствовал в семье полтавского купца Виноградова. Он был хорошо принят в купеческом доме, завязал приятельские отношения с главой семейства... Мечтая об учебе в университете, Петлюра зиму 1901—1902 годов посвятил подготовке к сдаче экстерном экзаменов за семинарский курс и поступлению в Киевский университет. Однако этим мечтам не суждено было сбыться, Петлюра так и не сдал экзамена за семинарию. Да и очень ли он этого хотел? К «семинарским» наукам у него не было особого рвения. Его манили и иные горизонты, иные экзамены. Революция! Именно она наполняла серенький, обывательский мирок мерцающим светом «правды и справедливости».

Оппозиционная молодежь Полтавы — человек пятьдесят-шестьдесят — сходилась для «революционных бесед» в городском саду или в доме у семинариста Камличенкова. Частенько к полтавским хлопцам присоединялись и выгнанные за «политику» из учебных заведений студенты. Таких студентов власти выселяли под полицейский надзор, подальше от столиц, университетских городов, рабочих центров. Полтава соответствовала этим требованиям... Петлюра с завистью смотрел на «заслуженных» революционеров в университетских форменных куртках.

Весной 1902 года всегда тихая Полтавская семинария неожиданно оказалась центром волнений. Семинаристы восстали против системы шпионства, слежки, взяточничества, насаждаемой администрацией семинарии. В числе требований, которые были изложены в специальной петиции, подписанной 200 учащимися, были и такие: отстранить ненавистных кураторов-надзирателей, изменить застарелые методы учебы, модернизировать программы обучения, ввести обучение по некоторым дисциплинам на украинском языке. «Бунт» выразился в битье окон, мебели, в глумлении над нелюбимыми преподавателями... В нем принимали участие, в основном, дети бедных сельских священников, их тогда называли Иисусовой пехотой. Выступление казалось стихийным взрывом, но в действительности было подготовлено тайной Украинской громадой и лично членом Революционной украинской партии Симон Петлюрой.

Однако бунтовщики не добились выполнения своих требований. Власти решили запугать семинаристов. Около пятидесяти участников «безобразий» было исключено из семинарии, пополнив ряды революционной молодежи. Преподавание в семинарии на некоторое время приостановили. Покинул свой пост как «не справившийся с молодежью» ректор семинарии Иван Пичета.

Изгнанная из семинарии «боевая» молодежь разъезжалась по своим родным селам, чтобы на местах «творить революцию».

Именно весна 1902 года стала временем возникновения мощного стихийного крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губерниях. Старики в восставших селлах не помнили, чтобы их односельчане бунтовали последние сорок лет. Но в 1902 прорвало... Причиной этому была засуха лета 1901 года и страшный недород. К марту 1902 года десятки тысяч крестьянских семей оказались без

всяких запасов продовольствия и денег, а их скот — без каких-либо кормов.

Бунт начался в марте 1902 года среди крестьян Полтавской губернии. Он выражался в захвате продуктов и фуража со складов помещиков, в разгромах и поджогах имений, в самочинной запашке помещичьей земли. Вскоре восстание перекинулось и на Харьковскую губернию, а в «беспорядках» участвовало уже более 300 сел. Разгрому подверглось около 120 помещичьих усадеб и экономий. Революционная украинская партия, ориентирующаяся, в основном, на украинское крестьянство, при первых же известиях об «аграрных беспорядках» направила в села Левобережной Украины (Украина к востоку от реки Днепр: Черниговская, Полтавская, Харьковская, часть Екатеринославской и часть Таврической губерний) своих агитаторов-«партийцев». В Полтаве РУП издала несколько листовок с призывами к крестьянскому восстанию и две агитационные книжечки для крестьян.

Петлюра как партийный агитатор выезжает в полтавские села, на некоторое время даже поселяется в селе Решетилловка Полтавского уезда. Тогда, в апреле 1902 года, «старший партиец» — Андрей Ливицкий, называвший себя акцизным чиновником, приехал в Решетилловку для «начала революции». Вместе с ним в село прибыл «полтавский десант» — Симон Петлюра и еще пять бывших полтавских семинаристов. Прибывшие устроили митинг, собрав решетилловскую молодежь, однако стихийный бунт так и не перерос в революцию.

В мае «беспорядки» были жестоко подавлены властью. Каратели ввели в села массовые порки «провинившихся», причем около 5 тысяч крестьян из 17 сел выпороли прилюдно. Несколько десятков крестьян погибло в столкновении с войсками и полицией.

После подавления крестьянских бунтов полиция заинтересовалась «подстрекателями». В Полтаве прошли аресты «подозрительных», преимущественно молодежи из полтавской организации РУП. Партийцы вынуждены были или бежать из города, или затаиться, свернуть работу организации. Петлюра, боясь ареста и «заметая следы», бежит с Полтавщины на далекую Кубань, в станицу Смоленскую, вместе со старым другом Прокофием Понятенко, по кличке Хома Брут.

Справка: Понятенко Прокофий Дмитриевич (1878—?) — полтавчанин, друг Симона по семинарии. Носил псевдоним Хома Брут. Писатель и журналист, публиковался с 1900 г. Член РУП, в 1917—1918 гг. — член Центральной Рады, член Киевского исполкома Советов, заместитель секретаря (министра) внутренних дел, директор канцелярии министерства, посол УНР при Кубанской Раде.

Кроме Петлюры и Понятенко на Кубань бегут еще с десяток молодых полтавчан — членов РУП и революционеров, которые были замешаны в агитации в бунтующих полтавских селах. Почему именно на Кубань? Кубань была уже не «подозрительная» Украина. Кубань в то время была спокойной, консервативной, лишенной революционных «вспышек» землей. Тут украинских революционеров поначалу никто не разыскивал... Да и некоторая автономия Кубанского войска открывала перспективы для сохранения ядра полтавского РУП. К тому же Кубанское казачье войско для украинских революционеров сохраняло притягательность. Ведь большая часть казаков этого войска происходила с Украины, и к тому же могла похвастаться прямым происхождением от буйных казаков-запорожцев — мятежного войска XVI—XVII веков.

Справка: в начале XX века население Кубанской области (39 тыс. кв. км) состояло на 47% (1 млн 250 тыс. человек) из выходцев с Украины, преимущественно потомков украинских запорожских и реестровых казаков. Район между Екатеринодаром и Ростовом был наиболее украинизованным — до 60% населения составляли украинцы. Еще в 1788 г. Екатерина Вторая начала переселять бывших запорожцев из Черноморского «верного» казачьего войска. Тогда около 20 тысяч казаков переселилось с украинских степей на Кубань. Казакам были предоставлены обширные плодородные земли, привилегии и автономия. В 1799 г. на Кубань переселили «бродяг малороссийских (украинских)», в 1808—1820 гг. — 40 тысяч «малороссийских казаков», в 1821—1850 гг. — еще 50 тысяч украинцев с Полтавщины и Черниговщины, в 1862 году переселено несколько тысяч казаков (украинских) Азовского казачьего войска. К украинским казакам-«черноморцам» было присоединено и Линейное казачье войско, состоящее из русских донских казаков. В 1860 г. Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское. В 60—80-х гг. XIX века на Кубань переселяется более 200 тысяч украинских крестьян. Вместе с семьями кубанских казаков на 1912 год числилось 1 миллион 392 тысячи человек.

В «украиноговорящую» станицу Смоленскую Петлюра и Понятенко приезжают к хорошо знакомому местному

учителю Константину Бескровному (правнуку атамана Кубанского войска). Этот учитель был членом РУП, взятым украинофилом... он встретил беглых единомышленников «как родных»...

Кроме того, «полтавские беженцы» попадают под опеку еще одного «украинофила», Алексея Левитского, который служил инспектором народных школ на Кубани. Поддерживает Петлюру и Степан Эрастов — кубанский публицист, тайный член РУП.

Поработав в станице Смоленской учителем начальной школы, Петлюра перебрался в центр Кубани — Екатеринодар (Краснодар), где устроился учителем Екатеринодарского начального городского училища.

Помимо страсти революционной, и у Петлюры, и у его друга Понятенко была еще одна страсть — к писательству. Оба они атаковали своими статьями и заметками не только отечественные, но и зарубежные издания, оба, связавшись со Львовом (территория Австро-Венгерской империи), направляли за границу свои первые юношеские «опусы». Именно во Львове, в «Литературно-художественном вестнике», что издавался там украинскими демократами, выходит в 1902 году первая статья Симона Петлюры. Она посвящена положению народного образования и медицины на Полтавщине. Вскоре в том же журнале появляется статья Петлюры о народном образовании в России.

С этого момента Петлюра мечтает о карьере профессионального журналиста. С журналистикой он связал около пятнадцати лет жизни, почти половину всей своей сознательной жизни!

Начинает он с того, что делает огромное количество выписок из биографии Шевченко, книг по истории, этнографии, из статистических сборников. Он интересуется религиозными вопросами, новинками украинской литературы, пишет статьи. Кумиром для Петлюры с 1903 года становится «однопартиец» — двадцатитрехлетний украинский писатель Владимир Винниченко.

В годы «кубанской эмиграции» Петлюра печатается в местных газетах: «Вестник Казачьих войск» и «Донская речь», в львовских изданиях: «Добра новына» («Хорошее известие»), «Праця» («Труд»), «Гасло» («Лозунг», заграничное издание РУП), в киевском толстом журнале «Киевская старина». Увлечение историей привело Петлюру и на

заседания «Общества любителей изучения Кубанской области».

«Полтавские беженцы» ошибались, считая, что на Кубани вездесущая царская охранка их не найдет. Проверка департаментом полиции лояльности кубанских жителей приводит к тому, что Кубанское жандармское управление получает компрометирующие материалы о политической неблагонадежности учителя Семена Петлюры. Его немедленно освобождают от должности, запретив преподавать в каких-либо в учебных заведениях. В декабре 1903 года Полтавское охранное отделение провело широкие обыски, вскрыв сеть РУП и Украинской громады в Полтавской семинарии, выяснив их причастность к революционной пропаганде в бунтовавших селах. Арестованы были преподаватель реального училища Михаил Гнатевич, учитель Сидоренко, которые «воспитывали» полтавскую революционную молодежь, а также был задеожан транспорт запрещенных украинских изданий, около 4 тысяч книг и брошюр, что прибыл на Полтавщину из Львова.

На волне полтавских арестов в том же декабре 1903 года произошел обыск на квартире в Екатеринодаре, комнаты в которой снимали друзья-полтавчане Петлюра и Понятенко. В 12 часов ночи в квартиру учителя женского института, у которого квартировали друзья, ворвалась полиция. У постояльцев были изъяты все бумаги и книги на «малорусском языке». Но ничего революционного полицейские при обыске не смогли найти, поэтому «подозрительные» Петлюра и Понятенко тогда остались на свободе.

Но свобода сопровождалась безработицей и нищетой. Помощь пришла неожиданно, когда Петлюра уже отчаялся найти работу...

Посещения Петлюрой своеобразного фрондирующего исторического клуба — «Общества любителей изучения Кубанской области» — не пропали даром. На заседаниях общества Петлюру заметил известный исследователь истории казачества, писатель Федор Щербина, которому было поручено самим казачьим Кубанским атаманом создать Комиссию по изучению казацких архивов и доверено написать подробную историю подвигов Кубанского казачьего войска.

Справка: Щербина Федор Андреевич (1849—1936) родился на Кубани в семье священника, происходившего из запорожских казаков. С 70-х гг. XIX ст. участвовал в народническом движении, однако после ссылки отошел от активной революционной деятельности. Земский статистик и экономист, украинофил. С 1904 г. — член-корр. Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук. Депутат Второй Государственной Думы, близок к партии народных социалистов. Владел 190 десятинами земли на Кубани. Умер в эмиграции.

Наказной атаман Кубанского войска Яков Малама, происходивший с Украины, был также тайным украинофилом и разрешал Щербине некоторые политические вольности. Грамотных и пишущих людей на Кубани тогда было немного, и Щербина приглашает Петлюру в свой «научный коллектив», где работало всего пятеро сотрудников.

Федор Щербина, предлагая Петлюре место в своей комиссии, прекрасно знал, что Петлюра — «украинский революционер». Но Щербина бравировал своей независимостью, был экономически свободным, богатым человеком, «боевым» казаком и не боялся взысканий. В бурном 1905 году Щербина создаст в Екатеринодаре украинофильскую «Кубанскую Радугу», оппозиционную царскому строю.

Члены комиссии Щербины разобрали старинный архив Кубанского войска, состоящий из 200 тысяч папок, в которых находилось до 200 миллионов страниц «дел» Черноморского и Кубанского войск. Некоторым документам архива было более ста лет, и писаны они были на своеобразном украинско-российском казацком диалекте. Гигантская работа по изучению архива была завершена и на свет появились три тома истории Кубанского войска, каждый объемом примерно по тысяче страниц.

Когда работы по разбору архива закончились, Федор Щербина оставил в комиссии только двух работников, для помощи в написании книги... один из них был Петлюра. Летом 1904 года «подающего надежды публициста» Петлюру пригласили отдохнуть на собственном хуторе Щербины, что находился на берегу моря. Два летних месяца 1904 года стали для Петлюры, возможно, самыми счастливыми в его жизни. Он был молод, полон надежд и сил, на хуторе была хорошая библиотека, великолепный стол и красное местное вино. А маленькое «княжество» Щерби-

ны состояло из гор, степи, моря и ласкового солнца. Под ним иногда Петлюра даже забывал о своих «революционных прегрешениях». Но полиция хорошо работала и запоминала все...

Еще в 1903 году Петлюра, Бескровный, Эрастов, Ткаченко и Понятенко основывают в Екатеринодаре подпольную «Черноморскую вольную громаду (общество)» как кубанский филиал РУП. Но это общество очень скоро попадает под пристальное внимание полиции, которая обратила внимание на деятельность доселе неизвестной тайной организации, начавшей распространять на Кубани литературу на украинском языке и самодельные революционные листовки.

Пока Петлюра отдыхал на приморском хуторе, в Екатеринодаре полиция арестовывает приятеля Петлюры — политического поднадзорного Ткаченко. Во время обыска у него были обнаружены 118 свеженапечатанных революционных листовок РУП к кубанским казакам и записку «партийного содержания» за подписью «Симон».

Обыск на квартире Петлюры дал главную улику противозаконной деятельности — найден гектограф и установлено, что революционные листовки печатались именно на нем.

По возвращении в Екатеринодар Петлюру арестовывают. Больше месяца он находится в Екатеринодарской областной тюрьме. Следствие шло своим чередом и ничего хорошего Петлюре не сулило. Однако законы 1904 года были достаточно либеральными и предполагали временное освобождение под залог после взятия на поруки. Именно этим воспользовались ходатаи по делу Петлюры: Щербина и родственники Петлюры. Симон был выпущен на поруки до суда, под крупный денежный залог. Его отец был вынужден продать свою десятину леса, чтобы выгнать любимого сына из тюрьмы. Вновь оказавшись на свободе, Петлюра решает немедленно бежать с Кубани за границу. К плану Петлюры целиком присоединился Понятенко, и они вдвоем тайно направляются в Киев, в известный им центр Революционной украинской партии.

Однако РУП, после арестов 1902—1903 годов, переживал не лучшее время перманентных расколов. Вначале от него отходят непримиримые националисты — группа Михновского, образовав крохотную Украинскую народную партию, далее — группа Ярошевского, образовавшая

такую же малочисленную Украинскую социалистическую партию.

Интеллигентный юноша в очках с редкой светлорусой бородкой, Петлюра вовсе не походил на уверенного и харизматического будущего вождя украинского войска. Он был молодым, неизвестным, рядовым «провинциальным товарищем». Тогда партийным товарищам Петлюра запомнился тем, что много курил, бедно одевался и любил ходить на всяческие бесплатные лекции и собрания.

В конце октября 1904 года Петлюра и Понятенко, оказавшись в Киеве, обратились к члену ЦК РУП Николаю Поршу за помощью в нелегальном пересечении границы и за рекомендациями к львовским товарищам.

Справка: Порш Михаил Владимирович (1879—1944) родился в немецко-еврейской семье в городе Лубны на Полтавщине. Учился в Киевском университете, вошел в кружок РУП. Выбился в лидеры киевской группы. В 1905 г. находился в эмиграции, во Львове. Если до середины 1904 г. в РУП лидирует Дмитрий Антонович, то к 1905 г. место лидера занимает Порш, который создает новую программу РУП, стремясь переориентировать агитацию партии с крестьянства на рабочих. В 1906 г. он возглавил УСДРП. Занимался кооперативным движением. В 1917—1918 гг. член ЦК УСДРП, глава Украинского Совета рабочих депутатов, член Центральной Рады, военный министр и министр труда Украинской республики. В 1920 г. отошел от активной политической деятельности.

После бегства Петлюры с Кубани на него началась охота, полиция объявила всероссийский розыск, поэтому партия решает дать возможность Петлюре перейти границу, временно эмигрировать в Галичину, где находился заграничный комитет партии.

В конце ноября 1904 года Петлюра и Понятенко пересекают границу между Российской империей и Австро-Венгрией и оказываются в Галичине.

Справка: Галичина (Червона (Красная) Подкарпатская Русь) — историческая часть Украины, которая с конца XVIII века, после разделов государства Речь Посполита, попала под власть Австро-Венгерской империи. К 1905 году население Галичины составляло более 5 миллионов человек (из них украинцы — 3 миллиона 550 тысяч), а территория — около 53 тысяч квадратных километров. В начале века множество украинских политических, культурно-просветительских, кооперативных организаций работали над тем, чтобы распространить идею украинской независимости среди народа. Определенные успехи в

этом направлении привели часть украинской интеллигенции к мысли о том, что Галичина, с ее развитым национальным самосознанием, выполняет миссию «итальянского Пьемонта» — итальянской области, откуда пошел процесс объединения Италии. Петлюра не разделял идеи «Галицкого Пьемонта» — идеи особой направляющей роли Галичины в процессе объединения и освобождения Украины.

В декабре 1904 года, на улицах Львова — по-немецки Лемберга — появляется молодой гражданин, чье происхождение выдавало в нем не местного жителя, — Святослав Татон (партийный псевдоним Петлюры).

Во Львове уже находилась группа украинцев — человек сорок революционеров и украинских оппозиционеров, бежавших с Российской Украины (Антонович, Винниченко, Ткаченко, Канивец, Меленевский, Скоропис-Йолтуховский, Голицинский...)

Кризис в РУП как раз совпал с приездом Петлюры во Львов. Репрессии 1902—1903 годов против РУП, разгром большинства его центров привели к ослаблению влияния партии на Украине. РУПовский лозунг «Движение — все, конечная цель — ничто» не предполагал разработки серьезной позитивной программы. Идеологический и организационный кризис привел к новому разделу РУП на три фракции. Основатель РУП Дмитрий Антонович и члены Харьковской группы хотели «слиться» с Российской социал-демократической партией — РСДРП (меньшевики) на правах областной автономной организации; Ткаченко и Меленевский ратовали за полное соединение с РСДРП (меньшевики). Вскоре эта группа организовала Спилку (союз) украинских социал-демократов и вошла в партию российских меньшевиков. Третья группа — Порша и Винниченко — выступала за сохранение в Украине самостоятельной социал-демократической партии.

В декабре 1904-го чрезвычайная конференция РУП, собравшаяся во Львове, в которой участвовал и Петлюра, должна была разрешить затянувшиеся споры. Петлюра тогда впервые выступал на партийном форуме. Он стоял на позиции сохранения самостоятельной украинской организации эсдеков... Но раскол произошел... Единая РУП, в которой насчитывалось до 6 тысяч членов, разделилась. Сторонники слияния с российской меньшевистской партией, преимущественно члены заграничного комитета, оставили конференцию, отказавшись от союза с «независимыми» и от дележа партийного имущества. К этой группе

перешли партийная касса, архив, библиотека, склад литературы.

Существуют неясные указания на то, что Петлюра принял участие в какой-то внутривнутрипартийной авантюре. Есть сведения, что часть так и не поделенной партийной собственности «революционным способом» отбирают у сторонников объединения с РСДРП три «боевика», среди которых был замечен и Петлюра. Что за «революционный способ» был применен Петлюрой, можно только догадываться...

После того как большинство «заграничных» руповцев откололось от «независимых», двадцатипятилетний Петлюра становится заметной фигурой в поредевшем РУП. В 1904 году печатные органы партии редактировали Дмитрий Антонович и Николай Порш. Однако Порш нелегально выехал делегатом на съезд РСДРП, а Антонович уехал из Галичины на Украину. Редактирование партийных изданий: «Праці» («Труда»), ежемесячника «Селянин» («Крестьянин») — перешло к Симону Петлюре. С марта по октябрь 1905 года Петлюра редактирует эти издания, а также печатается в газете галицких социал-демократов «Воля».

Украинские социал-демократы, приехавшие в Галичину с российской Украины, не особенно дружили с местным украинским политическим бомондом. Большинство украинской интеллигенции Галичины было людьми умеренных буржуазных взглядов, они не одобряли связи украинских социал-демократов с российскими единомышленниками, т. к. считали что не социализм, а национализм необходим Украине и нужно бороться не за социальную революцию, а только за государственную независимость Украины. В молодых руповцах галицких политиков пугал революционный экстремизм и отрицание незыблемости частной собственности. Непримиимые руповцы сотрудничали только с социал-демократической партией Галичины, что была немногочисленной и маловлиятельной группой.

У Петлюры были более умеренные взгляды, и поэтому он смог сойтись с либеральными галичанами. Петлюра остается автором либеральных «Литературно-научного вестника» и «Записок Научного товарищества имени Т. Шевченко», общается с живым классиком украинской литературы Иваном Франко, с лидером либералов Михайлом Грушевским, часто бывает у них...

Владимир Левинский вспоминал, что Петлюра «не принадлежал к фанатикам партии». И хотя он в те годы запоем читал произведения «Ильина» — В. Ленина, «Бельтова» — Г. Плеханова, Петлюра прежде всего пытался наладить дружеские отношения с выдающимися деятелями различных групп украинского движения. Именно эти его качества, выработанные в Галичине, пригодятся Петлюре в его дальнейшей жизни. Много дали ему и 90-часовые курсы в львовском подпольном украинском университете.

Тем временем в январе 1905 года в России начинается революция, о которой мечтали руповцы вот уже пять лет. Массовые политические рабочие и студенческие забастовки января—марта 1905 года всколыхнули страну. Революционный взрыв грозил вооруженным восстанием на флоте и в войсках.

В мае 1905 года Дмитрий Антонович неожиданно заявил, что порывает с «автономизмом» и хочет созвать новую конференцию РУП для воссоединения ее рядов. Но Винниченко и Петлюра недовольны тем, что Антонович объявлял «национальный вопрос несуществующим».

Петлюра нелегально приезжает на Левобережную Украину на новую конференцию РУП как представитель руповского зарубежного центра. Хотя конференции и удалось на несколько месяцев сохранить РУП от полного развала, в целом процесс оказался необратимым.

В октябре 1905 года в Российской империи была провозглашена политическая амнистия. Из львовской эмиграции в Киев в ноябре—декабре 1905 года возвращаются Симон Петлюра, Владимир Винниченко, Прокофий Понятенко и многие другие руповцы. На Втором съезде РУП (Киев—Полтава, декабрь 1905 г.) было констатировано окончательное саморазрушение этой организации. Большая часть партийцев решает сохранить партию под измененным названием — Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) — и принять новую марксистскую программу. Но наряду с марксистской фразеологией съезд включает в программу указание на необходимость борьбы за автономию Украины с отдельным украинским законодательным парламентом. На съезде Петлюра был выбран в ЦК УСДРП.

На том же съезде у Петлюры произошел и первый конфликт с одним из лидеров новой партии Владимиром Винниченко. Винниченко требовал для себя пост редактора

центрального печатного органа партии, большинство «партийцев» его в этом поддержало, видя в нем «лучшее перо» партии. Однако Петлюра выступил против своего недавнего кумира, заявив, что из-за своей «нестойкости», политических «шатаний», богемности Винниченко не может быть хорошим партийным редактором. Петлюре удалось убедить съезд, в том, что Винниченко нельзя доверять этот пост. Такого демарша Винниченко не мог простить Петлюре никогда. Впоследствии он будет называть Петлюру «маленьким журналистом», заявляя, что тот писал в изданиях УСДРП «малозаметные статьи на потребу дня» и «никакими своими качествами ни в политике, ни в культурной, общественной жизни не был замечен».

Петлюра также не остался в долгу. В одной из своих статей он раскритиковал драматургию Винниченко как «упадническую», «нигилистическую», «вредную и не удовлетворяющую пролетариат»... В принципе, тогдашние оценки творчества Винниченко Петлюрой очень напоминали «пролетарскую» критику Лениным того же Винниченко.

Конфликт между ровесниками зрел уже несколько месяцев. Поначалу, по приезде во Львов, Петлюра боготворил Винниченко, зачитываясь его литературными произведениями. Но пообщавшись с «классиком», Петлюра столкнулся с его высокомерием, поверхностностью, эгоизмом, богемными привычками. Винниченко — «утонченный мастер психологической прозы, эстет, драматург, последователь Достоевского», до декабря 1905-го просто не хотел замечать «маленького журналиста» Симона.

Справка: Владимир Винниченко, 1880 года рождения, из беднейших крестьян Херсонской губернии. Активный деятель РУП. 1902 год — знаменательное для Винниченко время: первое пребывание в тюрьме, исключение из Киевского университета с первого курса юридического факультета, побег из тюрьмы... Винниченко начинает вести революционную пропаганду среди киевских рабочих; став домашним учителем полтавского помещика, агитирует крестьян Полтавской губернии. В декабре 1902 г. на съезде РУП избирается в руководство партии. К 1905 году Винниченко стал самым преуспевающим украинским писателем. Входит в руководящее ядро УСДРП.

В январе 1906 года Петлюра, возвратившись во Львов, участвует во Втором съезде социал-демократической партии Галичины. Приветственная речь Петлюры (как предста-

вителя УСДРП) полна восхищения русской революцией 1905 года и «революционным пролетариатом России».

В том же январе 1906 года Петлюра как «профессиональный партиец» в компании с Поршем и Понятенко выезжает в Санкт-Петербург. Именно эта партийная троица становится редакторами единственного украинского издания в Санкт-Петербурге. Дело в том, что еще осенью 1905 года, в Петербурге, РУП—УСДРП начала издавать ежемесячник «Вильна Украина» («Вольная Украина»). Это издание стало возможно благодаря октябрьскому манифесту Николая Второго, в котором царь «даровал» свободу печати. Но первые номера журнала не вписались в «партийную линию», поэтому было решено изменить направление журнала и редакцию издания, превратив его в теоретический орган партии. Три товарища остановились на петербургской квартире своего «однопартийца» военноморского инженера Льва Мациевича.

Журнал был рассчитан на украинских студентов, которые учились в столице империи. Основная работа над журналом с февраля 1906 года легла на Петлюру, потому что Порш выехал в Стокгольм на IV Объединительный съезд Российской социал-демократии, а Понятенко больше времени уделял литературе.

Справка: На IV Объединительном съезде РСДРП украинская делегация от УСДРП предложила объединиться с РСДРП на федеративных началах при условии, что только УСДРП будет представлять интересы украинского пролетариата. Это предложение, как «националистическое», было отвергнуто большинством съезда, и Петлюра так и не попал в одну партию с Ульяновым-Лениным.

Весной 1906 года стало ясно, что революция идет на спад. Власти возобновили аресты украинских социалистов, участились провалы партийных групп, наметился массовый выход из УСДРП, обнищала партийная казна, появились предложения распустить УСДРП. Было решено прекратить издание «Вильной Украины» и вернуть группу редакторов в Киев. В июле 1906 года Петлюра возвращается в Киев. Но там его ждала только безработица и... «новое подполье». Нужно было как-то обустроиться в мирной жизни.

Петлюра как член ЦК УСДРП занял одно из ведущих мест в киевской партийной организации, пытался вести пропагандистскую работу среди рабочих киевских заво-

дов. Во время выборов во Вторую Государственную Думу России его кандидатура была выставлена в социалистическом списке. В начале 1907 года Петлюра выезжал на Полтавщину, где проводил партийную конференцию в местечке Золотоноша...

Но необходимо было зарабатывать «на жизнь». По рекомендации Михаила Грушевского Петлюру принимают на хорошо оплачиваемую работу ответственного секретаря ежедневной газеты «Рада» («Совет»), которую на свои собственные деньги стал издавать меценат и богатый помещик Херсонской губернии Евгений Чекаленко. В августе 1906 года была закрыта ежедневная газета «Громадська думка» («Общественная мысль»), которую финансировал Чекаленко, но уже через месяц он начал издавать новую газету — «Рада». Петлюру уже знали по серьезным публикациям в газете «Громадська думка» и журнале «Нова громада» («Новое общество»), который так же издавал Чекаленко, поэтому его кандидатура как ответственного секретаря газеты не вызвала протестов.

Приятели уважали Чекаленко за его меценатство, практичность, патриотизм и огромные связи. Он был «умеренным» демократом и достаточно скептически относился к социал-демократам. Впоследствии Чекаленко вспоминал, что Петлюра сначала «не подходил к нашей компании, все держался в стороне, словно «на службе у капитала».

Газета «Рада» была фактически органом немногочисленной, но экономически влиятельной Украинской радикально-демократической партии.

Справка: Украинская радикально-демократическая (иногда — демократически-радикальная) партия возникла в декабре 1905 г., в преддверии выборов в Первую Государственную Думу, после слияния Демократической и Радикальной партий. Активно участвовала в выборах в Государственную Думу, была партией легального парламентского типа, близка к русским кадетам. Партия выступала за конституцию, федерализацию России, автономию Украины. Лидерами партии были Е. Чекаленко, Б. Гринченко, С. Ефремов. Финансово поддерживал партию миллионер-сахарозаводчик В. Симиренко. В 1908 г. партия эволюционировала в Товарищество украинских поступовцев (прогрессистов).

Секретарствуя в ежедневной газете, Петлюра столкнулся с каторжной работой, которая просто не оставляла времени на личную жизнь. Он постоянно переписывал боль-

шинство поданных в редакцию рукописей, исправляя огромное число ошибок, которые «вылавливал» буквально в каждой статье, бегал в типографию, следил за своевременным выходом издания. В то же время в каждом номере газеты публиковалась если не статья, то хотя бы маленькая заметка самого Симона Петлюры. Тогда Петлюра специализировался на театральные и литературные обзоры. Эта направленность требовала от него вечерней «театральной жизни» и бесконечных полуночных чтений «новинок литературы».

Сергей Ефремов вспоминал, что первое ближайшее знакомство с Петлюрой «было не в его пользу. Много было в нем тогда эсдеческого духа — хвастливость, доктринерство и несерьезность. Были и неосторожные шутки, из-за которых пришлось ему отказать от секретарства в «Раде». Через пять лет Ефремов в своем дневнике запишет более лестные строчки о Петлюре: «вырос, посолиднел, развился, бросил свои прошлые выходки».

Интересно, что, работая в умеренной «Раде», Петлюра, был еще и редактором социал-демократического еженедельника «Слово», с которым, как с «экстремистским изданием», остро полемизировала «Рада».

Грушевский, который руководил литературной работой газеты, приглашая Петлюру на работу в умеренную «Раду», очевидно, хотел привязать его к себе, а через него иметь влияние на «левые» украинские партии. Петлюре же пребывание в «Раде» дало уникальную возможность близко познакомиться с известными либеральными украинскими деятелями и крупными учеными того времени: Борисом Гринченко, Дмитрием Дорошенко и Сергеем Ефремовым.

Справка: Михаил Сергеевич Грушевский (1866—1934) родился в семье преподавателя гимназии. Профессиональный историк — «отец украинской истории», написавший 10 томов «Истории Украины — Руси». В начале XX века жил во Львове, где сформировался как либеральный украинский политик, лидер Союза автономистов-федералистов; Товарищества украинских поступовцев (прогрессистов). В 1917—1918 гг. — глава Центральной Рады, первый президент Украины. В 1919 г. отошел от политической жизни. В 1919—1923 гг. находился в эмиграции. С 1923 г. жил в Советской Украине и Москве, был лоялен к Советской власти, находился на руководящих должностях в Академии наук Украины, являлся редактором журнала «Украина».

В 1907 году Петлюра работал не только в «Раде», но и как ведущий театрального отдела в журнале «Украина» (напечатал 23 статьи), который сформировался из журнала «Киевская старина».

С лета 1907 года Симон Петлюра стал еще и соредктором (вместе с Н. Поршем, В. Садовским и Л. Михурой) еженедельной легальной киевской газеты украинских социал-демократов «Слово» (тираж 1 тысяча экземпляров). И в этой газете Петлюра вел отдел литературы и театра. Издателем «Слова» стала мещанка Алена Алексеевна Королева — жена семинарского однокашника Петлюры, который заменил осенью 1907 года Петлюру на посту секретаря «Рады».

Работая в «Слове», Петлюра не только дает широкие обзоры культурной жизни Украины, но и пытается осветить наиболее острые вопросы современности, такие как революционное насилие, черносотенство, антисемитизм и терроризм. В предисловии к пьесе Чирикова «Евреи» Петлюра не только критикует антисемитизм, но и предлагает украинской драматургии заняться исключительно изображением «борьбы, социальных катастроф, революционных конфликтов».

1906—1907 годы — время перехода революционеров от «массовых действий» к индивидуальному террору и экспроприациям — «эксам» (грабежам и вымогательствам на «партийные нужды»). В то время девятнадцатилетний гуляйпольский «хлопчик» Нестор Махно — будущий вождь степных украинских повстанцев — участвует в анархистских эксках и терактах. Эсеры, анархисты и большевики часто прибегают к подобным способам пополнения партийной казны и устранения политических противников. Петлюра оказывается сторонником более «либерального» подхода. Он критикует подобное «революционное насилие» как «анархистские поступки», уводящие массы от социальной революции. В те годы он надеялся на то, что «школа» профсоюзного движения и кооперации вскоре обеспечит массовую поддержку революции.

На «Слово», как оппозиционное власти издание, с начала его существования обрушились судебные преследования, аресты тиражей, конфискации, штрафы... Мало того, что издание не приносило никакой прибыли и редакторы работали на чистом энтузиазме, продолжение печатания «Слова» грозило арестами и самим редакторам. Ведь пос-

ле разгона Второй Государственной Думы усилились репрессии против оппозиции. Винниченко снова оказывается в тюрьме, а УСДРП — на грани роспуска. Общественная апатия привела к разочарованию в революционных идеалах. Редакция «Слова» разбежалась... «Слово» с 21 номера, то есть с октября 1907 года, стало выходить под единоличным редакторством Петлюры. «Разочаровавшиеся» Порш и Михура решили возобновить учебу в Киевском университете, а Садовский уехал учиться в Политехнический институт Петербурга. И хотя в шутку газетчики дразнили Петлюру «новым украинским Марксом», он тоже все дальше отходил от революционной борьбы. Уже в марте 1907 года Петлюра (по неизвестным причинам) не оказался в числе делегатов очередного съезда УСДРП, не был он и переизбран в ЦК УСДРП.

С осени 1907 года, после того как Петлюра был лишен секретарства в «Раде», исчез основной источник его доходов. Он безуспешно пытается устроиться в харьковскую газету «Южный край», переехать в Харьков...

Его товарищ Исаак Мазепа вспоминал, что Петлюра тогда жил очень скромно, «по-студенчески, в одной комнате», и больше интересовался не революционными планами, а вопросами литературы и искусства, зачитывался статьями Анатолия Луначарского.

Временно, без утверждения губернатором на должность, Петлюра устраивается на работу клерком в Киевскую городскую управу с заработком в 40 рублей. Но очень быстро ему отказывают как политически неблагонадежному субъекту.

Бедность, безработица и разочарование в «партийных формах борьбы» привели Петлюру к мысли о прекращении революционной борьбы. С лета 1908 года он самоустранился от «партийных» дел и только формально числился в УСДРП. В двадцать восемь лет Петлюра все больше задумывался о перспективах своей дальнейшей личной жизни. Денег хронически недоставало для поддержания даже скромного существования, вместо жены и детей — только ворох мало кому нужных статей... Революция не оправдала юношеских надежд, не сделала его счастливее... Петлюру ждала участь маргинала или бедного мелкого чиновника. 1908 год стал для Петлюры годом переоценки ценностей... Он снова думает поступить в университет, но

на учебу не было денег, ведь не всегда хватало их даже на одежду и книги.

В сентябре 1908 года Петлюра был вынужден покинуть Киев и переселиться в Санкт-Петербург, где ему было обещано «место, где платят прилично».

В письме к другу Петлюра пишет: «Тяжело мне кидать Киев, особенно «Слово», с которым я так органично связался, на которое я смотрю, как на часть своего личного Я. Можно сказать, что если у меня и была какая-то личная жизнь — то она целиком была связана, заполнялась и поддерживалась только интересами «Слова». Думаю, что после этого вы поймете, какие тяжкие муки мне приносит необходимость переезда в Петербург, где не будет уже того дела, которому я служил... Ну, ничего не поделаешь, материальные злыдни заставляют где-то искать куска хлеба. Когда б только шла речь обо мне, я сумел бы перебиться в Киеве. Но у меня целая семья — родители, сестры, брат, что живут исключительно на мои заработки...»

ГЛАВА 3

СКРОМНЫЙ РОССИЙСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ. В ПРЕДВЕРИИ ГРОМКОЙ СЛАВЫ 1908—1917 гг.

В Петербурге Петлюра работает младшим бухгалтером частного транспортного товарищества, а позднее — бухгалтером чайной фирмы «Караван». Конечно, материальное положение его улучшилось, но рутинная и нудная работа иногда доводит до бешенства. Маленькая сырая комнатуха на 7-й линии Васильевского острова (дом № 30), постоянные дожди и туманы, болезни, одиночество, отсутствие надежд — вот «территория существования» Симона Петлюры, который еще три года назад надеялся «перевернуть мир». Угнетает смерть отца и старшего брата... Казалось, настоящая жизнь закончилась вместе с «бурной юностью» и революцией, казалось, осталось только доживать в одиночестве нескончаемые серые будни «Акакия Акакиевича».

Одиночество толкает Петлюру в круг земляков — украинских «пришельцев» в Петербурге. Украинская диаспора в столице империи была в те годы прекрасно организована. Среди нескольких десятков тысяч «столичных» украинцев особой «солидарностью» отличалось студенчество. Именно украинские студенты составляли основу петербургской организации УСДРП, в университете и во всех институтах столицы активно действовали студенческие «украинские землячества», чиновники украинского происхождения составляли костяк либеральной и достаточно влиятельной «Старой украинской громады» и группы «Товарищества украинских поступовцев (прогрессистов)». Более радикальное украинское студенчество организовывалось вокруг «Молодой украинской громады». Обе «Громады» насчитывали до 400 членов... Весь этот столичный «украинский мир» перекликался в столичном «Украинском клубе» и в «Украинской книгарне» (книжном магазине) и жил активной духовной жизнью, собирався на собрания,

лекции, вечеринки, организовывал кружки, праздники, концерты... Петлюра был активным участником жизни «Громады», выступал там с рефератами и был избран в Совет петербургской «Громады»...

Справка: «Товарищество украинских поступовцев (прогрессистов)» (ТУП) — межпартийное украинское объединение, созданное в 1908 г. на принципах борьбы за парламентаризм, демократию, автономию Украины в составе России. Во главе ТУП находились М. Грушевский, С. Ефремов, Ф. Штейнгель. ТУП объединял украинских общественных деятелей различных направлений, имел прочную связь с российскими кадетами и значительное влияние на множество украинских клубов, организаций, «просвит».

Скромный бухгалтер общался с выдающимися личностями столичной фронды, своими земляками: с депутатом Второй Государственной Думы Федором Щербиной, с профессорами Алексеем Шахматовым и Бодуэном де Куртенэ, с секретарем журнала «Вестник Европы» Максимом Славинским и редактором этого самого популярного в империи журнала Максимом Ковалевским.

Справка: Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — из дворян Харьковщины. Образование получил в Харьковском университете, университетах Лондона, Парижа, Берлина. Профессор государственного права Московского университета, Международного института социологии в Париже. Создатель отечественной социологии. Депутат Первой и Второй Государственных дум, неформальный лидер либерально-демократического движения в России, создатель масонского движения в России в XX в.

Летом 1909 года во Львове произошел очередной съезд УСДРП, на котором наметился новый раскол между «непримиримыми» во главе с Поршем, что группировались вокруг газеты «Робитник» («Рабочий»), и «умеренными», которые издавали партийный орган «Праця» («Труд»). «Неистовый» Порш обвинил сторонников «Праци» в ревизионизме марксизма и мещанстве. В УСДРП наметились «свои» большевики и меньшевики... Петлюра в этом споре занял позицию «умеренных».

В 1911 году Петлюра как один из трех главных докладчиков выступает на большом собрании — вечере украинской диаспоры Петербурга в роскошном зале Дворянского собрания. Вечер был приурочен к пятидесятилетию со

дня смерти Шевченко. Среди основных ораторов был и Максим Максимович Ковалевский, который заметил Петлюру и сказал присутствующим на вечере, что из Петлюры «будет толк». Такая характеристика Ковалевского была пропуском во влиятельные круги обеих российских столиц. Возможно, именно Ковалевский похлопотал, чтобы Петлюре подыскали хорошее место в Москве, куда Симон рвался переехать.

А звали его в Москву сердечные дела...

По службе, в командировки, Петлюра часто приезжал из Петербурга в Москву. В один из таких приездов в конце 1908 года, возможно на Рождество, Петлюра встретил свою судьбу. В Москве, как и в Петербурге, местные украинцы держались сообща и устраивали «в своем кругу» всевозможные увеселения. Украинцы собирались вокруг «Просветительного товарищества «Кобзарь», «Союза автономистов», «Товарищества славянских культур», вокруг многочисленных студенческих украинских землячеств...

На одной «вечерке» украинского землячества Петлюра знакомится с Ольгой Афанасьевной Бельской, студенткой Московского университета. Ольга приехала в Москву с Украины, с Полтавщины, и была, как большинство студентов того времени, демократических убеждений. Общность воззрений и происхождения сблизили Симона и Ольгу. Каждый приезд в Москву становился для Симона праздником — встреча с любимой... В 1910 года их роман превратился в гражданский брак (вполне в духе революционного студенчества). Только в 1915 году этот брак был официально зарегистрирован, и тогда же состоялось церковное венчание молодоженов.

Ольга Бельская стала для Симона Петлюры любимой женщиной всей жизни. Симон Васильевич, несмотря на свой революционный и журналистский авторитет и юношеский возраст, был скромен в «вопросах пола», и о его любовных романах история напрочь умалчивает. Дальнейшая его жизнь, уже с Ольгой, показывает, что он был однолюб и политическая деятельность для него была главным смыслом жизни.

Весной 1911 года студентка Ольга Бельская поняла, что она беременна от неустроенного и бедного бухгалтера, который еще и обитал в другом городе. Консервативные родители Ольги только через несколько лет узнали о том, что в конце октября 1911 года у них родилась внучка Леся. Ольга родила дочь «под большим секретом» от полтавских

родственников и московских знакомых. Чувствуя приближение родов, Ольга уехала в Киев к хорошим знакомым, там родила дочь, а в начале 1912 года с ребенком вернулась в Москву. С этого времени и до гибели Симона они будут вместе...

Петербургский этап жизни Петлюры — это время, когда Петлюра практически отходит от политики, но не бросает журналистики. Очевидно, непосредственную связь с леваками из УСДРП Петлюра прерывает, заводя широкие знакомства в буржуазных слоях русских и украинских либералов. Его внимание переключается на работу в местной масонской ложе, где преобладали кадеты и внепартийные либералы. Из революционера Петлюра превращается в либерала, близкого к украинским «поступовцам», умеренного как в социальных, так и в национальных требованиях.

В 1908—1911 годах Петлюра продолжает писать: для киевского «Слова» (вплоть до его закрытия в середине 1909 г.) и для ряда столичных изданий: «Торгово-промышленной газеты», «Обозрения»... Редакция респектабельного двухнедельного общественно-политического журнала «Мир» предлагает Петлюре вести в журнале украинский отдел и освещать актуальный тогда «галицкий вопрос».

Осенью 1911 года состоялся долгожданный переезд Петлюры в Москву, где он устроился бухгалтером в страховом товариществе «Россия». Интересно, что контора товарищества, где работал Симон Петлюра, находилась на Лубянской площади Москвы, и именно в том доме, который через семь лет станет центральным зданием Чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского.

О «житии» Петлюры в Москве, о его квартире остались колоритные воспоминания Королева — Старого: «Мы карабкались очень высоко по лестнице и позвонили около темных дверей. Войдя в квартиру, прошли через темную, убого обставленную комнату, в которой я увидел маленькую кроватку, или коляску, в которой пищал ребенок. Пройдя эту комнату, мы вошли в другую, слабо освещенную, где я увидел Петлюру и нескольких ближайших сотрудников «Украинской жизни». Они сидели вокруг небольшого, подпертого стеной столика, на котором стоял самовар, тарелка с нарезанной чайной колбасой и белый хлеб. Хозяин был очень бедно одетый, какой-то чересчур замученный, очень нуждающийся, с желтым, высохшим лицом».

Как фанатика идеи быт всегда мало интересовал Петлюру. Его целиком поглощали мысли о новом украинском журнале, который можно будет издавать в Москве.

Вместе со своим приятелем Александром Саликовским Петлюра стал редактировать ежемесячный журнал «Украинская жизнь» (Москва, Новинский бульвар, № 103), который стал выходить с 1912 года на русском языке. Деньги на издание собирали украинские «громады» и меценаты Петрограда, Москвы, Киева.

Справка: Александр Фомич Саликовский (1866—1925) — выходец из семьи украинского священника, семинарист. Редактор и соредатор газет «Киевские отклики», «Киевский голос», печатался во многих общероссийских газетах. Член партии народных социалистов, партии украинских федералистов. В 1917—1918 гг. — губернский комиссар Киевщины, земский лидер, член Национального Союза, в 1920 г. — министр внутренних дел УНР.

Редактирование забирало столько времени, что Петлюра вскоре бросил свое место бухгалтера и жил доходами от журналистики. Целью журнала было единение украинцев либерального, автономистского толка с широкой русской демократией, которая обычно выступала за сохранение «единой России». Журнал «сглаживал углы» — критиковал, как узость, «непримиримость» украинских национальных кругов, так и нежелание российских либералов сделать шаги навстречу украинской демократии.

К 1912 году гонения на украинскую прессу привели к тому, что на Украине практически не осталось изданий украинского направления и «Украинская жизнь» оказалась единственным печатным органом тридцати пяти миллионов украинцев Российской империи.

Сотрудники «Украинской жизни» часто собирались на дружеские застолья в московском ресторане «Мартьяныч», где к ним присоединялись украинцы адвокаты, журналисты, преподаватели. Это был их мир, «маленькая Украина» в хлебосольной Москве.

Часто публиковались в «Украинской жизни» будущий «классик» сионизма, одессит Владимир Жаботинский (Зеев), в основном со статьями «по национальному вопросу», и будущий идеолог «интегрального» (радикального) национализма Дмитрий Донцов (выходец из Мелитополя).

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Современники тогда еще не подозревали, что она разрушит налаженный веками быт и вздыбит Россию. Удивительно, но первые недели после объявления войны были временем народного ликования и «единения» царской власти с народом. Множество общественных организаций, партий, в том числе и оппозиционных, верноподданнически выступили за «войну до победного конца» и за защиту «сербских братьев».

В 1914 года «Украинская жизнь» провозглашает декларацию о поддержке украинцами русского народа в его войне против Австро-Венгерской и Германской империй. Петлюра призывает защитить общий дом, он требует не судить об украинцах как о «предателях австрийской ориентации», указывая на то, что подавляющее число украинцев чуждо «австрийской интриге». В статье «Война и украинцы» Петлюра заверяет российское общество в полной лояльности, зовет к примирению и к братской поддержке украинцами воюющего русского народа.

Эта позиция Петлюры вызвала негодование непримиримой части украинских революционеров, и они немедленно объявили о своей обструкции «Украинской жизни».

Справка: Некоторые члены УСДРП вообще осудили войну, как пророссийскую, так и прогерманскую позиции. Царский режим был обеспокоен «украинским сепаратизмом», и позиция некоторых «украинских сил» вызвала неоправданные общие репрессии по отношению ко всему «украинству», привела к закрытию практически всех украиноязычных изданий. Не спасло от закрытия и заявление киевской газеты «Рада» о ее поддержке России в мировой войне. Многие украинские деятели были арестованы как шпионы и «агенты австрийского влияния». Профессор М. Грушевский в ноябре 1914 года оказался в тюрьме за «австрофильство».

Петлюра, поддерживая Россию в войне, считал, что война должна вернуть доверие к украинцам в Российской империи, должна показать, что украинцы являются союзниками российской демократии и российского народа. Такая позиция, как надеялся Петлюра, приведет к прекращению недоверия, гонений и ограничений в империи на все украинское, облегчит положение украинской культуры, откроет «новую эпоху» в отношениях с русской демократией и даст основания для требования создания равноправных отношений между русскими и украинцами.

Формирование такой политической ориентации в войне было связано у Петлюры с «работой» в масонских ложах, которые ориентировались прежде всего на Англию и Францию (на Антанту). Либералы надеялись, что союз с Англией и Францией приведет к постепенной демократизации российской действительности, а Петлюра считал, что ведущие европейские страны должны узнать об украинском народе как о своем союзнике.

Масонские связи вывели Петлюру на элитарный уровень общения. Теперь его можно было увидеть в компании видных профессоров, адвокатов, публицистов — «властителей дум».

Особая приязнь связала тридцатипятилетнего Петлюру и семидесятилетнего профессора Московского университета, академика филологии Федора Евгеньевича Корша. Возможно, Петлюра проходил период «масонского ученичества» под руководством «наставника» Корша. Федор Корш — либерал и украинофил — был знатоком украинской филологии и литературы и даже писал и печатал свои стихи на украинском языке под псевдонимом «Хведир Корж». Корш также руководил коллективом, который переводил Евангелие на украинский язык, печатался Корш и в украинских изданиях. Вместе с профессором Алексеем Шахматовым начиная с 1905 года он активно выступал за «отмену стеснений печатного малороссийского языка».

Именно Петлюру позвал к своему смертному одру умирающий профессор, именно Петлюра словами «дорогой брат» начал прощальную речь у гроба Корша. Удивительно, но, по заверениям современников, профессор Корш, каким-то чудесным образом заглянув в будущее, предсказал Петлюре «политическую славу», заявив, что его скромный и малозаметный молодой друг — «из породы вождей»!

Корш ввел Петлюру в общество, где блистали академик Шахматов, философ Николай Бердяев, редактор Сергей Мельгунов, думцы Федор Кокошкин и Андрей Шингарев... М. Славинский писал: «В Москве окончательно сформировалась персональная и политическая индивидуальность Симона Петлюры».

В 1915 году в России обострились дискуссии по «галицкому» и «украинскому» вопросам. Еще в 1914 году, в ходе войны, австрийская Галичина была занята войсками

Российской империи, после чего там начались аресты «про-австрийских» украинских деятелей, ликвидация униатской церкви, русификация... Протестуя против действий русских чиновников в Галичине, кадеты выступили с предложением признания за украинцами права «на широкое культурное самоопределение». Еще в 1913 году в Думе против ущемления украинского языка выступили кадеты Милюков, Шингарев, Шахматов, трудовик Керенский, большевик Петровский... В Государственной Думе рассматривался вопрос и о требованиях прекращения уничтожения украинской прессы.

Тогда же, в 1915-м, украинскую делегацию, с прошением разрешить украинскую начальную школу, принял министр просвещения граф Игнатъев, что говорило уже о некотором «смягчении отношений»... К этой делегации, которая с просьбой о помощи обратилась к либеральной части Думы, присоединился и редактор С. Петлюра. Консультации с либеральными думцами позволили Петлюре познакомиться с большинством оппозиционных политиков России.

В 1915 году было получено разрешение на печатание в Москве возобновленного «Слова». Садовский, Петлюра и Винниченко думали начать новый издательский проект. В октябре 1915-го они даже сумели отпечатать один номер этого издания, после чего оно было закрыто властями. Осенью 1916 года в Москве выходит новый украиноязычный журнал «Проминь» («Луч»). Некоторые исследователи указывают на то, что Петлюра и в нем был соредактором, хотя это явное преувеличение. В 1916 году Петлюра уже не слишком часто бывает в Москве и не имеет возможности заниматься редакторской работой.

В московский период своей жизни Петлюра вновь сходится с Винниченко. Их отношения становятся более равными, деловыми... Сознательных украинцев с талантом редактора и публициста было не так уж много, и Винниченко был «обречен» ценить каждого «партийного специалиста». Казалось, старые обиды прощены...

Уже в эмиграции Винниченко, брызжа ядом на своего конкурента, писал, что издание Петлюры «было направлено на пропаганду среди украинцев «борьбы до победного конца» и что сам Винниченко «пылал гневом и плевался от омерзения», читая петлюровскую «Украинскую жизнь», печатавшуюся на деньги, что предоставило «российское правительство». Но в 1913—1915 годах Винниченко

с удовольствием помещал статьи в «Украинской жизни» и прекрасно знал, что правительство на это издание не давало ни копейки... Он доказывал, что Петлюра «не имел никаких выразительных, твердых ни социальных, ни политических, ни моральных, ни даже национальных принципов».

Тогда же активизировалась и политическая жизнь в стране: в Москве прошел тайный съезд украинских эсдеков и эсеров, на котором предпринимались безуспешные попытки объединить эти организации в единую Украинскую социалистическую партию. Был ли на этом съезде Петлюра история умалчивает, но это событие не прошло мимо него.

В те годы Петлюра печатался в историческом издании «Голос минувшего», издал брошюру о творчестве Ивана Франко. Но литературная деятельность не дает Петлюре возможности вырваться из бедности. В 1915 году он был мобилизован на военную службу и, как вспоминает Михаил Грушевский, угодил санитаром на Западный фронт.

Зная незавидное материальное положение семьи Петлюры и его угнетенное состояние в санитарных частях, масонские «братья» подыскивают в конце 1915 года Петлюре хорошо оплачиваемую и престижную должность — сначала уполномоченного «Земгора» по 3-й армии, а вскоре он стал помощником главного интенданта фронтовых поставок продовольствия от «Земгора» на Западном фронте. Эта должность приравнивалась к офицерской и позволяла избегать казармы и муштры. С этого времени Петлюра облачается в полувоенный френч, часто бывает на фронте... За полувоенное обмундирование работников «Земгора» фронтовики презрительно называли их «земгусарами».

Справка: «Земгор» — объединенный комитет Земского и городского союзов. Общественная самоуправляемая патриотическая организация, созданная в июле 1915 г. на добровольные взносы буржуазии. Занималась снабжением армии оружием, продовольствием, одеждой, организацией госпиталей, помощи беженцам. «Земгор» стал опорой «Прогрессивного блока», масонских, либеральных, кадетских кругов, стремящихся перехватить у царизма бразды правления, провести демократизацию власти и ликвидировать абсолютную монархию.

С осени 1915 года Петлюра живет на два дома, постоянно «курсируя» между Москвой и Минском. Его жена

в 1915 году выполняет обязанности ответственного секретаря «Украинской жизни». Много времени Петлюра проводит в Минске — центре Западного фронта российских войск (Западный фронт — три армии, свыше 1 млн 300 тысяч солдат и офицеров — простирался на 500 километров к северу от Украины, прикрывал белорусские земли)... Работая в «Земгоре» практически не оставляла времени для редактирования журнала и писательства. В 1916 году Петлюра был вынужден передать редакторство «Украинской жизни» А. Саликовскому. Он обосновывается в Минске на постоянное жительство и вызывает из Москвы свою семью. Казалось, с «большой политикой» покончено.

Революция — непредсказуемая стихия, обрушилась разом, всей мощью, не оставляя иного выбора и иных «ходов»... Революция, начавшаяся в феврале 1917-го, была настоящим «карнавалом свободы». Миллионы людей вышли на улицы. Так, в Петрограде во главе революционных манифестантов вышагивал с красным бантом на офицерской шинели последний «номинальный российский царь» Михаил Романов, который бросил империю к ногам революционного народа. В 1918-м он будет растерзан революционерами... Где-то рядом, в революционных толпах Петрограда, красовался бывший командир императорского казацкого конвоя и будущий гетман Украины Павел Скоропадский. Все начиналось с всенародного подъема, единения, праздника, весны... Какое-то время люди перестали задумываться о войне, лишениях, инфляции, эксплуатации...

Петлюра был в курсе готовящегося переворота, но внезапность, бескровность, быстрота и легкость падения царского режима его поразили... События в Петербурге, отречение царя от престола, формирование Временного правительства и новой администрации полностью захватили его воображение... Он хочет быть там, где «делается история», в гуще событий. Он хочет переехать из тихого, провинциального Минска в Петроград, в Киев или Москву, где многие его товарищи не только становятся глашатаями революции, но и обретают первые революционные чины. Но о Петлюре, казалось, товарищи и «братья» полностью забыли... В столицы его не звали, постов не предлагали, проектами не искушали... Да и сам тридцативосьмилетний Петлюра, обзаведясь в Минске хозяйством, с шестилетним ребенком и женой уже был не так транспарентен, как лет семь-восемь назад.

В конце марта 1917-го солдаты-украинцы Западного фронта выбирают Симона Петлюру главой Украинского военного революционного комитета Западного фронта. С этого времени он ездит по фронтовым частям не только как чиновник «Земгора», но еще как агитатор и пропагандист украинского социализма. Как делегат от солдат Западного фронта он появляется в Киеве в начале мая 1917 года на Первом всеукраинском военном съезде. Именно это появление в Киеве решило его дальнейшую судьбу и стало началом «похода во власть».

До этого официального приезда Петлюра, скорее всего, уже неофициально побывал в Киеве. Он «засветился» среди однопартийцев, где заставил вспомнить себя как «дельного товарища», побывал и в кругу киевских масонов, наведаясь к «другу-недругу» Винниченко... Везде его приветливо принимали, просили возвратиться в Киев и обещали, обещали... Так что приехав на Военный съезд, Петлюра уже знал, что его кандидатуру будут лоббировать на выборах в украинский военный комитет.

В первых числах марта власть в стране целиком и полностью мирно перешла под контроль Временного правительства. В марте в Киеве идет быстрый процесс формирования украинской краевой элиты. Несмотря на то что Киев официально был только простым губернским центром и не самым большим городом на Украине, он сохранял статус «матери городов Русских» — первой исторической столицы, религиозного центра православия, интеллектуального, культурного центра Малороссии... В сознании многих Киев представлялся негласной столицей официально не существовавшей тогда Украины или, в крайнем случае, «столицей Малороссийских губерний».

3—4 марта 1917 года в Киеве произошла полная смена местной власти. Старые высшие государственные чиновники были отстранены от управления, высшей властью на Киевщине стала власть губернского комиссара, представителя Временного правительства, земца Михаила Суворкина, в заместителях которого стал «ходить» приятель Петлюры Дмитрий Дорошенко. Политическую власть в Киеве имел и исполком общественных организаций — гражданский комитет из 12 представителей различных, оппозиционных царской власти, организаций. Пять из двенадцати представителей были украинскими деятелями из ТУП (масоны-федералисты Штейнгель, Никовский, Ефремов), эсдек Порш...

Кроме этой официальной власти в марте 1917-го года в Киеве сложилась группа национальной элиты (контрэлиты), которая заявила свои претензии на автономную власть в крае.

В киевском украинском клубе «Родина» 7 марта 1917 года состоялось собрание украинские политических и общественных организаций, на котором было объявлено о создании Центральной Рады — координационного и объединительного центра украинских политических, кооперативных и общественных организаций. Поначалу Центральная Рада, не претендуя на «представительскую власть», рассматривалась как межпартийный клуб. Но уже через недели две после своего возникновения Центральная Рада стала заявлять свои права на управление Украиной как автономной частью «революционной России».

Лидерство в Центральной Раде захватили инициаторы ее создания — украинские прогрессисты. Но вскоре стало ясно, что народные массы Украины идут за более революционными социалистическими силами. Прогрессистам пришлось пойти на компромисс с украинскими эсдеками, предоставив им ведущие места в Центральной Раде, хотя главой Центральной Рады был избран прогрессист Михаил Грушевский.

Элита Центральной Рады формировалась по признакам «сознательных украинцев», которые были крайне политизированы и подменяли само этническое понятие «украинец» личностными политическими, преимущественно социалистическими, установками. Так, Винниченко писал, что «все украинство» можно разделить на три группы: «малороссов» — что полностью русифицировались и «пропали» для «украинского дела», «хохлов», которые сохранили только внешние признаки украинского народа, и «свидомых (сознательных) украинцев», что не только сохранили язык и внешние признаки украинства, но и участвуют в политической борьбе на стороне социалистических партий.

Главными принципами формирования новой элиты из «сознательных украинцев» стали: украинское происхождение, к тому же, желательно, происхождение из третьего сословия, интеллигентная профессия, партийная принадлежность к одной из украинских партий (УСДРП, УПСР, УПСФ, УПСС), к земствам или к тайным масонским ложам, знание украинского языка, оппозиционность к имперской власти в прошлом — не заангажированность в царских структурах управления.

Украинская интеллигенция шла по пути монополизации власти, стремясь представить себя единственным выразителем чаяний всего украинского народа, но такие грандиозные задачи были ей не под силу. Без буржуазии и рабочего класса власть в стране удержать было невозможно. Идеологи украинского движения — «теории единой нации» — декларировали:

«У нас нет ни украинских панов, ни украинских буржуев. Наш народ един — он эксплуатируемый труженик. Наш социальный враг является еще и врагом национальным!» В условиях общего «полевения» общества украинской элитой постоянно декларировались самые революционные лозунги и подчеркивалось отсутствие связей с промышленным и банковским капиталом. Тем более, что Винниченко утверждал, что «нет в Украине буржуазии, что признала бы себя украинской».

В то же время украинские политики по «радикальности» все же уступали большевикам... Они так и не смогли привлечь на свою сторону городской рабочий класс, кроме отдельных его представителей в Киеве и Екатеринославе. Тут мешала как русифицированность рабочего класса и городского населения в Украине, так и сильное влияние на рабочих меньшевиков, большевиков, Бунда.

Идеалистическая народная интеллигенция, жившая чаяниями века XVIII, не хотела воспринимать реалии XX...

В украинской политической элите сформировалось довольно уникальное политическое разделение, которое напрямую зависело от политического самосознания поколений.

Первую группу 40—60-летних украинских политиков, которые стали основателями Центральной Рады, можно было смело называть людьми, сложившимися в XIX веке. Именно тогда, в конце XIX века, прошла их молодость, определились политические интересы. Многие из них прошли школу земств, масонских лож, легальной культурно-просветительной работы. Эти политики к 1917 году группировались вокруг ТУП, а впоследствии — вокруг партии Украинских социалистов-федералистов, являлись либералами и сторонниками парламентаризма, выступали за осторожные социальные реформы и ограниченную автономию Украины. Из общероссийских партий ближе им были кадеты и народные социалисты. Наиболее известными фигурами этой группы считали Ф. Штейнгель, С. Ефремов, М. Грушевский.

Вторая группа — 30-летних политиков — была объединена общими экстремальными переживаниями революционной борьбы: подпольем, эмиграцией, тюрьмами, ссылками и пребыванием в рядах РУП. Это были люди революции 1905 года. Лидерами этой группы в 1917 году стали В. Винниченко, Н. Порш, С. Петлюра. В отличие от группы «людей XIX века», эти деятели были марксистами из УСДРП или эсерами, пережившими влияние марксизма. Они были революционно настроены, и ближе всего из общероссийских партий им были меньшевики и эсеры.

Третья группа — 20-летних, совсем юных политиков — рекрутировалась из вчерашних студентов. За их плечами не было ни опыта подполья, ни опыта политической борьбы. В революцию они пришли только в марте 1917-го... Это были «люди революции 1917 года» — не знающие жизни студенты, нетерпеливые догматики, которые наделись получить «всё и немедленно». Они сформировали партию украинских эсеров и напоминали общероссийских левых эсеров, а то и буйных максималистов. Эта группа так и не выдвинула из своей среды общенациональных лидеров и долгое время находилась под «опекой» авторитетного «деда» Грушевского, который заигрывал с революционной молодежью, надеясь в их лице обрести широкую поддержку.

Для формирования новой украинской элиты важен был и географический фактор. Элита Центральной Рады была, в основном, киевская, с небольшой «примесью» выходцев из Полтавы, Чернигова, Екатеринослава (Днепропетровска), Одессы, Харькова. Среди этой элиты слабо было представлено многочисленное русское население Украины, которое составляло примерно 9—10% населения Украины. В то же время до осени 1917 года наблюдался провинциальный характер украинской элиты, ее политическая зависимость от России.

Очень сложно определить истинное количество членов украинских партий. Можно предположить, что число членов УПСР на осень 1917 года примерно составляло от 40 до 75 тысяч, УСДРП — примерно от 20 до 40 тысяч, партии федералистов от 2 до 5 тысяч, партии «самостийных» — от 1 до 3 тысяч.

Выборы и установление квоты депутатов в Центральную Раду иногда не поддавались логическому обоснованию. Так, от рабочих в Центральную Раду попало 5 депутатов, столько же от студенчества, но в то же время от

радикально-демократической партии, в которой было примерно тысяча членов, попало 3 депутата, а вот «от киевских просветительных организаций» в Центральной Раде оказалось аж 10 человек.

После февральской революции важнейшим для существования страны стал военный вопрос. Приказ Петроградского Совета № 1 дал толчок к развалу армии. Он узаконил власть солдатских комитетов и ограничил единовластие офицеров. Этот приказ практически начал в российской армии эпоху солдатских митингов и стал отправной точкой для самоформирования частей по национальному признаку.

Уже 10 марта 1917-го на Военном Вече в Киеве «самостийники» из группы Михновского создали Военное бюро для украинизации частей и начали формировать первый украинский полк из украинских добровольцев. В пылу революции командование Юго-Западным фронтом разрешило приступить к созданию такого полка, а Центральная Рада поддержала идею украинизации армии.

Уже через два с половиной года, после бурных событий весны 1917-го, Петлюра скажет, что тогда «небольшое общество идеалистов приступило к титаническому труду — созданию нации и ее государственности».

ГЛАВА 4

МАСОНСКАЯ ТАЙНА СИМОНА

Чтобы понять деяния, мысли и желания Симона Петлюры, необходимо заглянуть в его тайники души, ознакомиться с неизвестной стороной его жизни, пробраться за полог масонского храма. Да, любезный читатель, и Симон Петлюра тоже был масоном! Впрочем, ничего удивительного в этом нет, достаточно заметить, что многие блестящие представители интеллигенции начала XX века (процентов 80 лидеров Временного правительства, большая часть вождей Белого движения и партии кадетов, значительная часть Государственной Думы) были все теми же «вольными каменщиками» — братьями-масонами! За какие-то пятнадцать лет, в начале XX века, масонство в Российской империи приобрело необычайную политическую, экономическую, культурную силу. Разработанная на протяжении веков тайная организационная структура масонерии позволяла российским масонам манипулировать крупнейшими партиями, организациями, финансовыми структурами империи, оставаясь при этом в глубокой тени, инкогнито, неизвестными даже для активистов подконтрольных им партий и организаций.

Что же такое масонство, и какие цели оно перед собой ставило в России в преддверии революции? Масонство, берущее свое организационное начало еще в XVI веке, выдвигало главными своими задачами обеспечение свободы, равенства и братства людей в процессе самопознания, самоусовершенствования и познания тайн мироздания, формирование новых отношений взаимной терпимости, уважения прав личности и религиозных убеждений. Задачей каждого масона являлся постоянный труд морального самоусовершенствования — «обтесывание камня» и познание символов мировых тайн.

Вместе с тем в предреволюционной Российской империи, с ее нерешенными социально-политическими проб-

лемами, масонство стало открыто идти к своей цели не путем просвещения, как, скажем, ложи Елагина и Новикова, в XVIII веке, а путем политической борьбы и революции. Для целей внезапного «революционного удара» по монархии масоны использовали совершенную в своей конспирации структуру тайных лож.

Масонство-масонерия была не связана единым руководством, жесткими рамками, не подчинена конкретному вероучению. Это не религиозная организация, не политическая партия, не клуб по интересам... Масонство национально и придерживается абсолютной тайны внутренней жизни и обрядов; общие цели, задачи, символы, традиции объединяют масонов всего мира, превращая их в «братьев», которые обязаны протянуть руку помощи в трудную минуту даже незнакомому и иноязычному брату-масону. «Великая система протекции» должна была использоваться во благо социального, культурного, политического прогресса общества.

Лев Толстой, который был весьма близок своей философско-нравственной системой к идеалам масонства, говорил: «Я весьма уважаю эту организацию и полагаю, что франкмасонство сделало много доброго для человечества».

Среди русских масонов XVIII—XX веков были гении и герои: Новиков и Грибоедов, Кутузов и Суворов, Сперанский и Ермолов, Бакунин и Огарев, большинство декабристов...

Среди украинских масонов блистали гетманы Украины Орлик и Разумовский, губернатор Одесский и Херсонский Ланжерон, писатели: Капнист, Гулак-Артемовский, Котляревский, Немирович-Данченко, Я. Л. Рубинштейн¹ (возможно, что гениальный философ Григорий Сковорода и великий кобзарь Тарас Шевченко тоже были масонами).

На Украине, перед революцией 1917 года, масонские ложи были влиятельны как нигде в Российской империи. Они объединяли цвет местной буржуазии и интеллигенции, которая была недовольна монархией, всевластием центральной власти, остротой национального и крестьянского вопросов. Только в Киеве к 1917 году масонских лож было 13 или 14, а возможно, и больше... Еще 15 лож было в других городах Малороссии и Новороссии.

¹ Мастер масонской ложи в Харькове, после февральской революции городской голова, личный друг А. Керенского, который также был масоном. В предвоенные годы Я. Л. Рубинштейн был юристом Лиги наций и председателем Лиги защиты прав человека.

Несмотря на расширение масонского влияния в Центральной Украине, «ослепшие» жандармские полковники из Киева слали в столицу пространные доклады, в которых говорилось: «Что касается ордена масонов, то попыток его организации в Киеве не выявлено», — хотя только в Киеве в то время уже было примерно 200—300 масонов. Всего же число масонских братьев по Украине доходило до 600—800 человек. Киев стоял на втором месте после Петербурга по количеству масонов и по их влиянию в обществе. Кроме того, масонство в Украине контролировало множество всевозможных организаций, научных обществ, мистических кружков.

Как отмечали современники, киевские масонские ложи были наиболее «политизированными» и наиболее «левыми» среди лож Российской империи. Да и сам профессор Максим Максимович Ковалевский — зачинатель российского масонства начала XX века — из Харькова и был избран в Государственную Думу от Харьковской губернии.

На Украине, на пять—шесть лет раньше, чем в России, еще в 1897—1901 годах сформировались масонские ложи «королевского искусства» в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, Камянец-Подольском, Житомире. В каждой из масонских лож собирались люди влиятельные, культурные, общественноактивные, именно поэтому ложи были опасны для закоснелого, нуждающегося в переустройстве, режима.

Когда Симон Петлюра стал «вольным каменщиком» — масоном, истории пока что не известно. Масоны Украины не формировали и не сохраняли в те годы свои архивы по причине строжайшей конспирации и секретности. Практически не осталось никаких данных относительно масонства на Украине на период 1897—1907 годов. Можно только предположить, что Петлюра, ставший к началу 1919 года одним из лидеров масонов Украины, был до этого времени масоном не менее семи лет. За это время ему удалось пройти масонскую «лестницу» от первого градуса «ученика», хотя бы до восемнадцатого градуса.

С другой стороны, он не мог стать масоном до 26—27 лет (в российском масонстве не регистрировалось тогда более ранних посвящений, ибо считалось, что только к этому времени человек может сложиться как личность), соответственно попасть в круг масонов Петлюра мог, приблизительно, в промежутке между 1906 и 1911 годами. Воз-

можно, Петлюра вступил в Великую ложу Украины (с этим названием постоянная путаница в источниках. Указывается на 1900, 1902, 1917, 1919 годы как на годы возникновения этой Великой ложи. Возможно, она являлась той Великой ложей, что не была узаконена всемирной масонской организацией в 1906 году.

Самый ранний вариант вступления Петлюры в масоны — вторая половина 1906 года, когда Петлюра оказывается в редакции газеты «Рада», которой руководят масоны Е. Чекаленко, М. Грушевский, С. Ефремов. Но возможно, что масонская инициация Петлюры состоялась только в Санкт-Петербурге, ориентировочно в 1909—1910 годах. Имеются обрывочные данные, что в 1910 году Петлюра был «приписан» к киевской масонской ложе Андрея Первозванного¹.

Очевидно, «мастером» (третий градус масонства) Петлюра стал только в Москве. Масонские круги Москвы, куда в 1911 году в возрасте 32-х лет попал Петлюра, оказали огромное влияние на формирование мировоззрения Петлюры, заставив его смягчить свои «непримиримые революционные позиции».

Что же касается иных лидеров украинской революции, то можно отметить, что одним из первых масонов на Украине стал Михаил Грушевский — идеолог украинского национального возрождения и «отец» украинской истории. Грушевский вступил в масонскую ложу еще в 1903 году, будучи в Париже, и к 1917 году стал одним из лидеров украинского масонства.

Уже в 1911 году среди масонов мы видим элиту городской интеллигенции и буржуазии юго-западного края империи. Промышленники, банкиры, адвокаты, журналисты, профессора, общественно-политические деятели, земцы составляли основной контингент лож. Тогда по всей России примерно 40—50 масонов было избрано в 1-ю — 4-ю Государственные Думы, 5 масонов оказалось в Государственном Совете, 8 — в числе царских министров. Даже Директор департамента полиции А. Лопухин был масоном «высоких степеней», из старинного рода «вольных каменщиков». В России (без украинских губерний), к 1917 году, насчитывалось около 50 масонских лож, на Украине — около 30 лож.

¹ По данным исследователя русского масонства А. Серкова, ложа Андрея Первозванного была основана в Женеве в январе 1900 г. и работала в Киеве под началом итальянских масонов. А. Серков утверждает, что эта ложа стала базовой при создании Великой ложи Украины.

В числе масонов Украины мы видим Лорис-Меликова — генерал-губернатора, барона Федора Штейнгеля — промышленника и миллионера, члена Государственной Думы (Штейнгель был руководителем общероссийского масштаба в Верховном масонском совете, главой ложи и руководителем Малого масонского совета (провинции); членов Государственной Думы А. Вязлова, С. Иванова и В. Лозинского, профессоров М. Грушевского и С. Ефремова, известного юриста Д. Григоровича-Барского; журналистов Ф. Матушевского, И. Шрага, М. Славинского, М. Радченко; членов окружного суда А. Корчака-Чепурковского, товарища прокурора С. Чебакова...

Был среди киевских лож и таинственный капитул «Нарцисс» — «для работ 4—6 степеней мистического ордена мартинистов-розенкрейцеров», в который входили генерал П. Скоропадский, адвокат С. Моркатун, юрист В. Комаров, ряд помещиков и профессоров. Этот капитул, что был основан в 1914 году и работал под кураторством Великой ложи Италии (шотландского устава), по-видимому, руководил несколькими ложами, которые числили свои «работы» еще с конца XIX века: ложа Владимира Равноапостольного (ее основал легендарный Папиус), ложа Кирилла и Мефодия, «Северное сияние», «Соединенные славяне», «Данте», «Иордан» и другие. Капитул «Нарцисс» стоял несколько в стороне от других масонских лож Украины, которые были основаны при поддержке Великого Востока Франции и Великой ложи Франции.

Среди масонства Украины не было заметных ограничений в национальном и политическом планах, но все же большинство масонов составляли кадеты и украинские «поступовцы» из ТУП, ставшего с 1917 года партией социалистов-федералистов.

В национальном отношении среди масонов Украины русские составляли до 40%, украинцы — более 35%, поляки и евреи — по 10%, другие национальности — около 5%. Определенные ограничения в политическом отношении имелись только для большевиков и членов черносотенных организаций: «Союза Русского народа», «Союза Михаила Архангела», хотя известно имя единственного большевика, который входил в масонскую украинскую ложу до 1917 года — это Владимир Затонский, будущий «красный министр» в советском харьковском правительстве Украины.

Масонами Украины велась постоянная критика Николая Второго, Распутина и царских приближенных: Трепова, Протопопова, Сухомлинова...

Денежные потоки и политическое влияние киевские масоны стремились перехватить с помощью подконтрольного им Земского союза, Союза городов — «Земгора», это особенно стало заметно после начала Первой мировой войны. «Земгор» контролировал военные поставки на фронт. Именно в этих союзах лидировали масоны Шингарев, Терещенко, Иванов, да и ревизор «Земгора» также был масоном. Именно благодаря масонским связям Петлюра занял должность помощника уполномоченного «Земгора» по Западному фронту (глава М. Щейкилов).

В Верховный совет масонских организаций России входили большинство масонских лож украинских губерний. Контроль над деятельностью украинских лож в 1913—1916 годах осуществлял Александр Федорович Керенский — куратор масонства Украины. Он часто посещал Киев, Одессу, Харьков, Екатеринослав, открывал новые ложи, знакомился с положением дел на местах и с особенностями местной политической жизни. Понимая важность и сложность «украинского вопроса», Керенский допускал в эти годы автономное устройство для Украины, но среди масонов империи были и другие взгляды на «украинский вопрос». Керенского на Украине «опекал» ректор Педагогического института В. Прокопович («брат-оратор» одной из киевских масонских лож).

Практически единую масонскую организацию Российской империи раздирал национальный вопрос. Русские братья, в большинстве своем, были непреклонными сторонниками «единой и неделимой» и не представляли себе украинской автономной государственности, а группа украинских масонов, которую возглавил Грушевский, видела возможность существования демократической России только как равноправной федерации всех народов, входящих в Российскую империю, отводя при этом Украине права конфедеративного государства.

Грушевский обладал огромным авторитетом в кругах украинской интеллигенции, был главой масонской ложи, и его мнение невозможно было полностью проигнорировать. Уже в 1911 году «группа Грушевского» (часть масонов киевских и екатеринославских лож) вызвала недовольство русских масонов, которые стали называть Грушевского «украинским фанатиком». В 1912 году на масонском Конвенте (руководил Конвентом Н. Некрасов) в Москве 3 де-

путата от Украины (группа Грушевского) активно выступили против утверждения предложенного названия для общероссийской масонской организации — «Великий Восток России». «Группа Грушевского» была не согласна с этим названием потому, что в нем, как им казалось, присутствовало «российское великодержавие». Грушевский предложил вовсе изъять слово «Россия» из названия главной масонской структуры Восточной Европы. Несмотря на то что с Грушевским было не согласно подавляющее большинство участников Конвента, Конвент пошел на компромисс. Было решено сменить название главной масонской структуры империи с «Великого Востока России» на «Великий Восток народов России».

Украинские масоны в этот период пытались предотвратить нарастающую волну антисемитизма. Антисемитскую «карту» в борьбе против демократии пытались разыграть некоторые царские чиновники и правые партии, раздувая в 1913 году так называемое дело Бейлиса. Защищали Бейлиса адвокаты — украинские масоны Зарудный и Григорович-Барский.

Петлюра, перебравшись в Москву, сохранил связь с масонскими ложами Украины и вместе с тем вошел в среду русского масонства. Он порицал антивоенные взгляды ряда киевских масонов, считая, что борьба против немецкой агрессии является еще и борьбой за демократию. На этом сходилось 90% русских масонов, поддерживающих страны, в которых масонство имело значительную политическую силу: Францию, Англию, США.

Российские и украинские масоны стремились к установлению буржуазного демократического общества, к ограничению или свержению монархии. С первых шагов возрожденное в начале XX века российское масонство приобрело оппозиционный по отношению к царскому режиму характер. Еще в конце 1915 года, в связи с поражением российской армии на фронтах и слухами о подготовке сепаратного мира между Россией и Германией, масонство Российской империи приняло решение переворотом изменить государственный строй России.

Масонский Конвент 1916 года наметил цель — немедленную революцию в России. Уже к концу 1916 года среди масонского братства были распределены основные портфели в будущем революционном правительстве, в столичной и местной администрациях. На Конгрессе присутствовали и делегаты с Украины: Штенгель, Чебаков, Зарубин. Но-

вый курс на государственный военный переворот, опираясь на масонское офицерство, привел к активизации общественно-политической жизни. По стране колесили масонские эмиссары, проводя сбор денежных средств в среде масонов на готовящийся переворот. На Украину незамедлительно выехали Керенский и Комиссаров. Революция была назначена на первую половину марта 1917 года. А полиция и тайные службы пребывали в полнейшем неведении, охотясь на отдельных анархистов и эсеров.

Вернувшись с масонского «съезда» в Киев, В. Прокопович писал своим братьям: «Я видел многих, встреча с которыми была для меня неожиданностью. Масоны ходят вокруг нас и их намного больше, чем можно себе представить».

С начала XX века масоны нащупывают пути во власть... До 1917 года это были эволюционные пути широкой масонской протекции и «просачивания» во власть.

М. Грушевский писал: «Масонская организация работала широко, она проводила свой давно принятый тактический план при всякого рода политических возможностях использовать свои связи и проводить своих людей в влиятельные посты. Замещение высших позиций — и столичных, и киевских... стояло в очевидной связи с масонской организацией...»

События 23—27 февраля 1917 года знаменовали победу революции в Петрограде. Через несколько дней вся обширная империя окажется во власти вчерашних оппозиционеров, а Николай Второй отречется от престола. И хотя революция началась на неделю раньше, нежели планировали масоны, масонским организациям удалось ее возглавить и приступить к переустройству огромной империи.

Уже в начале марта 1917 года украинские масоны разделили между собой важнейшие должности, оставшиеся от «старого режима», они процентов на 20 захватили «политический Олимп» Украины. Важным заданием масонства было «удержать руководство в своих руках и не позволить мятежной стихии спровоцировать кровопролитие и анархию».

Александр Керенский из Петрограда начал активно влиять на формирование новой украинской революционной элиты. Так, его стараниями масоны стали губернскими комиссарами, руководителями судебных палат в украинских губерниях... Масон Константин Василенко стал комиссаром Киева, масон Николай Василенко — замести-

телем министра образования Российской республики и куратором Киевского учебного округа, масон Константин Оберучев — командующим Киевским военным округом, масон Михаил Терещенко — министром финансов Российской республики... Ждал своего часа и Симон Петлюра.

Под воздействием революционной ломки осенью 1917 года стали разваливаться масонские ложи на Украине. Их развал был следствием обострения национального вопроса на Украине. Временное правительство стремилось отложить решение всех щекотливых национальных вопросов до Учредительного Собрания, а деятели Центральной Рады намеревались, перехватив власть в украинских губерниях, как можно быстрее провозгласить автономию. Углублялся разрыв между масонами, отстаивающими принцип «единой и неделимой России» и верховенство Временного правительства, и национальной масонской группой Грушевского. Национальный вопрос в украинских ложах стал яблоком раздора. Часть масонов была испугана широкой программой социального реформирования, хаосом народного бунта, стремилась противостоять развалу Российской империи и считала Центральную Раду очень опасной «конструкцией».

Так, мастер киевской масонской ложи «Свет правды» Сергей Чебаков (руководитель Киевской судебной палаты в 1917-м) осенью 1917-го уже грозил Центральной Раде судебными карами за сепаратизм. Базовые в масонских ложах отношения «братства и дружбы» постепенно, под влиянием политических факторов, уступали место чувствам соперничества и неприязни.

Еще в начале лета 1917 года масонский эмиссар из Питера — князь Урусов (министр внутренних дел России) уговаривал деятелей Центральной Рады повременить с «национальными требованиями», а участники масонского Верховного Совета, который проходил в Петрограде в октябре 1917 года, осудили «украинский сепаратизм».

Разрыв стал окончательным после провозглашения Четвертого Универсала, в январе 1918-го, и подписания сепаратного мира с немцами. Очевидно, еще до этих решительных шагов Грушевский был вынужден полностью самоустраниться от деятельности управления украинским масонством. Большая часть масонов в Украине уже не признавала его авторитета вследствие «неподчинения» и «национального экстремизма». Конец 1917-го—январь 1918 года стал временем окончательного распада единого масонского движения на Украине.

ГЛАВА 5

ЖРЕБИЙ БРОШЕН. ВЫЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ. Май—октябрь 1917 г.

Петлюра оказался в Киеве в начале мая 1917 года, когда революционное разрушение и революционное строительство «нового мира» было в самом разгаре, когда еще присутствовало ощущение «единения народа» и не были развеяны революционные надежды и мифы. Петлюра тогда чувствовал себя убежденным социалистом, сторонником Временного правительства и продолжения мировой войны «во имя обороны революционного Отечества».

В Киеве Петлюре предстояло занять место Михновского в главе аморфной и бунтующей массы солдат-украинцев.

Весной 1917-го лидирующее место среди властителей дум солдат-украинцев Киевского гарнизона неожиданно занял «национальный радикал» адвокат и поручик Михновский. Этот искушенный в политике деятель прекрасно понимал, что военная сила будет определяющим фактором развития революции. Собрав несколько десятков единомышленников-«самостийныкив», преимущественно офицеров, Михновский решил немедленно формировать украинские военные части из солдат Киевского гарнизона и добровольцев. Группа Михновского начала создавать Организационный комитет по формированию украинского войска на основе Украинского военного клуба имени гетмана Петра Полуботка. Этот клуб с невероятной энергией стал формировать Первый украинский полк имени гетмана Богдана Хмельницкого, численность которого уже к концу апреля 1917-го, составила до 3 тысяч солдат.

В отношении к Центральной Раде группа Михновского была настроена достаточно скептически и оппозиционно. Сам Михновский видел только себя во главе всего украинского движения и будущего украинского государства,

поэтому рассматривал «центральнорадовцев» как своих главных конкурентов.

Со своей стороны, лидеры Центральной Рады боялась Михновского не только по причине его влияния на революционных солдат. Небезопасными «для единства революционного фронта» казались тогда и лозунги Михновского: «Немедленная и полная независимость государства Украина!», «Немедленное создание украинской национальной армии!», «Украина для украинцев!»

Лидеры Центральной Рады, а также большинство украинских «партийцев»: эсдеков, эсеров, федералистов (в том числе Петлюра, Винниченко, Грушевский) — считали, что Украина не готова к самостоятельному государственному существованию, что необходимо выступать только за автономию Украины в составе Федеративной Российской республики.

Вызывающая позиция Михновского пугала умеренных националистов тем, что могла спровоцировать Временное правительство на решительные меры против всех украинских «раскольников»: на разгон Центральной Рады и арест ее лидеров, отказ рассматривать вопрос о возможности автономии Украины... Россия тогда продолжала кровопролитную войну, и такие жесткие меры могли бы оправдываться властью как необходимые для предотвращения развала единой армии. Поэтому сторонники украинской автономии решили, что Михновского необходимо немедленно оттеснить от лидерства в солдатской среде.

5 мая 1917 года открылся Первый Всеукраинский военный съезд, на котором было решено дать бой Михновскому. На съезд съехались 700 представителей солдат-украинцев и матросов-украинцев Черноморского и Балтийского флотов.

Этот революционный съезд начался в духе революционных традиций, свойственных и современному отечественному парламентаризму... Грушевский — пятидесятилетний профессор с окладистой седой бородой, по-революционному просто отпихнул от трибуны замешкавшегося Михновского и перехватил внимание зала. Опешивший Михновский не стал сражаться в рукопашную за трибуну, и его шепетильность стала началом его проигрыша. Победа «автономистов» при открытии съезда должна была быть закреплена: нужно было не допускать избрания Михновского в президиум съезда и избрать главой съезда Симона Петлюру.

Владимир Винниченко выдвинул Петлюру на председательское место как представителя трех армий, часто бывающего на фронте и «знающего по опыту все страдания солдата», а также как социалиста из УСДРП, выдвигаемого от Центральной Рады и от ЦК УСДРП.

Однако подавляющее число делегатов съезда в первый раз слышало эту странную фамилию — Петлюра, да и его работа в «Земгоре» не очень импонировала фронтовикам. Солдаты хотели избрать председателем военного, и этим решил воспользоваться Михновский, влияние которого уже распространилось на часть зала.

Михновский выскочил на трибуну, перекрикивая Винниченко, заявил, что председателем съезда может быть только военный. Он требовал не избирать Петлюру как «не специалиста» и немедленно провозгласить автономию Украины и создание независимой Украинской армии. Зал загудел, заколебался, казалось, съезд превратится в общую драку. Множество делегатов съезда, крича и матерясь, ворвалось на сцену, перекрикивая один другого. Раздавались крики «Хотим председателем Михновского! Хотим независимой Украины! Долой соглашателей из Центральной Рады!»

«Самостийныки» стремились с помощью делегатов съезда провести немедленный военный переворот — арестовать начальника Киевского округа и объявить Украину независимым государством. Эти призывы были чистейшей провокацией, потому что неподготовленное выступление нескольких тысяч вооруженных людей было бы немедленно подавлено войсками, верными Временному правительству. А в мае 1919-го таких частей было 99%. Подобное выступление вызвало бы репрессии по отношению к украинским патриотам... Возможно, провокацией «самостийныкив» было и распространение среди солдат «Катехизеса» Михновского, который иногда называли десятью заповедями самостийности... В числе подобных «заповедей» были такие: № 2 — «Все люди братья, но москали, ляхи та жида — враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас»; № 3 — «Украина для украинцев! Следовательно, изгони отовсюду с Украины чужеземцев-угнетателей!»; № 10 — «Не бери себе в жены женщин из других народов, потому что твои дети будут тебе врагами; не дружи с врагами нашего народа...»

Газета «Киевская мысль» писала о настроениях съезда: «... именно неофиты, именно те, что не умели даже пра-

вильно говорить по-украински, были наиболее крайними, зажигательными, непримиримыми «националистами»... горели желанием сразу же, здесь совершить свою ненависть и свою любовь».

Казалось, съезд пойдет за стихией, за радикалами, превратится в митинг, однако блестящий оратор Винниченко своими пламенными революционными речами сумел повести съезд за собой. Винниченко, самый популярный тогда украинский лидер, «накинулся» на Михновского. Обличал его как «классово чуждого» «пана» — дворянина, помещика, офицера, который к тому же сам никогда не был на фронте. Винниченко умело использовал неприятие революционными солдатами офицерства, натравливал солдатские массы на командиров, поступал как пропагандист-большевик.

Другой эсдек, Борис Мартос, кстати «из дворян», упрекал лидеров-«самостийныкив» в том, что они «помещики или сынки помещиков», в то время как за Центральную Раду стоят «социалисты — сыны крестьянские и рабочие».

Когда стало ясно, что ни Петлюра, ни Михновский не пройдут в председатели съезда, было решено вообще не избирать руководителя съезда, а создать только президиум. Такой компромисс привел к тому, что в президиум были выбраны: С. Петлюра (от фронта), Н. Михновский (от тыловых частей), Ю. Капкан (от Украинского полка имени Б. Хмельницкого), В. Винниченко (от Центральной Рады).

Большинство съезда выступили за автономию Украины, за создание армии по «национально-территориальному принципу», за «украинизацию» Черноморского флота.

Винниченко тогда убеждал, что нужно бороться вместе с пролетариатом России против контрреволюции, что необходимо сохранить целостность революционной России. В то же время украинские социалисты доказывали, что регулярную армию необходимо превратилась в «краевую народную милицию». Он заявлял, что «украинского милитаризма не было и не должно быть». Он успокаивал съезд и доказывал необходимость сотрудничества с Временным правительством.

В мае—июле 1917 года Петлюра еще не был самостоятельным политиком. С приездом в Киев он автоматически вошел в «клан» Винниченко и руководствовался решениями «своего» ЦК УСДРП. Именно ЦК УСДРП

вынесло «революционное решение» о замене регулярной армии милицией. Повторяя партийные установки, Петлюра заявил 6 мая на съезде:

«...нам нужна не постоянная армия, а всенародное вооружение, милиция... Опасность состоит в том, что когда организуется буржуазия, армия станет оборонять ее интересы против интересов демократии и крестьянства. Вот почему эти полки «имени гетманов» могут иметь в себе элемент опасности, когда они будут созданы на постоянной основе...»

В то же время Петлюра предлагал перевести всех солдат-украинцев на один фронт (Юго-Западный) и «вырвать» их «из рук русского командования». Лидеры украинских социалистов тоже хотели располагать «надежными штыками» для утверждения своей власти...

Съезд решил создать при Центральной Раде Украинский Генеральный военный комитет, который бы взялся за организацию украинского войска и проводил украинизацию «старых» регулярных частей. В «компромиссный» Генеральный комитет вошли: Винниченко, Петлюра, подполковники Капкан и Павленко, Михновский и его сторонник доктор Луценко, генерал Иванов и другие.

Во время выборов Генерального комитета произошел экстренный случай. Винниченко сообщил съезду, что получил анонимное письмо с ультимативным требованием к нему и Петлюре — снять свои кандидатуры из списка будущего Генерального комитета, «иначе будете убиты». Оглашение этого письма привело к взрыву эмоций: Винниченко и Петлюра мгновенно стали «героями дня», солдаты устроили им овацию, некоторые делегаты выбежали на сцену целовать смелых революционеров. Зал уверовал в них как в «правдивых революционеров» и практически единогласно голосовал за них.

Вскоре структура Генерального комитета изменилась. Петлюра стал главой этого комитета, поручик В. Кедровский — его заместителем по делам армии, моряк Писменный — по делам флота, а капитан Певный — по делам Вольного казачества.

С мая 1917 года национальный вопрос стал одним из самых болезненных для новой власти. Попытки финских политиков провозгласить независимость Финляндии и разорвать единый фронт беспокоили Временное правительство не только как конкретная проблема, но и как

симптом начала распада огромной империи. В этом ключе в мае 1917-го Временным правительством рассматривалось и развитие украинского движения в армии. В ответ на резолюции киевского военного съезда структуры Временного правительства не признали решений съезда, назвав Украинский генеральный комитет «полностью частной самостоятельной организацией». Также неодобрительно Временное правительство отнеслось и к идее «украинизации» армии.

Александр Керенский, тогда еще военный министр Временного правительства, прибыв в Киев 20 мая, заявил, что перегруппировка войск по национальному принципу в современных условиях войны просто невозможна, и решительно выступил против всего, «что может разорвать связь между национальностями». Проведя переговоры с членами Центральной Рады Керенский уточнил, что требования «украинцев» будут решаться только во время Учредительного собрания, то есть только осенью 1917 года.

Первые недели после избрания Генерального комитета для Петлюры были временем огромного перенапряжения. Хотя он жил в доме у своего друга Понятенко на Марьянско-Благовещенской улице, туда он приходил только на несколько ночных часов. Собрания всевозможных комитетов, комиссий, лож, ЦК, Центральной Рады захватили Петлюру. Он стал наверстывать упущенное за два первых революционных месяца. Сотни новых знакомств, новых идей, новых документов... Необходимо было прежде всего разработать сам принцип «украинизации», подготовить документы для обсуждения на Втором Всеукраинском военном съезде, который было намечено провести уже через месяц после первого. Петлюра разрабатывает структуру Генерального военного комитета, подкомитетов и его президиума.

По «военным вопросам» Петлюра постоянно общался с командующим Киевским военным округом «революционным» полковником Константином Михайловичем Оберучевым. Пятидесятидвухлетний полковник был эсером «с подпольным стажем», к тому же масоном, так что Петлюра на первых порах достаточно легко с ним сработался. Генеральный комитет надеялся распространить свое влияние и на солдат Юго-Западного и Румынского фронтов, однако с «украинизацией» там были большие проблемы.

В то же время Петлюра был руководителем без власти... Генеральный комитет пока только на словах мог на

что-то влиять, ведь большинство военных руководителей его игнорировали.

26 мая 1917 года Центральная Рада официально обратилась к Временному правительству с предложением признать автономию Украины в составе России. Но уже через три дня из Петрограда был получен категорический отказ... Именно этот отказ подтолкнул Центральную Раду к более решительным действиям.

Очевидно, сразу после получения отказа Центральная Рада решила готовиться к «самовольному» провозглашению автономии Украины. Уже 1 июня 1917 года Грушевский заявил (на Всеукраинском селянском съезде): «Праздник революции окончен!» Тогда эта фраза была большинству не понятна, и никто не догадывался, что Грушевский решил идти «напролом».

В начале июня Генеральный комитет получил от «самого» Керенского предписание с запретом проведения Второго Всеукраинского военного съезда. В те дни такой запрет рассматривался солдатами как покушение на завоевания революции и революционные свободы. Этот запрет не соответствовал декларируемому Временным правительством свободам — слова и собраний. Уже приехавшие на съезд делегаты были возмущены... Петлюра направил военному министру телеграмму протеста, указывая на то, что такой запрет подрывает доверие солдат-украинцев к власти и ослабляет сопротивление армии на фронте.

А тут еще провокация начальника киевской милиции, который в это же время распустил слух о том, что Всеукраинский военный съезд хочет провести переворот: захватить государственные учреждения, губернский банк, казначейство. Полковника Оберучева ввели в заблуждение относительно «агрессивности украинцев». Эта провокация имела результат: усиленные патрули и охрана на улицах Киева и слухи о скором разгоне Центральной Рады и военного съезда.

Второй Всеукраинский военный съезд, который открылся 7 июня 1917 года, стал первым триумфом Петлюры — он знаменовал рождение его как политика. Петлюра начал постепенно выходить из тени Винниченко. Около 2 тысяч делегатов, собравшихся в зале оперного театра, представляли полтора миллиона солдат и матросов с Украины. Открывая съезд, Петлюра сказал: «Мы все только переодетые члены украинской демократии». Именно тема защиты демократии была доминирующей на съезде. Как за-

шита демократических прав народа трактовалась и необходимость утверждения автономии Украины и «украинизация» войск. Вместе с тем Петлюра предостерегает съезд от неверных шагов, связанных с немедленным провозглашением автономии Украины и независимой украинской армии.

Съезд утвердил Петлюру в качестве главы Генерального комитета и еще 10 кандидатов в члены комитета, 10 военных специалистов, которых рекомендовал Петлюра. Это была полная победа над оппозицией «самостийныкив».

«Самостийныки» еще пытались провести своих кандидатов в Генеральный комитет и проваливать кандидатуры Петлюры. Но Петлюра как лидер съезда потребовал голосовать за весь предложенный им список и таким образом добился утверждения «своих» кандидатов. «Самостийныки» же и на этом съезде требовали «разговаривать кулаком» с Временным правительством, толкали к конфликту с властью, но Симон Петлюра уже уверенно контролировал ситуацию и окончательно свел все усилия своих оппонентов на нет.

Для того чтобы влиять на события, Генеральному комитету требовались хоть какие-то властные полномочия, но Временное правительство не допускало Генеральный комитет к армейским структурам. Это привело к тому, что съезд утвердил решение о том, что отныне приказы Генерального комитета будут обязательны для всех воинов-украинцев и украинских военных организаций. Съезд ультимативно потребовал у российского командования признать Генеральный комитет и его приказы. Однако не было выработано никаких гарантий и механизмов для исполнения этих приказов, и Генеральный комитет так и остался практически «безвластным», полностью завися от настроений в Петрограде.

Грушевский отметил парадокс ситуации, указав, что, с одной стороны, было наличие миллиона украинских штыков и ощущение огромной потенциальной силы, а с другой — невозможность реализовать эту потенцию, использовать эту силу в «украинских целях».

10 июня 1917 года произошло событие, которое определило политическую борьбу на Украине в последующие полгода. Пятая сессия Центральной Рады, без согласования с Временным правительством, приняла свой «Первый Универсал» (Манифест). Универсал провозглашал автоно-

мию Украины «не отделяясь от России, не разрывая с государством Российским». Будущей Высшей властью на Украине объявлялось Всенародное украинское собрание — Сейм. В Универсале говорилось о скорой национализации и переделе земли помещиков, о перевыборах местной администрации и о введении особого налога на «родное дело».

Утром 11 июня на Софийской площади Киева, при большом скоплении народа, был зачитан Универсал. После его провозглашения на площади прошел парад Первого украинского полка. После прочтения Универсала под колокольный звон Софии Грушевского пронесли на руках к зданию Центральной Рады... Где-то среди ликующих военных на Софийской площади был и Петлюра. Он понимал, что жребий брошен, что мало провозгласить автономию, нужно еще ее достичь, создать, отстоять... Неясной еще была позиция Петрограда, можно было опасаться репрессий за «самоуправство и призыв к бунту».

Универсал вызвал в Петрограде взрыв возмущения, протестов и обвинений в адрес Центральной Рады в «недоляльности», «анархизме»... Появились заявления в прессе о том, что этот шаг — «нож в спину революции», что «народ Украины обрусел и не хочет автономии»... даже призывы «оружием покарать изменников» и «австрийских шпионов». Так, газета «Речь» писала, что «украинцы играют недобрую игру с Россией» и своими действиями помогают Германии. Но в то же время более либеральная газета «Русская воля» считала, что необходимо не бороться с Украиной, а вести переговоры. Газеты «Русская воля» и «День» предлагали перестать кричать «Караул!» по поводу украинской автономии, смириться с ней и не выискивать в Универсале намеков на полное отделение.

В то же время практически все общероссийские партии, кроме большевиков, поначалу высказались против Универсала. Особое возмущение вызвало создание самочинного Генерального секретариата Центральной Рады — параллельной власти, параллельного правительства на украинских землях.

Негодование российского общества вызвала и деятельность «петлюровского» военного комитета. Некоторые чиновники Временного правительства в мае—июне 1917 года рассматривали деятельность этого комитета как «самозванство», заслуживающее криминальной ответственности. Современник, вспоминая работу Генерального комитета,

утверждал, что в те дни «комитетчикам» грозили арестами и одной части комитета приходилось «сидеть и работать на заседании комитета, а другой брать в карманы револьверы и идти сторожить на улице...»

Коалиционный Генеральный секретариат представлял собой подобие Совета министров для автономной Украины. Возглавил Генеральный секретариат и стал в нем еще и секретарем (министром) внутренних дел Владимир Винниченко. Еще семь секретарств (просвещения, юстиции, продовольствия, земледелия, межнациональных дел, военных дел, финансов) возглавили представители партий УСДРП, УПСР, федералистов.

Середина июня 1917 года — знаменательное для Петлюры время. В эти дни он вошел в состав Центральной Рады как делегат от Украинского Генерального военного комитета в числе 26 его членов. Одновременно Петлюра, по рекомендации ЦК УСДРП, а так же Грушевского и Винниченко, был избран генеральным секретарем (министром) военных дел автономной Украины. Но вот что странно, Петлюра — руководитель «украинского войска», казалось, ключевая фигура движения, так и не был избран в Малую Раду (Президиум, исполком Центральной Рады), а именно там выносились главные политические решения, которые Центральная Рада только утверждала. Грушевский и Винниченко думали держать Петлюру «на расстоянии» от большой политики, только как специалиста по «военной части». Но очень скоро Петлюра «показал зубы»...

Интересно, что рекомендовавший Петлюру на должность министра Владимир Винниченко позже заявлял, что Петлюра не проявил «ни знаний, ни умения, ни талантов в военной работе... однако проникся огромным честолюбием».

Действительно, у Петлюры, в начале его военной карьеры, не было да и не могло быть знаний и умений «военного министра». Но кто из генеральных секретарей был готов к исполнению обязанностей министра? Писатель Винниченко или иные «партийные» аматоры-секретари? Это было типичное непрофессиональное революционное правительство, в котором степенью компетенции и необходимостью выступала только «партийность».

Поначалу, когда Петлюра полностью был «его человеком», Винниченко удовлетворяла работа Петлюры, иначе во втором кабинете Винниченко, созданном через месяц

после формирования первого кабинета, Петлюра бы снова не возглавил военный секретариат.

Винниченко писал, что «Генеральный секретариат в тот период своего существования не имел власти, которую имеет нормальное правительство. В его распоряжении не было ни одного солдата...», он «...не мог устранить ни одного чиновника, не мог ни одному административному институту дать распоряжение или приказ... не имел никаких денег, не накладывал никаких налогов, не имел никаких инструментов и органов для сборов денег для своих нужд с населения... Мы не имели даже помещения. Центральная Рада... находилась в двух-трех комнатах Педагогического музея. Все же здание было занято школой «летчиков»... Генеральный секретариат, первое правительство украинской государственности, весь со всеми своими органами и аппаратами находился в двух маленьких комнатах того же самого Педагогического музея. Эти закуточки, возможно, были переделаны из... уборных (имели каменный пол и «раковины» в стенах для воды). И тут, в этих закуточках, генеральные секретари принимали сотни делегаций в день, проводили, обливаясь потом от духоты, свои заседания; сами переписывали на машинках свои постановления, сами даже пол подметали, потому что не было ни чиновников, ни писарей, ни даже сторожа... Людей было мало; знаний, опыта; умений еще меньше; соответственных для этого материальных возможностей совсем немного».

Только с августа 1917 года Генеральный секретариат смог вытребовать в аренду за несколько тысяч рублей у Киевской Думы «грязную, загаженную гостиницу «Савой». Казалось, влияние Центральной Рады и власть Генерального секретариата только блеф, иллюзия. Казалось, что эта «контрвласть» полностью бессильна, неспособна к каким-либо действиям, не обладает никаким влиянием в стране... Но в революционное, бурное время возможны чудеса. Центральная Рада смогла стать пока нематериализованным фактором политической жизни... Она была носителем новой революционной идеи, она стремилась, ни больше ни меньше, стать представителем и выразителем воли всего украинского народа. И к удивлению многих, украинские идеалисты, не имеющие серьезной поддержки финансовых кругов, постепенно становились параллельной властью. С июня 1917-го на Украине постепенно складывается двоевластие: Временного правительства и Центральной Рады.

Но военное командование все еще отказывалось от каких-либо контактов с Генеральным комитетом несмотря на то, что процесс самочинной стихийной украинизации уже начался в 10, 39 и 26-м армейских корпусах. Командование не выдавало денег на еду и жалование для солдат украинских частей и не обращало внимания на требования Центральной Рады.

Страна тем временем жила предчувствием «великой битвы революции». Временное правительство, фактически отказавшись от лозунга «обороны революционного Отечества», решило провести ширококомандное наступление на фронте. Керенский, рассчитывая на победу, видел в наступлении возможность укрепления власти, да и французские союзники требовали от России решительного наступления, которое бы поддержало наступление Антанты в Шампани и Фландрии.

Провал июньского наступления привел к общероссийскому кризису, заставил Временное правительство мыслить более реалистично и искать поддержки своей политики в Киеве. В конце июня в Киев для урегулирования отношений с Центральной Радой прибыли министры Временного правительства: Керенский, Некрасов, Терещенко, Церетели. Этот приезд стал первым шагом сближения между Петроградом и украинскими автономистами.

В конце июня, 29-го, в честь приезда Керенского по Владимирской мимо Центральной Рады прошествовало 10 тысяч солдат-украинцев под «желто-блакитными» национальными флагами. На крыльце Центральной Рады этот парад принимали Грушевский и Петлюра, а из окон второго этажа на него хмуро взирал военный министр Керенский. Он-то понимал, что это была демонстрация силы... На переговорах в Киеве Керенский предложил проводить объективную, спокойную работу, не руководствуясь страстями, национальной исключительностью и не отрывая судьбу Украины от судьбы России. Деятели Центральной Рады согласились с такими условиями... а Петлюра, впервые выступив как самостоятельный политик, предложил Керенскому провести «украинизацию» всех тыловых частей на Украине и перевести солдат-украинцев с других фронтов на Юго-Западный и Румынский.

Петлюра хорошо знал Керенского по Москве и Петербургу, знал его тогдашнее доброжелательное отношение к Украине и надеялся на его благосклонность. Но Керенский потребовал не торопиться с «украинизацией» в пе-

риод «обострения войны». Не хотел он слышать и о придании Генеральному комитету прерогатив официального военного органа. «Умолить» Керенского удалось только на согласие комплектовать новые отдельные части преимущественно из украинцев. Запрещено было проводить «украинизацию» на фронте во время боев... Генеральный комитет получил некоторое влияние только при формировании резервных (запасных) частей путем добровольного набора.

В главном же вопросе — «об автономии Украины» — Керенский, согласившись с идеей автономии «в принципе», призвал Центральную Раду отложить решения об автономии до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Для легитимности Центральной Рады как автономного парламента Керенский предложил «договориться с национальными меньшинствами» — ввести в Центральную Раду представителей русских, евреев и поляков, населяющих Украину.

Д. Дорошенко пишет, что в бытность Петлюры военным секретарем, «ко всем старшим офицерам, даже если они были чистокровными украинцами, Петлюра и его ближайшие сотрудники относились с глубоким недоверием».

Но это было не совсем так. Общее настроение революционных «партийцев» было следующим: они видели в офицерах потенциальную «контрреволюционную силу». Но лично сам Петлюра стремился привлечь офицерство к «украинизации». Он «призвал» в Генеральный комитет десять военных «спецов», среди которых были генерал, полковник, два подполковника, два капитана, три поручика. А Винниченко упрекал Петлюру за излишнее доверие к офицерам и генералам. Однако офицеры российской армии еще очень неохотно шли на сотрудничество с Центральной Радой.

«Самостийники» требовали уже новых «высот» — полной независимости, немедленного разрыва связей Украины с Россией, создания Временного украинского правительства, заключения Украиной сепаратного мира с немцами, вызова еще несуществующего «украинского войска» с фронта в тыл для «решительных действий». Такие действия, действительно, могли быть выгодны Австрии и Германии.

В начале июля 1917 года Центральная Рада и власть Временного правительства в Киеве пережили первый се-

резный кризис. В сущности, «киевский кризис» был только эпизодом грандиозного общероссийского кризиса, вызванного продолжением войны, поражением июньского наступления, ростом инфляции... Антивоенными настроениями народа умело воспользовались большевики и анархисты, направив гнев солдат и рабочих против Временного правительства.

Интересно, что кризис власти в Петрограде усугубился из-за компромисса Временного правительства с Центральной Радой. «Мир с украинцами», что привез Керенский, вызвал внутренний кризис Временного правительства: четыре министра-кадета в знак протеста против «неимоверных претензий» Центральной Рады 3 июня 1917 года вышли из правительства. А на следующий день, 4 июня, началось большевистско-анархистское восстание в Петербурге — «репетиция Великого Октября». И хотя это восстание было быстро подавлено, Временное правительство стало катастрофически терять народную любовь и поддержку.

Кризис в Киеве можно было назвать «кризисом украинизации». Первый украинский полк имени Богдана Хмельницкого (2600 штыков) — «образец и надежда» для всего украинского движения — помитинговав, отказался идти на фронт в критический момент вражеского прорыва. Солдаты полка заявили, что желают «защищать революцию — охранять Центральную Раду и Второй Всеукраинский военный съезд» в Киеве. Конечно, гораздо безопасней было остаться в Киеве и митинговать, чем «кормить вшей и червей на фронте»...

Но такое поведение единственного украинского полка ставило под сомнение все попытки «украинизировать» армию, да и Центральная Рада и Генеральный секретариат выглядели не лучшим образом.

Центральная Рада немедленно направила Петлюру и Винниченко уладить дела с солдатами и уговорить их согласиться отправиться на фронт. Но солдаты встретили украинских «министров» холодно и «зажигательные» речи последних не имели никаких серьезных результатов. В адрес прибывших «интеллигентов» полетели угрозы...

3 июля Центральная Рада издала Второй Универсал, в котором несколько отступила от своих «радикальных» требований автономии. Было решено воздержаться от провозглашения автономии Украины до решения Всероссийского Учредительного собрания. На эти уступки Центральная Рада пошла в обмен на признание Временным

правительством временного краевого правительства Украины — Генерального секретариата. В Универсале указывалось, что отныне Центральная Рада будет иметь своих представителей при военном министре России, в Ставке Верховного главнокомандующего и в Генеральном российском штабе.

3 июля на заседании Малой Рады Петлюра огласил свой первый приказ в качестве «законного военного министра краевого правительства» о немедленной отправке на фронт Украинского полка имени Богдана Хмельницкого. Однако кризис в Петрограде и Киеве стремилась использовать группа Михновского, подняв на бессмысленный бунт Второй украинский полк имени гетмана Полуботка (4 600 штыков). Этот полк был сформирован к июню 1917 года и находился под влиянием группы Михновского. Солдаты-«полуботковцы», разместившись в киевском предместье, также не хотели выезжать на фронт, заявляя о своей «миссии» — охране Центральной Рады и «воли Украины».

Зная о большом влиянии на солдат-«полуботковцев» группы Михновского, Центральная Рада, не считая полк «своим», пустила события на самотек, лишь изредка укоряя Петлюру за то, что он не в силах отправить полк на фронт. Однако Петлюра, как и его секретариат, еще не имел рычагов и сил для того, чтобы изменить ситуацию. Да и что мог сделать Петлюра, если буйные солдаты-«полуботковцы», как и большевики, требовали заключения немедленного мира, прекращения войны, передела панской земли.

3 июля в Киеве в помещении школы на Златоуспенской собралось полковое совещание солдат-«полуботковцев». Разгоряченные агитацией «самостийныкив», солдаты требовали «отчета» от представителей Центральной Рады. В 11 часов ночи к солдатам прибыли Петлюра, Винниченко и Шульгин. Однако их ждала полная «обструкция» зала и заявление о недоверии Петлюре как военному секретарю.

На следующий день заговорщики из группы Михновского разработали план захвата Киева с помощью «недовольных» солдат из полков имени Хмельницкого и Полуботка. Михновский решил на восстание после переговоров с командиром полка имени Хмельницкого. Со рокалетний подполковник российской армии с роковой фамилией Капкан согласился «пристать» к восставшим, но тут же доложил о планах и секретах заговорщиков Пет-

люре. Петлюра решил, что восстания уже не предотвратить, поэтому приказал Капкану сохранять отношения с заговорщиками, чтобы быть в курсе развития событий, но в решительный момент выступить против Михновского.

Ночь с 4 на 5 июля выдалась в Киеве беспокойной... Солдаты-«полуботковцы» покинули казармы и устремились в центр города с неясными целями, при этом рассчитывая изменить ход истории. К ним присоединились отдельные группы солдат Первого запасного украинского полка, полка Вольного казачества, Технического полка. К утру 5 июня мятежные солдаты захватили почту, телеграф, завод «Арсенал», интендантские склады, разгромили дом командующего Оберучева, захватили штаб милиции и арестовали начальника милиции, поставили караулы возле стратегических объектов... Но что делать дальше, они не знали... Солдатам обещали, что к восстанию присоединятся все украинские части Киева и главное — на сторону восставших перейдут Грушевский и Центральная Рада.

Но авантюра Михновского потерпела фиаско... Уже утром 5 июля подполковник Капкан выступил против восстания как «дискредитации идеи». Он объявил себя временным украинским комендантом Киева и заменил все караулы полка имени Полуботка на караулы полка имени Хмельницкого. В 10 утра Генеральный секретариат и Генеральный комитет также выступили против восстания. В воззвании, подписанном Петлюрой и Винниченко, говорилось о «достойном удивлении» неорганизованном провокационном выступлении солдат. Члены Генерального комитета были разосланы по Киеву, чтобы попытаться мирно договориться с отрядами «полуботковцев».

Юнкера, понтонный полк и полк Капкана атаковали «полуботковцев», заставив их вернуться в свои казармы.

Делегация во главе с Петлюрой предложила бунтовщикам немедленно сложить оружие и дать согласие на отправку на фронт. Но «полуботковцы» ответили молчанием, тогда солдаты Первого украинского полка имени Хмельницкого силой ворвались в казармы, ранив девятнадцать обороняющихся. Этим и закончилась попытка Михновского круто изменить положение на Украине... Именно Петлюра 6—8 июля провел переговоры с представителями взбунтовавшегося полка, в ходе которых солдаты согласились немедленно отправиться на фронт. Через неделю «полуботковцы» были ехать на фронт, а Михновскому было

приказано покинуть Киев и отбыть на Румынский фронт, где его ждала должность военного прокурора.

В середине июля Петлюра первый раз едет как официальное лицо в Ставку Верховного главнокомандующего генерала Брусилова для обсуждения вопроса «украинизации» отдельных частей. Генерал Брусилев пообещал больше не противиться «украинизации» и не запрещать деятельность украинских культурно-просветительных комитетов в частях. В ходе переговоров Петлюра добился решения главкома провести «украинизацию» несколько пехотных корпусов, одной конной дивизии и Киевской школы прапорщиков.

19 июля Верховным главнокомандующим становится генерал Лавр Корнилов, и уже он подписывает приказ об украинизации десяти дивизий, а также проект создания 1-го и 2-го украинских корпусов. В середине июля 1917 года в среде генералитета бытовало мнение, что «украинизация» некоторых частей может привести к возрастанию их боеспособности и отвлечет солдат-украинцев от большевистской пропаганды. В июле требование Петлюры казалось русским генералам «наименьшим злом», Петлюра считался «управляемым» политиком, который поддерживает идею «обороны родного края» — «революционного оборончества». Корнилов даже разрешил солдатам и офицерам украинского происхождения подавать ходатайства на перевод их в «украинизованные» части, а Петлюра издает приказ, по которому в «украинизованных» полках русские офицеры заменялись офицерами украинского происхождения.

С этого времени все активнее начали формироваться новые «украинизованные» тыловые части в Одессе и Киеве. 21 июля Петлюра призывает перейти к формированию украинских ударных фронтовых батальонов «Спасения Украины», по типу ударных «батальонов смерти», что формировались для фронта Борисом Савинковым и Михаилом Муравьевым.

Но, казалось бы, успешно начавшуюся работу по «украинизации» частей оборвала кровавая провокация 26 июля. Кстати, виновные в ней так и не были найдены и наказаны... В тот жаркий день на фронт торжественно, с парадом на Софийской площади, провожали Первый украинский полк имени Богдана Хмельницкого. Солдаты полка с цветами и украинскими песнями были посажены в ваго-

ны на станции Киев-2 и отправились защищать единую Отчизну от «немецких супостатов».

После того как эшелон уже тронулся, солдаты дали прощальный ружейный салют в воздух и... сразу же были обстреляны «неизвестными, предположительно из 30 винтовок» со стороны соседней со станцией Батыевой горы. У первой загородной станции Пост-Волынский эшелон полка Хмельницкого был обстрелян уже из нескольких пулеметов... Поезд был остановлен, оцеплен частями из донских казаков и кирасир, солдат украинского полка выгнали из вагонов, разоружили; некоторые из них были избиты, а офицеры арестованы. В ходе обстрела эшелона погибло 16 солдат полка Хмельницкого, около 30 человек было ранено...

Эти события были поданы командованием армии как бунт полка и отказ ехать на фронт. Главком Корнилов, а также генерал Деникин (командующий Юго-Западным фронтом) посчитали, что в трагических событиях 26 июля виноваты сами «украинцы». Генералы решили приостановить «украинизацию» войск, запретили Генеральному комитету поддерживать непосредственные контакты со Ставкой, а командующим армиями было приказано прекратить всяческие отношения с Петлюрой и его секретариатом. Главком Корнилов потребовал строго наказать виновных, при этом он видел виновных только в солдатах полка Хмельницкого. Он заявил, что если следствие покажет, что полк Хмельницкого первым начал стрельбу по войскам, то он вообще прекратит «украинизацию» и расформирует уже «украинизованные» части. Генерал Деникин прекратил «украинизацию» на Юго-Западном фронте, запретил деятельность украинских Рад (Советов) в войсках, привлек к судебной ответственности члена Генерального комитета полковника Поплаво.

По Киеву снова поползли слухи о скором разгоне Центральной Рады войсками киевского гарнизона.

Через три дня состоялись торжественные похороны 16 погибших солдат полка Хмельницкого. У могил с гневными речами против провокаторов выступали Грушевский, Петлюра... Но солдатские массы были недовольны их «примиренчеством», они требовали отставки командующего округом Оберучева, водворения в Киеве для охраны Центральной Рады полка имени Хмельницкого, отъезда из Киева частей кирасир и донских казаков, которые были замешаны в событиях 26 июля. К этим требованиям присоединились лидеры Центральной Рады...

Петлюра снова метался между двух огней, он хотел оставаться «выразителем чаяний солдатских масс» и одновременно не хотел обострения отношений с Оберучевым и Корниловым. После встречи с Петлюрой Оберучев освободил арестованных офицеров полка Хмельницкого и пообещал, что верные ему части будут охранять Центральную Раду и не допустят новых провокаций.

Почти одновременно с трагическим событием в Киеве началась травля главы Генерального секретариата Винниченко. Его стали обвинять в германофильстве, после того как в одном интервью Винниченко сказал о «германофильских настроениях» на Украине. Событиям, связанным с полками имени Полуботка и Хмельницкого, пытались придать видимость «германской интриги»... Публиковались статьи против украинского движения, вновь всплыли данные о «Союзе вызволения Украины» (освобождения Украины) и мифы о том, что все украинское движение «живет на немецкие деньги».

Временное правительство тогда получило от российской контрразведки некоторые данные о связях отдельных деятелей Центральной Рады с «галицкими украинцами», которые, в свою очередь, были связаны со структурами австро-венгерской разведки. Это дало дополнительный повод для атак на «хитрых хохлов». Пресса тиражировала лживые утверждения о том, что в Центральной Раде находятся офицеры германского и австрийского генеральных штабов, которые помогают украинцам в их «сепаратной работе». Вместе с тем процесс «украинизации» в армии стал рассматриваться в Петрограде только как повод для дезертирства с фронта.

Временное правительство добивалось от Центральной Рады отставки Винниченко.

После провала июньского наступления и потери больших территорий Галичины и Буковины обострился кризис «революционного оборончества» и наблюдался стремительный развал фронта; 19 августа немцы начали наступление на Ригу и вскоре захватили город и окрестности. В августе возникла реальная угроза похода немцев на Петроград. В планах немецкого командования на 1917 год первым пунктом был разгром России и выведение ее из войны.

4 августа Временное правительство издает «Временную инструкцию Генеральному секретариату», по которой Украинский Генеральный секретариат подпадает под непосредственное руководство Временного правительства и вы-

водится из-под контроля Центральной Рады. «Инструкция» также ликвидировала четыре генеральных секретарства: военный, связи, железнодорожный, продовольственных дел. Генеральному секретариату предписывалось отдать одну треть секретарских портфелей представителям национальных меньшинств проживающих на Украине. С ликвидацией военного секретарства запрещались непосредственные контакты генеральных секретарей с центральными учреждениями. Теперь связь генеральных секретарей с официальными учреждениями могла осуществляться только через отдельного комиссара, которого назначило Временное правительство. Ограничения коснулись и возможной территории автономной Украины. Теперь планировалось, что в автономию войдут только территории Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и большей части Черниговской губерний. Центральная Рада была вынуждена согласиться, пойдя на добровольный отказ от своих завоеваний.

Грушевский писал, что в начале августа присутствовала «...в сознании возможность какой-то неожиданной катастрофы: арестов, вооруженного нападения или чего-то подобного. Мы постоянно чувствовали глаза контрразведки».

«Инструкция» серьезно ограничила поле деятельности Центральной Рады, а Петлюра и вовсе остался без секретарского — «министерского» портфеля. После «сокращения» украинского военного секретарства Петлюра предложил ввести его в состав Временного правительства — в качестве одного из заместителей военного министра. Однако такие смелые «прожекты» остались только прожектами...

Временное правительство хотело заменить руководителя Генерального секретариата Винниченко на «менее левого», дворянина и к тому же масона-федералиста Дмитрия Дорошенко. Винниченко был вынужден сложить с себя полномочия, но Дорошенко, организовав «умеренный» кабинет, позволил себе заявление о том, что будет подчиняться только приказам Временного правительства. Центральная Рада, посчитав себя обойденной, не утвердила «премьерство» Дорошенко и назло Временному правительству подтвердила полномочия Винниченко с «добавлением» двух «умеренных» секретарей. Подобная тактика Центральной Рады вызвала недовольные окрики из Петрограда.

6 августа Петлюра выступил на шестой сессии Центральной Рады с «программной речью» отставного министра. Он критиковал «новую политику» Временного пра-

вительства, убеждал, что «украинизация» полезна для фронта и опасна только для контрреволюции, которую украинские части способны «задушить в зародыше». Петлюра предложил перейти к тактике создания культурных клубов для солдат и добровольческих милицейских полков Вольного казачества.

В начале августа состав Центральной Рады пополнился за счет кооптации делегатов от Солдатского совета, от Всеукраинского съезда крестьянских депутатов, от Всеукраинской Рады рабочих депутатов; от российских, еврейских, польских партий. Центральная Рада уже насчитывала 798 депутатов, в ней были представлены девятнадцать партий. «Контрольный пакет» перешел из рук украинских эсдеков к украинским эсерам, так как члены УПСР стали самой многочисленной фракцией Центральной Рады.

Усиление влияния эсеров привело к заметному «полевению» Центральной Рады при общем «поправении» политического климата в России.

В конце августа 1917 года Россию потряс «мятеж генералов», который возглавил главком Лавр Корнилов. Украинские социалисты поддержали Временное правительство в его борьбе против мятежников. Центральная Рада стала одним из основателей киевского Комитета охраны революции. Генеральный секретариат разработал план борьбы против контрреволюции в крае.

30 августа Петлюра как руководитель Генерального военного комитета выступил на заседании Малой Рады с речью, в которой призвал социалистов к бдительности и беспощадной борьбе против авантюры генерала Корнилова и его киевских союзников. В это же время под Петроградом были разоружены корниловские части, произошли аресты Корнилова, Деникина...

Полная поддержка Центральной Радой позиции Временного правительства во время мятежа изменила отношение российского правительства и военного командования к «украинскому вопросу». «Украинизация», как противовес влиянию реакционных офицеров и усилению влияния большевиков в армии, была наконец официально разрешена. Генералы Брусиллов и Щербачев высказались за «украинизацию» отдельных частей.

Серьезные уступки Центральной Раде были сделаны в области формирования нового местного управления. Так, губернским комиссаром Киевщины стал старый знакомый

Петлюры федералист Александр Саликовский, а Киевским комиссаром был назначен приятель Грушевского Константин Василенко.

12 сентября в Ставку Верховного главнокомандующего приехала представительная украинская делегация во главе с Симоном Петлюрой. Важные переговоры состоялись в Ставке с премьером Керенским, с новым Верховным главнокомандующим генералом Духониним, с генералом Брусиловым. На основе признания того факта, что украинские части оказались наиболее дисциплинированными и менее всего были подвержены большевистской пропаганде, Керенский подписал приказ об «украинизации» 20 дивизий и ряда запасных полков российской армии. Признание получили и украинские военные организации в войсках. По предложению Петлюры в «украинизованные» части начали направлять украинских комиссаров.

Казалось, между Временным правительством и Центральной Радой установились доверительные отношения, но Центральная Рада стремилась использовать ослабление режима для реализации своих планов. 21 сентября в Киеве был созван Съезд народов России, на котором было заявлено о планах Центральной Рады перестроить Россию на федеративных началах. 24 сентября Генеральный секретариат заявил о переходе власти на Украине в руки Генерального секретариата. И хотя эти два «киевских заявления» были целиком декларативны и для их реализации не было ни сил, ни средств, Керенского новые киевские события серьезно озадачили. Он уже не знал, что делать с выходящей из-под контроля Петрограда Центральной Радой.

Временное правительство еще пыталось сократить полномочия Генерального секретариата, декларированные «Инструкцией», игнорируя само его существование. Временное правительство еще стремилось представить дело так, будто украинский Генеральный секретариат является не государственной структурой, а какой-то общественной организацией или «теневым» кабинетом, но время было упущено. На Украине полным ходом уже развивались «свои» процессы.

26 сентября Петлюру посетил французский генерал Табуи с целью налаживания теснейшего контакта французской военной миссии с Генеральным комитетом. Эта встреча укрепила положение Петлюры и посеяла надежды на помощь Франции в деле создания «украинизованной» армии.

Петлюра уже стремился создать «отдельную» Украинскую армию, «украинизировать» все местные гарнизоны в Украине, добиться права на свое исключительное командование «украинизованными» частями, а также требовал восстановления украинского военного секретариата.

Винниченко «явочным порядком» уже решил этот вопрос, позволив Петлюре, как руководителю Генерального военного комитета, присутствовать на заседаниях Генерального секретариата. А 12 октября Генеральный секретариат издал декларацию о намерении воссоздать военное секретариство на основе Генерального военного комитета.

Конфликт с Временным правительством тлеет еще и из-за назначений командования «украинизованных» частей. Петлюра предложил генерала Скоропадского на место командующего Киевским округом, но Временное правительство не утвердило это решение.

Петлюра выступал уже как самостоятельный политик. Его предложение о создании Украинской армии шло вразрез с мнением руководства Центральной Рады и ЦК УСДРП, которые ратовали за ликвидацию регулярной армии. Не одобряло руководство Центральной Рады и предложения Петлюры относительно генерала Скоропадского, который казался многим украинским социалистам потенциальным «правым» заговорщиком.

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание принесли делегатский мандат Симону Петлюре (от Румынского фронта по списку № 1 от украинских социалистических партий). В «Учредилку», от украинских губерний (в число 137 депутатов), попали М. Грушевский и В. Винниченко, а также их политические враги — большевики Евгения Бош, братья Пятаковы...

А тем временем положение в стране круто изменилось... Если в июне 1917 года Временное правительство еще было в состоянии продолжать войну и даже пыталось провести наступление на фронте, то уже через три месяца оно не только растеряло свой авторитет, но уже не могло контролировать власть на местах и руководить своими армейскими соединениями. Продолжение войны стало губительным для существования Временного правительства. Не только фронтовики, но и весь народ требовал МИРА. Большевики, объявившие своим лозунгом «немедленный мир», стали выразителями чаяний миллионов, тысячи местных советов перешли под контроль партии Ленина.

В условиях развала государственности России Центральная Рада судорожно искала свой, украинский, выход из кризиса. Грушевский собрал тайное совещание украинских лидеров, на котором предложил выработать внешнеполитический курс. На совещании звучали предложения как о немедленном прекращении войны и союзе с Германией, так и о единстве со странами Антанты, о продолжении войны против Германии во что бы то ни стало. Петлюра тогда выступал как непреклонный сторонник продолжения войны. Он считал, что раз в войну на стороне Антанты вступила такая могучая страна, как США, значит, германский блок обречен, а для будущего Украины особенно важно оказаться в блоке победителей. Петлюра предлагал создать особый Украинский фронт против «германца», в таком случае, даже если фронт будет разгромлен армиями Германии и Австрии, Украина все равно выигрывает в будущем, «в политическом ключе», при переделе мира.

Но украинские эсеры считали совсем по-другому, они выступали за немедленный, пусть и сепаратный, мир, и Грушевский постепенно склонялся к их точке зрения.

В середине октября 1917 года новые шаги Центральной Рады вновь вызвали конфликт с Временным правительством. На этот раз декларация Генерального секретариата о созыве «отдельного» Украинского Учредительного собрания вызвала взрыв возмущения правительства Керенского. Последовало решение о начале судебного следствия над Украинским Генеральным секретариатом за «самочинные действия». В Петроград был срочно вызван «провинившийся» премьер Винниченко. Но Винниченко и его «секретариат» уже игнорировали грозные окрики из Петрограда.

24 октября началось вооруженное восстание под руководством большевиков в Петрограде. Временное правительство доживало свои последние часы... Тревожные сообщения из столицы подтолкнули к консолидации общественных сил в Киеве. 25 октября был создан Краевой комитет охраны революции на Украине, который объединил «все органы революционной демократии». Это было очень странное объединение, напоминающее «союз» лебеда, рака и щуки. В него вошли украинские социалисты (в том числе и Петлюра) — 8 человек, русские эсеры — 1 представитель, еврейские социалисты — 4 представителя, больше-

вики — 3 представителя, 2 представителя от Совета военных депутатов... Комитет выступал за ликвидацию напряженности в обществе и за создание нового Общероссийского революционного однородного социалистического правительства. Комитет декларировал своей задачей борьбу с погромами и беспорядками, с распространением контрреволюционной агитации.

Главой комитета стал Никита Шаповал — новый амбициозный политический лидер, мечтавший встать во главе «автономной» Украины.

Справка: Шаповал Никита Ефимович (1883—1932) — лидер украинских эсеров, член ЦК УПСР, член Центральной Рады, публицист и поэт, издатель журнала «Украинская хата», ученый-социолог. В 1911—1917 гг. работал лесником. В 1917 г. — Киевский уездный комиссар, заместитель главы Киевского земства, член Центральной Рады. Придерживался левых, близких большевизму взглядов. Поддержал мятеж «полуботковцев». В 1918—1919 гг. министр почт и телеграфа, впоследствии — министр земледелия Украинской республики. Директор лесного департамента. С 1919 г. в эмиграции в Чехии и Франции. Автор интереснейших воспоминаний о революции на Украине.

Краевой комитет охраны революции провозгласил себя чрезвычайной властью над девятью украинскими губерниями. Однако его властные претензии проигнорировали все представители власти Временного правительства. Против комитета выступили киевский военный комиссар Временного правительства меньшевик Кириенко и новый командующий Киевским военным округом Квезинский.

Петлюра пытался войти в контакт с военной властью в Киеве, но ему было сказано, что с представителями комитета никакие переговоры проводиться не будут, потому, что «комитет заодно с большевиками». Комиссары краевого комитета, направленные в штаб округа, были арестованы по приказу Квезинского.

Утром 26 октября пришло тревожное известие о том, что Петроград оказался в руках большевиков и что в России возникла новая власть — Совет народных комиссаров во главе с Владимиром Ульяновым-Лениным.

Малая Рада, после жарких споров, вынесла резолюцию, направленную против ленинского правительства и попыток повторения большевистского переворота на Украине. Генеральный секретариат обратился с воззванием против переворота в Петрограде, ратуя за передачу власти Учре-

дительному собранию России и Учредительному собранию Украины.

Возмущенные осуждением комитетом восстания в Петрограде, большевики вышли из его состава, а уже 28 октября он был распущен как не выполнивший своей цели. Роспуск комитета развязал руки как киевским большевикам, так и лидерам Центральной Рады и ускорил развязку событий в Киеве.

В 20-х числах октября в Киеве, в цирке на Николаевской улице открылся Третий военный съезд. Он открылся несмотря на запрет Верховного главнокомандующего. Для Петлюры этот съезд был особенно тяжелым, потому что эсеры решили заменить руководителя Генерального военного комитета «своим партийцем» — Никитой Шаповалом. Эсеры резко критиковали Петлюру за его непрофессионализм, «правый курс», поддержку войны... У эсеров, казалось, были все возможности для отстранения Петлюры. Из 2600 делегатов 650 делегатов съезда были украинскими эсерами и только 101 делегат — украинскими эсдеками. К тому же Петлюру «не любили» как делегаты-«самостийники», так и делегаты-большевики. С гневной речью на Петлюру обрушился Шаповал, однако сторонникам Петлюры чудом удалось победить.

Однако съезд выражал более радикальные настроения украинских солдат, которым была непонятна «примирительная и соглашательская» политика лидеров Центральной Рады и Петлюры. Съезд потребовал, чтобы Центральная Рада на своей ближайшей сессии провозгласила Украинскую республику и провела немедленную «украинизацию» в армии. Съезд осудил деятельность командующего Киевским военным округом и принял сторону большевиков в их конфликте со штабом округа.

Вообще, съезд тянул «налево», высказывал симпатии к Октябрьской революции. Фактически большинство делегатов выступало за революционное восстание в Киеве. Сторонникам политики Центральной Рады стоило больших усилий удержать съезд от выражения безоговорочной поддержки киевских большевиков.

Делегаты съезда по предложению Петлюры, создали украинский полк «для защиты революции» под командованием подполковника Капкана.

В ночь на 27 октября представители Всеукраинского военного съезда пришли под стены Центральной Рады.

В четыре часа ночи дежуривший в Центральной Раде Петлюра был разбужен и выслушал настойчивое требование представителей съезда немедленно огласить Украину республикой. Он пытался остудить пыл пришедших, убеждая, что для провозглашения республики необходимо точно понимать расстановку политических сил в стране, знать, выстоит большевистское правительство или нет, пойдет ли оно на Центральную Раду войной или нет. Но делегаты перебивали Петлюру, угрожая, что если Центральная Рада немедленно не провозгласит республику, делегаты съезда «возьмут ее на штыки».

После этой буйной ночи штаб округа поставил перед Центральной Радой и Генеральным секретариатом пулеметы и броневики, якобы для охраны от большевиков. Но в действительности это была демонстрация силы в надежде повлиять на политический выбор Центральной Рады.

«Умеренные» из Центральной Рады вынуждены были определиться со своей позицией. С одной стороны, им угрожало разгоном военное командование, которое осталось верным Временному правительству, с другой — требовали решительных действий, «угрожая штыками», свои же украинские солдаты, с третьей — большевики стремились захватить власть на Украине, уже провозгласив власть Советов в Киеве и избрав свой властный Ревком.

Лидер большевиков Григорий Пятаков тогда заявил: «Центральная Рада всадила нож в спину революции!» В киевском Совете рабочих и солдатских депутатов большевики уже одержали полную победу, за их резолюцию о начале революции проголосовало 489 депутатов, против — только 187.

27 октября командующий Киевским округом поляк генерал Кведцинский и комиссар округа украинец Кириенко выступили как против большевистского Совета, так и против Центральной Рады. Для «умиротворения» Киева они вызвали в город части чехословацкого корпуса, который располагался тогда на Киевщине и Волыни. Весть о приближении «чехословаков» вызвала переполох в Центральной Раде.

Подполковнику Капкану было поручено возглавить все украинские военные силы в Киеве и готовиться к борьбе.

В пять часов вечера 29 октября войска штаба округа (юнкера и казачьи части) окружили Мариинский дворец, где находился штаб большевиков, и арестовали членов Ревкома, в том числе и братьев Пятаковых, лидеров рабочего и солдатского Совета.

Под давлением Всеукраинского военного съезда Центральная Рада заявила свой протест против проводимых в Киеве политических арестов. Генеральный секретариат призвал население Киева к спокойствию и фактически поддержал Временное правительство.

В то же время центристские российские и еврейские партии, входящие в Центральную Раду, потребовали от лидеров Рады полного разрыва с большевиками. Центральная Рада на бесконечных заседаниях так и не могла четко определить свою позицию и в конце концов объявила о своем нейтралитете и стремлении избежать кровопролития в условиях войны между большевиками и силами, верными Временному правительству.

29 октября началась седьмая сессия Центральной Рады. В этот день Петлюра выступает на сессии как уже генеральный секретарь военных дел. Он озвучивает позицию Центральной Рады: требование к штабу округа вывести войска из Киева, освободить арестованных большевиков и передать власть Центральной Раде. Эти же требования были изложены в резолюции сессии «О контрреволюционном выступлении штаба округа».

Однако представители Центральной Рады подписали договор со штабом округа, по которому высшая власть в Киеве временно передавалась командующему округом под контролем Генерального секретариата, Генерального комитета, Казачьего съезда, Киевской Думы и Совета.

29—30 октября по всему городу слышна беспорядочная стрельба. Бои идут на Подоле и в Печерске. Центром восстания становится оборонный завод «Арсенал». Восставшие овладевают артиллерийским складом, крепостью, юнкерским училищем...

К восставшим киевским красногвардейцам присоединяются солдаты артиллерийского парка и понтонного батальона, «распропагандированные» большевиками, а также две сотни солдат-украинцев из полка Хмельницкого.

У штаба округа в Киеве насчитывалось около 10 тысяч штыков, у восставших — до 6 тысяч, у Центральной Рады — 8 тысяч штыков. Силы Центральной Рады состояли из вызванных по приказу Петлюры с фронта частей, входивших в состав полков имени Хмельницкого и Полуботка; батальона имени Шевченко и полка делегатов военного съезда.

30 октября Центральная Рада провозглашает автономный статус Украины и избирает Петлюру «новым — старым» генеральным военным секретарем.

В этот же день бои между войсками большевиков и войсками штаба военного округа возобновились с новой силой. Войска округа разгромили основные узлы сопротивления восставших, хотя бои продолжались до вечера 31 октября. Украинские части в этот конфликт не вмешивались, Петлюра приказал им войти в город, накапливать военные силы и постепенно занимать «под охрану» важные стратегические объекты города. Очевидно, к 31 октября «правые» киевские военные уже потеряли всякую надежду на победу. С севера приходили неутешительные для них вести: вечером 29 октября — подавлено антибольшевистское выступление юнкеров в Петрограде, 30 октября — большевиками разгромлены силы, которые вели Керенский и генерал Краснов на Петроград, чаша весов в московском противостоянии склонялась в пользу восставших большевиков... Штабисты узнали также о том, что на Киев из района Жмеринки движется «большевизированный» 2-й армейский корпус. Его прибытие в Киев на помощь восставшим большевикам означало бы неминуемую победу Октябрьской революции.

В таких сложных условиях штаб округа решил передать власть в Киеве Центральной Раде — как силе, способной защитить город от бунта большевиков.

31 октября Украинский Генеральный секретариат призвал воюющие стороны прекратить кровопролитие. Вечером 31-го в помещении штаба округа проходили переговоры между военными, Городской Думой и «радовцами», в которых принимал участие и Петлюра.

Было решено, что военные освободят арестованных большевиков, взамен чего красногвардейцы отпустят 130 плененных юнкеров. В ночь на 1 ноября штаб округа, прекратив всякое сопротивление, должен был организовать эвакуацию своих войск из Киева. Большинство юнкеров, казаков и офицеров было отправлено эшелонами на Дон, к генералу Каледину, поднявшему знамя восстания против ленинского правительства. На Дон выехали и несколько тысяч юношей-юнкеров из трех юнкерских училищ и школы прапорщиков, донские казаки из киевского гарнизона.

Примерно к 10 часам вечера 31 октября штаб округа признал за Центральной Радой право на власть в автономной Украине. После переговоров, сдав власть, офицеры штаба стали искать пути для личного спасения. К этому времени все стратегические объекты Киева были уже заняты украинскими войсками, которыми командовали Симон Петлюра и Юрий Капкан.

ГЛАВА 6

ВОЕННЫЙ МИНИСТР РЕСПУБЛИКИ

1 ноября—12 декабря 1917 г.

Вечером 31 октября закончилась война на улицах Киева, а на следующее утро — 1 ноября 1917-го город пропнулся уже в новом статусе — под властью Центральной Рады, как столица республики Украина. В три часа пополудню в зале Педагогического музея собралось экстренное заседание Центральной Рады. На нем было заявлено о том, что вся полнота власти в Украине (8 губерний + Северная Таврия) переходит к Центральной Раде как высшей законодательной власти (глава М. Грушевский) и Генеральному секретариату как высшей исполнительной власти (глава В. Винниченко). На том же заседании был утвержден новый состав секретарей (министров) из числа украинских эсдеков и эсеров. Симон Петлюра был утвержден секретарем (министром) военных дел, Порш — секретарем по делам труда, Голубович — секретарем по делам торговли и промышленности, Ткаченко — секретарем юстиции... Киевским городским комиссаром был избран федералист Никовский.

Центральная Рада, хотя и была властью автономной, не признала правительство СНК Ульянова-Ленина, а значит, не подчинялась никакой центральной власти и настаивала на формировании нового федеративного, демократического правительства для всей России. Будущее правительство России виделось «однородным социалистическим» — широкой коалицией социалистических партий, от народных социалистов и федералистов до большевиков и левых эсеров включительно.

В начале ноября 1917 года ленинское правительство еще было очень слабым и просто не в состоянии реально бороться с Центральной Радой. В то время «красному» Петрограду грозили выступления во всех казачьих районах России, непокорная армейская Ставка, в Москве еще

продолжались бои за власть, поэтому ленинский СНК ограничился тем, что официально не признал власть Центральной Рады в Украине и только протестовал против присоединения к Украине Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и северной части Таврической губерний.

2 ноября Петлюра уже сделал доклад в Генеральном секретариате о положении «украинизованных» войск и огласил свое заявление о вступлении в должность, в котором были такие слова: «...я беззаветно буду стоять на стороне охраны интересов революционной военной демократии на Украине, как украинской, так и не украинской... Я не считаю возможным касаться распоряжений, что относятся к компетенции главнокомандующих фронтами, где вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующим...» Однако уже через десять дней Петлюра самостоятельно расширит свои полномочия, откинув ограничения своих действий только «вопросами тыла».

7 ноября 1917 года Центральная Рада провозглашает свой Третий Универсал, в котором закреплялось создание Украинской Народной Республики (УНР) в составе пока еще не существовавшей Федеральной республики России. «Не отделяясь от Российской Республики и сохраняя ее единство, мы твердо станем на нашей земле, чтобы своими силами помочь всей России, что бы вся Российская Республика стала федерацией равных и вольных народов», — говорилось в Универсале. Реально такой федерации просто не существовало и не было даже намека на центральное федеральное демократическое правительство.

Однако с «революционным» и «сепаратистским» духом Универсала не могли согласиться некоторые секретари — министры Центральной Рады, которые в знак протеста подали в отставку (Шульгин, Зарубин, Савченко-Бельский, Мицкевич). Их пугала возможность «аграрного террора», который мог начаться после провозглашения Третьего Универсала в украинских селах. Уже через пять дней после принятия Третьего Универсала Центральная Рада была вынуждена приостановить «черный передел» земли.

В честь провозглашения Украинской Народной Республики на Софийской площади Киева состоялся митинг, торжественный молебен и парад войск, верных УНР, донских и кубанских казаков, которые поддержали решение Рады.

На параде Петлюра присутствовал уже в качестве министра. Он купается в лучах славы, общается с представителями миссий и консульств Франции, Англии и Румы-

нии, которые были приглашены на торжества. Представитель Франции генерал Табуи поспешил поприветствовать Центральную Раду в качестве правительства будущей Украины в составе федеративной России. А Петлюра стремится подчеркнуть свою близость к «антантовским кругам», надеясь на скорые «политические дивиденды», хотя Винниченко и Грушевского эти «отношения» только бесят.

С первых дней своего нового министерства Симон Васильевич стремится укрепить свои позиции и вырваться из-под опеки Винниченко и ЦК УСДРП... Он добился того, чтобы начальником Киевского военного округа утвердили его человека — полковника Виктора Павленко.

Начальником Одесского округа был назначен русский дворянин генерал-лейтенант Андрей Ельчанинов. Начальником военных передвижений и руководителем военных реквизиций Петлюра назначает своего «масонского брата» архитектора Шумницкого. В то же время Петлюра стремится поставить под свой контроль и киевскую милицию, став членом Комиссии по охране порядка в республике. Лично Петлюра дает разрешение на формирование в УНР еврейских боевых дружин для защиты евреев от погромов.

В новом качестве Петлюра уже не просит, а требует. Он добивается от Ставки генерала Духонина (временно исполняющего обязанности Верховного главнокомандующего) разрешения на перевод украинских солдат и офицеров с фронтов Первой мировой (Западного, Северного, Кавказского фронтов) на Юго-Западный и Румынский фронты, что были связаны с украинской территорией. Уже 6 ноября представители Центральной Рады подписали с Духониным соглашение о «неограниченной украинизации» отдельных частей. За УНР признавалось право на военное имущество на своей территории.

Однако 9 ноября Ленин сместил генерала Духонина с его поста за его отказ от переговоров о перемирии с немецким командованием. Духонин отказался идти в отставку и проигнорировал приказ Петроградского правительства. В этом его поддержал Петлюра, который рекомендовал генералу воздерживаться от скоропалительных переговоров с немцами и не подчиняться приказам ленинского СНК.

Петлюра думал защитить Ставку, предложив переместить Ставку Верховного главнокомандующего в украин-

ский Чернигов, под защиту армии УНР, намечая выслать в Ставку «для охраны главнокома» надежную Кубанскую казачью дивизию с Украины.

Обратившись к солдатам-украинцам на фронте, Петлюра призвал и солдат не подчиняться приказам СНК, удерживать общий фронт, не участвуя в «братании» с немцами и локальных переговорах. Практически, после разгрома выступления Керенского—Краснова, следующими, кто бросили вызов новой диктаторской власти, стали Духонин и Петлюра. Узнав о «неповиновении» Духонина, ленинское правительство решило напрямую обратиться к солдатам на фронтах с призывом самостоятельно и без разрешения командования заключать перемирия с немцами на отдельных участках фронта. Эта ленинская инициатива привела к фатальным последствиям. Фронт развалился, перестав существовать как единое целое, солдатские массы повсеместно бросили окопы и хлынули в тыл. А недальновидное ленинское правительство, потеряв армию, лишилось возможности равноправных переговоров с немцами. Распустив фронтовые части, ленинцы сами позволили немцам вести переговоры о мире с позиций силы.

Но проиграв в тактике ведения переговоров с противником, большевики выиграли в тактике внутренней борьбы. Теперь они провозглашали то, что хотели слышать солдаты. Солдаты требовали немедленного мира любой ценой, и большевики были готовы на это. В середине ноября немецкое правительство согласилось на предложение большевиков начать переговоры о перемирии. С этого времени боевые действия на фронтах замирают, а армия, лишенная своих военных задач и целей, разлагается и разбегается. Киев осудил попытки заключения сепаратного мира и поспешную демобилизацию фронта, которую проводили большевики.

Армию, что досталась в управление Петлюре, только условно можно было назвать боевой армией. В «украинизованных» частях, по данным Военного секретариата, на Юго-Западном и Румынском фронтах находилось около 300 тысяч солдат (а по всем фронтам числилось до 450 тысяч человек), но реально можно было говорить только приблизительно о 100—110 тысячах штыков и сабель, разбросанных по всей Украине, на фронте и в тыловых частях. Так, к середине декабря 1917 года на Правобережной Украине, в частях, верных УНР, оставалось 20 тысяч солдат, на Левобережной Украине — до 25 тысяч солдат, на юге

Украины до 6 тысяч солдат, на Украинском фронте боеспособных «украинизованных солдат» было около 60 тысяч. На Западном, Северном, Кавказском фронтах было еще до 40 тысяч «украинизованных» солдат, но эти силы, из-за сопротивления большевиков, было практически невозможно перевести в Украину.

Армия Петлюры в ноябре 1917-го рассматривалась и большевиками как реальная сотысячная сила, способная дать отпор посягательству извне.

Петлюра прекрасно понимал, что полный развал старой армии — дело не столь далекого времени, поэтому пытался формировать «надежные» профессиональные части на основе Первого украинского корпуса под командованием генерала Скоропадского.

Генерал Деникин писал, что Петлюра, «владея базой снабжения обоих фронтов, стал поэтому фактически руководителем их..», но это была только одна из причин. Петлюра, на короткое время, сумел переподчинить, сплотить общей идеей и сохранить «украинизованные» армейские части численностью в сто тысяч человек. Это была внушительная сила, с которой большевики в ноябре—начале декабря 1917-го вынуждены были считаться.

17 ноября Генеральный секретариат одобрил разработанный Петлюрой и генералом Б. Бобровским проект реорганизации военного министерства УНР. Проект предполагал необходимость использования кадровых офицеров российской армии в составе армии УНР. В конце 1917 г. около 25 тысяч офицеров российской армии, оказавшись безработными в стране Советов, изъявили желание служить в украинской армии. Но Винниченко, Грушевский и другие «партийцы» по идеологическим соображениям отталкивали кадровых офицеров, боясь «правого» офицерского переворота и появления украинских «наполеонов».

Особое подозрение у «партийцев» вызвал созданный Петлюрой Украинский Генеральный штаб во главе с Борисом Бобровским — генерал-майором российской армии, выпускником Академии Генерального штаба. Вокруг Генерального штаба стали собираться кадры «военспецов»-профессионалов: генералы Дельвиг и Омелянович-Павленко; полковники Пашенко, Пилькевич, Сливинский, Кузьма. Петлюра сумел привлечь на службу Украинской республике генералов императорской армии, в большинстве своем неукраинского происхождения и далеко не «революционной» биографии. Командующими дивизиями и

корпусами Украинского фронта стали генерал-майоры бывшей царской армии.

20 ноября в штаб Петлюры пришла страшная весть — главнокомандующий Духонин был зверски растерзан солдатами на вокзале Могилева. Власть в Ставке перешла к приехавшему из Петрограда большевику-прапорщику Николаю Крыленко.

Через два дня в Киев приехали «остатки» штаба Духонина и военные миссии Франции, Англии, Румынии, которые находились при Ставке. Петлюра организовал пышную встречу «беженцам» из Могилева.

После краха «проантантовской» Ставки армия Петлюры стала рассматриваться представителями Антанты как сила, способная удержать хотя бы часть Восточного фронта, отвлекая на себя часть немецких и австрийских войск, и даже дать отпор большевикам. Положение Антанты было далеко не блестящим, особенно после осеннего, 1917 года, разгрома Италии, и блок искал силу, которая смогла бы противостоять немцам на Восточном фронте. Но ставка на Украинский фронт была только самообманом. Солдаты-украинцы не хотели воевать, и снова загнать их в окопы было просто невозможно. Надеясь на чудо, на то, что Украинская республика сможет хоть как-то помочь Антанте, Франция 5 декабря 1917 года признала государственность Украины «де-факто».

Если в начале ноября отношения между Центральной Радой и большевиками были достаточно лояльными и местные большевики даже требовали «портфель» в украинском правительстве, то после разгрома большевиками Ставки в Могилеве отношения накалились.

По Украине поползли слухи о том, что на Киев наступают эшелоны с верными ленинскому СНК частями с целью разгромить Раду. 21 ноября, на фоне тревожных слухов, собралось чрезвычайное заседание Малой Рады. Снова, не признавая полномочий ленинского СНК, украинские политики мечтали о возникновении справедливого федерального правительства и о всеобщем мире «с согласия союзников».

23 ноября Петлюра заявляет об объединении Юго-Западного и Румынского фронтов в единый и самостоятельный Украинский фронт, войска которого будут подчиняться только приказам украинских властей, игнорируя приказы СНК. Командующим Украинским фронтом, по настоянию Петлюры, был назначен генерал-полковник Дмит-

рий Щербачев (выпускник Академии Генерального штаба, командир частей императорской гвардии, командарм, а с 1917 года — командующий Румынским фронтом).

Парадоксально, но опасность иногда заключалась не столько в недостатке армейских частей, сколько в их наличии. Одновременно с украинизацией армии на украинских землях шла активная большевизация солдатских масс. Целые корпуса, через солдатские Советы, заявляли о своем признании правительства Ленина и командования Крыленко. Большевистские агитаторы умело натравливали революционных солдат на Центральную Раду, «приглашая» их к походу на Киев для свержения «контрреволюции». Разложившаяся армия таила огромную опасность для Украинской республики.

Чтобы ликвидировать эту опасность, Петлюра издает приказ о демобилизации всех русских солдат из частей Украинского фронта, демобилизации подлежали также и офицеры, отказавшиеся служить Центральной Раде. Но этот приказ только увеличивал хаос и анархию в армии. Если большевики и анархисты убивали офицеров, то власти УНР стремились просто от них избавиться. Но куда могли деться тысячи русских офицеров тыловых организаций, у которых были на Украине свои семьи, квартиры? И кем их было заменить при отсутствии офицерских кадров в «украинизованных» частях?

Петлюра еще в начале ноября предлагал перейти к полному разоружению большевистски настроенных частей, особенно 7, 8, 11-й армий, однако Винниченко и в этом вопросе был категорически против, призывая проводить только «идейную борьбу». Винниченко в ноябре 1917 г. Петлюра уже стал раздражать своей самостоятельностью, независимостью, недостаточной «революционностью». Недруги Петлюры стали обвинять его в военной некомпетентности, используя критику Петлюры в армейских кругах 9-й армии. Однако фронтовой Совет Юго-Западного фронта поддержал Петлюру.

В эти же дни Петлюра ведет переговоры, по прямому проводу, с новым «хозяином Ставки» большевиком Крыленко. Пока еще обе стороны стремятся избежать открытого конфликта...

Крыленко требует задерживать на Украине все казачьи части, что продвигались с фронта «домой», и не пропускать их на Дон и Кубань, а также освободить для продви-

жения «красных» войск железные дороги Левобережной Украины — для удара в тыл казачьих войск. Но Петлюра ответил резким отказом на подобные требования, заявив, что он пропустит две казачьи дивизии на Дон и что не имеет морального права не пропускать домой казаков, а проблему Дона можно решить только путем переговоров.

События ночи с 29-го на 30 ноября 1917 года пресекли «Октябрьскую революцию в Киеве». Петлюре выпадает миссия пресечь три попытки большевистских переворотов в Киеве: в ноябре и в декабре 1917 года, в январе 1918-го. Пожалуй, если бы он не проявил в эти дни воли, огромной энергии, молниеносной реакции, Центральная Рада могла прекратить свое существование через 30, 36 или 80 дней. Эти события показали, что из всего руководства республики один Петлюра был способен на решительные действия.

29 ноября разведка «оперативно донесла» Петлюре, что на заседании подпольного Военно-революционного комитета большевиков был принят план Леонида Пятакова о начале большевистского восстания в Киеве: в семь утра 30 ноября, после предъявления Центральной Раде ультиматума, с требованием передать власть большевикам. Петлюре стали известны и подробности плана восстания, и количество военных частей, что поддержат заговорщиков. Те действовали по знакомому и испытанному Октябрьской революцией ленинскому сценарию. Как и в октябре, киевские плагиаторы решили поднять восстание за несколько дней до созыва съезда Советов, на этот раз, правда, Всеукраинского (съезд должен был открыться 3 ноября). Большевики надеялись захватить мосты через Днепр, Арсенал, вокзал. Артиллерия большевиков должна была ударить по зданию Центральной Рады и по «скоплениям петлюровских войск».

Надеясь на успех восстания, большевики думали подтвердить свою обретенную после победы восстания в Киеве власть решениями Всеукраинского съезда Советов, который в случае такой победы уже гарантированно был бы «большевистским».

Петлюра немедленно начал действовать, понимая, какая угроза нависла над республикой. Ночью 29-го он направил части Первой сердюцкой дивизии во главе с Павленко на разоружение военных частей, которые выразили свое желание принять участие в восстании.

До 12 тысяч украинских войск киевского гарнизона, собранных Петлюрой, были выведены из казарм около полуночи... В эту ночь были разоружены большевистски настроенные солдаты двух авиапарков, понтонного и телеграфного батальонов, пяти артиллерийских батарей, «красная гвардия» трех заводов, Подола, Шулявки — всего до 7 тысяч человек. Войсками Петлюры было захвачено у большевиков: 10 батарей, более 200 пулеметов, 2 броневика, 6 самолетов, 5 миллионов патронов. Разоруженных солдат русского происхождения уже под утро свезли на Киевский вокзал и под охраной отправили в эшелонах к российской границе. Выявленные среди заговорщиков солдаты-украинцы немедленно демобилизовывались.

Узнав, что киевское восстание — это только часть плана заговорщиков и что на Киев направляются с фронта значительные части революционного 2-го гвардейского корпуса, Петлюра приказал украинским частям разобрать железнодорожное полотно, блокировать узловые станции, ввести жесткие правила въезда в Киев и немедленно разоружить подозрительные военные части. Генерал Скоропадский был назначен командующим всеми войсками Правобережья и прикрыл Киев от наступления 2-го корпуса. Его войска разоружили и разогнали деморализованные солдатские массы, устремившиеся к Киеву. Члены Киевского Революционного комитета (лидеры восстания — Пятаков, Пуке, Бош) и несколько лидеров профсоюзов и советов были арестованы и просидели день в тюрьме. Несмотря на протесты Петлюры, Винниченко выпустил заговорщиков, хотя о заговоре в Киеве не слышал только глухой.

Вся эта грандиозная акция, предотвратившая большевистскую революцию, стоила жизни одному украинскому бойцу: заговорщики от неожиданного напора растерялись и практически не оказывали заметного сопротивления.

В это же время разоружение мятежных частей происходило еще в десяти городах Украины в четырех городах Украины, по подозрению в заговоре, были распущены Советы. Однако, несмотря на разоружение, напряжение в Киеве не спадало. В ответ на акцию Петлюры профсоюзное Бюро объявило о всеобщей забастовке в городе.

2 декабря на заседаниях Малой Рады расследовались события 30 ноября. Чувствуя за собой силу армии, лидеры УНР резко и единодушно охарактеризовали эти события.

Винниченко тогда заявил, что «большевики хотят уничтожить наше государство... затянуть нас в гнилое петербургское болото». Генеральный секретариат, узнав правду о событиях, впервые назвал большевиков врагами Украины.

После провала плана вооруженного восстания в Киеве ленинское правительство решило действовать путем угроз, а так же внешнего и внутреннего давления на Центральную Раду.

4 декабря Центральная Рада получила от СНК «подаорок» — ультиматум. В нем от Центральной Рады, под угрозой войны, требовалось: прекратить «дезорганизацию общего фронта», прекратить пропускать эшелоны с казаками на Дон через Украину, прекратить «разоружение советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и возвратить им немедленно оружие...», обязаться «оказывать содействие революционным войскам в деле борьбы с контрреволюционным кадетско-калединым восстанием». За невыполнение этих требований или при отсутствии утвердительного ответа на них в течение 48 часов ленинское правительство угрожало, что «будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти на Украине и в России».

Центральная Рада отменила все обвинения и поставила свои условия прекращения конфликта: признание УНР, невмешательство в ее внутренние дела и в дела Украинского фронта, разрешение выезда «украинизованных» войск на Украину, разделение финансов, участие УНР в общих переговорах о мире.

Однако, 7 декабря последовал новый ультиматум СНК. На этот раз кремлевские хитрецы формально признали право каждого народа на самоопределение, но не признали самой Украинской республики, заявив, что переговоры о возможном признании могут начаться только после немедленного отказа от «какой бы то ни было поддержки калединого мятежа».

Этот большевистский ультиматум остался без ответа и вопрос о «войне и мире» завис в воздухе. Политики Рады уже было обрадовались «забычивости» Кремля... Но Ленин не забывал об Украине, просто было принято решение подготавливать военную акцию в глубочайшей тайне... Для «удобства» вторгающейся армии и «молодой» советской дипломатии необходимо было начать войну без объявления войны.

Появление первого ультиматума было «приурочено» к открытию Всеукраинского съезда Советов. От ультиматума ленинский СНК ожидал определенного агитационного эффекта. Но получилось скорее обратное... Даже местные большевики стыдливо оправдывали содержание ультиматума «непониманием» местных украинских проблем «питерскими» руководителями.

Дело было даже не в ультиматуме, а в съезде Советов. После провала вооруженного восстания у большевиков оставалась надежда на мирное «перетекание власти» — путем провозглашения недоверия Центральной Раде Всеукраинским съездом Советов. Но и с этим съездом местные большевики опростоволосились. И опять их переиграл Петлюра...

После событий ночи 30 ноября Петлюра оказался самым влиятельным и популярным государственным лидером УНР. Его авторитет, его, как сейчас сказали бы, харизма уже подавляли путаных, вялых и нерешительных Винниченко и Грушевского. Из «тихого» министра он превратился в самостоятельного политика, в центр притяжения различных политических сил. Сплоченная каста офицеров, возможно, уже увидела в Петлюре будущего военного диктатора; «правым» — федералистским и «самостийныцким» кругам — он импонировал своими решительными действиями, направленными против большевиков. Да и сам Петлюра, почувствовав свою силу, стремился переиграть противников. Он как никто другой знал о слабости власти и о серьезной опасности большевистского подполья. Разоружив киевских большевиков, он ожидал продолжения борьбы в иных формах. Именно Петлюра потребовал от правительства принять меры к предупреждению возможного большевистского переворота под маркой «мирных народных» решений съезда Советов.

Всеукраинский съезд Советов готовили «изобретательные» большевики, и они постарались разработать квоты делегирования так, чтобы гарантировать себе полную победу на съезде и «законным» образом, путем народного волеизъявления, отстранить Центральную Раду. Хотя съезд и назывался съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, украинское крестьянство, составлявшее до 80% всего населения Украины, и солдатские массы «украинизованных» частей стараниями большевиков практически отстранялись от решения судеб Украины.

Петлюра и руководство «Селянской спилки» решили принять незамедлительные контрмеры и наравне с рабо-

чими с востока и юга Украины направили на съезд украинских крестьян и солдат.

Во время открытия съезда Петлюра «сконцентрировал» в Киеве, «на непредвиденный случай», значительные военные силы, а также приказал верным военным «украинизованным» соединениям прислать на съезд своих делегатов.

Съезд проходил в здании киевского Купеческого собрания 4—6 декабря 1917 года и собрал около двух тысяч делегатов. Победа Петлюры, да и всей Центральной Рады, состояла в том, что оперативно на съезд прибыли (без приглашения большевистского оргкомитета) 670 делегатов от «Селянской спилки» и 905 делегатов от украинского войска. Они просто подавили большевиков своей численностью, силой захватили помещения мандатной комиссии и сами выписали себе мандаты делегатов. Это было «революционное насилие» в ответ на «революционную несправедливость».

После этого делегаты-большевики оказались в «подавляемом» меньшинстве. Они могли полностью рассчитывать только на 125 голосов делегатов съезда, которые представляли 49 советов из более чем 300 советов по всей Украине. Этому меньшинству большинство съезда не позволило даже говорить, определив их в «немецкие шпионы». Поняв, что битва изначально проиграна, большевики ушли со съезда, отказавшись признать представительство съезда и заявив, что съезд превратился в митинг, а новое делегирование — фальсификация и подтасовка.

Петлюра же праздновал вторую свою громкую победу... Он предрекал на съездовском заседании 5 декабря: «На нас готовится поход! Мы ощутили, что нам, украинским демократам, в спину кто-то готовит нож... Большевики концентрируют свое войско для разгрома Украинской республики... Первые эшелоны из Гомеля подходят к Бахмачу (крик из зала «Правду!»). Правду! У меня документы на руках!»

Вскоре на заседании Малой Рады Петлюра заявил, что «ультиматум лишь начало агрессивных действий против нас... мы будем только отбиваться, но твердо и решительно...»

Действительно, в районе Брянск—Белгород на границе с УНР большевики еще с конца ноября 1917 года собирали крупные военные силы. Минский отряд большевика Берзина уже двигался по железной дороге к Харькову... Правда, основная цель у них была иная — борьба с мятежным Доном.

Именно в дни проведения съезда произошел первый вооруженный конфликт с советскими частями. Войска, верные Центральной Раде, отказались пропускать через узловую железнодорожную станцию Бахмач отряд Берзина (3 полка и артдивизион), который надеялся «проскочить» через украинскую территорию и ударить в тыл «белоказакам». Натолкнувшись на решительное сопротивление, «красные» вынуждены были повернуть обратно...

Окрыленные недавними победами над большевиками, Винниченко и Грушевский, забыв свою извечную осторожность, призвали готовиться к обороне против «нашествия» большевистских войск. Всеукраинский съезд Советов практическим единогласно (после ухода со съезда большевиков) поддержал политику Центральной Рады и вынес резолюцию: считать ультиматум СНК покушением на Украинскую республику. Съезд так же решил приложить все усилия, чтобы не допустить войны между Украиной и Россией. Решительные заявления и действия лидеров Центральной Рады подстегивались постоянными слухами о том, что большевики «долго у власти не продержатся», и намеками французских эмиссаров на помощь Антанты в случае вооруженного конфликта.

26 ноября Петлюра принял французских и английских представителей. Французский посол в России Жорж Нуланс со своей стороны заявил, что Франция будет помогать УНР в создании украинских вооруженных сил.

До Октябрьской революции французские представители считали, что в Киеве засела «банда фанатиков без всякого влияния, что разрушают государственность в интересах Германии». С ноября 1917-го представители Антанты стали проявлять открытые «союзнические чувства» к Украине.

Уже в первых числах декабря 1917 года «красный» главнокомандующий Крыленко обратился к солдатам-фронтовикам с заявлением о том, что ленинский СНК будет бороться «за независимую Украинскую республику... где власть будет в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Это стало первой декларацией будущей войны. Крыленко приказывал: «...украинизацию предписываю прекратить везде и безоговорочно». С «Радой», по мнению Крыленко, нужно было решительно покончить: «...снять войска с фронта, захватить железнодорожные станции и разгромить контрреволюционное гнездо». Во исполнение

приказов Крыленко на Смоленщине и в Белоруссии было разоружено до шести тысяч «украинизованных» солдат, двигавшихся по приказу Петлюры на Украину.

В ответ на демарши «красных» Петлюра приказал украинским частям Северного фронта, которые стояли у Царского Села, организовать борьбу против большевиков у стен самого Петрограда — блокировать, остановить советские отряды,двигающиеся на Украину. Это был фантастический приказ, ведь «украинизованные» войска под Петроградом были разобщены и малочисленны и не могли оказать серьезного сопротивления красным. Тогда же появилось воззвание Петлюры к воинам-украинцам, требовавшее не выполнять приказов ленинского СНК. Эти приказы подстегивали советское правительство к решительным действиям против «украинских мятежников».

Однако ленинское правительство прежде всего беспокоила активная «внешнеполитическая» деятельность Центральной Рады по формированию нового общероссийского федерального центра власти, возможность создания альтернативного Всероссийского правительства — центра борьбы против «октябрьских» комиссаров в Киеве, как в «матери городов русских», возможность переноса Всероссийского Учредительного собрания в Киев. Исторически и политически Киев подходил для роли новой столицы антибольшевистской демократической федерации. К тому же Центральная Рада уже начала переговоры с федеральным правительством Дона. Это антибольшевистское правительство провозгласило Область Войска Донского независимой от СНК территорией, а казачьи отряды уже разогнали на Дону советы и перешли к террору против большевиков. В конце ноября 1917 года Центральная Рада обратилась к представителям правительств казачьих автономий: Дона, Кубани, Урала, к правительствам Молдавии, Башкирии, Крыма, Кавказа, Сибири, предлагая им вступить в переговоры о создании будущего федерального центра России. 5 декабря 1917 года в ответ на ультиматум СНК руководство Украинской республики направило ноту всем федеративным правительствам России, призвав ускорить создание Всероссийской федеративной республики.

В свою очередь, ленинский СНК на своем заседании 5 декабря 1917 года постановил «считать Раду в состоянии войны с нами», хотя это решение сохранялось еще больше месяца в глубокой тайне. В этот же день большевик Владимир Антонов-Овсенко был назначен главкомом войск

«для борьбы против Центральной Рады и Каледина», а у границ с УНР стали концентрироваться «красные» войска. Одновременно командующего Украинским фронтом генерала Щербачева и его штаб «красные» комиссары объявили «вне закона».

Уже 6 декабря большевикам (лидер — Евгения Бош) удалось сагитировать солдат 2-го гвардейского корпуса на новый поход с фронта то ли на Киев, то ли на Ростов... Однако восставшие неизвестно против кого солдаты смогли пойти с боями только до станции Шепетовка. Тогда же части Отдельной и 11-й армий под руководством большевика Чудновского также направились с фронта (из района Проскурова) на Шепетовку. Этой группе повезло больше — мятежные солдаты смогли занять Шепетовку и Жмеринку, но развить наступление на Киев уже были не в состоянии. Большинство самодемобилизованных солдат разбежались по домам или «растворились» в украинской провинции. Солдатские группы, которые еще вчера на митингах ратовали за «мировую революцию», в декабре 1917 года превратились в банды мародеров, которые, двигаясь с фронта на восток, грабили и убивали.

В начале декабря солдатская вольница лишилась своего руководящего ядра: по приказу Петлюры и генерала Щербачева были арестованы большевистские ревкомы Румынского и Юго-Западного фронтов, штабы нескольких армий, где «царствовали» большевики. Украинский корпус Скоропадского и отряды «Вольных казаков» достаточно легко разоружили эшелоны «подозрительных» солдат в районе станций Козятин—Белая Церковь.

С 6 декабря 1917 года в Харьков начали просачиваться «красные» отряды из России. Именно Харьков избрал Ленин базой для наступления против «белоказаков» и «петлюровцев».

10 декабря Петлюра обратился к Крыленко с протестом против арестов украинских солдатских советов. Петлюра ультимативно потребовал в течение 36 часов освободить арестованных украинских военных, в противном случае обещая «ответить на насилие» СНК.

Тогда же до Петлюры дошла перехваченная радиотелеграмма, в которой Крыленко откровенничал: «Вскоре мы будем иметь возможность взяться за этих панов... Перемирие (9 декабря было подписано перемирие с немцами. — В.С.) подписано на целый месяц, а поэтому мы можем взять целую армию и посмотрим, что будут делать такие паны, как Петлюра».

Именно на Петлюру как на «главного врага революции» повсеместно указывали большевики. По их мнению, именно он «решил пропустить казаков на Дон и стал союзником донской контрреволюции», именно он «разоружил советские войска», он и только он «развалил общий фронт, приказав украинцам немедленно двигаться на родину».

После начала крупномасштабной войны войск Советов против донских казаков Центральная Рада автоматически оказалась в союзе с врагами СНК. Несмотря на заявления Центральной Рады о своем «нейтралитете», Петроград обвинил ее в «тайных переговорах» с контрреволюционным генералом Калединым.

В начале декабря 1917 года (очевидно, уже после 5 декабря) обостряется «личный» конфликт Винниченко и Петлюры, который уже через месяц приведет к фатальным последствиям для Украинской республики.

Винниченко считал, что только Петлюра был виновен в опасном конфликте с ленинским СНК и что его отставка с поста военного министра позволит избежать войны между Украинской республикой и Советской Россией. Свою личную неприязнь к Петлюре как к политическому конкуренту Винниченко облакал в политические формы, что приводило к эволюции позиций Винниченко «влево», а позиций Петлюры — «вправо» от «генеральной линии» украинской социал-демократии. И это относилось не только к партии эсдеков... Винниченко умел находить общий язык с украинскими эсерами, а Петлюра уже мог опереться на «самостийныкив» и федералистов. В руководстве республикой стал намечаться личностно-политический разлом...

Винниченко считал необходимым присоединиться к постановлению ЦК партии украинских эсдеков о замене профессиональной армии народной милицией. Ему идея о ликвидации армии импонировала тем, что ее реализация значительно ослабляла бы позицию Петлюры. Петлюра же отстаивал сохранение и укрепление регулярных военных частей, ратовал за большую армию, способную сражаться на германском и большевистском фронтах. Именно боеспособная армия обещала Петлюре лидирующее положение в республике.

Петлюра боролся и за сохранение принципа единоначалия в армии, за сохранение в новой украинской армии старых офицеров... Винниченко же и по этому вопросу

был против Петлюры. Премьер обвинял своего министра в «антидемократизме», связи с реакционным офицерством, «уступках военщине». Атеиста Винниченко раздражали и многочисленные церковные молебны по случаю государственных торжеств, проводившиеся по личной инициативе Петлюры.

Премьер пытался активно вмешиваться в дела военного министерства, назначать на важные посты своих людей. Но Петлюра, рассматривая такие действия как посягательство на свои функции, стремился не дать Винниченко укрепиться в военном министерстве.

После ликвидации опасности большевистского переворота в Киеве конфликт двух лидеров возродился с новой силой из-за дивизий сердюков, которые формировались под личным контролем Петлюры и Павленко. 20 ноября 1917 года из ряда «украинизованных» частей стали формироваться три профессиональные, элитные дивизии. В этих дивизиях ликвидировались солдатские комитеты, была введена строгая дисциплина, офицерское единоначалие... Петлюра утвердил оригинальный проект формы сердюков, они отличались от других украинских формирований наличием высоких папах с длинными красными шлыками. Солдаты дивизии получали хороший «харч» и определенную плату за службу...

Это был зародыш новой профессиональной армии, которая могла защитить УНР в будущем. В сердюцкое формирование (как 3-я сердюцкая конная дивизия) были записаны остатки 9-й конной дивизии (уланские, гусарские, драгунские отряды) генерал-майора А. Ревинина. Винниченко видел в сердюцких дивизиях, и особенно в 3-й конной дивизии, реакционную силу, которая способна свергнуть «революционную власть Центральной Рады».

Украинские социалисты не зря подозревали Петлюру в «офицерских симпатиях» и «правом» уклоне. Несколько позже Петлюра, как сообщает В. Шульгин, при посредничестве С. Моркотуна стремился «организовать» многочисленных русских офицеров для защиты Украинской республики. Именно Моркотун свидетельствует о том, что Петлюра готов был в конце 1917 года даже порвать «с большевизмом Винниченко и с австрофильством Грушевского», утверждая, что «имеет только двух врагов — немцев и большевиков и только одного друга — Россию».

Петлюра фактически разрешил выезд с Украины вооруженным российским казакам, офицерам, юнкерам —

«на Дон! К Корнилову! К Каледину!» Владимир Антонов-Овсенко писал: «Через Полтаву и дальше на Лозовую шло густое движение казачьих эшелонов... Надо было во что бы то ни стало преградить поскорее этот поток».

Более того, Петлюра взял на себя функции министра иностранных дел и вел тайные телефонные переговоры с генералом Калединым и добился от него разрешения на переезд «украинизованных» частей с Дона на Украину.

Винниченко через контролируемую им киевскую «Робитничу газету» («Рабочую газету»), начал кампанию против сердюцких дивизий, которая прежде всего метила в Петлюру. Эта газета сравнивала сердюков с «белой гвардией», писала, что образование подобных дивизий — «затея буржуазных кругов общества или их прихвостней, и поэтому вся демократия должна объявить этим буржуазным намерениям самую решительную борьбу».

Следующим конфликтом Петлюра—Винниченко стал спор из-за донских казачьих частей. Петлюра утверждал, что порывать связи с российскими казаками «нам не выгодно», а Винниченко стал настаивать на немедленном разоружении казачьих эшелонов, шедших по Украине на Дон, Урал, Кубань, Терек. Проиригнорировав мнение премьера, Петлюра сумел организовать «свою временную фракцию» среди секретарей-«министров» и благодаря этому добился решения пропускать казачьи эшелоны через Украину.

В поддержку Винниченко против Петлюры выступили Шаповал и Грушевский, заявляя, что Петлюра «ничего не сделал в военном вопросе», хотя именно Грушевский, Шаповал и Винниченко ратовали за «народную милицию» и постоянно препятствовали формированию украинской армии.

Но Петлюра был не единственным «кандидатом в наполеоны», от которого Винниченко и Грушевский ожидали военного переворота. Еще с середины ноября 1917 года руководство республики считало, что на такой поступок способен и генерал-лейтенант Павел Скоропадский — командующий Первым украинским корпусом. Скоропадский открыто выражал свое недовольство руководством республики и «революционными реформами». Он действительно готовил переворот, и шагом к его реализации стало его избрание атаманом «Вольного казачества», которое располагало к этому времени почти 40 тысячами бойцов-добровольцев. Вместе с частями верного Скоропадскому

корпуса против Центральной Рады могли выступить до 70 тысяч вооруженных людей. Этого числа было вполне достаточно, чтобы успешно провести свержение Центральной Рады.

Справка: «Вольное казачество» — добровольные военно-милицейские вооруженные формирования, созданные в селах и городах Центральной Украины весной—летом 1917 г. на основе самоорганизации, выборности командиров, независимости от государственных институтов для борьбы за независимость Украины. Использовалось как милиция против мародеров и бандитов.

Военные столкновения «Вольных казаков» с войсками Центральной Рады уже наблюдались во время попыток разоружить отряды «Вольных казаков». Казачья фронда грозила реальной опасностью для киевских политиков еще и потому, что значительные силы «Вольных казаков» находились у самого Киева, в районе Белой Церкви и Канева. Скоропадский начал разрабатывать совместно с офицерами корпуса план похода на Киев после того, как на съезде «Вольного казачества» прозвучало требование немедленно провозгласить полную независимость государства Украина и «призвать» к власти диктатора — гетмана.

Реализации плана похода на Киев мог способствовать приказ Петлюры о мобилизации «Вольного казачества» по всей Украине. Именно этим приказом воспользовались заговорщики; 8 декабря 1917 года «Вольные казаки» двинулись на Киев; уже был написан манифест гетмана к народу о формировании новой власти. Но в последний момент Скоропадский отказался от проведения переворота. Какова была роль Петлюры в этих событиях? Тут мы входим в зыбкую область догадок и предположений...

ГЛАВА 7

ОТСТАВНОЙ МИНИСТР

13 декабря 1917 г.—13 января 1918 г.

Популярность Петлюры достигла своего апогея к середине декабря 1917 года. Винниченко, считавший себя «правителем» Украины и ее «судьбой», косился на Петлюру, видя в нем главную опасность для своего премьерства. Этим двум лидерам было уже давно тесно в одном министерском кабинете и в одной партии. А тут еще провал в организации обороны страны привел к поиску «виноватых», и зашаталось под Симоном Петлюрой кресло военного секретаря-министра.

В чем только в этот момент не обвинял премьер Петлюру: и в «реакционности», и в «стремлении к личной военной диктатуре» на «манер Наполеона», и в «игнорировании политики Центральной Рады», и в «стремлении к популярности и культу», и в «неспособности провести «украинизованные» войска с других фронтов на Украину»...

По прошествии двух с половиной лет, уже после разгрома Украинской республики, премьер Винниченко в своих воспоминаниях каялся в том, что в декабре 1917 года сместил со своего поста Петлюру.

«Не видя, не желая видеть действительных причин наших неудач, наши руководящие партии стали искать их в персоналиях. Гнев пал на генерального секретаря военных дел С. Петлюру. Социал-демократическая фракция Центральной Рады подвергла его деятельность суровой критике. Его обвиняли и в любви к парадам, и в любви к внешним эффектам, в неспособности к организаторской работе, в необразованности в военных делах, в метаниях и саморекламе... Однако понятно, что обвинение будто бы Петлюра наиболее виноват в наших неудачах, не является справедливым... Когда б на месте С. Петлюры был самый гениальный человек, он так же не смог бы ничего сделать потому, что переломить наши неудачи было не под силу

одному человеку. И это подтвердилось очень хорошо, когда социал-демократическая фракция отозвала из правительства С. Петлюру... Не в личностях было дело. Если бы ожил Александр Македонский или Наполеон и захотел помочь Центральной Раде и Генеральному секретариату, то и это не помогло бы...».

Так писал Винниченко, все еще оставаясь непримиримым врагом Петлюры!

Главный козырь Винниченко — обвинение Петлюры в том, что своими резкими, необдуманными действиями последний практически спровоцировал военный конфликт между УНР и Советской Россией. В этом обвинении были свои резоны, но надо отметить, что вовсе не единоличные действия Петлюры привели к военно-политическому столкновению между РСФСР и УНР. Конфликт между большевиками и сепаратистской Центральной Радой коренился в идеологических, социально-политических, экономических, исторических противоречиях, был неизбежен, даже если бы на месте Петлюры был осторожный социалист Винниченко, желавший любыми уступками задобрить Советскую власть.

Ведь Винниченко еще в середине декабря 1917 года заявлял, что главная опасность для Украины кроется не в претензиях ленинского СНК, а в попытках реставрации царизма, и нужно уже сейчас готовиться «к борьбе с этим злом». В отношениях с Советской Россией он предлагал любыми путями избегать кровопролития и ограничиться направлением в Петроград ультиматума с требованием ответа «воюет Советская Россия против Украины или нет». Но Советская Россия не хотела видеть дружески протянутой руки. Центральная Рада была провозглашена скопищем буржуев, контрреволюционеров, предателей, националистов и врагов пролетариата.

Совершенно разные позиции были у однопартийцев Винниченко и Петлюры и по отношению к союзу с казачьим правительством Войска Донского. Так, премьер Винниченко видел в донских казаках «темную, политически и социально слаборазвитую» силу, что «слушается своих генералов». Премьер заявил: «Украина будет лучше воевать с Доном, чем его поддерживать... там (на Дону. — В.С.) реакция, с которой нам придется бороться».

Петлюра же в казачьих частях, на фронте и в тылу надеялся обрести опору в борьбе с большевиками и фактор политической стабильности. Он считал, что донские

казаки еще в состоянии выставить 250-тысячную армию и союз с казаками просто необходим УНР как реальная сила сдерживания большевиков, как сила, контролирующая угольные районы и патронные заводы. А уголь и патроны были необходимы для обороны Украины. К тому же казачьи лидеры рекомендовали донским казакам на Украине поддерживать УНР и оказывать ей помощь в борьбе против большевиков. Центральная Рада, проводя политику формирования «свободной федерации народов» бывшей Российской империи, не могла не поддерживать федерализма казачьих территорий Дона, Кубани, Терека...

Премьер, угрожая отставкой Петлюре, вынудил его отстранить от должности командующего Киевским военным округом своего единомышленника и свою главную «военную опору» — Виктора Павленко — как «реакционного офицера» и заменить его штабс-капитаном социалистом Николаем Шинкарем. Такое назначение выбивало почву из-под ног Петлюры, так как он уже не мог опереться на серьезную военную силу в столице. За ним уже не стояли штыки верных сердюков.

В тот же день в некоторых «левых» киевских газетах была опубликована статья Сталина «К украинцам тыла и фронта», в которой большевистский лидер прямо указывал на Петлюру как на виновника конфликта между УНР и Советской Россией. Сталин писал, что Петлюра разваливал фронт, «став созывать в своих приказах на Украину все украинские части с фронтов», что по приказу Петлюры «советские войска» в Киеве подверглись нападению и были разоружены, что Петлюра приказал не пропускать через Украину «революционные отряды против Каледина». Практически Сталин намекал политикам Центральной Рады на то, что для сохранения мира с Советской Россией надо избавиться от воинственного Петлюры.

К пятнадцатому декабря киевским политикам стало ясно, что главной угрозой для существования власти Центральной Рады стали события в Харькове. Во-первых, в Харькове с начала декабря, нарушая провозглашенную месяц назад самостоятельность Украины, стали концентрироваться без всякого согласия на то Центральной Рады разнообразные советские войска из «красной» России. Сначала было заявлено, что приход этих войск вызван только необходимостью продвижения по украинской железной дороге войск Советов, направляющихся против мятежного Дона.

Украинским властям раздавали заверения в том, что частями красных временно используется только железная дорога Украины для нанесения неожиданного удара в тыл мятежным «белоказакам».

Но часть войск, что окопалась в Харькове, и не думала следовать на Дон. Еще 8 декабря в Харьков прибыли «красные» отряды под началом фон Сиверса и матроса Ховрина из 1600 человек при 6 орудиях, 3 броневиках. С 10 по 16 декабря в Харьков без всякого разрешения украинских властей прибыло еще до пяти тысяч солдат из Петрограда, Москвы, Твери во главе с командующим (назначенным по личному распоряжению Ленина) Владимиром Антоновым-Овсеенко и его заместителем Муравьевым. Кроме того, в Харькове находилось три тысячи красногвардейцев и пробольшевицки настроенных солдат старой армии.

Позднее «красный» командующий Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях укажет, что отряд Сиверса и матросы-балтийцы Ховрина в Харькове «разложились», пьянствовали, терроризируя население арестами и расстрелами, производя реквизиции-грабежи. В Антонов-Овсеенко писал, что штаб отряда Сиверса превратился в судилище, где судьи «считали всякого белоручку достойным истребления». В Харькове в те дни действительно установилась полная анархия, причем даже местные большевики во главе с Артемом-Сергеевым и харьковская городская Дума настоятельно требовали вывести буйные «красные» отряды из города. Уже 10 декабря прибывшие из Советской России войска провели в Харькове переворот, арестовав украинского коменданта города и члена Войсковой украинской Рады, захватив броневика войск УНР.

Сначала Антонов-Овсеенко, сосредоточившись на борьбе с Доном, в отношении УНР вел политику пассивного противостояния и не рассчитывал на быстрое наступление на Киев. Большой опасностью казались «белоказаки»... Из-под ареста, по настоянию местных большевиков, были отпущены украинские администраторы, с местным украинским гарнизоном поддерживался нейтралитет. Очевидно, в декабре ленинское правительство еще не готово было к полномасштабной войне против УНР. Причиной тому были переоценка реальных сил УНР, нестабильность в Петрограде, неподготовленность восстания в Киеве и других городах Украины, война против «белоказак»...

СНК, по старинке, по примеру Временного правительства считал, что территорию «автономной» Украины со-

ставляют только пять губерний (исключая из УНР Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую губернии и Северную Таврию), и поэтому СНК делал вид, что не считает военные действия в районах Харьковской и Екатеринославской губерний грубым вмешательством во внутренние дела Украины, т. е. не считает эти действия войной против УНР. Центральная Рада, практически подыгрывая СНК, долгое время вообще предпочитала каким-либо действиям губительную тактику умалчивания.

А в Харькове в эти дни была создана новая «пролетарская» власть Советской Украины, объявившая себя единственной законной властью на всей территории Украины. Советская Украина рассматривалась местными и российскими большевиками только как федеративная часть Советской России — РСФСР. Признание ленинским СНК нового правительства Советской Украины автоматически толкало Советскую Россию к состоянию войны с непризнанным Лениным киевским правительством. Ведь в Харькове создалось «свое» — большевицкое правительство Советской Украины — Народный секретариат, во главе с большевичкой Евгенией Бош и еще 11 народными секретарями — советскими «министрами».

Провозглашение новой власти на Украине ошеломило и повергло в длительный шок лидеров Центральной Рады. Они ясно отдавали себе отчет в том, что новые конкуренты — серьезная сила, ведь за харьковским правительством стояла «ленинская интрига». Они понимали, что теперь воевать придется не столько с красногвардейскими отрядами Харькова, сколько с российскими войсками Антонова-Овсеенко.

С 12 декабря Петлюра, узнав о событиях в Харькове, начал переводить украинские части на Левобережье, чтобы взять под охрану важнейшие железнодорожные узлы: Лозовую, Синельниково, Ясиноватую, Александровск... Направляя свои военные силы на восток, Петлюра надеялся сохранить связь с мятежным Доном как с возможным стратегическим союзником в войне против большевиков. Узнав о подобных демаршах, большевики не на шутку встревожились и были вынуждены начать активно действовать.

Уже 15 декабря в Киев пришло пугающее сообщение о нападении войск Антонова-Овсеенко на украинскую станцию Лозовая, о боях за эту станцию, что была важнейшим железнодорожным узлом Левобережья и связывала Центр

Украины с Доном и Донбассом. И хотя станция Лозовая была тогда отбита республиканскими войсками, становились достаточно ясными цели «экспедиции» войск Антонова-Овсеенко. Эта открытая акция советских войск знаменовала начало длительной войны.

Однако в середине декабря у советских войск еще не было прямого приказа из Петрограда развязывать полномасштабную войну против УНР и захватить Киев. Планы большевиков были более скромными: подавление восстания казаков на Дону и отсоединение Юго-Восточной Украины от Киева. Как вспоминал позже Антонов-Овсеенко, планы действий были на 14 декабря таковы: «Оборонительная позиция со стороны Полтавы; захват узловых станций Лозовая, Синельниково, что обеспечивает от провоза враждебных эшелонов с запада и пути на Донецкий бассейн; немедленный приступ к вооружению рабочих бассейна...» Вскоре к этому плану добавилась необходимость «захвата Александровска (Запорожья. — В.С.) как последнего узлового пункта, связующего Раду с Калединым, и закрепление Советской власти в Екатеринославе (Днепропетровске. — В.С.)».

На заседании Генерального секретариата 15 декабря в Киеве решались важнейшие вопросы войны и мира. Речь шла о неподготовленности Украины к отпору наступления советских российских войск. Винниченко еще не верил в реальность полномасштабной войны между Украиной и Советской Россией и поэтому стремился сгладить острые углы. Министры наперебой предлагали обезопасить Киев, «разобрав железные дороги» и отрезав Украину от России, «договориться с железнодорожниками не пропускать советские войска» или — «провозгласить военное положение и начать решительную борьбу против большевиков».

Но Винниченко охладил пыл министров, очередной раз предложив сначала «спросить Совет народных комиссаров, воюет он или нет... потребовать прекратить военные действия на Украине, отозвать с Украины российское войско...» В то же время на заседаниях сессии Центральной Рады Винниченко назвал Украину «оазисом порядка!» Это была явная дезинформация, так как Центральная Рада уже не контролировала целые регионы республики, а села и городки Украины стали ареной не только классово-борьбы, но и погромов, бандитизма... Определенные надежды Винниченко возлагал и на тайные переговоры с левыми эсерами из ленинского правительства СНК (Карелиным,

Прошьяном, Штейнбергом), что прибыли в Киев с тайной «миссией мира». Однако они не принесли желаемого мира и скорее всего были только отвлекающим маневром «красных» политиков.

Симон Петлюра ощущал неизбежность войны против Советской России. Он указал министрам на то, что положение на Украине «очень грозное», войск для реальной обороны недостаточно и все решения министров касательно обороны не имеют смысла — из-за катастрофического недостатка денег. Денег не получали ни в войсках, ни в учреждениях, ни на заводах, и это подрывало любое начинание и влияние киевской власти. Петлюра предложил конфисковать капиталы «где бы они ни были», чтобы организовать войско, оплатить «работу» агитаторов в войсках, расплатиться с рабочими и железнодорожниками. Однако и этого не было сделано...

Петлюра, очевидно, надеясь на помощь Антанты, предлагал немедленно наступать на Харьков, даже несмотря на то, что основные украинизованные военные части находились еще на немецком фронте. Он уверял министров, что даже небольшими силами вызванных с фронта украинских частей еще возможно «взять Харьков — оплот большевизма» и «охранять восточные границы Украины». В этом были свои резоны, так как и в частях Антонова-Овсеенко царил полный «кавардак», а «революционная дисциплина» больше походила на анархию. В декабре, в дни «пьяных погромов» и нарастающей анархии в Питере даже для того чтобы захватить столицу и разогнать ленинских правителей, было достаточно десяти тысяч дисциплинированных солдат.

Для взятия Харькова Петлюре тогда было достаточно десяти тысяч дисциплинированных, желающих сражаться солдат... Но где же их можно было взять? Эту «историческую» роль могли, правда, исполнить солдаты чешского корпуса. Но чехославаки слушались только приказов французского командования. А французские эмиссары медлили...

Петлюра еще надеялся экстренно создать небольшие мобильные части из оставшегося состава старых дивизий, для использования их на линиях железных дорог. Фактически Петлюра предлагал план эшелонной войны, именно такой же план разрабатывал в Харькове его враг — начальник советских войск, действующих против УНР, Михаил Муравьев (стратег разгрома восстания Краснова—Керен-

ского). Идея эшелонной войны тогда витала в воздухе. Эшелонная война предполагала быстрое продвижение войск в эшелонах по железным дорогам в глубь территории противника, при полном отсутствии линии фронта и без объявления войны. «Эшелонный» характер войны был обусловлен отсутствием фронтов, малочисленностью враждебных армий и общей анархией тыла противников.

Интересно, что говоря о скромных возможностях республиканской армии 15 декабря 1917 года, Симон Петлюра за два дня до этого, на встрече с представителями Антанты, обрисовал совершенно иную картину. Тогда Петлюра утверждал что Украинская республика имеет 500-тысячную армию. Он обманывал союзников, выдавая желаемое за действительное, надеясь на помощь Антанты, надеясь, что «сильная Украина» будет более необходима Франции как «потенциальный союзник». Но такие уловки привели к тому, что Петлюра обманул самого себя. Французы на какое-то время успокоились, решив, что УНР достаточно сильна, чтобы самостоятельно защититься от «красных».

Зная, что надежных войск у Украинской республики наберется не более 30 тысяч штыков и сабель, к тому же разбросанных по всей Украине, Петлюра хотел представить дело французам так что только на фронте Генеральный секретариат контролирует до 220 тысяч солдат, 150 тысяч — в тыловых гарнизонах, 60 тысяч — «Вольных казаков» по селам. Очевидно, Петлюра опрометчиво считал «частями УНР» и разбросанные по всем фронтам бывшей империи «украинизованные» части вне Украины. Но эти части еще нужно было провести на Украину через «советские территории», и в декабре 1917-го было уже ясно, что это будет очень непросто сделать.

Союзники, принимая заверения Петлюры, надеялись прежде всего на то, что эфемерное украинское войско сможет сдерживать немцев на Восточном фронте. Этот фактор был главным для внешней политики Франции и Англии в годы войны. Франция, заботясь о сохранении Украины как своего военного союзника, предлагала правительству УНР серьезную финансовую и техническую поддержку — в обмен на отказ от сепаратного мира с немецким блоком.

От представителей Антанты Петлюра думал получить «добро» на использование против большевиков стоящих в украинских землях польских и сербских частей, а также чехословацкого корпуса (общей численностью до 70 тысяч штыков). 13 декабря командование чехословаков со-

гласились «служить Украине», но только на немецком фронте, при условии полного финансирования корпуса правительством УНР и сохранения «проантантовской» направленности во внешней политике УНР.

Правительство Франции всерьез заинтересовалось перспективой независимой Украины только в конце ноября 1917 года. 11 декабря 1917-го между Англией и Францией было достигнуто тайное соглашение по «русскому вопросу». Результатом его было выделение «французской зоны влияния к северу от Черного моря». В эту зону попали Украина, Крым и Бессарабия. С этого времени и вплоть до ноября 1920 года Франция рассчитывала на реализацию своих «особых интересов» в этом районе. В Киеве тогда, помимо комиссара Франции Табуи, французские интересы представляли вице-консул Франции Арке, полковники Денса и Ваию.

Позднее представители Антанты в румынских Яссах сообщили, что Антанта требует от Украины не входить ни в какие переговоры с немецким и австрийским командованием и предлагает при помощи стран Антанты организовать свою армию для борьбы на немецком фронте.

Но правительство УНР в декабре семнадцатого еще жило в иллюзорном мире, после эйфории легкой ноябрьской победы, когда власть на Украине свалилась украинским социалистам в руки, как созревший плод. В действительности от «украинизованной» армии, армии, проведенной в сырых окопах и «кормившей вшей» 40 долгих месяцев, было уже мало толку. Октябрьская революция вконец подорвала дисциплину, а с ноября 1917 года армия ускоренно самодемобилизовывалась, распадалась на глазах. Уставшие солдаты не хотели уже никого слушать и расходились по домам. Петлюра позже говорил о миллионе украинских штыков, которые «растаяли, словно снег, в декабре 1917-го».

В такой обстановке Генеральный секретариат решил не провоцировать большевиков резкими военными действиями и заявлениями, а на всякий случай создать пока очередной «Особый комитет» — Коллегию по обороне Украины в составе «министров»: Порша, Петлюры, Ещенко.

Петлюра обратился за помощью в деле обороны УНР к русским солдатам и офицерам, призвавшим Центральную Раду как власть в крае. Им было приказано немедленно выделиться из большевистских частей и нести службу на Украинском фронте на общих с армией УНР основаниях.

В то же время по отношению к российским частям, не желавшим служить УНР, Петлюра проводил политику немедленного и даже насильственного вывоза с территории Украины в эшелонах через Гомель и Донбасс.

Последним министерским приказом Петлюры, переполнившим чашу терпения избалованного славой премьер-министра, стало направление в части УНР нового, неутвержденного Центральной Радой и премьером «Устава Украинской Народной Армии». Этот устав был просто необходим для создания крепкой армии УНР, для сохранения остатков дисциплины. Но его уже отклонила Рада военных депутатов — как «недостаточно революционный». К тому же Петлюра при утверждении Устава полностью проигнорировал мнение Центральной Рады и Генерального секретариата, чего Винниченко уже стерпеть не мог.

Устав Петлюры не допускал в войсках УНР выборности командиров, предлагая их назначение, отклонял «революционное» решение о передаче дисциплинарной власти в частях, в военное время, солдатским Советам. Подобный устав мог немного затормозить развал армии и позволил бы использовать «старую армию» для борьбы. Но с отставкой Петлюры этот устав был немедленно отозван...

Уже 18 декабря Петлюра был отправлен в отставку с поста военного министра и выведен из состава Генерального секретариата решением Генерального секретариата и Центральной Рады по причине «превышения полномочий», а место его унаследовал Николай Порш (ранее министр труда в правительстве УНР). Порш считался «левым», «социалистом», «почти большевиком» и, по словам Винниченко, «хорошо владел революционной фразеологией». Понятен был такой выбор в дни ожидания возможного компромисса, ведь Винниченко заставлял себя верить и пытался убедить других, что все дело в «реакционере» Петлюре и достаточно его сменить, чтобы договориться с большевиками.

В этот же день Винниченко приказал полностью реорганизовать сердюцкие полки — самые надежные части республики.

Силы врагов Центральной Рады на Украине были значительными даже без прихода на Украину войск Антонова-Овсеенко. Отряды местной Красной гвардии в городах и рабочих поселках Украины на декабрь 1917 года состав-

ляли примерно 45 тысяч штыков (половина из них в Екатеринославской губернии), к этому нужно прибавить еще и до 60 тысяч штыков фронтовых войск и гарнизонов, распропагандированных большевиками. Эти 100 тысяч вооруженных людей по всей Украине и сдерживали местные гарнизоны войск УНР.

Новые бои за стратегическую станцию Лозовая (16—17 декабря) привели к захвату станции большевиками. Тогда же был отдан первый приказ Антонова-Овсеенко, направленный на развязывание войны против Центральной Рады: «после захвата Лозовой наступать в направлении Екатеринослава, Александровска, Славянска, наладить связь для совместных военных действий с красновардейцами Екатеринослава, Александровска, Донбасса».

Уже 18—21 декабря, продвигаясь по железнодорожным магистралям, «красные» войска захватили Павлоград, станцию Синельниково, Купянск, Изюм и практически всю левобережную часть юга Украины.

В то же время полной неожиданностью для Центральной Рады было заявление СНК Советской России (от 21 декабря) о согласии вступить в переговоры о перемирии с правительством УНР. Винниченко усматривал в этом реакцию на отставку Петлюры... И хотя некоторые члены правительства видели в этом заявлении только лицемерие, было решено отправить ответ СНК о перемирии на основах признания УНР и Центральной Рады и вывода российских войск с территории Украины. В конце декабря петроградское СНК еще взвешивало все «за» и «против» в отношении войны с УНР, но ответа на свои предложения Винниченко так и не дождался...

23 декабря из Киева в Бахмач для обороны Черниговской железной дороги было выслано 500 юнкеров. Эти силы были явно недостаточны для обороны государства и их прибытие на Восточную границу Украины говорило только о слабости Центральной Рады.

На Правобережье «красные» отряды бывшего 2-го гвардейского корпуса еще 9 декабря начали новое наступление от Жмеринки на восток, с целью захватить Винницу, где располагались войска и администрация УНР. Петлюра срочно направил под Винницу части 2-й дивизии корпуса Скоропадского. В местечке Браилов 15 декабря отдельные части мятежных «красных» солдат были разоружены, а в тыл 2-му «красному» корпусу ударили полки УНР. Деморализованные, небоеспособные войска большевиков вынуждены были отступить в Жмеринку и на десять дней

отказаться от решительных действий. Но 24 декабря Скоропадский покинул командование украинским корпусом, который прикрывал Киев с запада. Эта самоотставка углубила самодемобилизацию, анархию и хаос в украинских войсках Правобережья и свела все усилия республиканцев на нет.

26—29 декабря «красные» войска Антонова-Овсеенко, используя рождественские праздники и «возлияния» в республиканских войсках, полностью захватили ряд крупнейших промышленных центров: Харьков (до этого в Харькове находились части УНР и сохранялось некоторое двоевластие), Луганск, Мариуполь, Екатеринослав. В это же время волынский город Ровно был занят фронтовыми большевизированными войсками. 30 декабря ленинский СНК, оправдывая свои действия на Украине, заявил в ноте УНР, что «прямая или косвенная поддержка Радой календцев является для нас безусловным основанием для военных действий против Рады... и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение гражданской войны».

Генеральный секретариат никак не отреагировал на прямые военные действия и снова предпочел отмолчаться. Безответственность и вялость господствовала в правительстве УНР. Уклонение от ответа на ультиматум большевиков порождало полную неясность в вопросе обороны. Части УНР были дезориентированы, не знали о реальном положении дел, не знали, давать ли отпор большевикам или придерживаться нейтралитета, а то и идти на капитуляцию. Неопределенность положения приводила к тому, что некоторые республиканские части, не имея приказов из Киева, разоружались по требованию командования большевиков.

Неминуемость войны с Советской Россией, реальная опасность полной потери суверенитета подталкивала украинских автономистов и федералистов к необходимости провозглашения полной независимости Украины. «Молодые» из партии украинских эсеров, самой влиятельной в Центральной Раде, требовали немедленной независимости, немедленного мира, социализации земли, конфискации капиталов... Они добивались также немедленной отставки Винниченко как человека «неспособного к управлению», а вместе с ним и прочих министров социал-демократов. Эсеры решились действовать. Подогреваемые немецкими агентами, они готовили мирный переворот, надеясь перехватить власть. Процесс захвата власти начался кризисом

кабинета Винниченко в последних числах декабря 1917 года.

Лидер «молодых» эсеров Вячеслав Голубович — глава украинской миссии на переговорах с немцами в Брест-Литовске, вернувшись из Бреста, уговаривал Центральную Раду пойти на немедленный мир и «самостийність». Он убеждал, что «добрые, бескорыстные немецкие дядюшки» отдадут независимой и союзной немцам Украине часть оккупированной немецкими войсками Волыни, районы Холмщины и Подляшья («спорные» земли, которые сейчас принадлежат Польше), решат болезненный вопрос Галичины, окажут финансовую, дипломатическую и военную поддержку.

Часть политиков Центральной Рады склонялось к провозглашению полной независимости УНР как к «мере вынужденной», связанной с «политическим моментом», которая способна остановить наступление большевиков только одним эффектом «суверенитета».

В то же время с провозглашением независимости появлялась надежда разыграть карту «неучастия независимой Украины в мировой войне», заявив, что «независимая Украина войны в 1914 году не объявляла и поэтому не будет ее продолжать».

Представители Антанты, информированные о подобном возможном повороте событий (о возможном подписании Украиной сепаратного мира), не на шутку заволновались. Комиссар правительства Франции в УНР генерал Табуи на встрече с Винниченко 22 декабря предостерег правительство от такого необдуманного шага. От имени Франции он предложил заем Украине на сумму в 500—800 миллионов золотых рублей.

Несмотря на отказ принять помощь Антанты, правительство Винниченко еще не могло окончательно решить «с кем дружить» — с немцем или французом...

Уже 11 января 1918 года генерал Табуи в своей ноте сообщал, что подписание сепаратного мира Украиной будет рассмотрено как «акт, враждебный Франции», со всеми вытекающими последствиями. Такое заявление было сделано в связи с тем, что украинская делегация на переговорах в Бресте была признана немцами самостоятельной и с ней, с первых дней января, уже велись тайные переговоры о мире.

Новая нота российского СНК от 30 декабря 1917 года вновь осталась без ответа, несмотря на фактическое про-

должение войны и потерю больших территорий. Центральная Рада как бы «успокоилась» после потери Харьковщины и Екатеринославщины, она надеялась, что в глубь «исконной» Украины советские войска продвигаться не будут.

Новый военный министр Порш уже в первые две недели своего руководства продемонстрировал полнейшую растерянность и неспособность управлять войсками. В первом его докладе слышалась паника: «армии у нас нет... она разваливается и спешит домой!» Но потом, видимо, успокоился Порш, и за две последующие недели не издал решительных приказов относительно обороны территории Украины и сопротивления «красному» наступлению. Ему не доставало твердой воли, решимости, элементарных военных знаний и опыта, не был он ознакомлен и с ситуацией в «горячих точках»... не знал даже о надежности того или иного полка армии УНР.

23 декабря 1917 года Порш заявил, что не надо вступать ни в какие переговоры с ленинским СНК, потому что опасность «из Харькова» преодолима — «с Западного фронта движется хорошо сбитая украинская армия в 100 тысяч... среди большевистского войска начался распад». Это был самообман, так как никакой «украинской армии» даже в 10 тысяч на Западном фронте никогда не было. Правительству УНР удалось дождаться только прибытия частей 10-го корпуса с Румынского фронта, которые в начале января 1918 года выбили красногвардейцев из Кременчуга, но наступать на Полтаву у этих частей уже не было сил. Солдаты разбежались по домам, а части моментально прекращали свое существование после переезда с фронта в Центральную Украину.

Еще одной призрачной надеждой Порша было предположение, что «СНК все равно скоро упадет, а реальная опасность — монархически настроенное офицерство». Интересно, что в конце 1917 года многие украинские политики рассчитывали на то, что конфликт с Советской Россией может «рассосаться» в связи с неминуемым переворотом «в результате созыва Учредительного собрания» в начале января 1918 года.

Отчеты Порша (26 и 29 декабря) о военном положении в стране были полны диких несуразностей. Так, Порш заявлял об обнадеживающих перспективах военного строительства украинского войска и обороны УНР, попросту скрывая потерю Харькова и Екатеринослава... Порш вещает руководству УНР о каких-то трех мифических укра-

инских корпусах на Румынском фронте и о никому не известной украинской армии на Западном фронте, в Белоруссии, о больших силах вольных казаков, что экстренно спешат на выручку Центральной Раде. Выводы его доклада удивляют: «украинская армия с каждым днем разваливается» и в то же время «до 15 января есть полная надежда выбить большевиков с Украины».

Главной заботой Порша на посту военного министра стала несвоевременная организация новой армии УНР на добровольной, платной основе. Он считал, что для этого достаточно вывести штабы с фронта и сбереечь их как «командный кадр новой армии», и уже через два месяца на основе этих штабов возможно появление дееспособной армии в 100 тысяч бойцов. Но история не отмерила Центральной Раде двух спокойных месяцев: уже через двадцать дней враг будет у стен Киева.

Строительство новой народной армии Украины (по Поршу) предполагало «избавление» от «царского», априори «реакционного», офицерства. Осуществляя эту задумку, Винниченко и Порш вынудили генерала Скоропадского подать в отставку с постов командующего республиканским корпусом и Правобережным фронтом и сдать корпус генералу Ганзюку. Скоропадский был опасен своими «правыми» взглядами, резкими выпадами против назначения Порша военным министром. Центральная Рада не доверяла «царским» генералам-профессионалам, тем более что Скоропадский до 1917 года никак не выказывал украинского патриотизма. В Киеве социалисты считали Скоропадского способным установить «военную диктатуру». В каждом популярном военном лидере «сознательным украинцам» виделся новый Лавр Корнилов.

4 января 1918 года Порш, поддерживаемый Винниченко, отдал безумный и несвоевременный приказ о немедленной демобилизации украинских частей регулярной армии, распустив части «старой армии», и не менее глупый приказ о ликвидации офицерских чинов в армии УНР. Все это делалось для нейтрализации «левого» влияния большевиков на армию и для того, чтобы показать Ленину революционность и миролюбие правительства УНР. Вместе с тем приказ о демобилизации армии был авансом странам германского блока и вел к разрыву всяческих отношений со странами Антанты.

Разговоры о полной демобилизации армии шли уже два месяца, на этом решении настаивали «миролюбивые»

украинские социал-демократы. Винниченко и его сторонники ратовали за переход армии на милиционную систему и создание украинской армии по образцу кантональной швейцарской милиции. В условиях войны этот приказ был равносильным полной капитуляции. Петлюра, как мог, противился демобилизации армии, но после своей отставки он уже ничего сделать не мог.

Вместе с тем Петлюра не желал оставаться в стороне от судьбоносных военно-политических событий, несмотря на то, что был выброшен из «большой политики» и «превратился в частное лицо». Петлюра сохранял еще имя, большой авторитет решительного, независимого политика и крепкие масонские связи. Он с ужасом наблюдал за распадом государства и армии и жаждал действий, стремился предотвратить крах всех надежд...

Уже через несколько дней после отставки Симона Петлюры в киевских газетах появилось объявление о том, что Петлюра начинает формировать в Киеве особое боевое военное подразделение — Гайдамацкий кош Слободской Украины для борьбы за изгнание войск большевиков с Украины. Слободским Кош назывался потому, что большевики к этому времени уже заняли Слободскую Украину (Харьковскую губернию), для сохранения государства было необходимо вернуть эту территорию.

Вскоре на афишных тумбах Киева были расклеены сделанные от руки, незамысловатые цветные плакаты, подписанные Петлюрой, на которых был нарисован казак «оселедцем» и шапкой с красным шлыком. Этот казак призывал вступать в кош к Петлюре для «решительной борьбы со всеми врагами Украины».

Штаб Слободского коша размещался в здании Коллегии Павла Галагана, буквально в квартале от Крещатика и от Центральной Рады. В кош первыми записались некоторые офицеры УНР: штабс-капитан Александр Удовиченко из Генерального штаба, который ушел в отставку, протестуя против отставки Петлюры, поручик Виноградов, прапорщик Ляхович... Они-то и создали Первый курень «красных гайдамаков» (по красному цвету шлыка на папахах) из 170—200 добровольцев из солдат, вольных казаков и студентов, которые готовы были сражаться во имя Украины. Кош оказался достаточно самостоятельным подразделением, с хорошим обмундированием, денежным довольствием: деньги на его создание Петлюра получил от «таинственных» французов. (О каких-то «нескольких ты-

сячах рублей», взятых Петлюрой «на формирование гайдамаков» у французов по не менее таинственным масонским «каналам», намекает в письме к Петлюре Моркотун.)

Начало истории коша было связано со скандальным исчезновением лидера большевиков Киева, главы местного Революционного комитета Леонида Пятакова. Петлюра уже раз арестовывал Пятакова (30 ноября), но тогда был вынужден отпустить его, несмотря на явные доказательства его причастности к организации заговора против Центральной Рады. Именно Пятаков был главным организатором планируемого на начало января 1918 года восстания большевиков в Киеве. Но Центральная Рада стремилась продемонстрировать свою «демократичность» и до поры до времени отказывалась от арестов политических противников, несмотря на прямую угрозу переворота, воздерживаясь даже от закрытия газет, ведущих враждебную пропаганду. Такая власть в эпоху гражданских войн и диктатур была обречена.

В четыре часа утра, на Рождество, 25 декабря 1917 года, в дом, где находились братья Пятаковы, ворвались, выломав дверь, десять солдат, вооруженных кавалерийскими карабинами. Были они в барашковых папахах с красными шлыками. Без ордера на арест и не называя себя, солдаты арестовали и избили Леонида и Михаила Пятаковых. Михаил Пятаков вскоре был отпущен, а Леонида солдаты увели в неизвестном направлении... Не появился он ни через день, ни через неделю...

Дело об исчезновении Пятакова всколыхнуло оппозицию и привело к массовым акциям протеста рабочих Киева. Большевики уже разрабатывали план нового восстания.

Только через двадцать дней был найден труп Пятакова и стало известно, что Леонид Пятаков был вывезен за город, в район Пост-Волынского, и после избиений убит. Кто убил Пятакова, так и осталось загадкой, но «левые» киевские газеты в один голос утверждали, что это были гайдамаки из части Симона Петлюры.

Деятели Центральной Рады, не желая обострения положения в столице, немедленно осудили «самовольный арест» политического оппонента. Правительство УНР объявило, что факты «самовольных арестов» дискредитируют власть и виновные в этом будут наказаны. Одновременно власти уверяли, что ни одна из регулярных частей армии УНР не получала приказа об аресте Пятакова. Тогда же была создана комиссия из представителей Центральной

Рады и Киевского Совета для расследования «дела Пятакова». Эта комиссия считала, что если принять во внимание то, как выглядели ворвавшиеся в квартиру Пятаковых солдаты, то это могли быть только бойцы нерегулярного Коша Слободской Украины, потому что кавалерийские карабины и шапки с красными шлыками были в Киеве только у гайдамаков.

Что можно сказать о «деле Пятакова» по прошествии более чем 80 лет? Сейчас практически невозможно установить истину, были ли это гайдамаки, а если гайдамаки, то были ли они настоящие, а не переодетые; действовали ли они по приказу Петлюры или какого-то другого командира, не было ли это провокацией со стороны политических конкурентов Петлюры или со стороны «белых офицеров»? Вопросы, вопросы... Хотя и Петлюра в условиях начавшейся войны с большевиками вполне мог отдать приказ об аресте Пятакова. Такой арест дестабилизировал руководство большевистским восстанием в Киеве, одновременно повысив авторитет Петлюры как «решительного борца» против мятежников.

2 января 1918 года Генеральный секретариат УНР все-таки был вынужден провозгласить самые решительные меры против большевистской опасности, чтобы овладеть ситуацией в стране. В воззвании (и соответственно в указе) к гражданам Украины правительство угрожало преследованием и применением военно-революционного суда в отношении всех врагов УНР, запрещало распространение враждебной УНР литературы (введение цензуры).

Во исполнение этого указа уже в ночь с 4 на 5 января произошла крупномасштабная акция — разоружение рабочих-красногвардейцев киевских заводов «Арсенал», «Ауто», Снарядного, Демеевского, судостроительного, Проводов, а также механических мастерских, железнодорожного управления (всего в 28 пунктах). Были изъяты тысячи винтовок, десятки пулеметов, арестовано более 200 активных организаторов восстания и захвачена типография газеты большевиков «Пролетарская мысль». Не будь этой акции, январское восстание большевиков в Киеве было бы более успешным и, очевидно, смертельным для Центральной Рады. Заметим, что в разоружении и арестах большевиков приняли участие и гайдамаки Слободского Коша во главе с Петлюрой.

Такие меры были необходимы еще и потому, что 4 января 1918 года харьковское советское правительство офи-

циально объявило войну Центральной Раде, и уже в этот же день отряд «красных» из Харькова неожиданно захватил город Сумы.

События этой войны после 5 января 1918 года, когда уже Антонов-Овсєенко издал директиву об общем наступлении своих войск против киевской Рады, развивались молниеносно. На Левобережье войска большевиков быстро двигались по двум железнодорожным веткам — Полтавской и Черниговской — к Киеву, на запад. Главный отряд в 2 тысячи штыков во главе с Муравьевым на бронепоезде двинулся на Полтаву. Так получили свое реальное воплощение планы Муравьева по развертыванию «эшелонной войны» против УНР.

За два дня до начала боевых действий в направлении Полтавы по приказу военного министра Порша часть двух украинских полков (1800 штыков) была вызвана из Полтавы в Киев из-за обострения ситуации в столице и для разоружения заводов, а в самой Полтаве осталось не более 600 штыков. Порш почему-то рассчитывал на то, что до решения вопроса об Учредительном собрании большевики не решатся наступать на Киев через Полтаву. Министр не отдал никаких приказов относительно возможной обороны Полтавы...

Нападения «красных» в Полтаве никто не ждал, разведки у армии УНР и вовсе не было, и когда войска Муравьева, выгрузившись на вокзале, неожиданно ворвалась в город, им не было оказано никакого реального сопротивления. В коротком бою против полтавских юнкеров был убит только один красногвардеец, несколько сотен юнкеров были взяты в плен.

В связи с начавшейся войной некоторые части УНР в Нежине и Чернигове решили провозгласить полный нейтралитет и свободно пропускали через свои пункты «красные части». Тем не менее после «полтавской победы» возникла странная заминка с «красным» наступлением на Киев. Очевидно, ожидали дальнейших ленинских указаний... Антонов-Овсєенко остановил (на два с половиной дня) наступление, пребывая в полной нерешительности. Только 9—10 января бои возобновились и привели к захвату Конотопа и Кролевца, к пленению почти тысячи солдат УНР.

После этих неудач республиканцев стало ясно, что войска УНР на Левобережье полностью разгромлены и на огромной территории Черниговщины и части Полтавщины

их осталось только 200—250 человек. Эти силы не могли быть преградой для наступавших на Киев войск Муравьева.

На Правобережье республиканцев также стали преследовать неудачи... Большевистский ВРК 7-й армии Юго-Западного фронта решил направить в наступление на Винницу (в третий раз) все оставшиеся в его распоряжении силы — отдельные части 2-го корпуса. Этим частям удалось 10 января ворваться в Винницу и Вапнярку, далее путь лежал на Киев.

Интересно, что, хотя Симон Петлюра не был командующим всей украинской армией УНР и уже расстался с портфелем военного министра еще 18 декабря 1917 года, большевистские пропагандисты, командиры и руководители продолжали называть войска УНР петлюровцами вплоть до мая 1918 года. Слово «петлюровец» — эмоционально выразительное — использовалось «красными» пропагандистами как позорное клеймо для обозначения «предателя, врага, контрреволюционера», «буржуазного националиста», «убийцы и погромщика», который «набрасывает петлю на шею трудящихся». Понятие «петлюровец» с осени 1917-го заменило понятие «мазепенец» и до 1941 года было «обязательно-нарицательным» для врагов власти большевиков на Украине. Примерно с 1943 года «петлюровец» уступил место другому наименованию врага — «бендеровец».

Винниченко писал, что сами большевики и «разрекламировали» слово «петлюровец» в качестве обозначения главного врага. Петлюра при «содействии» большевиков-агитаторов дал свое имя целому движению за независимость Украины. В то же время для всех врагов большевиков это имя стало авторитетным и притягательным.

С 10 января многие в Киеве уже открыто говорили о неминуемости сдачи города «красным». Примерно в эти дни Винниченко, не видя выхода из сложившейся ситуации, решил подать в отставку. Он уже не мог принимать конкретных решений, его план компромиссов попросту не срабатывал. К тому же эсеровское большинство Рады, сосредоточив критику на премьерe, активно рвало к власти.

В ночь на 12 января 1917 года Центральная Рада под давлением фракции украинских эсеров приняла Четвертый Универсал: «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, независимой, вольной,

суверенной Державой Украинского Народа... Народная Украинская Держава должна быть очищена от направленных из Петрограда наемных захватчиков...»

Некоторые украинские патриоты выступали против немедленного провозглашения самостоятельности в условиях «немецкой и большевистской опасности», среди них министры и заместители министров Шульгин, Порш, Зарудный, Жуковский... Так, Шульгин заявлял еще за две недели до провозглашения независимости, «что независимость нам подсовывают немцы», что Украина таким путем будет подвержена немецкой оккупации. Даже сторонник самостоятельности М. Грушевский заявил, что самостоятельность — только этап на пути к свободной федерации народов Восточной Европы.

Остается неясной позиция Симона Петлюры по этому вопросу в те горячечные дни первой половины января 1918 года. Французы не одобрили Четвертый Универсал, и как «друг французов» Петлюра не должен был считать провозглашение самостоятельности необходимым в тех условиях. Но как патриот Украины он поддержал такое судьбоносное решение и выступил за полную самостоятельность Украины, но не по «германскому сценарию». Он еще надеялся на «внутренние резервы» в борьбе с «красными», надеялся на чудо — внезапное падение их власти в Петрограде...

То же письмо Маркотуна проливает свет на серьезную дилемму, которая стояла перед Петлюрой в начале 1918 года: или поддержать независимость Украины, оставаясь в лагере Грушевского—Голубовича, и этим косвенно поддерживать мир с Германией, или пойти в форватере французского масонства, активно выступить против мира с Германией и «несвоевременной» самостоятельности Украины. Петлюра попытался «дать средний ход» — выступить против Брестского мира, но приветствовать провозглашение самостоятельности Украины. Очевидно, при встречах с французами в декабре 1917 года Петлюра, ища поддержки, убеждал их в том, что он будет активно выступать против сепаратного мира и за сохранение статуса автономии Украины в составе России, заверяя французов, что он не «сепаратист». Но впоследствии Петлюра зарекомендовал себя как наиболее последовательный «самостийник», чем очень разочаровал своих французских покровителей.

ГЛАВА 8

КОМАНДИР ГАЙДАМАКОВ. СТОЛКНОВЕНИЕ С РЕАЛЬНОСТЬЮ. 14—23 января 1918 г.

Об этих десяти днях из жизни Симона Петлюры известно достаточно много... Иногда его действия прослеживаются по минутам. За эти десять суток прошла целая эпоха не только в жизни Петлюры, но и в судьбе молодого украинского государства. В эти тревожные зимние дни оно впервые балансировало над бездной.

14 января 1918 года, в воскресенье, в штабе украинской республиканской армии царил паника. Куда-то исчезли brave лощенные штабные офицеры из «бывших» и вальяжно-чванливые «щирые» комиссары из различных украинских социалистических партий. Многих кадровых офицеров смущал своей полной некомпетентностью недавно назначенный командующий Левобережным фронтом, главным «антибольшевистским» фронтом Украинской республики, энергичный Николай Шинкарь. Свою должность он получил только благодаря «активности» в партии украинских эсеров, которая в январе 1918 года постепенно перехватывала ключевые должности у социал-демократов...

Приняв должность, Шинкарь сразу же начал конфликтовать и бороться за руководство с начальником штаба Киевского гарнизона, комендантом Киева, атаманом «Вольного казачества» инженером Ковенко, а также с командующим Генеральным штабом войск УНР генералом Бобровским и даже с главой военного министерства партийцем Поршем. Начальников — «гетманов» — тогда было в достатке, штабы организовывались в Киеве за государственный «кошт» во множестве, а вот солдат, желавших сражаться на фронте против «красных» — всего несколько тысяч!

Штабы мешали друг другу работать и только создавали видимость активной деятельности. Генералы «из царских» работали плохо, иногда явно саботировали, ждали восста-

новления прежнего строя, а социалистические партийные функционеры работать вообще не умели. В то время как на фронт штабисты и представители тыловых частей не стремились, оборону против наступавших «красных» просто некому было держать. Неминуемый крах Украинской республики после падения Полтавы, Екатеринослава и Харькова многим казался вопросом нескольких ближайших недель. В те же дни пришло пугающее известие — в районе Полтавы бесследно пропал (очевидно, был расстрелян) прежний командующий «противобольшевицким фронтом» подполковник Юрий Капкан вместе со всем своим штабом.

Шинкарь собрал оставшихся в Киеве командиров украинских частей в своем штабе на улице Лютеранской, не зная, в сущности, что делать дальше и к чему призывать... Он развел руками и констатировал:

«Мы за неделю потеряли практически всю Восточную Украину: Конотоп, Сумы, Миргород, Лубны, Ромодан... На станцию Гребинка провела наступление от Миргорода харьковская колонна «красных». В трехчасовом бою гайдамаки — 160 человек — пытались отбить нападение двух тысяч «красных». Результат боя, к сожалению, понятен — отступление армии УНР, наши потери: два броневика и две пушки, 17 солдат убитыми. Путь на Киев открыт со стороны юго-востока, со стороны Полтавской железной дороги, откуда наступают уже четыре тысячи «красных». Там нет значительных украинских войск прикрытия. И через два дня «красные» могут быть на окраинах Киева... Не менее опасные сведения получаем с Черниговщины. «Красными» частями Муравьева был захвачен Бахмач — главный железнодорожный узел северо-востока Украины. Наш лучший именной Дорошенковский полк был полностью разбит... Потери составили до 200 человек, 4 пушки. Путь на Киев и со стороны Черниговской железной дороги тоже уже открыт для большевиков...

Мы оказались просто не готовы к войне и не можем сопротивляться наступлению 7 тысяч «красных» бойцов... Часть полков нашей армии предательски переходят на сторону противника или провозглашают позорный нейтралитет.

Киев объявляется на осадном положении! А власть в городе переходит к особому коменданту Ковенко. Я вынужден немедленно, сегодня же, направить на Восточный фронт все имеющиеся регулярные и надежные части из

Киева, когда такие найдутся... Общее руководство на Левобережье Днепра будет осуществлять атаман Петлюра. Посылать на фронт предлагаю только добровольцев... части старой армии ненадежны и могут в любой момент бежать с позиций или перейти к большевикам...»

Вечером, часов в семь, Петлюра побежал на Владимирскую — в Центральную Раду. Но поспел к неожиданному финалу... Общее заседание Центральной Рады еще не начиналось, а пока проходили закрытые фракционные прения, причем главный зал заняла фракция эсеров — как наиболее многочисленная. Около входа в зал в ожидании общего собрания столпились шумные представители других фракций... Внезапно сквозь толпу «партийцев» в сессионный зал проследовало человек двадцать вооруженных молодых — «вольных казаков». Их предводитель, Михаил Ковенко, властно прошел к трибуне, перебил выступающего и зычным голосом прочитал список из семи фамилий эсеров, которые считали себя «левыми», членов Центральной Рады.

«Шумский, Михайличенко, Полозов, Одоевский, Бачинский, Ткаль, Овчаренко... Есть такие? Встаньте и прошу выйти из зала! За связь с большевиками и подготовку заговора против Украины вы арестовываетесь!»

Названные подчинились и вышли в коридор. Голубович и еще несколько эсеров увязались за ними «в знак протеста», требуя, чтобы и их арестовали, но казаки грубо оттолкнули их... Грушевский пытался протестовать, но его уже никто не слушал. Толпа расступилась, пропустив арестованных и охрану.

Левые эсеры были арестованы и уведены в неизвестном направлении, а в зале Центральной Рады начался форменный бедлам. Представители различных фракций кричали, что произошел военный переворот, что Ковенко стал украинским Наполеоном, что честных революционеров сегодня же расстреляют и их надо немедленно спасти... Часть социал-демократов оправдывалась тем, что арестованные — шпионы, агенты большевиков и враги Украины.

На следующий день выяснилось, что арестованные имели тесные связи с лидерами левых эсеров Советской России, которые уже вошли в ленинское правительство и санкционировали поход на Украину. Очевидно, левые эсеры готовили на Украине «взрыв изнутри», связавшись с неустойчивыми армейскими частями. Всплыла и тайная

телеграмма Сталина, в которой он заявлял, что такой «взрыв» готовится и что скоро «Винниченко будет сменен левым эсером».

В тот же день, около десяти вечера, в возбуждении от увиденного и в горячке поисков «армии», теряя всякую надежду на возможность отстоять столицу, Петлюра искал кадры для своего Гайдамацкого коша Слободской Украины. К этому времени в кош записалось только 190 добровольцев (сведенные в пешую сотню поручика Виноградова и конную «атаманскую» сотню прапорщика Ляховича), и с таким количеством бойцов выезжать на фронт было просто нелепо, хотя обмундированы гайдамаки Петлюры были с шиком: необычно высокие смушковые шапки с красными шлыками, рыжие короткие кожаные вместо шинелей, кожаные красные заливчатские штаны, с кавалерийскими карабинами через плечо, с кинжалами кубанских казаков у пояса...

Вооружившись револьвером и взяв с собой штабс-капитана Удовенко, Петлюра, сев в последний трамвай, что следовал от Крещатика на Подол, поехал «поднимать» на сопротивление юнкеров Второй юнкерской школы...

Старшие офицеры школы, несмотря на поздний час (11 вечера), смогли очень быстро собрать в главном зале школы на Подоле до 200 юнкеров и несколько десятков офицеров. Петлюра вышел на огромную сцену шумного зала в расстегнутой солдатской шинели, одинокий и не слишком впечатляющий... Никто не ожидал от него чуда... Агитаторов с марта 1917-го юнкера видели сотни:

«Будущее свободной Украины, юнкера, именно сегодня, а не потом или через год, судьба вашей Родины в ваших руках! Сегодня или никогда вы можете защитить Украину и свободу и совершить чудо! Четыре дня назад большевистская тирания разрушила последнюю надежду всех честных жителей Российской республики — разогнала Учредительное собрание в Петрограде! Разгон сопровождался расстрелом демонстрации населения столицы и убийством депутатов Учредительного собрания. Если большевики вступят в Киев, они также не дадут собраться Украинскому Учредительному Сейму, который, как вы знаете, намечен на конец января... Большевики расстреляют ваших офицеров, как это было в Харькове в декабре, убьют ваших родных и близких, превратят вас в рабов и людей второго сорта. Вы будете бояться своей тени! Только

вы сможете защитить вечные лозунги: Свобода, Равенство, Братство! На фронте сейчас нет сил, чтобы остановить красную орду. Я верю, что только молодые львы с криком «Слава Украине!» пойдут на пулеметы, смогут изменить ход всей истории. Я уже собрал в Киеве Гайдамацкий Кош Слободской Украины, что будет освобождать Восток нашей республики... Я не приказываю, а призываю вас, юнкера, стать добровольцами моей армии и записаться в курень «Черных гайдамаков» Слободского Коша! Если вы верите мне, если вы чувствуете ответственность перед Украиной — вы встанете под мои знамена! Свобода или смерть! Родина или смерть!»

Последние слова Петлюра уже кричал. Тишина. Потом шквал аплодисментов... После пламенной речи отставного военного министра пыльные юноши с криками «Слава!» окружили Симона и начали с энтузиазмом качать его на руках. Он умел убеждать... В его словах была завораживающая сила... Тогда в очередь «на смерть» записалось 148 юнкеров...

Утром к юнкерской школе подали трамваи, которые отвезли юношей на станцию Киев-Товарная, к эшелонам. Далее состав отогнали на станцию Дарница. На фронт юнкера в этот день не попали из-за саботажа внезапно «покрасневших» железнодорожников. В Дарнице тоже нашлась мужская работенка — юнкера захватили 12 пушек со снарядами у украинского артиллерийского дивизиона, который отказался выступить на фронт и самораспустился...

«Солдатики» — хитрые, хуторские дядьки — уже тянули домой все «плохо лежавшее и в хозяйстве полезное» имущество дивизиона, начиная от коней и сбруи и кончая пушками. Юнкера, оцепив казармы, разогнали солдат и силой вернули пушки «в строй».

16 января эшелон с юнкерами все же выехал на позиции и вечером того же дня прибыл на прифронтовую станцию Яготин. На этой станции Полтавской железной дороги юнкерам снова пришлось разоружить большевистски настроенных солдат, которые, подняв «бузу», ждали прихода «красных как освободителей».

Юнкера еще не знали, что в самом Киеве в этот роковой день началось большевистское восстание, грозившее крахом их надеждам, и что их штыки будут просто необходимы столице. Эшелоны с юнкерами, минуя Яготин, отправились на станции Бобрик и Кононовка, где к этому времени сосредоточились петлюровцы и прибыл атаман Волох.

Справка: Волох Емельян Иванович (1886—1937) — виднейший деятель украинской революции. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан, организатор «украинизации» Харьковского гарнизона, командир полка. Во время захвата большевиками Харькова бежал с небольшим отрядом в Полтаву. Волох и его отряд добровольно вошли в Слободской Кош, признав руководство Петлюры как наиболее авторитетного человека. Личный друг Петлюры. В 1918—1919 гг. на командных должностях в «петлюровской армии» (комдив, комкор). В декабре 1919 г. предал Петлюру и переходит вместе со своей частью на сторону Красной Армии. Занимал руководящие должности в УССР. В 1933 г. арестован как враг народа, расстрелян в лагере.

Концентрация этих частей была связана с решением Петлюры провести контрнаступление против «красных» на станцию Гребинка и дальше на Полтаву.

На станции Кононовка собрались «черные гайдамаки» и несколько десятков сечевиков — всего 180 солдат при 2 пушках. На маленькой станции Бобрик, куда 17 января прибыл Петлюра со штабом Коша, — «красные гайдамаки», сечевые стрелцы и остатки отдельных украинских отрядов — всего около 700 человек при 8 пушках. С этими небольшими силами в 880 человек Петлюра рассчитывал оборонять Киев от Первой армии большевиков в 2500 человек.

Получив страшные известия о трагедии на станции Круты и о восстании в Киеве, Петлюра собрал офицеров коша и сечевых стрелцов, чтобы вместе обсудить дальнейшие действия. «Прекратить войну и капитулировать...» — предлагали одни. «Повернуть в Киев, разгромить восстание и продолжить борьбу против наступавших на линии Днепра», — требовали другие.

Еще 14 января Шинкарь направил киевских добровольцев прикрывать Черниговскую железную дорогу: сотню студентов и гимназистов, «курень смерти» и юнкеров 1-й юнкерской школы имени Хмельницкого — всего 420 человек при одной пушке и 8 пулеметах. Шинкарь прекрасно знал, что столь малочисленными силами не удастся закрыть брешь на Черниговской дороге. В отчаянии он посылал молодых идеалистов, не нюхавших порошу, на явную смерть. Их задачей стало только задержать наступление...

15 января эти части прибыли на станцию Круты, где встретили «красных» уже на следующее утро. Студенческая сотня была практически не подготовлена к бою, многие гимназисты и студенты в первый раз взяли в руки вин-

товки. Но они были полны решимости преградить собой путь на Киев, хотя на столицу по Черниговской железной дороге наступало до 5 500 обстрелянных солдат и балтийских матросов 1, 2 и 3-й армий большевиков. В неравном бою украинская оборона была разгромлена, общие потери составили 150 человек.

Разгром под Крутами окончательно открыл «красным» путь на Киев. Отходя от станции Круты, студенческо-юнкерский эшелон прибыл утром 17 января на станцию Бобрин, где расположились петлюровцы. Остатки «куреня смерти» Петлюра снова отправил прикрывать Черниговскую дорогу, а гимназистов и юнкеров направил в Киев — против восставших.

Тогда же проходил бой у станции Кононовка, где 180 петлюровцев столкнулись с «красной» колонной Петра Егорова в 1100 человек, состоявшей из донецких и харьковских красногвардейцев. В двадцатиградусный мороз гайдамаки окопались и приготвились к обороне. Огнем винтовок и пушек были отбиты две атаки противника, после этого «красные» смогли окружить станцию, а гайдамакам и стрельцам ничего не оставалось делать, как сесть в поезд и выехать в Яготин, что в 90 километрах от Киева, взорвав позади себя железнодорожный мост через речку.

В 9 часов вечера 17 января было окончательно решено возвращаться в Киев и подавить восстание, которое угрожало Центральной Раде. Петлюра вышел на ночной перрон станции Бобрин и обратился к столпившимся на станции бойцам с речью. Он рассказал о критическом положении на фронте, о восстании в Киеве, о том, что грозит Центральной Раде. Петлюра не скрывал плачевного состояния обороны:

«Есть два выхода из существующего положения: или мы сложим оружие и, смирившись с потерей независимости Украины, разойдемся по домам, или мы быстро рванемся в Киев, подавим восстание и будем оборонять Киев по Днепру. Какое будет ваше решение, бойцы? Будем ли мы продолжать борьбу?»

«Вперед на Киев! Свобода или смерть!» — громыхла толпа...

Но путь частям Петлюры на Киев неожиданно отрезало новое восстание еще вчера абсолютно надежного украинского полка имени Наливайко (1300 человек) в провинциальных Броворах. Солдаты полка арестовали своих офицеров, подняли красное знамя и готовились не допус-

тить «реакционера» Петлюру в Киев. На этот раз спас положение буйный атаман Волох (бывший шахтер, бывший художник, бывший штабс-капитан)... На собрании мятежного полка он круто, матерно обругал восставших, убедив их, что солдат просто обвели вокруг пальца агитаторы. Во время собрания 150 сечевиков окружили казармы и вскоре разоружили огромную силу — 1300 солдат при 8 пушках и 75 пулеметах. Петлюровцы разогнали разоруженных солдат, а оружие, которое даже невозможно было увезти с собой, облив бензином, уничтожили; 60 человек из мятежного полка перешли на сторону Петлюры, остальные — разошлись по домам...

Январское восстание большевиков в Киеве описано в сотнях советских исторических монографий, диссертациях, статьях. Но до сих пор правдивой и полной картины этого восстания историками не воссоздано. И мы, не претендуя на это, лишь коротко напомним о важнейших событиях 15—19 января 1918 года, предшествовавших появлению войск Петлюры на улицах горящего Киева.

Восстание рабочих в Киеве было полной неожиданностью не только для украинской власти, но и для самих рабочих, которых большевики готовили поднять «бунт», но чуть позже, когда «красные» войска с востока подойдут к самим стенам Киева, примерно на 20—22 января. Но события подстегнули действия неугомонного коменданта Ковенко...

Крупнейший на Украине военный завод «Арсенал» и его рабочие были постоянной головной болью для политиков Центральной Рады. Рабочий коллектив завода был еще в середине 1917 года распропагандирован большевиками и бредил Советской властью, коммунизмом. В октябре 1917 года он уже подымал восстание против Временного правительства. С приходом к власти Центральной Рады рабочие завода рвались в бой уже против «буржуазных националистов».

Тут, на «Арсенале», был центральный штаб большевиков, их надежда, их пушечное мясо — Красная гвардия... Центральная Рада, зная что на «Арсенале» в ближайшее время готовится восстание, еще 4 января направила на завод надежный отряд «вольных казаков» под руководством Ковенко. После непродолжительной перестрелки у арсенальцев были изъяты винтовки и пулеметы, некоторые из организаторов красногвардейских отрядов были арестова-

ны. Но взвинченные рабочие, несмотря на формальное закрытие завода властями, продолжали приходить на завод и готовиться к выступлению.

Комендант города наконец решил полностью ликвидировать опасность восстания — вывезти весь уголь с завода, чтобы остановить производство и выкурить рабочих из цехов в двадцатиградусный мороз. Однако об этом «злосказанном» плане стало известно большевикам и рабочим, и они решились поднять восстание ранее запланированного срока, толком не подготовившись к нему и не разработав даже общий план выступления.

Подтолкнули к восстанию и аресты левых эсеров, и решение 9-й сессии пленума Центральной Рады, утвердившее Четвертый Универсал о разрыве Украиной государственных связей с Россией и о независимости Украины. Об этом решении рабочим стало известно уже вечером 15-го...

Были у восстания в столице и объективные обиденные причины: инфляция, падение жизненного уровня, угроза массовой безработицы, невыплата зарплат, острая нехватка хлеба...

15 января рабочие «Арсенала» нашли место (недалеко, на улице Московской), где было спрятано конфискованное в «Арсенале» оружие, и, захватив его, снова перевезли на завод. В «Арсенале» в этот день был создан штаб восстания, туда же призывались все большевистские, красногвардейские силы Киева. К арсенальцам присоединились не только рабочие многих предприятий, люмпены, но и большая часть солдат трех украинских полков, что были сагитированы большевиками. Всего на заводе собралось до 700 хорошо вооруженных людей.

В то же время в других районах Киева — на Подоле, Шуляевке, Демеевке, в районе железнодорожных мастерских собирались свои красногвардейские вооруженные отряды, общая численность которых составила около 1400 человек. Всего киевских восставших насчитывалось около 2100 человек. У них было 2 броневика.

В распоряжении Центральной Рады в Киеве на начало восстания оказалось всего около 2-х тысяч штыков и 3 броневика (Богдановский, Богунский, Полуботковский, Гордиенковский именные полки, курени: Черноморский и сечевых стрельцов, отряды «вольных казаков»). Еще три украинских именных полка объявили сразу же о своем нейтралитете. Кстати сказать, 50% солдат в Киеве достаточно апатично взирали на события и даже продавали оружие и

патроны восставшим. Этим примерным равенством сил противников и объясняет затяжное военное противостояние в Киеве.

Главным успехом войск Центральной Рады было блокирование восставших в разных частях города. Каждый район восстания действовал на свой страх и риск и подчас не имел связи со своими союзниками, да и не стремился к соединению. Восставшие были перебиты по одиночке... В то же время и сама Центральная Рада, ее силовые структуры оказались фактически парализованы восстанием, и только военные (Ковенко, Шинкарь, Петлюра...) решали тогда судьбу столицы. Как пишет очевидец, оборона украинской власти велась тогда «стихийно», «сама собою»...

Вечером 15-го января члены Центральной Рады опять пережили несколько неприятных минут — к дому, где заседала Центральная Рада, вышли вооруженные солдаты Богунского полка, протестуя против арестов левых эсеров и против того, что охрану Киева Центральная Рада передала «вольным казакам», которых многие обыватели называли «преступными элементами». Делегаты сразу подумали о худшем: их хотят «разогнать», но пронесло, выступление оказалось только «бэшкой».

Утром 16-го января к воротам «Арсенала» подошли части «вольных казаков» с одним броневиком, они еще надеялись снова разоружить «арсенальцев» и вывезти с завода уголь... Увидев украинские части, рабочие «Арсенала» ответили огнем. «Арсенал» первым восстал и первым был полностью блокирован войсками УНР. В первый день боев, когда под «Арсеналом» было в два раза меньше украинских солдат, нежели восставших на заводе, у арсенальцев был шанс прорвать осаду и вырваться в центр города на объединение с восставшим Подолом. Однако у арсенальцев не было разведки, они думали, что у завода собрались все лучшие войска УНР. Шанс был упущен.

В то время когда проходили бои за «Арсенал», возникли новые очаги восстания на рабочих окраинах Киева. Бои приняли затяжной, позиционный характер. Многочисленные штурмы «Арсенала» ничего не давали, так же, как и вылазки восставших за территорию завода. Большевики пытались посеять панику в городе, бессистемно обстреливая центральные кварталы из пушек и отключив в Киеве водоснабжение и электричество. «Главной приметой тех боев была полная невозможность четко провести фронт, на котором идет бой. Бои разгорались неожидан-

но, там, где начинали стрелять в украинцев восставшие, которые проскальзывали очень легко по всему Киеву, потому что Центральная Рада не располагала достаточными силами, чтобы надежно охранять город, а на протяжении всего времени борьбы не издала ни одного приказа», — вспоминал очевидец.

16 января восстал Подол, затем 130 красногвардейцев с Подола прорвались в верхнюю, центральную, часть города и по улице Владимирской подошли почти к самому зданию Центральной Рады, обстреливая его окна из пулеметов. Осколки разбитых стекол падали прямо в зал заседаний. Восставшие были в 200 шагах от Рады. Положение становилось критическим... Деятели Центральной Рады и служащие секретариата вооружились, заседание было прервано, делегаты спустились в подвал.

Тогда около 30 офицеров военного министерства, что находилось в двух кварталах от позиций подольских красногвардейцев, во главе с заместителем министра полковником Жуковским, взяв винтовки, пошли в штыковую атаку и обратили в бегство передовые силы восставших у Золотых ворот и отела «Прага». К офицерам присоединилось еще до сотни солдат... Этими силами они отогнали «красных» за Святую Софию.

Большевики, потеряв 80 человек убитыми, бежали на Подол. Но на следующий день еще 120 красногвардейцев с Подола пытались прорваться на Крещатик. Часть центра города оказалась в руках восставших, и их отряды опять рвались на Владимирскую к зданию Центральной Рады. И снова судьба Центральной Рады весела на волоске. Только своевременное появление на месте боев 250 солдат из украинизованного Гордиенковского полка, что прибыли в столицу из Прибалтики, спасло судьбу Центральной Рады. И снова восставшие были загнаны на Подол, оставив на Крещатике и соседних улицах около 70 убитых. Лишь к 20 января восстание на Подоле было подавлено.

18 января во второй половине дня петлюровцы подошли к днепровским мостам и увидели панораму Киева. Через реку доносились раскаты артиллерийской и пулеметной стрельбы. И рабочие слободки, что на левом берегу Днепра, встретили прибывших огнем. К Киеву надо было еще прорваться через восставшие окраины. Разметав окопавшихся большевиков, части петлюровцев вышли на мост через Днепр, который также пришлось штурмовать с боем.

Восставшие Киева обороняли мост силами 60 красногвардейцев при броневике и нескольких пулеметах. Штурм был отчаянный, ведь гайдамаки знали, что счет времени пошел на минуты, что в Киеве решалась в эти часы судьба страны. Во главе цепи гайдамак бежали Петлюра и Волох. Петлюра тогда почувствовал в Волохе человека храброго, сильного, преданного идее... Но как потом Петлюра «обожжется» на этом человеке!

Он тогда еще не знал, что именно в этот серый день — среду, 18 января — в Киеве произошли серьезные политические изменения. Премьер Винниченко распустил социал-демократический Совет министров УНР, предоставив одному из лидеров эсеров, Всеволоду Голубовичу, сформировать новый кабинет.

Справка: Голубович Всеволод (1890—?) — инженер, член УПСР, в 1917 г. — член Центральной Рады, генеральный секретарь железнодорожного транспорта, генеральный секретарь торговли и промышленности. В 1918 г. — премьер-министр УНР. Отшел от политики в 1921 г., после того как был осужден как «контрреволюционер». В 30-е годы репрессирован.

Кабинет Голубовича оказался самым молодым из всех возможных — его составляли двадцатилетние! Военным министром стал никому не известный эсер Немоловский.

Но следующее известие было еще более ошеломляющим — Малая Рада приняла эсеровский «Земельный закон», разработанный Шумским и Христюком. Это был очень революционный, радикальный закон, и Петлюра не поддерживал его принятия как анархического, потому что считал, что подобный закон способен только усилить хаос в стране. Очевидно, эсеры рассчитывали использовать этот закон как последний шанс, надеясь таким образом выбить из рук у большевиков их «земельный козырь», склонить последних к мирным переговорам, показав свою «сверхреволюционность». Этим законом ликвидировалось право собственности на землю, а крестьянским земельным комитетам передавалось право уравнительного раздела земли. Нормой надела было решено избрать отвлеченную величину: «сколько сам крестьянин может обработать». Премьер Голубович обещал рабочим ввести восьмичасовой рабочий день, ликвидировать безработицу... Однако продуманной экономической программы у эсеров не было,

они шли путем большевиков: требовали немедленного мира с германцем и немедленной передачи земли крестьянам.

Ушедшие в отставку министры социал-демократы были даже рады в самые критические часы свалить со своих плеч ответственность. Их терзали сомнения, страх, неуверенность... Ведь они уже практически ничем не руководили, кроме нескольких еще не разбежавшихся «министерских» канцелярий. Бывший премьер Винниченко уже через неделю напишет в своем дневнике: «...неужели мы, сами того не сознавая, не чувствуя, выступаем как контрреволюционеры? А что если народные комиссары правы, ведя Россию, вместе с Украиной, к социалистической революции?»

Петлюре не нравился нервный и самолюбивый премьер Голубович, способный оратор, но слабохарактерный человек, что уже развалил ведомства, которые возглавлял. Но выбирать солдату не приходилось.

Поздним вечером 19 января отряд Петлюры, приблизительно в 900 человек при 8 пушках, вошел в заснеженный, темный и испуганный город. В это же самое время к «Арсеналу» прибыл из провинции еще и Черноморский матросский украинский курень. На пути бойцы встречали десятки окоченевших трупов людей и лошадей, разоренные бандитами во время безвластия магазины... В большинстве районов восстание уже прекратилось, только у «Арсенала» и у железнодорожного вокзала рвались снаряды. Части Петлюры и «черноморцы» сменили уставшие за пять дней боев за «Арсенал» киевские подразделения и сразу бросились в наступление. Однако первая атака гайдамаков была отбита...

Киевские солдаты-республиканцы с удивлением вглядывались в петлюровских гайдамаков с «бритыми головами, с долгими черными осэлэдцами за ухом».

Приход под стены «Арсенала» петлюровцев вызвал настоящую панику среди защитников завода. Они ждали подкреплений, но только своих... Перешедшие было на сторону восставших солдаты украинского полка имени Хмельницкого покинули оборону «Арсенала» и сдались гайдамакам.

Арсенальцы к этому времени были сильно утомлены пятидневным круглосуточным боем, угнетены большими людскими потерями (около 250 человек) и тем, что заканчивались патроны, отсутствовала вода, электричество, медикаменты, разочарованы отсутствием обещанной большевиками подмоги... Руководители восстания в большин-

стве своем уже бежали с «Арсенала» через тайные подземные ходы, часть защитников разошлась по домам, видя бесперспективность и обреченность дальнейшего сопротивления. За стенами «Арсенала» остались только самые стойкие — до двухсот бойцов, усталые и израненные.

В киевских газетах за 20 января Петлюра обнаружил «Воззвание» нового эсеровского Совета министров УНР, которое призывало народ к сплочению против восставших. Новые «революционные» власти изумляли формулировками воззвания, в котором восставшие назывались «угловыми элементами», «разбойниками и погромщиками», «черносотенцами»... В газетах утверждалось, что 70% восставших — «злодеи и грабители». Это было неправдой, просто неумелой контрпропагандой, которая только вредила республиканским властям, ведь Красная гвардия формировалась преимущественно из киевских рабочих, из идеалистов, мечтавших о справедливом обществе.

21 января — последний день обороны «Арсенала». Утром этого дня было решено провести общую атаку завода. Семь пушек прямой наводкой стали стрелять по «Арсеналу», надеясь пробить толстые крепостные стены. Наводил пушки сам бывший царский генерал-майор Василий Кирей (этот генерал в 1919 году перейдет в армию Деникина). В могучих стенах «Арсенала» артиллерией был сделан пролом, в который ринулись нападающие... С крыш соседних домов по арсенальцам ударило 15 пулеметов. Найдя снаряды для дымовых завес, петлюровцы обстреляли ими «Арсенал», и все стены его окутались дымом. Это дало возможность гайдамакам приблизиться к «Арсеналу», ринуться в атаку. О. Шпилинский вспоминал уже в эмиграции:

«Гайдамаки, вперед! — махая булавой, энергично кричал атаман Петлюра. — Атаман Волох, начинайте! Ну, гайдамаки, с Богом! Вперед знамя! Бейте еще, еще раз, не дайте дыму разойтись!»

Первую колонну атакующих завод в лоб — через главный корпус, — всего 400 штыков, возглавил сам атаман Петлюра, вторую колонну, в 250 штыков, ввел в бой бывший царский полковник Петрив со стороны буерака, 3-я колонна поручика Блаватного, в 300 штыков, атаковала «Арсенал» с тыла. Около 6 часов вечера, уже в темноте, колонна Петлюры прорвалась на завод. Петлюра в солдатской шинели без знаков различия и с карабином наперевес бежал в цепи и практически ничем не отличался от рядового республи-

канца. После того как арсенальцы обнаружили ворвавшихся петлюровцев во дворе своего завода, они прекратили всякое сопротивление и добровольно сдали оружие.

Советская пропаганда трезвонила о страшных расстрелах и расправах над арсенальцами после взятия завода. Говорили о сотне расстрелянных, однако назвать фамилий жертв так и не смогли. Советским историкам нужно было только верить...

Как же было на самом деле? Действительно, уже после захвата «Арсенала» несколько десятков его защитников были убиты. Несколько десятков восставших не захотели сдаться и прятались в огромных подвалах завода, обстреливая спускавшихся туда петлюровцев. Эти героические инсургенты и были убиты или расстреляны в тех же подвалах. Но основная часть арсенальцев осталась в живых и была через несколько дней выпущена из заключения «красными» войсками, захватившими Киев.

Всех пленных арсенальцев собрали на большом дворе завода, сюда же притащили раненых защитников.

Пленных повели в военную тюрьму «Косой капанир», за два километра от «Арсенала». Вечером того же дня петлюровские соединения ушли из-под стен «Арсенала» на отдых.

Последний день штурма «Арсенала» стоил «петлюровцам» и арсенальцам до 70 человек убитыми и до 80 ранеными. Казальсь, жертвы рабочих «Арсенала» были напрасны. Но арсенальцы шесть дней сдерживали у стен своего завода лучшие республиканские части, которые были так необходимы на подступах к Киеву. Восстание породило неуверенность и разочарованность во власти Центральной Рады, нейтрализовало часть ее полков, подготовило почву для штурма Киева воинством Муравьева. Восстание обескровило и обессилило части, вставшие на оборону Киева.

Следующий день прошел в борьбе с остатками восставших в районе вокзала, железнодорожных мастерских, Галицкой площади, Ботанического сада, где укрылось до 200 восставших при двух орудиях. Против железнодорожников-инсургентов снова был брошен Гайдамацкий Кош Слободской Украины в 280 бойцов с двумя орудиями и двумя броневиками. Атаман Петлюра повел часть наступавших в атаку на Галицкую площадь, а Омелько Волох старался выбить восставших из окопов в Ботаническом саду. Уже в десять утра колонны Петлюры и Волоха сломали оборону противника и «на его плечах» прорвались к вокзалу. Однако огонь бронепоезда восставших заставил пет-

люровцев на время остановить наступление, к тому же большевики подбили один из броневиков. Только к 14 часам вокзал был взят.

Вечером часть большевиков, узнав о падении «Арсенала» и видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, разошлась по домам, и на позициях у железнодорожных мастерских осталось только человек сорок наиболее отчаянных. Ночью гайдамаки арестовали одного большевика, который, опасаясь расстрела, согласился вывести их в тыл восставших. При внезапном появлении гайдамаков с тыла оборонявшиеся разбежались, а 17 человек попали в плен. Не ставя в известность своего атамана, гайдамаки расстреляли всех пленных и большевика-предателя у памятника графу Бобринскому на Бибиковском бульваре, так и не доведя их до штаба. Этим расстрелом закончилось восстание в Киеве.

Во второй половине этого же дня члены Центральной Рады утвердили ряд исторических решений. Первое, «О созыве Украинского Учредительного собрания 2-го февраля 1918 года», так и не будет выполнено по причине захвата Киева «красными». Второе — «О праве подписания сепаратного мира с германцами в Бресте». Центральная Рада дала полное право своей делегации в Бресте подписать этот мир — первый мирный договор в ходе мировой войны! 220 человек голосовали «за», только один меньшевик — «против» да несколько бундовцев «воздержались».

В ходе боев против восставших украинские войска понесли большие потери — треть своих сил. Более 300 бойцов было убито и более 600 ранено, 2 броневика уничтожено. В киевских боях части Петлюры потеряли около ста человек. Наибольшие потери — 200 человек — понесло «Вольное казачество».

Около 400 убитых, около 40 расстрелянных и 700 раненых было в стане восставших. Городские бои такого ожесточения больше никогда не повторялись на Украине. Взаимная ненависть, захлестнувшая улицы, грозила крахом огромному городу. Но к утру 23-го Киев затих, оплакивая жертвы и готовясь к новым жутким испытаниям...

После боев в городе Ковенко направил 400 штыков на охрану Цепного моста, 200 штыков прикрывали железнодорожный мост через Днепр. В центре, в районе Купеческого собрания и на Подоле, разместились части Петлюры.

Еще утром 22 января 1918 года «красные» армии Муравьева (семь тысяч солдат, 25 пушек, два бронепоезда

и 3 броневика) оказались на околицах Киева. За этот день они захватили Дарницю, Труханов остров, Слободку перед мостом через Днепр. Амбициозный главком Муравьев отдал своим войскам приказ: «штурмовать город с ходу, «беспощадно уничтожать в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». Тяжелая артиллерия, развернутая на Слободке, начала систематически обстреливать центр города. Один снаряд попал в здание Центральной Рады, еще один — поджег дом Грушевского, вследствие чего погибла уникальная коллекция украинского антиквариата...

Муравьев разработал план, по которому 1-я армия Егорова должна была ворваться в Киев через Цепной мост, а 2-я армия Берзина — через мост железнодорожный. На 11 утра 23 января был дан приказ общего штурма города. Однако атака на центральный Цепной мост захлебнулась в пулеметном огне...

В бою за отдаленный от центра города железнодорожный мост удача оказалась на стороне большевиков... Бронепоезд матроса Полупанова прорвался через мост на правый берег, однако наступление армия Егорова тогда не развернула, а окопалась на позициях у моста.

Главком Муравьев был неудовлетворен первым боем, потому что уже разослал победную телеграмму «Всем! Всем! Всем!», в которой сообщал о взятии Киева 23 января и об освобождении «заключенных в крепости киевских рабочих числом 500 человек...» (такого подвига он еще не совершил, а сотня заключенных все еще сидела под замком в Лавре! — В.С.).

Муравьев был нетерпелив еще и потому, что «проклятые советские комиссары» еще 19 января 1918 года назначили Главкомом своих армий на Украине вместо него, кадрового боевого полковника и левого эсера «со стажем», какого-то выскочку — Юрочку Коцюбинского, прапорщика двадцати одного года, только потому что у Коцюбинского была звучная украинская фамилия, он был большевик, а его отец — классик украинской литературы. И хотя назначение Коцюбинского носило формальный, декоративный характер, а бразды командования остались у Муравьева, последний негодовал и вместе с тем старался выслужиться — как можно раньше отрапортовать о захвате его войсками Киева.

К 23 января 1918 года власть Центральной Рады была ликвидирована большевиками и в Чернигове, Одессе, Ели-

заветграде (Кировограде), Херсоне, Николаеве, Бердичеве, Ровно. Власть Центральной Рады к этому времени распространялась только на Киевщину и на отдельные уезды Волынской и Подольской губерний.

Наступавшим «красным» в Киеве могли противостоять только 1600—1700 бойцов девяти республиканских украинских соединений, у которых осталось 17 пушек. Население Киева в начале 1918 года составляло около 440 тысяч, однако большинство жителей и несколько тысяч офицеров-киевлян отстраненно и обреченно взирали на события, отдав свое будущее в руки нескольких тысяч сражающихся.

Во время киевского восстания только бывший подполковник Петр Болбачан смог организовывать отряд из русских офицеров, ненавидящих власть большевиков.

ГЛАВА 9

ПОТЕРЯ КИЕВА И «ЧУДЕСА БРЕСТ-ЛИТОВСКА»

24 января—1 марта 1918 г.

24 января началось с общего штурма Киева (с трех сторон) войсками Муравьева. Еще ночью, часа в два, «красные» осуществили хитрый обходный маневр. По тонкому речному льду на правый берег Днепра перешла единственная советская конная часть — полк «красных казаков» Виталия Примакова в 198 сабель. Этот полк переправился на север от Киева, у Вышгорода, и должен был к полудню того же дня ворваться в Киев с севера и захватить стратегический район Подола.

В десять утра «красная» кавалерия, не встречая нигде сопротивления республиканских войск, неожиданно ворвалась на Подол. На Подоле, кроме 2-й юнкерской школы, не было сил, способных их остановить. И хотя в юнкерской школе тогда находилось всего 110 юнкеров — петлюровских «черных гайдамаков», им удалось отбить три атаки «красной» конницы. На помощь Примакову пришли украинские солдаты из нейтрального полка, которые уговорили юнкеров оставить Подол, угрожая в противном случае, соединившись с большевиками, напасть на юнкерскую школу. «Черные гайдамаки» были вынуждены отступить на Крещатик, к Купеческому собранию, где находились основные силы Петлюры. За день боев Примаков захватил весь Подол, Куреневку и железнодорожную станцию Пост-Волынский.

Некоторые успехи были у армии Егорова, которая к этому времени уже просочилась через железнодорожный мост в киевские предместья. Эти войска за день боев захватили станцию Киев 2-Товарный. Однако солдаты старой армии не желали «серьезно» воевать и предпочитали при вступлении в Киев просто разбежаться, навсегда «теряться» в сложных лабиринтах киевских улиц (так разбежался 11-й Сибирский полк).

Большие успехи в этот день выпали на долю главной колонны наступавших — колонны Берзина. В 12 часов дня, после нескольких часов артиллерийской подготовки, на штурм Цепного моста пошли красногвардейцы 2-й армии, пустив впереди себя броневик. Но броневик был подбит, а первая атака «красных» захлебнулась в крови... Однако с тыла «красным» пришла неожиданная помощь... В Печерской Лавре еще со времени киевского восстания укрывалось несколько десятков восставших рабочих. Узнав о штурме Цепного моста, что находился недалеко от Лавры, восставшие поставили пулемет на высоченную лаврскую колокольню и начали палить из него в спину республиканских солдат.

После двух часов дня к мосту стали приближаться части, высланные на помощь Берзину от Егорова. В таких условиях республиканцы считали, что находятся в полном окружении врага и начали постепенно отходить парковыми днепровскими кручами к стенам Николаевского собора, к «Арсеналу» и дальше, «на отдых» в Политехнический институт.

Хотя в стратегическом районе «Арсенала», что прикрывал центр города, Ковенко решил создать вторую линию обороны против «красных», вечером 24 января там почему-то окопались только 200 солдат УНР.

Отряд «армии» Егорова после 10 часов боя был крайне переутомлен и не решился продолжать наступление в ранних январских сумерках. «Красные» тогда не знали, что им противостоит только 200 республиканцев. В этот день они ограничились подтягиванием сил (до 800 штыков) в район «Арсенала». Но вот «свежая» армия Берзина, беспрепятственно пройдя Цепной мост в 16—19 часов, после отхода республиканцев решилась на неожиданное ночное наступление. В 11 часов ночи Балтийский матросский отряд в 500 штыков пробрался через заросли приднепровских крутых склонов прямо в тыл украинским частям у «Арсенала». Неожиданная штыковая атака матросов сбила республиканскую оборону, и украинский полк имени Дорошенко был вынужден отступить к Мариинскому дворцу, в 400 метрах от Крещатика.

Совет министров УНР, опасаясь внезапного пленения, решил засесть в здании Военного министерства — в коллегии Галагана, которое охраняло несколько десятков офицеров. Новый премьер Голубович считал, что любой ценой необходимо было удержаться в Киеве еще несколько

дней, до тех пор пока в Брест-Литовске не будет подписан мирный договор с «немцем». Подписывать мир в условиях потери столицы было бы не только позорно, это могло бы привести к повышению аппетитов немцев при виде такого слабого союзника, который потерял даже свою столицу.

«Красные» также спешили со штурмом, надеясь, что украинцы не успеют подписать мирный договор до утра-ты Киева. Хотя еще 24 января, когда «красные» уже были в 3—4 километрах от здания Центральной Рады, на заседании Центральной Рады в некоторых речах звучали безумные бодрые нотки. Наиболее воинственные «радовцы» предлагали «собрать все силы, ударить по Дарнице и разбить большевиков», говорили о скором подходе больших формирований «Вольного казачества» с юга Киевщины и ближайшем контрнаступлении. Но это были только фантомы, даже на оборону города уже не было достаточно сил.

Продолжая политику задабривания рабочих, Совет министров установил восьмичасовой рабочий день и предложил утвердить рабоче-государственный контроль над предприятиями. Но информацию об этих новшествах уже не было возможности довести до рабочих.

Утром 25 января бои за Киев разгорелись с новой силой. Муравьев приказал своим частям за этот день полностью окружить город и сломить оборону противника. 1-я армия Егорова должна была, охватив город с запада, наступать от вокзала на Крещатик и район Центральной Рады, 2-й армии Берзина ставились более скромные задачи — захватить Печерск и «Арсенал». Муравьев решил, что свои войска, очень вяло наступавшие, необходимо «подгонять сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть негодяев и трусов артиллерия не щадит».

Утро украинские части начали с безумной контратаки «красных» позиций у «Арсенала»: 700 республиканцев при поддержке броневика думали столкнуть «красных», численностью превышающих республиканцев почти вдвое, с днепровских круч. Встречный бой продолжался несколько часов, «красные» не смогли в этот день продвинуться к центру города, хотя и республиканцы вечером были вынуждены возвратиться на свои исходные позиции.

Тогда же некоторые части под командованием Берзина начали штурмовать Киев со стороны Подола через спуск к Крещатику и Царский сад. Однако тут они напоролась на упорное сопротивление гайдамаков Петлюры и после не-

скольких неудачных атак «отставили» до следующего дня план штурма этого важнейшего участка обороны «в лоб».

В то же время армия Егорова захватила вокзал и прошла центром города почти до самого Крещатика, где была встречена последними украинскими резервами — офицерским полком и «вольными казаками». К вечеру 25-го продвижение «красных» войск на всех участках обороны было остановлено. И уже было ясно, что республиканцы, почти полностью окруженные со всех сторон, потерявшие вокзалы, продержатся недолго.

В руках республиканцев осталось несколько улиц — Крещатик, Бибиковский бульвар, Брест-Литовское шоссе, которое оказалось единственным, не перерезанным большевиками, путем из Киева на запад.

В этих условиях Голубович и Ковенко на последнем заседании Центральной Рады заявили о невозможности далее удерживать город и о немедленной эвакуации из города армии и правительственных учреждений. К этому времени часть министров и чиновников уже неожиданно «исчезла», и управлять чем-либо далее не было никакой возможности. Оставшимся при министерствах министрам стало известно, что Берлин решил подписать мирный договор и даже милостиво предоставить военную помощь Украине. Это сообщение подтолкнуло правительство УНР к немедленной эвакуации, ведь город уже не нужно было удерживать «любой ценой».

По единственной оставшейся в руках республиканцев дороге ночью с 25-го на 26 января стали отходить поредевшие и измотанные украинские части и чиновники. Поздней ночью покинули позиции у Марининского дворца юнкера и дороженковцы. Под охраной сечевых стрельцов уезжали на автомобилях на запад высшие чиновники и деятели Центральной Рады (после разгрома вражескими снарядами дома, где жил Грушевский, глава Центральной Рады переехал в казармы сечевиков, в семинарию, и вместе с ними вскоре уехал в эвакуацию), проследовал обоз с ранеными и больными, а далее остатки семи республиканских полков, практически без патронов и продовольствия. Разочарование, обида, страх подгоняли колонну. Только 86 дней продержалась власть Центральной Рады в Киеве...

Отступление от центра города до пригородного села Игнатовка проходило целые сутки под самым носом у «красных» частей, которые имели все возможности полностью перекрыть отход республиканцев.

Отступление прикрывали: у Купеческого собрания и Крещатика гайдамаки Петлюры и «вольные казаки», у Мариинского дворца — офицерский отряд Болбочана.

26 января — пятница — последний день боев в Киеве. С раннего утра большевики заняли опустевший «Арсенал» и теснили офицерский отряд, который был вынужден отступить от Мариинского дворца к Купеческому собранию, где была последняя линия обороны, что удерживали части Петлюры. С 11 утра этот узел обороны сдерживал атаки «красных» как с Подола, так и с Печерска, численность наступающих в 5—6 раз превышала число защитников.

Об этом бое вспоминает штабс-капитан Шпилянский: «Цепи гайдамаков лежали в Царском саду. Сад засыпали снарядами из-за Днепра. Большевики доходили до самого дома Купеческого собрания, и тогда мы все с атаманом Петлюрой выскакивали и переходили в наступление. Один раз наше наступление было такое быстрое, что большевики не успели вскочить на мост, что соединял два сада, и там мы их многих перебили. Весь сад был завален трупами. Этот танец на месте без минуты спокойствия ни днем ни ночью страшно утомил всех, а наступления «красных» становились еще более упорными. Утомленные гайдамаки отбивались от врага, а в наступление уже не переходили... Атаман Петлюра собрал нас всех и обратился с речью: «Нужно напрячь все силы еще раз!» Это была безумная атака — жестокая и лютая. В этой последней атаке много убили гайдамаков, не было ни одного гайдамака, которого не зацепила бы пуля. Гайдамаки уже не ходили, а лазили по саду от переутомления и ран, однако они не желали отходить от своих...»

Последняя контратака, уже в три часа дня, нужна была Петлюре, чтобы, отогнав противника, используя временную передышку, начать отходить через Великую Владимирскую улицу, Галицкую площадь на Брест—Литовское шоссе. В районе вокзала к небольшому отряду под руководством Петлюры и Болбочана присоединились несколько сот солдат из нейтральных украинских полков, против которых «красные» начали военные действия, далее к аррьергарду присоединились остатки полка имени Полуботка. В восемь часов вечера последним республиканцам удалось выскочить из города, после чего ловушка захлопнулась...

В боях с войсками Муравьева потери республиканцев составили до 500 человек убитыми, ранеными, расстре-

лянными... Отдельные очаги сопротивления «красным» в Киеве держались еще целый день. 27 января это стихийное сопротивление небольших отрядов «вольных казаков», что не успели уйти из города, запутало Муравьева, и он так и не выслал частей, чтобы догнать на Брест-Литовском шоссе колону отступающих. Чудес на свете не бывает, но Центральной Раде и ее защитникам тогда чудесным образом повезло...

Первое чудо Брест-Литовска — это успешная эвакуация республиканского правительства и армии из Киева 26 января 1918 года. В принципе, «красные» войска, которых в Киеве уже было до 7 тысяч, могли легко и сравнительно небольшими силами перекрыть отступление трех тысячам деморализованных «украинцев» еще 25 января, когда почти полностью окружили Киев. Части Егорова в этот день не только ворвалась в центр города, но и взяла вокзал, что в 400 метрах от Брест-Литовского шоссе. Практически отход республиканских войск проходил под самым носом у «красных».

Еще загадочнее было поведение полка «красного казачества». Эта часть Виталия Примакова была направлена в тыл республиканцам через предместье Сырец, и ее заданием и было как раз перерезать все пути из Киева, ведущие на запад. Однако, хотя этот полк и был утром 25-го в 200 метрах от Брест-Литовского шоссе, он почему-то не перекрыл, несмотря на то, что на шоссе не было украинских войск. Более того, большевики продолжали ненужный обстрел центра города тяжелой артиллерией, хотя город уже находился в их руках, что усиливало неразбериху. Вместо того чтобы преследовать отступающих республиканцев, «красные» начали разоружать полностью безобидные нейтральные полки и обстреливать их из пушек. Это привело к совершенно ненужным боям с нейтральными частями, которые поначалу и не думали оказывать «красным» никакого сопротивления.

Более того, убедившись, уже вечером 26-го января, что республиканские войска покинули город, Муравьев не делает никаких попыток догнать отступающих, хотя знает направление отступления.

В соседнем с Киевом местечке Фастов в конце января 1918-го находился сильный 2-й гвардейский корпус — 10 тысяч штыков, состоящий из ушедших с фронта солдат под предводительством большевиков. Силами этого корпуса также можно было легко перекрыть дорогу республи-

канцам на Житомир и окружить отступающих. Но и этого не было сделано!

Что это, только ли политический просчет или чья-то скрытая воля — дать республиканцам еще один шанс? Возможно, тут имели место и нежелание солдат продолжать «непонятную» войну, и крайнее разложение войск, кинувшихся грабить «киевскую буржуазию». Может, наступавших испугали серьезные потери при штурме Киева? В итоге, приказа о поимке главных врагов почему-то не было дано. По какой-то причине руководство большевиков посчитало, что захват Киева — это и есть полный разгром Центральной Рады, не принимая во внимание последствий действий Центральной Рады и ее армии на Правобережной Украине.

Только 27 января Муравьев спокойно телеграфирует Ленину: «Остатки войск Рады отступили на Житомир, где Петлюра и Порш вербуют из гимназистов дружину, но, конечно, мы не придаем этому значения. Я приказал частям 7-й армии перерезать путь отступления. Остатки Рады пробираются в Австрию...» Муравьев наивно думал, что полностью разбил республиканцев...

Почему приказ о «поимке» Рады был отдан именно частям 7-й большевистской армии, из которых в строю осталось только 1 400 тысяч штыков и сабель и которая находилась очень далеко от Киева — в Сарнах (на Волыни) и к тому же была занята борьбой с 1-й украинской бригадой в 700 штыков? Этим сил было явно недостаточно для борьбы с Радой, и части 7-й армии просто не могли выполнить подобный приказ... Просчитался не только стратег Муравьев, но и Антонов-Овсеенко, Коцюбинский, штабы и командиры...

Тем не менее Муравьев считал себя «покорителем Малороссии». Он докладывал Ленину: «Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам... Я сжег большой дом Грушевского, и он на протяжении трех суток пылал ярким пламенем...». Прибыв в Одессу, Муравьев хвастался своими подвигами: «Я занял город (Киев. — В.С.), бил по дворцам и церквям... бил, никому не давая пощады! 28 января Дума просила перемирия. В ответ я приказал душиить их газами. Сотни генералов, а может и тысячи, были безжалостно убиты... Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг — быть беспощадными!» Из этих слов явствует, что Муравьев первым в гражданской войне

стал использовать отравляющие газы и что бои в Киеве проходили вплоть до 28 января.

В то же время приказ Ковенко о полной эвакуации Киева не был вовремя доведен до всех военных частей и учреждений УНР. Объявление об эвакуации не было сделано официально, и это «тайное» известие распространилось частным образом среди высших чиновников и их знакомых, в результате в Киеве осталось несколько тысяч чиновников и военных, верных Центральной Раде.

Даже генерал Кирей (ставший 23 января главой Украинского Генерального штаба) и его штаб, штаб Шинкаря, генерал Остапура, полковники Пилькевич и Сальский, часть офицеров военного министерства, ничего не знали об эвакуации. Множество солдат, офицеров, чиновников, оставшихся по неведению в Киеве, стали легкой добычей войск Муравьева. За 20 дней пребывания «красных» в Киеве было расстреляно несколько тысяч человек (около 2 800 человек, как констатировали дотошные австрийские наблюдатели, и от трех до пяти тысяч по другим источникам).

После суток отступления основная колонна войск УНР, вместе с правительством и Центральной Радой, заночевала в селе Игнатовка, что в 25 километрах от Киева, часть полка имени Полуботка ушла в местечко Васильков, а гайдамаки Петлюры (210 штыков при 6 пушках) и «вольные казаки» (140 штыков) отошли в село Шпытьки и разместились в просторном поместье миллионера Терещенко. «Вольные казаки» вошли в Гайдамацкий Курень и подчинились Петлюре, который начал действовать нарочито самостоятельно, как «партизан». Петлюра не хотел держать свои части вместе со «сборной» армией УНР, боясь что разложение в войсках УНР перекинется и на гайдамаков, а также не доверяя руководству Центральной Рады.

Петлюра был возмущен поведением правительства Голубовича и его прогерманской ориентацией. Большинство деятелей Центральной Рады даже не были поставлены правительством Голубовича в известность о «союзнических отношениях с немцами» и о призыве германско-австрийских войск на Украину. На собрании командиров Петлюра отказался войти в общие части Центральной Рады и подчиняться какой бы то ни было власти военного ведомства УНР. Петлюра заявлял, что его гайдамаки — только

«партизанско-добровольческие» части со своими задачами и целями и они находятся в «союзе» с частями УНР, а не подчиняются военному министерству Украины.

В Игнатовке царил полный хаос и анархия, ведь вместе с преданными Центральной Раде частями в селе оказалось множество чиновников и еще более 300 солдат из нейтральных частей, что были просто выкурены большевиками из Киева. Не в силах организовать, прокормить такое число людей и предоставить им снаряды, патроны, амуницию, командование решило снова демобилизовать неустойчивую часть армии и отобрать самых стойких добровольцев в единственную боеспособную Запорожскую бригаду. В эту бригаду записались солдаты и офицеры из некоторых именных республиканских полков (до 700 штыков и сабель), офицерские отряды Болбочана и подполковника Полозова (250 штыков) и 150 юнкеров.

Командовать бригадой в тысячу штыков и 100 сабель при поддержке 12 пушек был назначен генерал Адам Присовский (в 1919 году перейдет на службу к Деникину). Сечевые стрелки-галичане считались отдельной частью, Сечевым Куренем (330 человек). Более 600 солдат из республиканских полков было демобилизовано.

Утром 28 января премьер Голубович вышел к войскам на центральную площадь Игнатовки. Он поведал собравшимся о, как тогда казалось, радостной новости: «Вчера утром был подписан справедливый мир между Украиной и странами германского блока! Долгой империалистической войне пришел конец!»

Это было «вторым чудом» Брест-Литовска. Делегация УНР в этом тихом белорусском городе подписала первый мир в истории кровавой мировой войны 1914—1918 годов! Первый мир, когда поверженная страна не выплачивала контрибуций и не покупала мир уступкой части своих территорий. Более того, по Брестскому миру к Украине переходила часть территорий со смешанным украинско-польским населением — Холмщина и Подляшье. Австрия обещала предоставить автономные права «коронного края» украинским Галичине и Буковине. Немецкие банки сулили предоставить УНР большой денежный кредит! Казалось, эта была фантастическая победа молодой украинской демократии!

Солдаты ликовали, а вот часть офицеров засомневалось: неожиданный мир с врагом-германцем, который вряд ли будет искренним другом Украины, предательство со-

юзников — Антанты? Они-то знали, что бесплатный сыр может быть только в мышеловке, и ожидали подвоха.

Среди недовольных был и Симон Петлюра. Массонские связи с представителями Антанты ставили Петлюру в двусмысленное положение. С одной стороны, он не признавал союза с «немцем» и призывал опираться на собственные силы, но с другой — будучи втянут в борьбу с большевиками, он разделял часть ответственности «про-немецкого» правительства, которое он защищал с оружием в руках. Такое положение толкало Петлюру к нарочито самостоятельным действиям и к подчеркнuto острой критике правительства Голубовича. В своем письме к А. Шульгину Петлюра писал, что думал уже тогда вообще отойти от «военных дел», чтобы не портить отношения с друзьями-массонами. В лагере защитников независимости Украины зрел затяжной конфликт...

Петлюра помнил тайную январскую встречу с руководителем французской военной миссии генералом Табуи, который резко высказался против Четвертого Универсала, правительства Голубовича и всяческих перспектив мира с «немцем». Французы еще надеялись, что Восточный фронт удастся восстановить силами украинских и чешских дивизий. Чтобы удержать оборону на украинском участке фронта, французы обещали вооружить и направить на Украинский фронт до 50 тысяч чешских солдат. Но было уже поздно...

Этим же утром 28 января колонна войск из Игнатовки двинулась ускоренным маршем по дороге в направлении на Житомир, где по данным командования еще сохранялась украинская власть в лице командующего Юго-Западным украинским фронтом прапорщика Кудри и его войск (1-я бригада в 700 штыков, 230 штыков — житомирские юнкеры, 200 штыков — остатки Одесской республиканской дивизии). Но в Житомире также находилась нейтральная чехословацкая дивизия в 8 тысяч солдат, которая после известия о союзе УНР с Германией стала проявлять враждебность к украинским частям и была непредсказуемой в своих действиях.

По всей Правобережной Украине были разбросаны небольшие отдельные воинские части и отряды «вольных казаков», верных Центральной Раде, общей численностью до 10 тысяч штыков и сабель. Однако они были парализованы, отрезаны, с ними у центрального командования не было никакой связи.

29—30 января, уже находясь в Житомире, руководство УНР начало формировать новое военное министерство. Так как нового министра не смогли нигде найти, обязанности военного министра были переданы М. Поршем своему заместителю, полковнику Жуковскому, а начальником Генштаба был назначен генерал Осецкий.

Справка: Жуковский Александр Трофимович (1884—1925). Полковник царской армии, украинский эсер с весны 1917 года. В 1917 г. — член Генерального военного комитета, член Центральной Рады. Амбициозный конкурент Петлюры и сторонник союза с «немцем».

Новые известия доходили с севера. Под Мозырем в Белоруси, на самой белорусско-украинской границе, против большевиков выступил Польский добровольческий корпус. Было решено главными силами республиканцев отойти из Житомира, где серьезную опасность представляли чехословаки (как союзники Антанты) и городская Дума, что была против пребывания Рады в Житомире.

Республиканцы двинулись в направлении Коростеня, для оперативного соединения с поляками и с целью укрыться от возможного преследования «красных» в более надежном, отдаленном месте, в глухом Полесье. Уже 31 января Коростень заняли сечевые стрельцы, на следующий день в городок прибыла Центральная Рада и Запорожская бригада. Далее, оставив части прикрытия в Коростене, Центральная Рада, сечевики и гайдамаки Петлюры на поездах перебрались в Олевск. Войска Петлюры были направлены в Овруч и Новгород-Волынский, а Центральная Рада и сечевики отбыли далее на запад, в Сарны. В районе Сарн у самого германо-украинского фронта стояла республиканская бригада во главе с комиссаром Центральной Рады Певным. Деятели Рады надеялись, соединившись с войсками Певного, продержаться в Сарнах до вступления на украинскую территорию немецких войск.

31 января в Бресте делегация УНР по тайному решению нескольких эсеров из Совета министров обратилась с меморандумом к Германии и Австро-Венгрии, в котором сообщалось об агрессии большевиков против Украины, а также войска германского блока призывались на помощь УНР. Хотя военная конвенция между Украиной, Германией и Австро-Венгрией, ставшая правовой основой для вступления австро-германских войск в Украину, была офи-

циально оформлена только 18 февраля 1918 года, германо-австрийские войска уже 31 января дали согласие на вступление в войну и начали активно готовиться к походу на Украину.

В начале февраля Голубович лично приехал в Брест, чтобы посоветоваться с немецким командованием. Даже глава Центральной Рады Михаил Грушевский не был поставлен в известность о подробностях переговоров Голубовича с немцами. По приезде из Бреста премьер собрал Совет министров, на котором изложил план общего наступления украинских войск. Многие тогда надеялись, что помощь Германии сведется только к передаче под руководство украинского командования галицких сечевых стрельцов и галицких частей Австрии в количестве 30 тысяч штыков, формированию из военнопленных украинцев в Германии и Австрии боевой «Синей дивизии» и передаче ее УНР, к охране германскими войсками только «северной белорусской границы Украины».

Петлюра предвидел опасность прихода чужеземного войска на Украину, опасность колониальной зависимости от Германии. Но Германия просто навязывала свои «военные услуги» и вскоре поставила власти УНР перед свершившимся фактом. Вторжение произошло без всяких конкретных дополнительных консультаций с Центральной Радой.

В то же время на Волыни Центральная Рада и Совет министров продолжали активное законотворчество. Были приняты решения об утверждении украинского герба — трезубца, о новой денежной единице, о проведении нового земельного раздела Украины.

Интересно, что, заручившись поддержкой немцев, уже 14 февраля 1918 года Центральная Рада решила начать мирные переговоры с Советской Россией, наивно надеясь, что «призвания» немцев еще можно избежать, что большевики отдадут все свои завоевания только из страха перед «немцем». В качестве основы для переговоров Центральная Рада предлагала признание Россией полного суверенитета УНР, вывод всех советских и чешских войск с Украины, возвращение всех контрибуций, наложенных большевиками на население Украины, возвращение исторических украинских реликвий, компенсацию Россией разрушений во время большевистско-украинского конфликта. Центральная Рада требовала явно невозможного — передачи Украине Черноморской, Ставропольской губер-

ний России, Кубани, Крыма, Таганрогского округа, 4 уездов Воронежской и 1 уезда Курской губерний, также всего Черноморского флота!

На съезде большевистской партии горячую дискуссию вызвал вопрос о «мире с Украиной». Коммунисты потребовали отказаться от любого предложения мира. Урицкий неистовствовал: «Разве это возможно, что мы предадим Украину и подпишем мир с Петлюрой?!» Петлюра уже два месяца был руководителем только нескольких сотен бойцов, но его имя втемяшилось в головы лидеров ленинской партии.

17—18 февраля республиканские части начали наступление на «красных», которые засели в Бердичеве. Однако встречный бой за Бердичев между «красным» отрядом Киквидзе (7-я армия) и частями Запорожской бригады не принес республиканцам ожидаемой победы.

Далее война развивалась уже при активном участии немецко-австрийских войск, силы которых стали решающим фактором в этой войне. Украинским войскам нужно было теперь обязательно согласовывать с немецким командованием все свои военные операции.

Немецкие и австро-венгерские части, численностью более 300 тысяч, начиная с 19 февраля стали переходить украинский участок линии фронта и наступать в глубь Украины. На Волыни появилось два немецких корпуса, которые направились по железным дорогам на Коростень и Бердичев.

В Житомир, где находился штаб Запорожской бригады, для военной корректировки операций прибыли немецкие порученцы и украинские генералы Бронский (представитель при немецком штабе) и Натив.

Украинское командование решило самостоятельно, силами только Запорожской бригады в 900 человек, все же разбить отряд Киквидзе в Бердичеве. Борьба с ним была «вопросом чести» республиканцев, нужно было взять город до прихода немецких частей и показать военную мощь УНР. Однако первые атаки не принесли успеха. Не принес успеха и подоспевший на помощь Запорожской бригаде из-под Ровно отряд Петлюры в 320 штыков. 23—26 февраля шли затяжные кровавые бои за Бердичев. Киквидзе удалось опрокинуть наступавших и успешно контратаковать позиции «запорожцев». Только с приближением к Бердичеву немецких частей Киквидзе спешно покинул Бердичев и отошел оборонять Киев.

После боев под Бердичевым части Петлюры были отведены к Коростеню. Петлюра был недоволен тем, что немцам достаются лавры победителей и, несмотря на то, что с «красными» воюют республиканцы, немцы пользуются результатами их боев. Узнав, что немцы готовят наступление на Киев, Петлюра потребовал от украинского командования дать возможность гайдамакам первым войти в Киев. В Малине на совещании командиров возник острый конфликт между Петлюрой, Голубовичем и Жуковским.

Премьер и военный министр пытались угодить немцам и были категорически против предложения Петлюры, считая, что в Киев первыми должны войти немцы. Как вспоминает очевидец этих событий Смовский, Жуковский стал кричать на Петлюру, ставя ему в вину, что на фронте петлюровцы постоянно нарушают дисциплину и самовольничают. В момент выяснения отношений между бывшим и нынешним военными министрами в министерский вагон ворвался Волох с криком: «Батько министр, прошу отвечать за слова, потому что гайдамацкие пулеметы стоят около министерского поезда!» Действительно, Волох развернул пулеметы прямой наводкой на окна министерского вагона, и Жуковский, выглянув в окно, понял, что гайдамаки не шутят и вот-вот может произойти «военный переворот». Жуковский решил не рисковать и уступил «пальму первенства» в захвате столице Петлюре.

Не теряя времени, Петлюра со своим Гайдамацким кошем и курием сечевых стрельцов начал наступление по железной дороге в направлении Коростень—Киев. Первый бой за столицу произошел у станции Бухтеевка, результатом которого был отход «красных» на станцию Ирпень. Бой у станции Ирпень и Буча вновь свели Петлюру с отрядом Киквидзе, который, используя огонь тяжелой артиллерии, пытался контратаковать. Но гайдамаки сумели выстоять и опрокинуть наступавших. Последний бой за Киев закончился победой Петлюры.

29 февраля в киевском пригороде Святошино Петлюру уже встречали члены городской Думы: Рафес (представитель Бунда) и Чикаленко (украинский социал-демократ). Поздравив Петлюру с победой, Рафес поднял «болезненный» еврейский вопрос. Дело в том, что во время отступления солдаты-республиканцы обижали и убивали отдельных евреев в Сарнах, Коростене, Бердичеве, Бородянке. Солдаты обвиняли евреев в помощи «красным» войскам

и в участии в восстании на киевском Подоле, вымещая злобу на ни в чем не повинных евреях волынских местечек. Рафес просил Петлюру не допускать в Киеве «подобных эксцессов». Петлюра пообещал ввести свои войска в Киев не через еврейский Подол, а через украинский пригород Курневку. Вместе с тем атаман предупредил, что не может полностью гарантировать еврейскому населению Киева, что проявлений антисемитизма среди солдат не будет.

Штаб обороны советского Киева во главе с Примаковым в ночь на 30 февраля бежал из города. Заблаговременно исчезли из Киева Народный секретариат, главком Антонов-Овсеенко и все управленческие «красные» структуры, передав власть городской Думе и грузинской вооруженной дружине.

Следующим утром отряды гайдамаков Петлюры, сечевиков, запорожцев вступили на западные окраины Киева.

ГЛАВА 10

ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ — НЕМЕЦКИЙ ШТЫК

2 марта—29 апреля 1918 г.

Март 1918 года принес Украине переход на новый еврипейский календарь и несколько дней оглушительной и скоротечной славы для Симона Петлюры. Именно его гайдамаки, но не как части Центральной Рады, а как «добровольцы-партизаны», первыми ворвались в Киев, рассчитывая на громкий военный триумф. Уже второго марта Петлюра устроил грандиозный парад на Софийской площади Киева, по которой маршем прошли гайдамаки, галичане-сечевики, запорожцы. Парад закончился проведением по площади колонны пленных «красных» солдат. Сам Симон Васильевич и глава сечевых стрелцов Евгений Коновалец выехали на площадь на шикарном черном автомобиле. При большом скоплении народа епископом был проведен молебен в честь изгнания большевиков.

Петлюра пытался провести чванливых немцев и представить дело так, что возвращение украинских республиканских войск в Киев произошло не по воли «немца», а явилось исключительно заслугой войска УНР и лично самого атамана гайдамаков. Симон Петлюра еще надеялся вернуться в «большую политику», возглавить армию или военное министерство УНР.

Но торжествовать победителю пришлось только несколько дней... Слишком много было у него врагов и завистников... Так, Винниченко позднее писал, что Петлюра, «мастер по части... декоративно-рекламного, дутого дела», раздувал представление о том, что Киев был захвачен гайдамаками. Даже после гражданской войны не мог простить Петлюре его «друг», тоже уже отставной премьер, Винниченко того мартовского киевского парада, «с попами и звоном, со всей декорацией».

Резкое недовольство «антантовских кругов» и «французских братьев» вызвал «петлюровский парад» в Киеве

и сам факт вступления Петлюры в Киев в авангарде австро-немецкого воинства. Посыпались несправедливые обвинения в том, что «Петлюра привел в Киев немцев», что «Петлюра освободил Киев для немцев». О таких последствиях своего «триумфа» Петлюра не мог и подумать. Очевидно, «вступление в Киев» было ошибкой Петлюры, оно аукнется уже в 1919 году, когда на этих зыбких основаниях французы будут его обвинять в «связях с немцами».

Голубович, Жуковский, Грушевский опасались возрастания популярности Петлюры в украинских кругах, особенно после обороны и взятия столицы. Они рассматривали Петлюру как явного конкурента в борьбе за власть, оппозиционера в отношении к власти эсеровского кабинета и возможного «украинского Наполеона». Кичащиеся своей «левизной» эсеры снова обвиняли Петлюру «в военном заговоре с целью установления правой диктатуры», а его гайдамаков — в антисемитизме и еврейских погромах. В то же время более «правые» офицерские круги уличали гайдамаков как «большевиков», «распущенный и вредный элемент».

Но кроме личной неприязни отдельных политиков чувствовалась в травле Петлюры и тайная «немецкая рука». Немецкая разведка была хорошо осведомлена о тесных контактах Петлюры с французской миссией, о его антантовских симпатиях. В Петлюре немцы видели неуправляемого и опасного тайного врага, который может сплутать все их дальнейшие планы. Еще в феврале 1918-го немцы добивались от Голубовича немедленного удаления Петлюры, этого «авантюриста, пользующегося большой популярностью».

А тут еще вступление гайдамаков Петлюры в столицу и парад. Это окончательно вывело немцев из себя. Нужно было полностью скомпрометировать и навсегда отстранить Петлюру от военного и политического руководства.

Очевидно, план компрометации был разработан еще до «киевского триумфа». Гайдамакам Петлюры начали настойчиво приписывать антисемитизм, погромы, убийство евреев как в местечках Волыни, так и после захвата Киева. Хотя трудно было понять, кто собственно совершает насилие над евреями. Какая конкретно часть войск УНР (а может, просто бандиты в солдатских шинелях, а может отступающие фронтовики) совершает погромы?

Гайдамакам Петлюры уже через четыре дня после захвата Киева стали приписывать самочинные расстрелы коммунистов и евреев в парковой роще Владимирской горки,

что возвышалась над Подолом. Дело в том, что гайдамаки в Киеве разместились в кельях Михайловского монастыря, который выходил своим задним двором на Владимирскую горку. В кустах Владимирской горки в начале марта 1918-го стали находить трупы расстрелянных, преимущественно евреев. Так, 6 марта там были обнаружены сразу три трупа евреев, всего же в первые девять дней по городу было найдено 22 трупа евреев, в том числе и труп члена Центральной Рады бундовца Сухоровича-Линтама.

Была создана специальная комиссия киевской городской Думы по расследованию самочинных расстрелов. Она регистрировала трупы, однако так и не объяснила причины тайных расстрелов и не могла определить их исполнителей. Никто так и не доказал, что трупы на Владимирской горке — дело рук именно гайдамаков и что именно Петлюра отдавал приказы на расстрелы. Но киевская Дума была давно настроена против Петлюры, еще с инцидента с расстрелом Пятакова. Дума, а также ряд прогерманских, проэсеровских газет развернули кампанию в прессе против гайдамаков. Она была настолько резкая, что представители гайдамаков обратились в Центральную Раду с требованием прекратить постоянную газетную травлю гайдамаков.

В Киеве немцы и правительство Голубовича опасались выступления бывших офицеров, которых в городе сохранилось еще около шести тысяч, считая, что такое выступление будет направлено против немецкого присутствия на Украине и против Рады. Для страховки от всяких неожиданностей было решено отстранить Петлюру от командования гайдамаками, а генерала Присовского от командования Запорожской дивизией — «по причине недоверия», провести разоружение Киева, в четыре дня зарегистрировать всех живущих в городе офицеров (под угрозой высылки с Украины) и выдворить подданных стран Антанты из Украины как «шпионов».

С отставкой Петлюры от командования гайдамаками многое до сих пор неясно. Некоторые источники говорят о его отстранении, некоторые о самоустранении — самостоятельном уходе в отставку по причине его нежелания «играть нынешнюю комбинацию».

Так или иначе, с 12 марта Петлюра уже не командовал гайдамаками и превратился в частное лицо. С этого времени и до середины апреля Петлюра «звучит» только как публицист, автор заметок, рецензий, обзоров в журналах и газетах. Определенный отклик среди украинских поли-

тиков имела лишь его специальная статья «Потребности украинской военной литературы». Многим тогда казалось, что Петлюра уже сыграл свою роль в «украинской драме».

Гайдамаки-петлюровцы были сведены в 3-й Гайдамацкий пеший полк, переведены под командование бывшего царского полковника Сикевича и выведены подальше от Киева — на большевистский фронт.

Второй период пребывания Центральной Рады и правительства УНР в Киеве, пожалуй, один из самых загадочных и запутанных эпох в украинской истории XX столетия. Центральная Рада продолжила издавать демократические и даже социалистические законы, надеялась укрепить свою власть в среде трудящихся, в то же время поддерживая режим с помощью австро-германской армии. Несмотря на германские штыки и свою «революционность», Рада с каждым днем теряла популярность и, главное, возможность активно влиять на происходящие в стране события. Практически уже к 20 апреля 1918 года власть в стране перетекла к иноземным военным комендантам, а Центральная Рада, неожиданно для себя, оказалась в роли демократической ширмы для жестокого режима оккупации.

Хотя внешне все выглядело иначе... Украинские войска вместе с австро-германской армией (34 дивизии количеством 350 тысяч штыков и сабель) громили большевиков на всех «фронтах», быстро продвигаясь по линиям железных дорог. В авангарде австро-германских войск на «полтавском направлении» шла Запорожская дивизия УНР (около 8 тыс. штыков). Советское правительство в панике бежало из Киева в Полтаву, но уже 10 марта двинулось еще дальше на юг — в Екатеринослав.

Несмотря на горячие призывы большевиков добровольно записываться в советские части по защите революционного отечества, жители Украины практически полностью проигнорировали этот грозный приказ. На Украине собрано было всего около семи тысяч «защитников Октября», в основном из красногвардейцев-рабочих, из партийных дружин левых русских эсеров, большевиков, анархистов, из отрядов интернационалистов: венгров и китайцев.

Мобилизация на Советской Украине трех возрастов провалилась, так и не дав никаких результатов. К цифре в 7 тысяч штыков добровольцев-красногвардейцев можно было прибавить только 5 тысяч из армии Муравьева, ко-

торая с февраля 1918-го действовала в Приднестровье, пытаясь не допустить войска Румынии в Причерноморье.

Ничтожные советские силы (11—12 тысяч человек) не представляли никакой реальной преграды для наступления австро-немецких войск. Командующий войсками Советской Украины Антонов-Овсеенко и новый глава советского правительства Николай Скрипник думали «притянуть» на Украину советские войска из России, но смогли добиться отправки в помощь Украине лишь отрядов Сиверса и Саблина, что составило еще около трех с половиной тысяч бойцов. Однако и эти, уже побывавшие в серьезных боях отряды всячески стремились не вступать в бои с немцами и австрийцами.

Трудности в изгнании большевиков заключались, прежде всего, в преодолении больших пространств, а не в вооруженном сопротивлении «красных» частей, разделенных на пять мелких и небоеспособных революционных армий. Отдельные частные столкновения происходили только на железнодорожных магистралях или вблизи них. Практически продолжалась «эшелонная война», только на этот раз страдали от нее уже «красные».

К 12 марта немцы заняли Жмеринку, Черкассы, Золотоношу, Чернигов, грозя окружением армии Муравьева, что находилась у Одессы. В планы немцев входило отрезать «красных» на Украине от России и, сбив к центру Украины, уничтожить. Муравьев, бросив войско на произвол судьбы, бежал в Москву, а командование 1, 2 и 3-й «армиями» «красных» принял на себя Егоров. Эти «армии» обороняли подступы к новой «столице» Советской Украины — Екатеринославу.

Бои для войск республиканцев — Запорожской дивизии — начались со столкновений с большевиками за станции Яготин, Гребинка, Лубны 8—16 марта, но теперь уже без участия Симона Петлюры и его гайдамаков. Гайдамаков (без Петлюры) присоединили к украинским войскам только в конце марта, когда фронт подошел к Харькову.

27 марта немецкая центральная колонна вместе с Запорожской дивизией ворвалась в Полтаву. Петлюра тогда переживал, что он не может участвовать в освобождении родного города и что он не в «военном деле». От Полтавы одна часть немецко-украинской колонны двинулась на Харьков и станцию Лозовая.

В это же время австрийские войска (25 и 27-й корпуса) захватывают Винницу, Одессу, Тирасполь, Николаев, Херсон и выдвигаются в тыл Екатеринославщины.

Северная колонна немцев (27-й корпус) в это время двигалась на Бахмач, Ворожбу. Южная колонна немцев (22-й корпус) рвалась к Знаменке—Екатеринославу (последний был захвачен 2 апреля). Для борьбы на востоке Украины и в Донбассе выдвигался 1-й резервный германский корпус, а на Крым наступала отдельная группа из 5 германских дивизий. 6 апреля немецкие и украинские войска выгоняют «красных» из Харькова, после чего немцы двинулись на границу с Россией, на Купянск и Белгород. 8 апреля они выходят к западным границам России. Украинская группа войск Петрива—Сикевича, куда влились гайдамаки, захватив 8 апреля Лозовую, двинулись в Донбасс. Уже 21 апреля правительство Советской Украины выехало из Таганрога в Москву, решив прекратить борьбу, а ЦИК Советской Украины самораспустился.

К середине апреля 1918 года Запорожская дивизия состояла уже из 20 тысяч штыков и сабель, у нее на вооружении было 5 бронепоездов, 12 броневиков, 64 пушки, 4 самолета. Примерно к 29 апреля вся территория Украины была освобождена от большевистских войск. Только в Восточном Донбассе еще 2—3 дня войска Советов оказывали вялое сопротивление.

В середине апреля 1918 года Центральная Рада и Совет министров УНР хотя и считали себя высшей властью на Украине, но практически уже не контролировали внутреннее положение в стране. Провинциальная администрация была разогнана большевиками, а та, которая еще оставалась верной УНР, утратила всякую связь с Киевом и оказалась полностью под влиянием австро-немецкого военного командования.

В то же время был утвержден полностью социалистический закон о денежных реквизициях у богатых и торговых классов в городах Украины. Еще два месяца назад, критикуя большевиков за реквизиции, деятели Центральной Рады не ведали того, что сами прибегнут к такой чрезвычайной мере. Наибольшую реквизицию наложили на Харьков — 50 миллионов рублей и Одессу — 40 миллионов рублей. Киев должен был собрать 35 миллионов рублей, Екатеринослав — 20 миллионов.

Уже с 5 марта в Совет министров УНР и в Центральную Раду начинают поступать жалобы на действия австрийских и немецких военных на Украине. Хотя военный договор с Австрией не был одобрен ни Центральной Радой, ни Советом министров УНР, министры-эсеры оправ-

дывались тем, что австро-венгерские войска не были приглашены в Украину, а Австрии лишь предлагалось направить в Украину части из украинцев — галичан. Но вместе с галичанами — легионом Украинских сечевых стрельцов — в Украину вступили австрийские, польские и венгерские части австрийской армии, что «отличились» насилием над крестьянами, самосудами, реквизициями. Командование иностранных армий требовало восстановления частной собственности на землю и поддерживало помещиков в их желании вернуть себе поместья на Украине. Хлеборобская партия Полтавщины, Союз земельных собственников и буржуазные круги также настаивали на изменении закона Центральной Рады о социализации земли.

В то же время министр Жуковский заявил, что присутствие войск Германии на Левобережной Украине просто необходимо в ходе борьбы с большевиками. А Голубович еще убеждал в том, что «приход немцев — это просто бескорыстная помощь дружеской державы». Поэтому, несмотря на многочисленные протесты, 17 марта 1918 года Малая Рада ратифицировала мирный договор с немецким блоком, не ведая того, что сама подписала себе смертный приговор.

Тайно австрийцы и немцы поделили земли Украины между собой на зоны оккупации. Австрии достались Подольская, Херсонская, Екатеринославская губернии, Германии — все остальные земли Украины. Уже через неделю после ратификации немцы стали настырно требовать от Украины ускоренной поставки продовольственных товаров в качестве компенсации за военную помощь. Но Украина могла предоставить только 30 процентов от искомого. Тогда немцы и австрийцы стали применять открытые реквизиции, выдавая крестьянам вместо денег квитанции за захваченные продукты. А «паны»-министры снова оправдывались, заявляя, что ранее не было оговорено точной цифры поставок с Украины, и Украина может поставить только 60 миллионов пудов хлеба, с авансом и твердой оплатой.

Командующий немецкой армией фон Эйхгорн, игнорируя украинское правительство и не веря в своевременные поставки, издал приказ об ускоренном засеивании полей в Украине, контроле над урожаем и об установлении твердых цен на продовольствие, что было вопиющим вмешательством в экономическую независимость УНР. 18 марта, через день после ратификации Центральной Радой мирного договора, была издана директива, по которой

немецкие военные командиры могли издавать любые приказы по охране спокойствия в крае и обеспечению безопасности военных. Центральная Рада «сделала свое дело» и, по мнению немцев, уже «могла удалиться».

13 апреля министр земледелия Украины заявил, что в таких условиях не может управлять министерством и в знак протеста против немецкого «нажима» подал в отставку. Центральная Рада тогда же постановила, что любое вмешательство военного командования недопустимо и передала ноту протеста в Берлин... Но это уже был «глас вопиющего в пустыне». Германия и Австрия стремились выстоять в войне с «помощью» украинского хлеба и сала.

В Центральную Раду поступили заявления и о самочинных казнях мирных жителей Украины, которые проводились военно-полевыми судами немецких и австрийских войск. Так, в Николаеве и Одессе было казнено несколько человек, на Подолье арестованы члены крестьянских земельных комитетов. Протесты Центральной Рады против действий иностранных войск привели к изданию циркуляра министерством внутренних дел УНР, в котором указывалось, что военно-полевые суды немцев и австрийцев не имеют силы над гражданами УНР и граждане Украины призывались не помогать и не исполнять указаний военно-полевых немецко-австрийских судов.

Несмотря на то что Украина быстро теряла самостоятельность, празднование годовщины создания Центральной Рады проходило с помпой — с митингами, парадами, торжествами. Петлюра после отставки стал игнорировать такие официозы. Он редко появлялся в Центральной Раде, почти не навещал старых знакомых. Апатия и усталость охватили Симона после годичного «политического стресса». К тому же он чувствовал, что бессилён остановить процесс роспада Центральной Рады, чувствовал постоянную слежку за собой.

А Рада пыталась сопротивляться. На 12 мая 1918 года она запланировала открытие Украинского Учредительного собрания, которое должно было решить главные вопросы страны, в том числе и вопрос о пребывании иностранных войск на Украине. Не исключалось, что депутаты Украинского Учредительного собрания потребовали бы вывода иностранных войск из страны.

Первоначальные результаты выборов в украинскую «Учредилку» удивили даже выдавшего виды Петлюру. Хотя

партия украинских социал-демократов все еще продолжала считать себя второй по влиянию на Украине после украинских эсеров, имея трех министров в правительстве (внутренних дел, труда и продовольствия), однако из выбранных в Учредительное собрание делегатов только один оказался украинским социал-демократом, в то время как украинские эсеры имели 115 мест, большевики — 34, еврейские партии — 10, польские — 5, по одному месту — кадеты, русские левые эсеры, хлеборобы. Падение популярности ведущей украинской партии было связано с ошибками премьера Винниченко, с постоянными сварамы между лидерами этой партии.

С Центральной Радой у немецкого и австрийского командования с первых дней не сложились деловые отношения. Немцы и австрийцы боялись, что Центральная Рада не сможет контролировать ситуацию на Украине и не обеспечит своевременных поставок продовольствия и сырья в Германию и Австрию. Немцы требовали немедленно отменить социалистический земельный закон и вернуться к принципу незыблемости частной собственности, заменив социалистическое «неблагонадежное» правительство «деловым кабинетом».

Уже в середине марта немецкое командование решило отстранить от власти Центральную Раду и кабинет Голубовича, о чем консультировалось с Берлином. Оставалось дождаться разрешения на переворот из Центра, разработать план переворота и найти достойного претендента на власть. С 18 апреля, когда «добро» из Берлина было получено, немецкие генералы начали готовить государственный переворот.

Немцы в своих планах ориентировались на группу старых, еще царских генералов: Скоропадского, Сливинского (шефа штаба), Рогозу (командующего армией на Румынском фронте). Им казалось, что именно военная диктатура способна своевременно исполнять их требования...

К перевороту подталкивала ненадежная ситуация в Киеве: в городе еще находилось до 10 тысяч российских офицеров и солдат, две тысячи чешских солдат и офицеров в «подполье», антигерманские масонские ложи, «антигермански» настроенная Дума, «агенты» Франции и Англии. Такое положение настораживало немцев, ведь в Киеве мог произойти не только «пронемецкий», но и «проантантовский» переворот...

Никита Шаповал писал: «Апатия, безвольность, разложение, реакция — таковы главные черты тогдашнего настроения как власти, так и общества... Не сменить власть тогда было невозможно. Это было требованием времени. Все хотели смены власти, хотя никто не знал, на какую власть ее менять».

Украинские социалисты-федералисты, в знак несогласия с действиями Голубовича и в качестве протеста против неспособности правительства к работе, отозвали трех своих однопартийцев из кабинета министров.

Да и немецкие генералы рассматривали кабинет Голубовича как «клуб политических авантюристов», зная, что он не имеет никакой поддержки в финансово-промышленных кругах Украины, что население большей частью его не жалует. Немцы понимали, что правительство, «находясь в полной изоляции», не имеет денег и не может расплатиться даже со своими чиновниками.

В то же время сам премьер Голубович провоцировал немцев, заявляя, что «давно пора послать эту Раду (Центральную Раду. — В.С.) к черту».

Даже официальный орган Центральной Рады газета «Нова Рада» 21 марта писала, что «самостоятельности Украины не было до того, нет ее и теперь. Фасад есть, но за ним ничего нет. Блестящую «сине-желтую» фата-моргану видно... С тревогой и болью ждем катастрофы... Не ради красивых глаз Украины немцы отважились на интервенцию».

Немцы обнаруживали и обман «дружественного» правительства Голубовича... Так, правительство, покупая сахар по установленной государственной цене 30 рублей за пуд у крестьян, немцам пытается всучить тот же сахар уже по 60 рублей за пуд. Часть зерна утаивается чиновниками, постоянно задерживается вывоз в Германию вагонов с уже оплаченным немцами зерном.

Резкий протест у немецкого командования вызвали тайные попытки правительства УНР присоединить к Украине Крым и объявить весь военный Черноморский флот собственностью УНР.

Немцам также стало известно, что отдельные представители Центральной Рады, а возможно и Петлюра, думали решить «немецкий вопрос» путем организации на Украине всеобщего крестьянского восстания против немцев и восстания польского корпуса, которое заставило бы немецкое командование вывести войска с Украины. Открытая агитация против немецкого командования, даже с три-

буны Центральной Рады, также не способствовала стабилизации отношений и заставляла немцев задумываться о продолжении «союза» с Центральной Радой.

Оставшись не у дел, Симон Петлюра думал вернуться в войско или создать оппозиционную, «европейского типа», газету или журнал — свободную трибуну для критики установившегося на Украине режима. Журналистское дело он знал и любил. Петлюра рассчитывал на редакторскую работу в газете «Час» или в еженедельнике «Книгар». Но в конце марта 1918 года ему неожиданно предложили совсем другое занятие — стать главой Киевского губернского земства.

Тогда о Симоне вспомнила группа общественных земских деятелей-полтавчан, которая и предложила ему возглавить земство. Петлюре необходимо было остаться в обойме политических лидеров, чтобы его имя не забывали, завязать отношения с широким кругом киевской либеральной интеллигенции и найти опору среди определенных «хозяйственных» сил.

Петлюра сначала отказался и откровенно признался друзьям, что совершенно ничего не понимает в земской организации. К тому же к земским организациям Украины у украинских социалистов имелось некоторое недоверие как к «прорусским», к организациям, где заседают либералы и дворяне-помещики.

В начале апреля Петлюра все же согласился стать во главе земства. Земство на Киевщине было молодой общественной организацией, созданной только в марте 1911 года, в отличие, скажем, от Полтавщины, где оно существовало с 1865 года. На Киевщине земство имело украиноязычную «Земскую газету», опекало сельское «Вольное казачество», признавало Центральную Раду.

Петлюра решил создать Всеукраинскую структуру земств — Всеукраинского союза земств — на основе Киевского земства. Такую структуру он сумел организовать уже в конце апреля 1918 года. Земства стали готовить национальные кадры хозяйственников и управленцев для строительства «нового общества» на Украине.

Но первое обращение земства к правительству УНР, по поводу налаживания железнодорожного сообщения между Киевом и Москвой, вызвало резкий отказ кабинета Голубовича.

С 24 апреля 1918 года план государственного переворота на Украине был приведен в действие. Немцы вынуж-

дены были торопиться, потому что хотели не допустить созыва на Украине Учредительного собрания. Беспокоили их и недопоставки украинского продовольствия в Германию. Сначала немцы думали провести мирный социальный переворот путем ультимативных требований. Немцы потребовали от Центральной Рады смены правительства Голубовича, отказа от проведения «Учредилки», прекращения развертывания войска УНР, разрешения свободы торговли продуктами питания, разрешения немецких и австрийских военно-полевых судов, возвращения части земли помещикам и роспуска земельных комитетов. Но Центральная Рада не пошла ни на какие уступки немцам...

Тогда немцы перешли к реализации планов военного заговора... Встреча Скоропадского с генералом Гренером (фактическим руководителем всех немецких войск на Украине) привела к выработке плана военного переворота. Немцы обещали военную силу для переворота, а Скоропадский — выполнить все требования немцев после захвата на Украине власти.

На следующий день немецкое командование официально распространило указ о немецких военно-полевых судах на Украине. Этот указ вызвал бурю эмоций в Центральной Раде, вплоть до требований «решительного боя планам немецких генералов» и «немедленной отставки Эйхгорна».

Вечером 26 апреля немцы разоружили украинскую Синежупанную дивизию, что прибыла недавно в Киев. Эта дивизия была сформирована в Германии из украинских военнопленных и передавалась Украине по просьбе Центральной Рады. Но Центральная Рада испугалась наличия в Киеве неконтролируемой военной силы. Рада не торопилась с предоставлением солдатам дивизии пайков и казарм и фактически не протестовала против их разоружения.

28 апреля в час дня открылось очередное заседание Центральной Рады. Ждали больших решений, вплоть до требования вывода австро-немецких войск с Украины, поэтому в большой зал набилось много публики. Выступающие были «на взводе» и говорили об одном: «завоевания революции и демократии не могут быть принесены в жертву немцам». Но в три часа пополудни произошли события, поставившие первую точку на этих «завоеваниях».

К зданию Центральной Рады подъехали немецкий броневик и несколько тачанок с пулеметами и немецкими

солдатами. Пулеметы были направлены на двери и окна Центральной Рады, а в само здание проникли около полсотни немецких солдат. В зал заседаний, держа винтовки наизготовку, ворвались двадцать солдат и лейтенант, который скомандовал депутатам: «Именем немецкого правительства приказываю всем... руки вверх!»

И, как ни удивительно, 90% депутатов высшей законодательной власти независимой державы по команде младшего немецкого офицера подняли руки!

Опешивший Грушевский, который вел заседание, пытался было возразить офицеру: «Тут глава я и призываю вас к порядку! Я протестую!»

Но немец резко отрезал: «Теперь я распоряжаюсь, а не вы! Поднимите все руки! Нам нужно арестовать Ткаченко, Жуковского, Любинского, Гаевского. Все собравшиеся тут должны мне выдать все личное оружие. Иначе они будут строго наказаны!»

Немецкий офицер потребовал от Грушевского показать перечисленных депутатов. Грушевский, не поднимая рук, выдал из себя: «Я их тут не вижу».

К этому времени в зале находились двое из разыскиваемых немцами депутатов, они добровольно вышли к офицеру и дали себя арестовать.

Три депутата сдали пистолеты... Но унижения этим не закончилось. У Грушевского были изъяты документы Центральной Рады. Из зала депутатов выпускали по одному, тщательно обыскивая у дверей, потом определили всех под замок, в отдельное помещение, где депутаты промаялись больше часа. Наконец к пяти часам вечера немецкий караул был снят и депутатам позволили разойтись. При выходе из здания был арестован и военный министр Жуковский.

Никто из присутствующих тогда не знал о причине арестов, обыска, налета на Центральную Раду. Большинство сходилось в мнении, что произошел военный переворот. Обыску подвергалась комната в здании Центральной Рады, в которой жила семья Грушевских. После обыска Грушевский остался в здании Центральной Рады под домашним арестом до восьми часов вечера. В полночь Грушевского посетил немецкий военный аташе Штольценберг и, подробно расспросив о случившемся в Центральной Раде, извинился за brutальную форму ареста.

Но, к удивлению многих, заседания Центральной Рады возобновились на следующий день — 29 апреля. Грушев-

ский проинформировал присутствующих о причине арестов депутатов. Причина крылась в «деле» банкира Доброго — директора Киевского банка внешней торговли, члена финансовой комиссии Центральной Рады. Этот банкир проводил не только «темные» махинации с сахаром, но и лоббировал немецкие интересы, будучи представителем УНР на переговорах с ними. Голубович с трибуны Рады говорил о нем: «Добрый продался немецкому государству».

Возможно, Добрый был одним из финансовых организаторов заговора против Центральной Рады. Среди «богатых людей Украины» еще с марта 1918-го, шли разговоры о необходимости «разгона» Центральной Рады. И одними из самых активных заговорщиков были члены союза «Протофис — Промышленность. Торговля. Финансы. Сельское хозяйство» и помещики из «Союза земельных собственников». Во всяком случае, немцы решили защитить «обыкновенного украинского банкира» и «своего человека».

По приказу министра Ткаченко банкир Добрый был тайно арестован и увезен в неизвестном направлении. Немцы же, пользуясь законом о военно-полевых судах, взялись за дело об исчезновении Доброго и за три дня узнали об организаторах этого юридически незаконного ареста. Самоуправство немецкого командования вызвало протест в Раде и подхлестнуло ее к молниеносным решениям.

Центральной Радой 29 апреля очень быстро, почти молниеносно и практически единогласно, была принята Конституция УНР, и Грушевского избрали первым президентом республики. Но это был последний день Центральной Рады, день, когда все решения Рады уже ничего не стоили. Уже в девять вечера на улице послышалась ружейная стрельба, и члены Центральной Рады решили, «от греха подальше», разойтись по домам. Вскоре разошлась и охрана Центральной Рады — сечевые стрельцы, а Грушевский, опасаясь переворота, под охраной стрельцов удалился ночевать в их казармы. Около здания Центральной Рады случилось странное происшествие. Неизвестный злоумышленник в форме сечевого стрельца кинулся на Грушевского со штыком наперевес. Грушевский успел отскочить, но его жену вражеский штык серьезно задел.

Небольшие офицерские отряды сторонников гетмана с белыми повязками на рукавах шинелей постепенно захватывали все важные стратегические объекты Киева.

Еще в полдень 29-го, в километре от здания Центральной Рады, где выбирали президента, в цирке Чинизелли на съезде «украинских хлеборобов» был избран гетман всея Украины. В три часа дня, в трех кварталах от Центральной Рады — на Софийской площади — был проведен молебен о «даровании власти над Украиной гетману Скоропадскому». В этот день Центральная Рада делала вид, что не замечает гетмана, а гетман полностью игнорировал существование Центральной Рады.

Справка: Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — из семьи украинских аристократов, крупный помещик. Потомок гетмана Украины Ивана Скоропадского (1707—1722 гг.) Закончил Пажеский корпус, кавалергард. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. С 1911 года генерал-майор, командир лейб-гвардейского конного полка. В 1914—1917 гг. — командир бригады, затем дивизии и корпуса, генерал-лейтенант.

Еще днем Центральная Рада могла изменить ситуацию в Киеве, арестовав гетмана и разогнав его офицерские отряды, ведь на стороне Рады в Киеве еще оставалась примерно тысяча штыков (основные силы армии УНР и Вольного казачества — около 40 тысяч штыков и сабель — были в провинции и на фронте), в то время как у гетмана офицерские дружины насчитывали едва 300—350 человек, а охрану самого гетмана составляли 5 офицеров. Но этого не было сделано из боязни вмешательства немецких войск.

Вечером в казармах сечевых стрельцов проходило тайное заседание. Там были Грушевский, Петлюра, Порш, Коновалец, члены ЦК УПСР и УСДРП. Было предложено собрать силы, пробиться к дому гетмана, арестовать его и тайно вывезти из Киева на некоторое время... Но осторожность взяла верх, и решение было принято такое: временно смириться с переворотом и готовиться к новому восстанию.

Ночью сечевые стрельцы приняли решение соблюдать нейтралитет. Исполняющий обязанности военного министра вместо арестованного Жуковского генерал Греков просто исчез из города, а руководитель Генерального штаба перешел на сторону заговорщиков. После десяти вечера 29-го не было уже центра, который бы взял на себя руководство обороной республики. Под утро 30 апреля небольшой отряд офицеров захватил здание Центральной Рады. Власть сама упала в руки гетмана.

ГЛАВА 11

И «ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ»

30 апреля—13 ноября 1918 г.

Весной 1918 года в Киеве стала популярной песня:

«От Киева до Берлина
Ще нэ вмэрла Украина,
Гайдамакы ще нэ здалысь.
Дойчланд, дойчланд, юбер алес!»

Эта политическая частушка отражала политические реалии той поры, когда гетманская Украинская держава подпиралась исключительно австро-германскими штыками, стыдливо прикрывая германский произвол на Украине.

Немецкое и австрийское военное командование располагало на землях Центральной Украины 28 дивизиями и 2 кавалерийскими бригадами, в то время как гетман «всёя Украины» мог «похвастаться» только одной регулярной дивизией.

После гетманского переворота стало ясно, что новая власть не имеет никакой поддержки как со стороны украинского населения, что посчитало гетмана «узурпатором», так и со стороны «русских кругов», что восприняли гетмана как сепаратиста и противника «единой России». Но с переворотом смирились — власть Центральной Рады не была способна на решительную борьбу за власть и капитулировала, а русские «белогвардейцы» не были организационно и идеологически подготовлены к выступлению.

Никита Шаповал вспоминал, что «после переворота социал-демократы нигде не показывались», а президиум Центральной Рады просто исчез, не сказав «ни одного слова о событиях». Члены Малой Рады вообще отказались собираться, как, впрочем, и члены Учредительного собрания Украины, что было намечено на 12 мая. Попытка собрать часть депутатов привела к аресту руководителя оргкомитета Федора Швеца. В день переворота на Грушевского

было произведено покушение, которое очень испугало президента. Лидеры Центральной Рады ожидали от новой власти всяческих притеснений. Но, кроме арестов премьера Голубовича, министров Жуковского и Ткаченко, широких репрессий не последовало. Правда, Петлюра 30 апреля был арестован, но уже 1 мая был выпущен по личному распоряжению гетмана и приглашен на аудиенцию к Скоропадскому, на которой гетман назвал его арест «досадной оплошностью чиновников». Гетман надеялся, что сможет лавировать между многочисленными и разнополюсными группами «сознательных украинцев», монархистов, федералистов и русских «единонеделимцев», демократов и сторонников военной диктатуры.

Гетман в своей «Грамоте» — манифесте к народу, называя себя «верным сыном Украины», обещал ликвидировать анархию и разруху в стране, навести порядок, установить верховенство закона, права частной собственности и обеспечить «широкий простор частного предпринимательства и инициативы».

Гетман ликвидировал Центральную Раду и ее учреждения, земельные комитеты, «упразднил» республику и все революционные реформы. Отныне УНР превращалась в Украинскую державу с полумонархическим диктаторским правлением гетмана — верховного руководителя государства, армии и судебной власти в стране.

3 мая был создан кабинет министров во главе с премьером Федором Лизогубом.

Справка: Лизогуб Федор Андреевич (1851—1928) — украинский общественный деятель, помещик и аристократ. Лизогуб, как и Скоропадский, являлся потомком казацкой украинской аристократии. Он был «правым» либералом и земским деятелем, около 15 лет проработал главой Полтавской земской управы. Умер в эмиграции в Югославии.

В то же время социалистические украинские партии отказались сотрудничать с новым режимом. Украинское межпартийное совещание передало немецкому генералу Гренеру жесткие условия, на основе которых было возможно сотрудничество со Скоропадским. «Партийцы» требовали: сохранения хотя бы видимости революционных реформ, исключения из правительства министров, «враждебных украинской государственности», предоставления большинством портфелей «украинским деятелям» (социалисты рассчитывали на портфели премьер-министра, ми-

нистра иностранных дел, министра земледелия и министра образования).

Однако гетман решил не идти на уступки «сознательным украинцам», так легко отказавшимся защищать революционную власть Центральной Рады. Гетман собирался опираться не на них, а на слои старого чиновничества и офицерства, на крупных землевладельцев из партии хлеборобов, на буржуазию, которая организовалась в «Протофис» — Союз представителей промышленности, торговли, финансов, сельского хозяйства.

Уже в середине мая 1918-го стало ясно, что гетман пошел на разрыв отношений с украинскими социалистическими партиями. Он запретил проведение рабочего и крестьянского съездов, чем вызвал забастовки и акции протеста рабочих и крестьян. 10 мая были арестованы делегаты Второго Всеукраинского крестьянского съезда, а сам съезд разогнан. Оставшиеся на свободе делегаты на тайном собрании высказались против режима гетмана и призвали крестьян к борьбе против Скоропадского. Первая Всеукраинская конференция профсоюзов так же вынесла резолюцию против гетмана.

Гетман запретил созыв партийных съездов УСДРП и УПСР, но они, проигнорировав запреты, тайно собрались и вынесли антигетманские резолюции.

Май 1918-го стал началом грандиозной крестьянской войны, которая очень скоро захватит всю территорию Украины. Главные причины этой войны — возобновление помещичьего землевладения и террор карательных и реквизиционных отрядов интервентов, которые грабили, казнили, пороли розгами непокорных селян. Против насилия австро-немецких войск и гетманской «варты» (охраны) выступила организованная и влиятельная в украинских селах сила — «Вольное казачество», которое отвернулось от «своего» недавнего гетмана.

В ходе локальных восстаний украинских крестьян только за шесть первых месяцев пребывания иноземных армий в Украине было убито около 22 тысяч австро-немецких солдат и офицеров (по данным немецкого генерального штаба) и более 30 тысяч гетманских «вартовых». Фельдмаршал фон Эйхгорн указывал, что более 2 миллионов крестьян на Украине выступило против австро-немецкого террора. Можно сказать, что только в повстанческих вооруженных отрядах в мае—сентябре 1918 года «успело побывать» до 100 тысяч человек.

Отношения между Петлюрой и гетманом Скоропадским претерпели быструю эволюцию. Еще в январе 1918-го Петлюра часто тайно приходил к гетману, как к масонскому «брату». Отставной министр просил отставного генерала помочь в организации Гайдамацкого Коша Слободской Украины. Они оба понимали необходимость сопротивления «красным» войскам, но Скоропадский не мог «передать» Петлюре части «Вольных казаков», так как уже утратил на них влияние.

Надо сказать, что в своих воспоминаниях Скоропадский достаточно лестно отзывался о своем политическом враге и масонском «брате». Он писал, что из всех политических социалистических деятелей Петлюра остался едва ли не единственным «чистым человеком... в денежных отношениях» и «искренним в своих отношениях к Украине». В то же время Скоропадский отмечает «чрезвычайное честолюбие» и «демагогию» Симона Васильевича...

Петлюра жил тогда с семьей в двух скромных комнатах гостиницы «Прага», где часто встречался с военными для подготовки какой-то тайной «акции».

Готовя переворот, Скоропадский даже думал о Петлюре как о возможном союзнике и министре. В это время Петлюра был «частным лицом», затаившим обиду за свою отставку на Винниченко и Грушевского, он критически относился и к свергнутому кабинету Голубовича, так как эсеровский кабинет «привел немцев» на Украину.

После переворота связь между гетманом и Петлюрой сохранилась. Петлюра несколько раз тайно появлялся в гетманском дворце и два раза возглавлял делегацию к гетману. Гетман вспоминал, что с Петлюрой «в то время у нас отношения были хорошие», что «его политические убеждения не крайние настолько, что мне приходило даже в голову привлечь его в правительство, если бы украинцы не отказались на первых порах пойти в правительство, может быть это и состоялось бы...» Скоропадский указывал, что если бы не его (Петлюры) «завязанность» с социалистическими партиями, «Петлюра мог бы быть одним из чрезвычайно полезных деятелей времен гетманства».

Однако «правые» круги, которые «окружали» Скоропадского плотным кольцом, постоянно упрекали гетмана за то, что он принимает столь враждебного режиму человека, как Петлюра.

Уже через месяц «властвования» гетмана, под воздействием начавшихся восстаний и гетманских репрессий,

Петлюра постепенно становится постоянным критиком гетманского режима. Он все чаще просит гетмана за невинно арестованных... В конце мая 1918 года Петлюра от имени земств отослал жалобу-протест, направленный против внутренней политики Скоропадского, на имя барона Мума (посла Германии на Украине).

Петлюра, возглавляя земскую делегацию, во время особой трехчасовой аудиенции в гетманском дворце потребовал от гетмана прекращения своеволия администрации и арестов земских деятелей, освобождения арестованных земцев (гетманские чиновники разогнали уездные земства на Киевщине и Екатеринославщине), отставки зарвавшихся чиновников. Земство брало на себя функции серьезной политической силы, требуя от гетмана созыва парламента (Сейма), замены нейтральных министров «сознательными украинцами», смены курса.

Одновременно земцы просили гетмана предоставить крупный кредит в 100 миллионов рублей на развитие земств на Украине. Однако гетман не предоставил земствам прямого кредита, передав некоторые суммы только для уплаты по счетам земства (под контролем министерства финансов). Гетман опасался передавать прямой кредит земцам, считая, что деньги могут быть использованы для восстания.

Земства оставались серьезным рычагом внутренней политики и имели огромное влияние на украинскую провинцию. Система земств, которая оказалась в руках у Симона Петлюры составляла 115 местных управ, тысячи народных и профессиональных школ, семинарий, госпиталей, амбулаторий. В каждом уезде Украины насчитывалось 150—250 земцев, что составляло примерно 10—15 тысяч земцев по всей территории Украины.

Поначалу Скоропадский думал ослабить влияние Петлюры в земствах с помощью бойкота распоряжений Петлюры со стороны земцев-«русофилов» и «умеренных» либералов, преимущественно мелких украинских помещиков. Но такт Петлюры, его умение ладить с людьми помогли наладить взаимопонимание с большинством земских деятелей. К тому же вопиющие преступления, творимые войсками интервентов и «вартой» в украинской провинции, не способствовали возникновению симпатий к гетману.

Понимая, что земства становятся центром легальной непримиримой оппозиции и таят в себе потенциальную опасность для режима, гетман приказывает провести пол-

ную и тщательную ревизию земств через министерства внутренних дел. Чиновникам было приказано выявить злоупотребления, растраты, подтасовки в земствах и на основании злоупотреблений отстранить негодное режиму руководство Земского союза... Комиссию, проверяющую земства, возглавил «недруг» Петлюры князь Голицын из Союза земельных собственников. Новый закон о выборах в земства, что был разработан по приказу гетмана, имел целью превратить земство в зависимую от режима «карманную» организацию.

Все это не нравилось Петлюре и все больше настраивало его против гетмана. В июне 1918-го Петлюра решил объединить оппозицию для всеобщего восстания против режима.

Гетман в это же время задумывает выслать Петлюру из Украины под предлогом какой-либо формальной миссии. Но куда было его деть? Ведь «дружили» с германским блоком, а Петлюра был сторонником Антанты...

16 июня 1918 года, во время разрастания Звенигородско-Таращанского восстания, в Киеве собрался Всеукраинский земский съезд. Оправдывая восстания и пытаясь обнаружить их причину, съезд указал на политику «безоглядной реакции и реставрации старого строя», которую проводит гетман Скоропадский. В меморандуме земского съезда звучал протест против расправы австро-немецких карателей над крестьянами, против «нечеловеческого насилия», которому постоянно подвергались жители сел. Земские деятели требовали немедленного созыва Украинского Учредительного собрания, что должно решить аграрный вопрос и вопрос о пребывании интервентов на Украине. Петлюра тогда заявил гетману: «Мы требуем, чтобы не нарушались элементарные права человека, как это было в царское время».

В августе—сентябре 1918 года германским и гетманским войскам с трудом удалось подавить Звенигородско-Таращанское восстание. Но восстания вспыхивали в новых регионах. На Полтавщине и Черниговщине — под руководством большевиков и «левых» элементов из украинских партий эсдеков и эсеров. На Екатеринославщине и в Северной Таврии — под началом анархистов и левых эсеров. В забытой Богом и людьми крохотной степной Гуляйпольской волости Александровского уезда Екатеринославщины знамя восстания поднял анархистский атаман — батька Нестор Махно. Вокруг харизматической

фигуры Махно — «защитника обездоленных» — собралась многотысячная крестьянская армия всех недовольных режимом.

В июне 1918-го немецкое командование и структуры безопасности Украинской державы ознакомили гетмана с секретными материалами о связях повстанцев в селах с «киевским подпольем». Гетману стало известно, что в Киеве действуют многочисленные «агенты Антанты», ставящие своей целью низвержение режима, активизацию восстаний против гетмана и вовлечение Украины в войну против Германии. Немцы указывали, что с агентами Антанты имел прямые контакты оппозиционер Петлюра, и на этом основании требовали его немедленного ареста. Более того, в этот «шпионский детектив», по мнению контрразведки, были вовлечены многие лидеры социалистических партий, а также ряд «антантофилов» из числа офицеров и генералов армии гетмана.

Итак, следуя за документами, можно предположить, что Петлюра в июне—июле 1918 года готовил всеобщее восстание против гетмана, используя «деньги Антанты», широкие земские связи с крестьянством и связи в среде офицеров, которые служили в войсках УНР еще под его началом. Конечно, агенты Антанты активно работали на Украине, стараясь любыми силами помешать пополнению германских продовольственных запасов за счет Украины. Ставки в «последних боях» войны были действительно высоки... В конце мая 1918 года германские войска прорвав французскую оборону на реке Эна, двинулись на Париж. Париж находился под гнетущим впечатлением от поражений на фронте. Его уже обстреливали из немецких дальнобойных орудий... До столицы Франции оставалось всего 65 километров...

Петлюра связался с глубоко законспирированной организацией офицеров, что ранее служили в войсках Центральной Рады, а потом перешли в армию гетмана, — с Украинским офицерским союзом — «Батькивщина» («Отечество»). В этот союз вошли будущие руководители восстания полковники Василь Тютюнник, Александр Осецкий, возглавил его генерал Александр Греков. «Батькивщина» поддерживала отношения с Национальным Союзом и, возможно, с некоторыми атаманами крестьянских повстанцев.

С конца июня 1918 года немецкое командование все активнее требовало от гетмана проведения широких арес-

тов оппозиции и «агентов Антанты». Гетман принял решение о задержании и аресте бывших членов Центральной Рады. Под домашним арестом фактически оказался Грушевский. Винниченко был «предупредительно» арестован на один день — 28 июня, в те же дни был арестован бывший военный министр УНР Порш, а через месяц — 27 июля 1918 года был арестован и Петлюра.

Последнее перед арестом выступление Петлюры как главы Земского союза прозвучало на собрании Сельскохозяйственного товарищества в Киеве. Петлюра критиковал принципы грядущей земской реформы, а также ратовал за широкую аграрную реформу и за передачу части земельной собственности земств крестьянам. В тот же день Петлюра требовал прекращения арестов граждан Украины без суда и следствия. Но через несколько дней он и сам был арестован...

ЦК УСДРП требовал немедленного освобождения Петлюры. Однако в эти дни в Киеве были убиты командующий группой немецких армий «Киев» генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн и его адъютант. И хотя бомбометатель — российский левый эсер Борис Донской — был немедленно схвачен, это событие не способствовало либерализации режима и затянуло «дело» Петлюры. Немцы требовали возмездия...

Арест Петлюры вызвал забастовку земских работников, манифестацию их у стен Совета министров. Премьер принял делегацию земств холодно, заявив, что под прикрытием земств ведется подготовка к восстанию, что правительство имеет сведения, что главой этого заговора является Симон Петлюра.

Из одиночной камеры тюрьмы Петлюра умудрялся посылать тексты листовок с призывами к борьбе, пытался руководить оппозицией. В камере он постоянно читал (большое количество книг ему передавала во время тюремных свиданий жена). Товарищество книгоиздателей «Час» («Время»), решив помочь «материально» Петлюре, предложило ему гонорар за будущий перевод книги «Туннель» Келлермана и произведений Жюль Верна. Но Петлюра не закончил переводов, ему надо было анализировать постоянно меняющуюся политическую ситуацию.

В конце мая 1918-го был создан еще один центр оппозиции режиму — межпартийный Украинский Национальный союз. Поначалу он ограничился умеренной кри-

тикой режима и кабинета министров Лизогуба, как «не украинского в своем составе и по своей политической ориентации». Главой Национального союза сначала был «умеренный» федералист масон Андрей Никовский. В мае—августе 1918-го в Национальном союзе верховодили федералисты, а также принимали деятельное участие партии хлеборобов-демократов, «самостийныкив», трудовиков, профсоюзы железнодорожников и работников телеграфа и почт. В это время Национальный союз был более «мягкой» оппозицией режиму, нежели «группа Петлюры».

Но с ослаблением германского влияния, после неудач на Западном фронте в июле—августе 1918-го ослабли и позиции гетмана. Национальный союз становился все более радикальным. К нему присоединились украинские эсдеки и эсеры «центра», «Селянская спилка», «петлюровский» Земский союз.

В середине сентября 1918 года главой Национального союза стал Владимир Винниченко. Высказывая идею «широкого единого национального демократического фронта», Винниченко, уже с сентября 1918-го стал искать контактов с повстанческими атаманами, надеясь превратить Национальный союз в повстанческий центр. Винниченко и Никита Шаповал, тайно от других лидеров Национального союза, пошли на переговоры с представителями СНК, которые находились в Киеве как участники переговорного мирного процесса между Гетманской державой и РСФСР. Эти представители РСФСР (Раковский и Мануильский) надеялись, со своей стороны, подтолкнуть все оппозиционные силы к восстанию против гетмана и укрепить большевистское влияние на Украине. Советские представители обещали заговорщикам из Национального союза помощь деньгами и оружием.

Винниченко же, планируя восстание, имел в «кассе» только 20 тысяч рублей... После переговоров с «советскими дипломатами» экономические возможности заговорщиков заметно возросли (в литературе есть упоминание о том, что заговорщики получили от Советов 3 миллиона рублей). «Дипломаты» предлагали «организовать военные стычки на российско-украинской границе, для того чтобы оттянуть гетманское войско от Киева в момент восстания». Раковский и Мануильский обещали Винниченко, что в случае победы украинских социалистов РСФСР признает новое правительство Украинской республики и не будет вмешиваться в ее внутренние дела.

29 сентября правительство Германии официально заявило о необходимости перемирия на фронтах. 3 октября в Германии было сформировано новое «правительство мира» Макса Баденского. В конце октября 1918 года в Австро-Венгрии началась революция, сопровождавшаяся распадом империи, 28 октября были провозглашены акты о независимости и государственности Чехословакии, государства словенцев, хорватов и сербов (Югославия), Польши. 30 октября капитулировала Турция, а 3 ноября — Австро-Венгрия. 7 ноября 1918 года началась революция в Германии, а уже через два дня император Германии Вильгельм Второй бежал из страны. Революция победила, и Германия стала республикой. 11 ноября война была закончена подписанием перемирия и полной капитуляцией Германии.

Понимая, что власть уже не может опираться только на германские штыки, гетман стал лавировать, искать пути к сохранению власти и к налаживанию союза со странами-победительницами. Надеясь на формирование новой опоры режиму, гетман огласил будущую аграрную реформу и сбор национального парламента (Сейма), призвал к сотрудничеству силы национальной демократии.

В октябре 1918-го гетман официально пригласил членов Национального союза (Винниченко, Швеца, Никовского) на переговоры по формированию нового ответственного правительства «национального доверия». При всей антипатии к гетману Винниченко согласился на участие Национального союза в формировании нового кабинета министров. Национальный союз требовал восемь министерских портфелей. Если бы гетман принял все предложения Винниченко, то, возможно, он был бы отстранен не путем всенародного восстания, а посредством «дворцовых» интриг, или «превратился» бы из диктатора в поборника демократии... Но этого не случилось.

24 октября 1918 года был окончательно сформирован новый министерский кабинет, в котором Национальный союз получил только четыре далеко не ключевых портфеля.

Однако после создания коалиционного кабинета министров Винниченко неожиданно заявил, что Национальный союз не берет на себя ответственности за политику кабинета и остается к режиму гетмана в оппозиции. Многим тогда стало ясно, что Винниченко взял курс не на эволюцию режима, а на революцию.

Винниченко и Шаповал понимали, что восстание необходимо провести немедленно, пока Антанта не успела

высказаться определенно в пользу сохранения режима, пока большевики не перехватили инициативу восстания (Ленин в те дни заявил об отказе от условий Брестского мира), пока у гетмана не было военных сил. С 15 ноября гетман планировал провести первый призыв в армию, причем для формирования новых частей уже были готовы штабы и офицерские кадры. Заговорщики рассчитывали на неизменные восстания мобилизуемых, спутник большинства насильственных мобилизаций.

Над заговорщиками стужались тучи, и они были вынуждены идти на переворот, назначив его на 15 ноября. Через свою жену Петлюра передал Шаповалу и Винниченко, что гетману известно о готовящемся заговоре, что уже в начале ноября был подписан приказ об их аресте. С этого времени Винниченко и Шаповал перешли на нелегальное положение, а Национальный союз сделал 9 ноября «отвлекающее» заявление о том, что восстание принесет только вред государству. Тогда же, 9 ноября, члены Национального союза прибыли к гетману с предложением немедленно, в течение восьми дней, созвать Национальный конгресс, который разработает «новый курс» для Украины.

Остается только гадать, откуда Петлюра, находясь в тюрьме, мог знать о «закрытой информации» гетманского двора и через кого шла «утечка информации»?

Винниченко и Никита Шаповал уговорили Евгения Коновальца — командира полка сечевых стрельцов, что базировался в Белой Церкви, первым поднять восстание против гетмана.

Справка: Коновалец Евгений Михайлович (1891—1938) — из семьи школьного учителя с Львовщины. В 1909 г. поступил на юридический факультет Львовского университета, однако в следующем году был выгнан за организацию террористического акта против поляков. В 1914—1915 гг. воюет в австрийской армии на фронтах Первой мировой войны в чине поручика. В 1915—1917 гг. — в российском плену. В 1918—1919 гг. возглавляет формирование сечевых стрельцов, самопровозглашает себя «полковником», поддерживает линию С. Петлюры. С 1920 г. — в эмиграции, в Чехословакии, Австрии, Германии, Голландии. Один из лидеров Украинской военной организации, в 1929 г. создает Организацию украинских националистов (ОУН). Убит советским агентом в Роттердаме.

Сечевые стрельцы: военные формирования армий УНР и Украинской державы 1918—1919 гг. Окончательно созданы в январе 1918 г. как Курень сечевых стрельцов (около 400 штыков) из украинцев Западной Украины — бывших пленников австрийской армии. Курень перерос в полк,

отдельный отряд, корпус сечевых стрельцов. Сечевые стрельцы были одной из самых надежных и боеспособных частей армии УНР.

В начале ноября командующий Запорожской дивизией полковник Болбочан, командующий Подольского корпуса генерал Ярошевич и командир Черноморского Коша Полищук дали согласие на участие в восстании. Заговор поддерживало и немало младших офицеров, преимущественно украинского происхождения. После восстания гетман сокрушался, что военное ведомство было «набито неподходящими людьми». К заговорщикам также присоединился гетманский министр железнодорожного транспорта Бутенко.

Генерал Осецкий — командир Железнодорожной дивизии — стал руководителем военного штаба восстания.

Справка: Осецкий Александр Викторович (1873—1936), окончив военное училище в Петербурге, стал поручиком императорской гвардии Преображенского полка. В годы Первой мировой Осецкий дослужился до полковника. В 1917 году заканчивает Академию Генерального штаба, получает звание генерал-майора. Он выехал в Киев служить Центральной Раде и сразу же был назначен командиром 4-й дивизии Украинского фронта. В январе 1918-го Осецкий добровольно переходит в формирования петлюровских гайдамаков, направляющихся на защиту Киева. На командных должностях в армии Директории. В декабре 1918—июле 1919 гг. — наказной атаман армии УНР, в декабре 1918—январе 1919 — военный министр УНР. С 1919 г. в эмиграции в Бельгии, Польше, Франции.

В феврале 1918-го Осецкий заново формирует Генеральный штаб армии, став вскоре его начальником. Однако вскоре он был отстранен гетманом от руководящих постов в армии как «подозрительный социалист». В министерстве железных дорог ему наконец-то подыскали генеральскую должность без «армий» — командовать неорганизованной еще железнодорожной охраной — «стражей». К моменту восстания Осецкий сформировал один резервный полк охраны в Киеве из людей, оппозиционных режиму гетмана, а также небольшие надежные «железнодорожные» отряды на всех узловых станциях.

Национальный союз требовал от гетмана созвать 17 ноября 1918 года Национальный конгресс с функциями предпарламента, и к этому времени заговорщики надеялись подготовить восстание. Гетман, ознакомившись с подго-

товленным Национальным союзом списком делегатов конгресса, понял, что конгресс выступит за отставку или резкое ограничение полномочий гетмана, поэтому гетман вскоре полностью отказался от идеи конгресса. Как пишет сам гетман, перед ним было только два пути: возглавить реформаторское движение, по сути «восстание против самого себя», или развеять всякие надежды на эволюцию режима. У гетмана оставалась одна надежда на силу «офицерских дружин».

Заговорщики из «ближайшего окружения» стали убеждать гетмана, что просто необходимо отряд сечевых стрельцов из Белой Церкви перевести в Киев, для охраны гетмана. Но гетман догадывался, чего можно ожидать от такой охраны, и потому отказался.

Хотя 11 ноября 1918-го в Белую Церковь пришло сообщение, что гетман согласился на перевод стрельцов в Киев, 12 ноября это сообщение было опровергнуто, и в Белую Церковь был послан делегат от Галичины Осип Назарук. Он предлагал стрельцам покинуть Центральную Украину и направиться во Львов на помощь галичанам, которые селятся выбить из Львова польских повстанцев. Гетман с радостью ухватился за эту идею, желая избавиться от опасных подданных. Однако стрельцы неожиданно отказались от похода на Галичину. Их лидеры уже дали согласие на восстание...

В эти тревожные дни кризиса власти имя «заклученного № 1» Симона Петлюры приобрело огромную популярность в Украине. Так, в начале ноября 1918 года на праздновании 40-летия деятельности писателя Д. Марковича пришедшие на это мероприятие встретили овациями и вставанием только одно упоминание имени «государственного преступника» Петлюры. Новый министр юстиции Вязлов в ультимативной форме потребовал от гетмана освобождения Петлюры, об этом просили и личный секретарь гетмана, а возможно и «внешние силы» — немецкие офицеры и тайные антантовские «представители».

Долгое время невыясненными оставались отношения Скоропадский—Антанта. Французское командование осенью 1918-го отрицательно относилось к самому факту самостоятельности Украины. Французские эмиссары подталкивали гетмана отказаться от самостоятельности Украины, только в этом случае Антанта готова была оказывать помощь. Но в начале ноября 1918 года гетман получил из румынских Ясс совсем иные заявления француз-

ского командования. Из них следовало, что гетман должен договориться о сотрудничестве с широкими украинскими кругами, а возможно, и передать власть тем, кто не запятнал себя сотрудничеством с немецким командованием. Главным противником немцев на Украине был Петлюра, и, возможно, заявление касалось именно его. Так или иначе, утром 11 ноября Петлюра был освобожден из тюрьмы и принят министром юстиции, а возможно, и самим гетманом.

А за день до этого гетман обратился с воззванием к гражданам, разоблачая планы возможного восстания и обещая созвать демократический парламент. 11 ноября еще казалось, что он решил на уступки «украинским кругам», но уже на следующий день стало ясно, что гетман готовит совершенно иной «поворот». 12 ноября стало днем выбора. Скоропадский решил провозгласить федерацию с Великобританией, запретить подготовку Национального конгресса, распустить «коалиционный кабинет» и отправить в отставку семь министров, что настаивали на созыве конгресса.

Утром 13 ноября стало известно, что гетман решил ужесточить режим и пойти на «воссоединение» с белогвардейской Россией. Стало ясно, что «коалиционный кабинет» будет заменен кабинетом сторонников ликвидации украинской независимости. В окружении гетмана проводились консультации по созданию «пророссийского» кабинета премьера помещика Сергея Гербея.

Возможно, вечером 13 ноября Петлюра побывал на тайном заседании Национального союза, на котором решалась судьба восстания. Восстание уже приобретало характер «национальной обороны» против новых планов гетмана. Свежая информация о смене ориентиров Скоропадского подтолкнула ЦК УСДРП и ЦК УПСР дать согласие на проведение восстания. Петлюра, вопреки данному при освобождении слову не выступать на стороне восстания, не сдержал его и заявил о своем участии в восстании. Планировался революционный триумvirат, что возглавит новое революционное правительство, в составе Владимира Винниченко, Симона Петлюры, Никиты Шаповала. (Об этом заседании практически не осталось никаких свидетельств, и это усложняет реконструкцию событий.) Известно, что Винниченко тогда предложил Петлюре: «Уже все готово! Хотите с нами?» На что Петлюра ответил: «Иной дороги, кроме восстания, нет».

Для Петлюры эти несколько дней были временем выбора дальнейшего жизненного пути.

Описывая свой героизм, Винниченко «вспомнит»: «...риск этот был целиком явный. Немецко-гетманское правительство уже знало о подготовке восстания. Ему было известно даже о дне последнего Общего собрания Национального союза, на котором должен быть избран высший орган Власти революции — Директория. И этим вечером гетманские русские офицеры на броневиках с пулеметами и бомбами ездили по всему Киеву, ища тот дом, где проходило чрезвычайное совещание. Если бы они его нашли, мы бы уже в тот вечер были мертвыми, мы знали о том, что гетманская «охранка» приказала без суда расстрелять нас всех на месте».

Сутками Петлюра носился по городу, встречаясь с различными «консультантами». О «деятельности» Петлюры и о его позиции в отношении восстания гетман узнал немедленно через неизвестных нам осведомителей. Но и о многих шагах гетмана Петлюре также сразу же становилось известно. Это была опасная игра, в которой осведомители иногда являлись «двойными агентами». 13 ноября Петлюре сообщили, что гетман распорядился снова его арестовать. Не дожидаясь ареста, Петлюра, одевшись демобилизованным солдатом, отправился в Белую Церковь, что располагалась в 70 километрах от Киева.

До своего отъезда Петлюра побывал в товариществе «Час» и на экстренном заседании управы Земского союза. Это заседание он только успел открыть, и через несколько минут его вызвали в соседнюю комнату пришедшие военные, которые, возможно, и сообщили Петлюре о том, что его хотят арестовать гетманцы. Вернувшись в зал, Петлюра сообщил собравшимся земцам, что должен срочно уходить.

Военные сообщили Петлюре, что если последняя попытка уговорить гетмана отказаться от союза с белогвардейцами не удастся, армия выступит против Скоропадского. Немецкий же командующий заявил, что немецкие части будут препятствовать перевороту, и попросил Винниченко явиться, для того чтобы достигнуть компромисса с гетманом.

14 ноября гетман подписал подготовленную еще несколько дней тому «Грамоту» — манифест, в котором заявлял, что будет отстаивать «давнее могущество и силу Всероссийской державы». Гетман призывал к строительству

Всероссийской федерации как первого шага для воссоздания Великой России. «Грамота» ставила крест на всех стараниях по созданию украинской государственности. Этот документ окончательно оттолкнул от гетмана большую часть украинских федералистов, украинских военных и «сознательную» украинскую интеллигенцию.

В то же время русские патриоты, на которых особенно рассчитывал гетман, также выступили против «Грамоты», потому что в ней гетман «имел смелость диктовать целой России, какую форму государственной структуры она должна иметь». Против гетмана готовили переворот и белогвардейские группы.

Антанта также еще не успела со всей определенностью поддержать гетмана. Только 22 ноября 1918 года Антанта пообещала помочь гетману войсками и кредитами, «де факто» признав гетманское правление. Только тогда Антанта заявила, что будет оказывать помощь гетману против восстания и пришлет свои войска в Одессу к 1 декабря 1918 года.

ГЛАВА 12

ПОД ФЛАГОМ ДИРЕКТОРИИ

14 ноября—27 декабря 1918 г.

Четырнадцать заговорщиков собрались вечером 14 ноября в полутемном кабинете Министерства железных дорог, что на Бибикивском бульваре. «Помещение» им любезно предоставил директор одного из департаментов железных дорог — Андрей Макаренко, который сам был одним из вдохновителей восстания. Среди заговорщиков присутствовали: генерал Осецкий, полковники Васыль Тютюнник и Николай Аркас, полковник Коновалец с несколькими лидерами сечевых стрельцов, Макаренко — «от железнодорожников», представители украинских партий эсеров, федералистов, «самостийныкив» социал-демократов и, конечно же, главные лидеры восстания: Винниченко и Шаповал.

Настроение собравшихся было приподнято-нервозное. Еще бы, по всему городу их уже искали... А они тут, в двух шагах от здания разогнанной Центральной Рады, должны были немедленно провозгласить начало долгожданного всеобщего восстания против гетмана, а также распределить власть в новом революционном правлении Украины.

Петлюры не было на этом собрании. Это объяснялось несколькими причинами... Петлюру предупредили, что гетман снова хочет отправить его за решетку, за нарушение слова, данного при освобождении, — «больше не участвовать в разговорах». Очевидно, спасаясь от ареста, Петлюра еще утром 13 ноября тайно выехал в Белую Церковь — готовить восстание сечевых стрельцов.

Винниченко и Шаповал, «старые» недоброжелатели Петлюры, только обрадовались его отсутствию — лишний конкурент... Они подумывали вообще не включать Петлюру «во власть», как это сделали с «президентом» Грушевским и бывшим премьером Голубовичем... Петлюра был опасным, сильным соперником, мешавшим «социа-

листическим экспериментам» лидеров Национального союза... и к тому же его особенно не любили возможные союзники в Советской России.

Присутствие Петлюры на тайном собрании могло изменить весь ход событий. Ни Винниченко, ни Шаповал, а именно он — Петлюра — осенью 1918-го был самым популярным деятелем в кругах «сознательных украинцев», знаменем всех недовольных гетманом и немцами. За ним была слава защитника Киева от «красных», противника призыва немцев, военного министра и земца, сторонника активной борьбы против гетмана, а главное, пострадавшего от диктатуры — «сидельца», который почти весь период гетманщины просидел за решеткой «за правду». Ни за одним из участников совещания за последний год не числилось подобных подвигов. Петлюра вполне мог претендовать на положение главы Директории, и его кандидатура могла собрать большинство голосов... Но Петлюра не появился на Бибикивском...

Хотя появились «его люди» — сечевые стрельцы, которые в ультимативной форме потребовали введения Петлюры (который дал на это свое согласие) в состав новой революционной власти — Директории — и утверждения Петлюры командующим революционными войсками. Винниченко и Шаповал вынуждены были уступить, так как спор со стрельцами мог привести к срыву уже подготовленного восстания. Через полтора месяца они горько пожалуют о своей уступчивости...

Название «Директория» для революционного руководства было придумано писателем Владимиром Винниченко, в юности зачитывавшимся романами о Великой французской революции.

Директория «по-украински» имела функции коллективного президента, диктаторскую власть и формировалась на основе компромисса различных политических сил. Присутствующие на собрании избрали «директоров» единогласно. Было решено, что Директория останется у власти только до ликвидации режима Скоропадского, а после победы ее заменит представительская власть.

Кроме Винниченко (эсдека), который сразу был избран главой Директории, и Петлюры (эсдека) — наиболее популярного лидера, в нее вошли малоизвестные в «партийных кругах» деятели, оказавшиеся тогда «под рукой». Обыкновенные украинские патриоты, плохо разбирающиеся в событиях, не проявлявшие активности в эпоху Централь-

ной Рады, они были, в спешке и, казалось, «на время», вынесены волной истории на гребень новой власти... Университетский профессор Федор Шве́ц выдвигался как представитель эсеров и «Селянской спилки», адвокат Опанас Андриевский выдвигался от националистов-«самостийников», беспартийный служащий Андрей Макаренко — от железнодорожников. Ни до, ни после Директории эти трое ничем особым себя не проявили.

Справка: Шве́ц Федор Петрович (1882—1940) — профессор геологии Киевского университета, член ЦК «Селянской спилки», член ЦК УПСР «центра», член Центральной Рады и Всеукраинской Рады крестьянских депутатов. С 1919 г. в эмиграции в Чехословакии. Андриевский Афанасий Михайлович (1878—1955) — мировой судья, адвокат, член партии «самостийники» и Национального союза. С 1919 г. в эмиграции в Австрии и Чехословакии.

Макаренко Андрей (1885—1963) — чиновник управления железных дорог. В 1917 г. организатор профсоюза украинских железнодорожников. С 1919 г. в эмиграции в Австрии, Чехословакии, США.

Было заявлено, что три «директора»: Винниченко, Петлюра, Шве́ц — являются главными «директорами», а двое других «вспомогательными». Но со временем от этого принципа отошли, предоставив «директорам», кроме главы — В. Винниченко, равные права голоса.

Главной ошибкой при формировании Директории было то, что люди, в нее пришедшие, придерживались диаметрально противоположных взглядов на будущее Украины. Андриевский был далек от социалистических фантазий Винниченко, Петлюра являлся скорее умеренным демократом, чем социалистом, Макаренко и Шве́ц еще окончательно не определились... «Директора» были люди достаточно молодые, одного поколения — «юношей 1905 года». Макаренко было 35 лет, Шве́цу — 36, Винниченко — 38, Петлюре — 39, Андриевскому — 40. Кандидатура Грушевского — президента УНР — даже не была предложена в члены Директории. На Грушевском лежала вина привлечения немецких войск на Украину, да и присутствующие на заседании не желали конкуренции с непредсказуемым и конфликтным «батьком» Грушевским. М. Грушевский уже в 1924 году вспоминал, жалуясь в письме к Т. Починку, что с началом восстания лидеры Директории стремились оттереть его от политики: «Я тогда предлагал, чтобы после изгнания немцев была собрана Ц. Рада... Их компа-

ния стояла на том, что Ц. Рада утратила всякое значение, и незачем о ней вспоминать. Они, Винниченко и Петлюра, тогда и потом старались всякими способами лишиться меня всякого авторитета...»

Войти в Директорию собравшиеся предложили еще и Никите Шаповалу, однако он неожиданно отказался. Шаповал надеялся, что, оставшись главой Национального союза, он сможет сам влиять на решения Директории. В то же время он не хотел работать вместе с Петлюрой, отношения с которым у него были испорчены еще с весны 1917-го.

Винниченко, как блестящему литератору, было предложено написать воззвание к народу, но он «не успел» это сделать до отъезда из Киева. Воззвание было написано уже в спешке в Белой Церкви. В нем гетман назывался «предателем», «узурпатором», а новое правительство Гербеля — «реакционным». Их власть объявлялась недействительной, провозглашалось возрождение власти Украинской Народной республики (УНР), а народ призывался к восстанию против гетманского режима.

Одновременно с воззванием Винниченко и Директории появляется отдельное воззвание лично Симона Петлюры, в котором он как верховный главнокомандующий — Головный (Главный) атаман, призывал всех «солдат и казаков» выступить против Скоропадского и запрещал под страхом военного суда помогать гетману скрываться от возмездия. В воззвании были такие слова: «обязанность каждого гражданина, что живет на Украине, арестовать генерала Скоропадского и передать его в руки республиканских властей».

Появление двух воззваний создавало некоторые проблемы. Винниченко считал, что Петлюра не имел права выпускать воззвание только от своего имени. Он критиковал Петлюру за саморекламу и замечал, что «вся акция, все движение сразу, с самого начала было поставлено под марку одной, отдельной особы, окрашено персональным характером, сужено, обеднено, затуманено. Все повстанцы, что стали стекаться в революционные центры, стали называться «петлюровцами». «Петлюра идет на гетмана», «Петлюра зовет против немцев». Часто среди крестьянства, которое до этого времени не слышало имени Петлюры, слышались такие возгласы: «Ага, вот идет Петлюра на гетмана, она ему покажет; слава Богу, не будет больше такой Украины». Словом, произошло именно то, чего хотели избежать: движение характеризовалось неясностью

целей, отсутствием четкой программы коллективности и даже республиканского характера.

Имя Петлюры действительно стало в ноябре 1918-го именем одинокого героя, вождя никому неведомой, но оттого не менее грандиозной силы, вождя народной стихии, харизматического былинного богатыря.

Никита Шаповал, непосредственный участник тех событий, писал, что «восстание против гетмана — самое темное место украинской революции». Что ж, попытаемся разобраться в хаотичном хитросплетении событий...

Уже на следующий день после совещания «директоров», в час дня пополудни, Винниченко и Коновалец со «свитой» выехали в местечко Белая Церковь под Киевом, в расположение частей сечевых стрельцов. Вечером того же дня (15 ноября) Петлюра, Винниченко, Осецкий и командиры сечевиков собрались для последнего обсуждения планов восстания. Было решено передать оперативное военное руководство «революцией» штабу Симона Петлюры, в котором были собраны отличные боевые офицеры: генерал Осецкий, полковник Александр Шаповал, подполковник Василь Тютюнник, полковник Владимир Кедровский, Евгений Коновалец, Андрей Мельник. Именно эта «шестерка» военных впоследствии приведет Симона Петлюру к полномочию в Директории. Был принят план Осецкого по «охвату» Киева повстанческими отрядами.

Петлюра еще до конца не верил в успех восстания, хотя и считал, что оно необходимо — как ответ на смену политики гетмана. Еще бы, против всей армии гетмана и, возможно, против многочисленных немецко-австрийских войск (более 150 тысяч штыков и сабель) в распоряжении Петлюры был всего лишь небольшой отряд сечевых стрельцов в 870 человек (по другим данным 1500 или даже 2000 человек) и человек 70 «добровольцев»: беглецов из Киева, семинаристов и выпущенных из белоцерковской тюрьмы заключенных, что томились там «за политику». С такими силами Петлюра решил не только провести переворот в Белой Церкви, но и, главное, немедленно наступать на Киев, в котором находилось до десяти тысяч регулярных гетманских войск и «варты».

Для того чтобы поднять дух восставших, Петлюра отправляет телеграмму о том, что восстание, едва начавшись, уже имеет грандиозные успехи: «занята Полтава, Харьков, Екатеринослав... мобилизовано до 30 тысяч крестьян». На

самом деле ни один из этих городов еще не был занят повстанцами, а что касается крестьян, их было среди восставших пока всего несколько десятков.

15 ноября был заключен договор с солдатским советом немецкого гарнизона Белой Церкви о нейтралитете в ходе противостояния Директория—гетман.

А. Гольденвейзер вспоминает, что «немецкий нейтралитет во время восстания Петлюры не объяснялся ни сочувствием повстанцам, ни (как некоторые говорили) злокозненным желанием оставить на Украине хаос и тем повредить Антанте... У истощенной, уставшей и разочаровавшейся германской армии не было ни малейшей охоты проливать кровь ни за ни против гетмана. Ей хотелось возвратиться поскорее домой: в этом заключалась вся ее политическая платформа».

Восстание началось утром 16 ноября, когда восставшие полностью захватили Белую Церковь, разоружили гетманскую «варту».

Железнодорожники, присоединившись к восставшим, доставили им на станцию эшелоны для быстрого похода на Киев. Опыт «эшелонной войны» не пропал для Петлюры даром. Первоначальный план заключался в том, что эшелон с отрядом стрельцов сможет, неожиданно для гетманцев, приехать на Киевский вокзал и, захватив его, двинуться в центр города, где к восставшим стрельцам присоединятся повстанцы, проникшие в Центр с Подола.

Утром 17 ноября, подъехав на предоставленных эшелонах к соседней станции Фастов, петлюровцы внезапно захватили ее, разоружив ничего не подозревающую «варту». Затем «революционными эшелонами», что неслись на Киев, была захвачена станция Мотовиловка. Но далее путь на Киев оказался перекрыт, потому что станция Васильков была уже занята гетманским карательным отрядом, недавно прибывшим из Киева.

Узнав о событиях в Белой Церкви, гетман немедленно послал на подавление «бунта» хорошо вооруженную офицерскую дружину в 570 штыков и сабель, под командованием генерала князя Святополк-Мирского, бронепоезд и полк личной гвардии гетмана — сердюков (700 штыков).

Утром 18 ноября произошла первая решающая схватка этой войны... Офицеры, выйдя из эшелонов у станции Мотовиловка, решили наступать через открытые поля, на позиции сечевиков-петлюровцев, что скрывались в окрестном лесу, окружавшем станцию. Против гетманцев высту-

пило всего около 400 сечевиков с 10 пулеметами и 2 пушками. Перестрелка переросла в штыковой бой, в ходе которого окруженные гетманцы были вынуждены отступить. Провал «офицерского похода» объясняется двумя причинами: во-первых, офицеры были уверены, что против них будут сражаться неорганизованные «банды» крестьян, поэтому недооценили противника, который имел хороший фронтовой опыт и в составе австрийской армии, и в боях против большевиков. Во-вторых, части гетманских сердюков, не желая драться с петлюровцами, оторвались от офицерской дружины и «залегли» в обороне у села. Некоторые из сердюков перешли на сторону восставших.

Бой под селом Мотовиловка стоил жизни половине офицеров гетманской дружины. Хотя, как указывает «летописец» истории стрельцов, «бились офицеры необыкновенно храбро», но их бездарное командование поставило дружину под пулеметный огонь сечевиков.

Гетман объявил мобилизацию офицеров бывшей армии Российской империи, которых только в Киеве насчитывалось до 10 тысяч человек. Но на мобилизацию в армию гетмана откликнулось только около 5 тысяч, да и из них тысячи две стремительно разбежались по многочисленным штабам и отделам. Гетман вспоминал, что «на фронте считалось по спискам 9 тысяч человек, а на самом деле было всего 800».

На следующий день после мотовиловского боя стрельцы подошли к Киеву с юго-запада, заняв станцию Боярка и местечко Васильков. Бои завязались в районе Жулян (в городской черте современного Киева). Только у пригородной станции Пост-Вольнский стрельцы были остановлены офицерскими дружинами.

Испуганный гетман назначил главнокомандующим своей армии генерала графа фон Келлера, который сам вынашивал планы военного переворота против гетмана и присоединения армии гетмана к белогвардейцам.

Своими призывами к восстановлению монархии и «единой неделимой России», своим непризнанием Украинской державы Келлер вызвал протест со стороны командиров украинцев из гетманской армии. Это привело к переходу к повстанцам Запорожского корпуса и Серожупанной дивизии. Заговор Келлера в гетманской армии стал толчком для части офицеров, которые покинули Киев и устремились на Северный Кавказ и Дон, к Деникину. 26 ноября гетманский главнокомандующий Келлер за подготовку «правого» анти-

гетманского переворота был заменен на генерала князя Долгорукова.

В это время в соседнем с Киевом Бердичеве подымается гетманский Черноморский кош (460 штыков), который по приказу Петлюры немедленно выступает на Киев. Уже 20 ноября он подошел к западному пригороду Киева Борщаговке. Этот день стал кризисным в обороне Киева, окруженного с запада и юга. Но у Петлюры не было сил для последнего штурма. Двух тысяч петлюровцев было очень мало для борьбы с гетманским гарнизоном столицы. Но гетманские войска имели устойчивую тенденцию «таять», а у Петлюры оставались надежды на «внутренний взрыв» в Киеве.

В момент, когда все силы были брошены на Киев, на станции Фастов в четырех вагонах оставалось пять членов Директории, канцелярия Директории, Ставка — десять штабистов-офицеров и десять сечевиков с одним пулеметом. Директория многим рисковала... Мимо станции проходили многочисленные отряды гетмана, но они опасались штурмовать станцию, думая, что там стоит не менее тысячи повстанцев.

Главным успехом Петлюры стало привлечение большинства частей гетманской армии на сторону Директории. Уже 18—20 ноября к петлюровцам перешли отдельные части сердюков, конный Лубенский полк, дивизия Серожупанников на Черниговщине, части Подольского корпуса. Конечно, перелом восстания был связан с выступлением кадрового Запорожского корпуса и его командира полковника Болбочана против гетманской власти.

Справка: Болбочан Петр (1883—1919) — из семьи священника, окончил Кишиневскую семинарию и военное училище. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В 1917 г. под руководством Болбочана был сформирован Украинский республиканский полк. В 1918 г. — командир Запорожской дивизии, 2-го Запорожского полка, полковник.

Запорожский корпус (18 тысяч штыков и сабель), признав власть Директории, захватил Харьков и за десять дней восстания стал контролировать практически всю территорию Левобережной Украины. Уже с 21—22 ноября под Киев стали прибывать крестьянские «ватаги» — отряды повстанцев. Целые села вокруг Белой Церкви приходили к вос-

ставшим. Захватив огромные склады с оружием в Белой Церкви, Петлюре удалось вооружить крестьян и направить под Киев.

20 ноября в самый критический день обороны, когда гетману предложили «улететь на аэроплане в Одессу», оставшие подошли вплотную к городу. Винниченко в этот день записал в дневнике: «на днях мы возьмем Киев».

Очухавшись от первых военных неудач, генерал Святополк-Мирский организовал новую офицерскую дружину, которая 21 ноября потеснила наступавших на Киев петлюровцев. Такое развитие событий привело к переходу к позиционной войне. Директории стало ясно, что наскоком с 2—3 тысячами солдат Киев не возьмешь.

На 27 ноября Петлюрой было назначено новое наступление. С юга, из района Голосиевского леса на Киев выступило 500 повстанцев атамана Зеленого, с юго-запада — 4 тысячи сечевиков, черноморцев и повстанцев.

Но в день генерального наступления в ход событий решили вмешаться немцы. Для них бои под Киевом велись «слишком долго» и мешали отъезду немецкого солдатского контингента в Германию. А столкновения отдельных повстанческих отрядов с немцами обратили симпатии немцев против петлюровцев. Для того чтобы освободить железнодорожный путь на Запад, немцы штурмом взяли станцию Шепетовка, потребовали от повстанцев отойти от столицы на 30 километров и прекратить всякое наступление на Киев до выезда всех немецких частей из столицы. Немцы еще имели силы для того, чтобы разбить повстанцев, и Директория была вынуждена пойти на принятие немецкого ультиматума. Французские эмиссары, надеясь не допустить в Киев повстанцев и пользуясь правами победителей, пытались задержать немецких солдат у Киева, чтобы сохранить власть гетмана.

Винниченко при первых же неудачах восстания начал сомневаться в победе... В дневнике за 28 ноября он записет: «Немцы против нас. Надежд на успех мало... В Киеве стоят тысяч десять немцев. У них около 100 пушек. Гетманцев тысяч пять при 40 пушках. У нас же тысяч восемь войска и 30 пушек». Такая статистика наводит главу Директории на мысль, что «надежд на победу нет. Условия немцев — в Киев не вступать. Требуют отойти от города на 30 верст. Гетман остается. 75 шансов в пользу поражения под Киевом».

Первые неудачи восстания казались катастрофой... Коновалец тайно приехал в Киев в надежде уговорить гет-

мана закончить «дело» компромиссом. Но гетман не захотел встречаться с полковником...

Этого пессимизма Петлюра вовсе не разделял. Он постоянно носился по войсковым, повстанческим частям и уверял, что победа близка. Создавал, направлял, умолял... и войско росло, «как грибы после дождя». Тысячи простых крестьянских парней-повстанцев добровольно приходили под Белую Церковь не только «воевать гетмана», но и реквизировать имущество у «буржуев и панов».

Хотя 29—30 ноября Петлюра был вынужден отвести свои войска с южных и западных окраин Киева, он решил теперь заблокировать столицу с востока и севера. С востока к Киеву подходили войска полковника Болбочана, с севера — повстанцы атаманов Мордалевича, Соколовского, Струка.

В начале декабря Директория потребовала от немецкого командования вывести свои войска с территории УНР. К этому времени Петлюра сформировал из 18 тысяч повстанцев (за неделю количество повстанцев увеличилось в три раза) четыре дивизии: Сечевых стрельцов, Черноморскую и две Днепровские дивизии повстанцев Зеленого и Данченко. Эти дивизии были сведены в Осадный корпус, который всецело начал подготовку к новому наступлению на Киев. Осадный корпус к 12 декабря 1918 года вырос уже до 30 тысяч штыков и сабель при 48 пушках и 170 пулеметах.

Однако увеличение в 10 раз за три недели войск повстанцев привело к серьезным проблемам, связанным с управлением этой стихией. Во многих полках почти напрочь отсутствовали кадровые офицеры, особенно офицеры-кавалеристы. Отсутствие офицеров приводило к проблемам с дисциплиной в войсках, к разложению, грабегам, погромам... И как часто бывает в революциях, некоторые, не контролируемые офицерами и командованием отряды повстанцев превратились в шайки грабителей. К тому же к восстанию иногда присоединялись различные «темные элементы», потому что им командиры «обещали отдать Киев на трехдневное разграбление».

В полной тайне Петлюра готовил операцию по разоружению немецких войск. К 10 декабря количество повстанцев превысило количество немецких войск, которые к этому времени хотели только одного — скорее выехать с

Украины в Германию. Ждать было больше нельзя... Повстанцы окружили немецкие казармы на Киевщине, и в большинстве своем немцы сложили оружие без боя. Разоружение немцев прошло успешно в Козятине, Виннице, Христиновке, Умани... Только в Фастове и Белой Церкви разоружение немецких солдат сопровождалось перестрелками.

Немцы были вынуждены подписать новый договор (12 декабря 1918 года на станции Козятин), по которому немецкие отряды должны были стягиваться из пригородов в столицу, в свои казармы. Немецкие солдаты обязались вывесить белые знамена над казармами и не препятствовать входу в Киев повстанцев.

Петлюра отверг как невозможное предложение гетмана прекратить борьбу и достигнуть компромисса, сев за стол переговоров. Массы, поднятые на борьбу Директорией, уже не простили бы никаких компромиссов. Массы требовали Киева и головы гетмана!

Винниченко, завидуя популярности Петлюры, обижался и негодовал. В его дневнике (за 27 ноября) читаем: «Хуже всего то, что движение совершенно неожиданно обрело окраску частного марша одного-двух лидеров. Семен Васильевич Петлюра стал лозунгом движения. Сегодня массы ему симпатизируют и доверяют». Зависть к популярности Петлюры постепенно разъедала сознание Винниченко. Вскоре в дневниках он будет называть Петлюру только уничижительно: «честолюбцем», «балериной», «выскачкой»...

А в декабре 1918-го, уже по всей Украине, стали ползти слухи, которые Винниченко немедленно зафиксировал в дневнике: «Как будто я арестовал Петлюру, а Петлюра меня, как будто у нас была дуэль, как будто Директория грызется в своей среде». Хотя все эти слухи были «легендами», но они возникали не на пустом месте...

Новый конфликт между Винниченко и Петлюрой продолжился и после переезда Директории в Винницу. Личная неприязнь снова обрела формы политического противостояния — уже на Государственном совещании 12—14 декабря. Именно это совещание должно было определить направления государственной политики Директории на будущее. Однако оно со своей задачей не справилось — из-за конфликта внутри Директории.

Часть лидеров восстания выступали против парламентаризма, считая его «буржуазным пережитком» и ратуя за

власть трудящихся, предлагая систему «настоящих» Советов (Рад) для УНР. Именно к этому направлению в начале восстания примкнул и Винниченко, а кроме него левые социал-демократы «незалежники», левые эсеры «боротьбисты», часть эсеров «центра». «Директора» Макаренко и Швец высказывались за совсем непонятный (даже им самим) принцип «трудовой власти». В то же время Петлюра и Андриевский отстаивали широкую демократию и равные «внеклассовые» выборы в Учредительное собрание Украины.

Винниченко выступал за союз с Советской Россией и достижение с ней компромисса любыми путями и был согласен на любые уступки. Петлюра же ратовал за союз со странами Антанты и намеревался делать уступки Западу... Петлюру уже тогда поддерживали «военное лобби» и «екатеринославская группа» УСДРП.

Директория под влиянием Винниченко в конце концов выбрала принцип «нейтрального государства» и решила проводить дипломатические переговоры о союзе сразу с двумя совершенно противоположными силами, с Кремлем и Антантой. Принцип «нейтральности» в обстановке тотальной гражданской войны и привел внешнюю политику Директории к краху.

«Директора» страстно желали вывести Украину из международной изоляции, обрести признание и поддержку победителей-союзников. Однако «директора» не понимали, как достичь желаемого, поэтому метались из стороны в сторону. Такая политика, «на две стороны», приводила к крушению всех начинаний... Антанта не хотела признавать Директорию, зная о ее «советских симпатиях», считала лидеров Директории «большевиками» и «германофилами». В то же время Кремль, зная о стремлении Директории сблизиться с Антантой, называл «директоров» «буржуазными прихвостнями» и «врагами пролетариата». Большевики умело использовали «антантовские симпатии» Директории в своей пропаганде.

К Антанте, вернее к ее представителям, что съехались в румынский город Яссы в середине ноября 1918-го, была послана тайная миссия Директории. Представители Антанты, не предполагая, как будут развиваться события дальше, фантазировали на тему Украины, сея надежду у дипломатов Директории. Украине обещали даже передать «австрийские владения» — Галичину, Буковину, Закарпатье, в обмен на выступление против немецких войск до

прихода кораблей с антантовским десантом в черноморские порты. Представители Антанты, убеждая посланцев Директории в своей заинтересованности проблемами Украины, требовали список возможного правительства УНР для взаимных консультаций, еще до его учреждения. Но надежды на «интерес» Антанты оказались преждевременными. Антанта выбрала гетмана как наиболее подходящую кандидатуру для управления «украинской зоной в период смуты», а Скоропадский ждал, «как манна небесной», высадки войск Антанты и похода этих войск на Киев, для защиты «своего друга» — гетмана.

С конца ноября 1918-го у лидеров Директории начинается затяжной конфликт с полковником Болбочаном, который стал за какие-то две недели восстания не только руководителем самой сильной военной формации Директории, но и реальным, практически независимым «правителем-диктатором» всей Левобережной Украины. В его частях игнорировали приказы Директории и продолжали носить «старорежимные» погоны, присутствовало чиновничество... Болбочан думал притянуть в армию всех бывших генералов и офицеров из гетманского войска, простив все их «грехи» в отношении революции. Болбочан активно «лез в политику», пытаясь на контролируемой им территории установить свои порядки, которые не особенно сочетались с «революционным курсом» Директории.

Так, Болбочан запретил созыв рабочих Советов в Харькове, разогнал рабочее собрание и арестовал президиум, состоящий, в основном, из меньшевиков. Эти диктаторские действия, не имеющие ничего общего с программой Директории, вызвали широкие рабочие протесты и всеобщую забастовку в Харькове. По приказу Болбочана были арестованы рабочие-железнодорожники, также выступавшие за создание советов, несколько активистов-рабочих было расстреляно. Даже съезд Крестьянского союза (Селянской спилки) Полтавщины чем-то не угодил Болбочану и был разогнан.

Петлюра понимал, что Болбочан подрывает доверие жителей Левобережной Украины к новой республиканской власти, но ничего не мог сделать... Болбочан был единственной реальной военной силой на Левобережье и «укротить» его, до взятия Киева, было делом практически невозможным.

Тем более что Болбочан в телефонном разговоре с Петлюрой уверял, что рабочие находятся с ним «в согласии»,

что он даже разрешил рабочие дружины... Через Болбочана Петлюра надеялся наладить связь с Антантой, когда в Харькове появился консул Нидерландов, он обещал помочь в налаживании таких связей. Вместе с тем Петлюра предупреждал Болбочана: «Мы должны быть готовы и к активному отпору Антанте, если она будет навязывать нам свою волю». Петлюра, опережая события и не принимая в расчет реального положения, предлагал Болбочану захватить Дебальцево и Донецкий угольный бассейн, а также попытаться пробиться в Крым.

Но в Киев частям Болбочана было запрещено вступать «во избежание конфликтов». Боясь погромов, грабежей и прочих «эксцессов», Петлюра приказал дивизиям атаманов Зеленого, Данченко и Черноморской дивизии также прекратить наступление на Киев и дал команду «вступить» в Киев только силам дисциплинированных «любимых» сечевых стрельцов Коновальца, которые не были замечены в погромах и грабежах.

После того как Болбочана лишили «киевского парада», он возненавидел не только Петлюру, но и Коновальца, заявляя, что роль сечевых стрельцов «будет иметь фатальное влияние на развитие ситуации». Атаманы Зеленый и Доценко, тоже лишенные «парада», стали врагами Петлюры.

Винниченко, а с ним и Макаренко, уже в первых числах декабря требовали от Петлюры немедленно отстранить Болбочана от командования корпусом. Но Петлюра на это не пошел, хорошо понимая, что такой шаг может вызвать бунт в армии и отпадение Левобережья от УНР...

В ночь с 12 на 13 декабря начался общий штурм Киева войсками Петлюры. Войска, верные гетману, составляли не более 3 000 штыков и сабель при 43 пушках и 103 пулеметах; петлюровцев, шедших на штурм было в десять раз больше.

14 декабря в Киев со стороны Пост-Волынского ворвались части сечевых стрельцов. К 16.00 стрельцы, захватив железнодорожный вокзал, приблизились к Крещатику. Они уже не встречали никакого сопротивления врага... В то же время, возмущенные недоверием к ним Петлюры, повстанцы атамана Зеленого не выполнили приказа, прорвались в центр Киева, где их остановил пулеметный огонь гетманцев.

Около 13.00 во дворец Скоропадского прибыла делегация умеренных украинских и земских деятелей — с целью

уговорить гетмана прекратить кровопролитие. Когда гетман попросил у них совета, делегаты предложили немедленное отречение... В 13.30 командование гетманцев приказало войскам оставить позиции и разойтись по домам. В 14.00 Скоропадский подписал манифест, подготовленный украинской делегацией, об отречении от власти и выехал из своего дворца в неизвестном направлении. Вскоре появился еще один документ, подписанный уже правительством гетмана, в котором министры объявляли о том, что «передали власть Директории».

Некоторое время Скоропадский прятался в Киеве. Петлюра знал о месте его нахождения, однако не выдал его, связанный масонской клятвой. Через несколько дней Петлюра позволил Скоропадскому инкогнито выехать из столицы в Германию вместе с немецким эшеленом. Только 17 декабря Директория огласила документ об объявлении Скоропадского «вне закона» и о конфискации всего имущества гетмана.

К 20.00 14 декабря весь Киев оказался в руках Директории. На следующий день состоялся парадный вход частей Осадного корпуса в Киев. С этого времени вся полнота власти в Киеве была передана Директорией по требованию Петлюры командованию сечевых стрельцов. С политической точки зрения это было выгодно Петлюре, так как сечевые стрельцы пока еще во всем поддерживали Главного атамана.

Стрельцы арестовали гетманских генералов и министров во главе с премьером Гербелем и «заклучили» их под домашний арест в шикарной гостинице «Версаль» в центре Киева.

Интересно, что Петлюра собирался въехать в Киев как триумфатор уже 15 декабря во главе парада стрельцов. Однако Винниченко запротестовал, начал угрожать отставкой, потребовав, чтобы Петлюра не «выставлял свою персону» и въехал в Киев вместе с другими членами Директории. Тогда Винниченко был возмущен тем, что Петлюра планировал принять парад войск, восседая на белом коне, которого ему подарили повстанцы еще в Фастове. Чтобы не «дразнить гусей», Петлюре пришлось приехать на парад на обыкновенном автомобиле.

Директория прибыла в Киев только 19 декабря. В этот день были организованы праздничные манифестации, молебен, состоялся грандиозный парад войск на Софийской площади. Толпы народа и войска приветствовали всех

членов Директории, но активнее всех — Петлюру. Украинское духовенство во главе с архиепископом Вишневецким, выйдя из ворот Софийского собора, пропело «многие лета» Директории...

Главный атаман, выйдя из авто, подошел к процессии священников, опустился перед архиепископом на колени в снег и поцеловал протянутый ему крест. Собравшиеся на площади видели, как слезы радости катятся по щекам Симона Петлюры... Народное ликование вскружило голову победителям, и они решили, что в Киеве Директория «всерьез и надолго».

Первый свод законов новой власти — «Декларация о временном устройстве» — был обнародован только через двенадцать дней после обретения власти Директорией. Эти законы нужно было принимать еще до взятия Киева. Винниченко, под редакцией которого писалась «Декларация», опять не успел... Однако этот документ больше запутал людей, нежели разъяснил новый политический курс. Он провозгласил не только возобновление республики и большинства законов Центральной Рады, но и неизвестный компромиссный «трудовой принцип», который вел к отказу от всеобщего избирательного права. Во внешней политике — избрание «нейтралитета», что только спутало все политические карты. В то же время четко и окончательно так и не был решен главнейший для 90% повстанцев вопрос о земле.

В день провозглашения «Декларации» был объявлен и новый Кабинет министров УНР. Он был построен по принципу «широкой коалиции», но постоянное выяснение партийных позиций между министрами совсем не способствовало плодотворной работе. В новом кабинете были представлены как «левые» украинские партии: 6 министров эсдеков, 5 — эсеров, так и умеренные политики, которые захватили почти половину министерских портфелей: 5 «самостийныкив», 4 федералиста. К Антанте правительство поворачивалось «умеренным боком» — «боком» сторонников широкой демократии, а Кремлю рекламировалось «левое большинство» и борцы за «советский принцип».

Премьер правительства — эсдек Владимир Чеховской — был «всем хорош», чтобы понравиться Кремлю. Революционер, входивший вместе с большевиками в один повстанческий штаб, сторонник советской системы и союза с Красной армией, пацифист, стремившийся соединить

христианство и марксизм... Ан нет, не пришлось даже он ко двору! Большевикам не нужны были союзники, им требовалась «вся полнота власти» и своя безраздельная диктатура в Украине. И не хотели они властью делиться с какими-то «провинциальными меньшевиками».

Справка: Чеховской Владимир Моисеевич (1876—1937) — из семьи православных священников, окончил духовную Академию, работал преподавателем семинарии, депутат Первой Государственной Думы. Член РУП, УСДРП, масон. В 1917—1919 гг. — член Центральной Рады, политический комиссар Одессы, член Национального союза, премьер-министр УНР. Советник митрополита Украинской автокефальной православной церкви, «благовестник» (проповедник). В 1929 году репрессирован, осужден на 10 лет лагерей за «контрреволюцию», расстрелян в 1937 г.

Этого упорно не желали понимать ни «фантаст» Винниченко, ни «богослов» Чеховской.

Винниченко и Чеховской, занимаясь международной политикой, постоянно везде опаздывали. Они опоздали с отправкой украинской делегации на Парижскую мирную конференцию, которая перекраивала карту мира, опоздали отослать делегацию в Москву, чтобы выяснить отношение ленинского правительства к Директории.

Совет министров был «ответственный перед Директорией», иногда дублировал ее функции, причем «директора» частенько просто игнорировали министерства, самостоятельно решая государственные дела, издавая и проводя в жизнь важнейшие законы.

Еще в ноябре 1918-го был объявлен закон о всеобщей мобилизации, но он не работал по причинам отсутствия амуниции, оружия и офицеров для развертывания регулярной армии в 130 тысяч человек, как намечал Петлюра. К тому же крестьяне не хотели быть мобилизованными и частенько поднимали восстания против насилия «военных вербовщиков». Тех, кого успели мобилизовать (до 40 тысяч человек), зимой загоняли в холодные казармы, и они ждали обмундирования и оружия неделями, морально разлагаясь и становясь удобной «добычей» для большевистской агитации.

После вступления войск Директории в Киев, в атмосфере победы и праздника, началась выработка новой, мало связанной с реальностью военной стратегии. Тогда казалось, что у Директории уже имеется внушительная армия

в 100 тысяч человек, но мало кто понимал, что больше половины из этого числа (до 60 тысяч человек) представляли собой плохо организованные отряды восставших крестьян. После захвата Киева эти «стихийные» полки очень скоро стали расходиться по домам.

Петлюра, будучи Главным атаманом с функциями «генералиссимуса», подмял «под себя» военного министра, руководя не только строевыми частями на фронтах, но и всей административной частью армии. Через военных комендантов и атаманов Петлюра контролировал и местную администрацию сел и городов (как в случае с Киевом в декабре 1918—январе 1919-го). Он активно выступал против политического контроля Директории в армии, считая, что такой контроль ослабит его влияние и влияние преданных ему командиров на солдат и снова приведет к солдатским бунтам.

Штаб Петлюры находился в переполненном отеле «Континенталь», где в двух скромных номерах и жил с семьей сам Главный атаман, предпочитающий «спартанскую обстановку» роскоши. В соседних номерах жили лидеры сечевых стрельцов Коновалец, Мельник, некоторые другие офицеры. В это время сибарит Винниченко занимал просторные хоромы гетманского дворца.

Уже 19 декабря Петлюра собрал в своем штабе основных командиров: Болбочана, Оскилко, Осецкого, Александра Шаповала, Васыля Тютюнника с целью немедленного утверждения новой военной доктрины. Генерал Осецкий со свойственным ему холерическим темпераментом выдвинул план, соответствующий «нейтральной» политике Директории: армия УНР обороняется по всем границам Украины от большевиков, белоказаков, армии Антанты, армии Польши. На этом заседании была оглашена ложная информация (дезинформация?) о том, что Советская Россия переживает кризис в связи с нарастанием гражданской войны и не нападет на УНР еще месяца два-три. Генерал Осецкий, в связи с отсутствием опасности на восточных границах УНР, предлагал все резервные силы бросить против вторгшейся в пределы ЗУНР и УНР с Запада польской армии. К середине декабря польская армия захватила Холмщину, украинское Западное Полесье, западные уезды Волини. Петлюра даже предложил план совместного с Галицкой армией выступления против Польши. Петлюра считал, что объединенная армия УНР и ЗУНР сумеет выгнать польскую армию из Львова, Пере-

мышля, с Волыни, Холмщины, а после победы над поляками объединенная армия УНР и ЗУНР сможет отбить любую агрессию Красной армии.

Но такие заявления были только следствием незнания реальной обстановки как в армейских частях УНР, так и на границах республики.

Этот утопичный план тогда, после неожиданной и полной победы, казался достаточно реальным. Только Болбачан, раскритиковав его, предложил для начала заключить оборонный союз против большевиков с Донским казачьим правительством.

Но большинство командиров надеялось на замирение с Красной армией и Антантой. Будущее виделось им безоблачным и мирным. Да и политики убеждали, что они смогут, используя противоречия между Парижем и Москвой, обыграть Антанту и Советскую Россию, используя их противостояние во благо молодого государства по принципу «хороший теленок двух мамок сосет».

Командиры отмахивались от неприятной им реальности, хотя большевистские власти уже развернули враждебные действия против Директории на восточных границах. Еще в конце ноября 1918 года советские партизанские отряды, выступив от нейтральной линии под предлогом борьбы против гетмана, заняли приграничный десяти тысячный украинский городок Новгород-Северский.

ГЛАВА 13

ВТОРАЯ ВОЙНА ПРОТИВ «КРАСНЫХ» 28 декабря 1918 г.—1 февраля 1919 г.

После затяжных рождественских праздников 30 декабря 1918 года собралось новое расширенное заседание штаба Петлюры. За последнюю неделю положение на восточной границе УНР резко изменилось, а эйфория легких побед развеялась, как дымок от шампанского. С 28 декабря против частей Директории выступили хорошо организованные и хорошо вооруженные части, которые называли себя советскими украинскими партизанами. Штабисты, излагая «свежие» настроения большинства офицеров, стали уже доказывать, что воевать на всех фронтах одновременно просто невозможно... Да еще с потенциально сильными противниками. Командующие предлагали Петлюре срочно «нейтрализовать» Антанту или склонить ее к военной поддержке УНР в борьбе против большевиков.

Да и сам Петлюра разделял подобные взгляды, надеясь на помощь Антанты как на избавление. На заседаниях Директории Петлюра постоянно выступал против возможной капитуляции украинской армии перед большевиками, не напрасно опасаясь, что Винниченко может склониться к полной «сдаче» УНР. Опасность заключалась и в том, что из-за постоянных споров в Директории, новой военной доктрины на политическом уровне так и не было выработано. У Винниченко была «своя» доктрина, а у Петлюры — «своя»...

Петлюра, в декабре 1918-го, еще успокаивал себя тем, что на Украину ворвались только лишь самостоятельные «партизанские добровольцы», советские отряды самопровозглашенного украинского правительства хорошо ему известного «авантюриста Пятакова», а не регулярные части Красной армии РСФСР. Отсутствие у Директории серьезной военной разведки и резидентуры в Москве сильно повлияло на дальнейшие события. Ведь о реальных пла-

нах Кремля не знал ни один из «директоров». Винниченко в начале января еще продолжал убеждать «директоров» и министров, что нападения со стороны Советской России «ошибочны» и ведутся они только анархическими бандами. Глава Директории еще сохранял веру в «слово большевика»... Он все еще надеялся на обещания Раковского и Мануильского, которые убедили Винниченко в том, что Советская Россия не только окажет помощь «группе Винниченко» в борьбе против гетмана, но и обязательно признает новую власть украинских социалистов и независимость УНР, не будет вмешиваться во внутренние дела Украинской республики.

До 15 ноября 1918 года столкновения на границе Винниченко еще объяснял ретивым выполнением обещания Мануильского помогать восставшей Директории «стычками с гетманцами на границе». Но после взятия Киева пограничные конфликты не прекратились, а становились все более масштабными и постоянными.

На восточной границе УНР в декабре 1918 года располагались небольшие военные силы Директории под общим командованием полковника Болбочана. На Черниговщине стояло только около 3700 солдат УНР, со стороны Харьковщины УНР прикрывали 6100 солдат, и в тылу Левобережного «фронта» находилось еще тысяч девять «запасных» и малонадежных повстанческих частей.

Этому «восточному фронту», с конца декабря 1918-го стали противостоять повстанческие отряды анархиста батка Нестора Махно.

С конца декабря 1918-го с юго-востока на Левобережье УНР стали наступать белогвардейские войска. Пользуясь полным хаосом, царившим на юге во время восстания, «белые» захватили Мариуполь, Бердянск, Дебальцево и всю территорию Донбасса. Став хозяевами этого района, командование белогвардейцев решило не предпринимать широкого наступления в глубь Украины.

На западе УНР также появился опасный враг — польские войска.

Но самыми опасными для Украинской республики были советские «партизанские» войска, сконцентрированные в нейтральной зоне. Начиная с сентября 1918-го в нейтральной зоне между границами Украинской державы и РСФСР собираются крестьяне-беглецы с Украины, солдаты-дезертиры из частей гетмана и Директории, разбойничьи груп-

пы, антигетманские повстанцы из отрядов, что скрылись там после разгрома Звенигородско-Таращанского восстания... Туда же прибыл отряд «красных казаков» Виталия Примакова. Местные жители это разношерстное беспоконное воинство называли «волками».

Вскоре из отрядов партизан был создан полк имени товарища Богуна и Таращанский полк. Именно на основе этих двух соединений начала формироваться Украинская повстанческая армия (группа Курского направления в составе Красной армии РСФСР) в составе двух дивизий (общим числом в 4 тысячи штыков и сабель) под началом неизменного «украинского специалиста» — бывшего командующего советскими войсками Украины Владимира Антонова-Овсеенко.

Уже 11 ноября ЦК РКП(б) решил инициировать советское восстание в Украине и к 22 ноября выйти в поход против гетмана. 18—24 ноября фиксируются первые серьезные столкновения на границе с Украиной, которые привели к захвату нескольких украинских сел и городков Рыльск и Суджа. Красная армия и советские повстанцы угрожали 350-километровому фронту, что удерживали войска Директории под командованием Болбочана.

Однако восстание Директории и особенно десант Антанты в Крыму и Одессе спутали все карты, и общий поход решено было отменить до «выяснения всех обстоятельств».

28 ноября в местечке Суджа, что на северо-востоке Черниговщины, у самой границы, было самопровозглашено, очевидно даже без разрешения Ленина, Советское Временное правительство Украины (во главе с Григорием Пятаковым). Это правительство, под началом которого находилось тысяч двадцать местных жителей приграничья, провозгласило свой манифест о «возобновлении» Советской власти на Украине. К началу декабря 1918-го в двух повстанческих дивизиях, которыми надеялось управлять правительство Пятакова, состояло уже около восьми с половиной тысяч штыков и 1400 шашек, при 18 пушках и 130 пулеметах. Эти дивизии были практически полностью сформированы из выходцев с Украины, которые свое враждебное отношение к гетманскому режиму перенесли на режим Директории. Это был «горючий материал» повстанческой вольницы, эти люди мечтали вернуться в свои села «победителями».

С 13 декабря части 1-й Украинской советской повстанческой дивизии были направлены в Украину. Распропа-

гандировав охрану границ УНР, что еще состояла из немецких солдат, повстанцы заняли приграничные позиции без боя. До 25 декабря, таким образом, были захвачены местечки северо-восточной Черниговщины: Новгород-Северский, Рыльск, Суджа, Шостка, Клинцы, Семеновка, Новозыбков.

Первые серьезные бои, за местечки Городню и Сновск на Черниговщине, между «красными» повстанцами 1-й Украинской советской дивизии и петлюровцами, начались только 28 декабря 1918 года.

2-я Украинская советская дивизия повстанцев перешла в наступление на Харьков, захватив Белгород (находился в составе Украины с мая 1918 г.). После трехдневного кровавого боя у станции Казачья Лопань 28 декабря 1918 года «красные» захватили Гайворон и подошли вплотную к Харькову.

С севера, с территории Белоруссии, на украинское Полесье также наступали подразделения Красной армии (более 7 тысяч штыков) — в направлении на Коростень и Сарны. Задание этим частям было такое: выйти в тыл войскам Петлюры и попытаться отрезать Киев от Правобережной Украины.

Успехи Украинских советских дивизий были связаны с тем, что в декабре 1918-го из России им были приданы Московская рабочая и 9-я стрелковая дивизии, Орловская кавалерийская бригада, отряд балтийских матросов, три полка Красной армии и подразделения из «интернационалистов»: латышей, венгров, китайцев (всего около 14 тысяч человек). Можно сказать что на начало января 1919 года части, вторгшиеся на Украину, (22—28 тысяч штыков и сабель), на одну треть комплектовались из украинцев-повстанцев, которые с 4 января 1919 года стали красноармейцами и подчинялись распоряжениям Троцкого, а на две трети — из бойцов Красной армии, «подданных» РСФСР, оказывающих «интернациональную помощь» Украине. Пушки, пулеметы, боеприпасы, обмундирование передала Украинским советским дивизиям также Красная армия Троцкого.

В ответ на вторжение 31 декабря 1918 года премьер УНР Чеховской отправил в Москву ноту протеста против продвижения в глубь Украины с российской территории «целых дивизий». В ноте требовалось немедленно отозвать

эти войска с Украины. Однако Москва хранила полное молчание. На новую ноту от 3 января 1919 года Киев также не дождался ответа.

За эти дни «красные» уже глубоко вклинились в оборону петлюровцев. Большевики захватили Харьков, и вскоре туда переехало новое советское правительство Украины. Болбочану удалось в последний момент скрыться из Харькова, но он был вынужден выполнить ультиматум немцев — в течение суток вывести войска УНР из Харькова на расстояние в 24 километра. 3 января 1919 года в опустевший Харьков торжественно вошли войска Красной армии. Это была уже война, а не стычки на границе...

Болбочан по прямому проводу умолял Петлюру дать конкретные указания для обороны, объявить войну Советской России, прислать на Левобережье надежные войска для контрнаступления. Но Винниченко не давал «добро» на широкомасштабные акции против «войск вторжения». Он все еще боялся «дразнить» Кремль.

4 января, после получения сведений о падении Харькова, Винниченко экстренно созвал всех представителей правительственных партий. Большинство «партийцев» предлагало идти на всевозможные уступки Москве, вплоть до подписания военно-политического союза и установления советской системы управления на местах. Было решено в обмен на мир пообещать Москве свободу деятельности большевистской партии в УНР, отказаться от переговоров Украины с Антантой и даже заключить союз с Красной армией в борьбе против белогвардейцев... В Москву было решено немедленно отправить «мирную» делегацию.

Премьер Чеховской взывал: «Скажите Москве, что мы социалисты, стоим за власть трудового народа...» В тот же день была отослана в Москву новая, уже третья нота. Но Москва продолжала молчать, выигрывая время для своих побед.

Петлюра тогда возглавил «партию войны», видя, что не только фронт, но и тыл разваливаются при первом же ударе с востока. Он издал приказ о выселении с Украины всех врагов власти Директории, преимущественно большевистских агитаторов. Этот приказ вызвал возмущение «левых» социалистов, которые уже ранее с негодованием встретили более жесткий приказ Коновальца по Киеву о немедленном расстреле агитирующих против власти, без суда и следствия.

Только 6 января 1919-го пришел долгожданный ответ из Москвы, однако он не решал никаких проблем. Из Москвы сообщали о том, что войска Советской России вообще не воюют против УНР, а войск РСФСР, Красной армии, на Украине нет. Авторы телеграммы лживо утверждали, что военные действия против УНР проводят только части, которые подчиняются Советскому правительству Украины.

В этот же день Винниченко, полностью дезориентированный ответом из Москвы, созвал Шестой съезд партии УСДРП, на котором главным вопросом стоял вопрос «об отношении к войне». Сначала, под влиянием группы «независимых» эсдеков, съезд склонялся к объявлению власти Советов на Украине и к союзу с «красными» любой ценой. Но екатеринославская, полтавская и киевская местные организации УСДРП возражали против «советской» платформы. Всех присутствующих на съезде тогда поразило неожиданное выступление Винниченко, который неожиданно круто изменил свои прежние взгляды и резко высказался против «советофильства».

После выступления своего лидера — Винниченко — съезд эсдеков принял решение отказаться от полной капитуляции перед большевиками. Петлюра не был на съезде, он в это время находился на фронте, но солидаризировался с решением съезда, считая, что в УНР еще есть силы для борьбы.

Только после решения съезда Директория под давлением Петлюры отважилась на ультиматум ленинскому Совнаркому (от 9 января). В нем доказывался факт нападения на УНР, а Совнаркому РСФСР предлагалось в течение 48 часов честно ответить, «идет война или нет», согласится или нет Советская Россия прекратить военные операции, вывести свои войска с территории УНР и начать мирные переговоры. Директория угрожала, что если до 12 января она не получит положительного ответа на этот ультиматум, то будет считать подобное молчание объявлением войны. Под этим решением подписались все члены Директории, даже всеми силами желавший не допустить войны Винниченко.

На следующий день Чичерин (нарком иностранных дел РСФСР) прислал ответ, в котором вновь утверждалось, что частей РСФСР на Украине нет, а против Директории ведут борьбу восставшие украинские рабочие и крестьяне. Чичерин требовал прекратить всякие переговоры с Ан-

тантой, коренным образом изменить политику. Вместе с тем Чичерин заявил, что ленинское правительство готово к мирным переговорам. Умели советские дипломаты тянуть время, помогая своими «хитростями» советским войскам...

А Винниченко встал уже «второй раз на те же грабли». Ситуация годичной давности в отношениях с ленинским правительством полностью повторилась. В Москве, как год назад, заявляли, что Красная армия на Украине не воюет, повергая осторожное правительство Украины в состояние бездействия, деморализуя армию УНР.

Антагонизм между Петлюрой и Винниченко, их совершенно разные подходы к войне, затягивание решений «о войне» приводили к тому, что командиры петлюровских частей просто не знали, на какую политику, Винниченко или Петлюры, ориентироваться при ведении военных операций. Петлюру в его «жесткой линии» поддерживал «директор» Андриевский, Винниченко поддерживал Макаренко, а Швец постоянно искал компромисс между этими двумя группами. Винниченко уже догадывался, что реальная власть незаметно перетекла в руки Петлюры и не только потому, что стрельцы контролировали столицу...

Винниченко стал опасаться военного переворота или покушения на свою жизнь со стороны военных, которые открыто высказывали свое недовольство его политикой и его «подозрительной» штатской «особой». По Киеву ползли слухи о бессудных расстрелах большевиков, что проводили то ли команды стрельцов, то ли глава Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией Ковенко. В пригородах Киева были найдены три трупа большевиков, расстрелянных без суда и следствия.

Лидеры стрельцов, по свидетельствам генерала Грекова, «вели себя вызывающе, полудиктаторски и выступали за Петлюру». Виктор Андриевский, свидетель январских событий в Киеве, вспоминал, что офицеры и просто киевские обыватели искали «козла отпущения», виновника всех бед Директории, и Винниченко полностью подходил для этой роли. Люди пересказывали свежееиспеченные анекдоты о «товарище Володе и его супруге — товарище Розе Лифшиц, что угнездились в гетманском дворце» (о чете Винниченко), приписывая жене Винниченко непомерную тягу к роскоши и связь с руководством большевиков. Тогда в Киеве можно было услышать такие речи: «Нужно

выкинуть Винниченко с его женой! Именно она ведет всю политику. Она договорилась с большевиками. Она сама большевичка и продает Украину своим московским приятелям!»

Сама логика войны ведет к тому, что во время решительных боев, введения военного или осадного положения усиливается военная власть. В ожидании созыва непредсказуемого Трудового конгресса Петлюра, возможно, всерьез стал готовиться к перевороту. Он решил, что если конгресс окажется большевистским и выскажется за ликвидацию самостоятельности Украины, разогнать конгресс силой или арестовать наиболее «советских» лидеров конгресса, вместе с премьером Чеховским и Винниченко.

Для того чтобы ограничить влияние Петлюры в армии, Винниченко и Чеховской решили назначить новым военным министром, вместо любимца Петлюры генерала Осецкого, волевого, независимого и авторитетного генерала Грекова.

10 января командующий Левобережным фронтом полковник Болбочан докладывает в штаб Петлюры о военной катастрофе Запорожского корпуса, о сдаче Люботина и отходе на Полтаву и Лозовую. Болбочан начал вести «свою игру», избегая решительного боя и отдавая уезд за уездом Красной армии. Возможно, такие действия были связаны с настойчивыми требованиями полковника немедленно заключить военный союз с белоказаками и белогвардейцами. Возможно, непредсказуемый полковник сознательно стремился к военным неудачам, которые, по его мнению, ускорили бы кризис Директории и переход к союзу с «белыми», поляками и Антантой.

«Пусть Киев начнет шевелиться, пусть все откровенно посмотрят опасности в глаза и тогда увидят, что нужно идти не на компромисс с большевиками, а решительно с ними бороться», — утверждал Болбочан. Петлюра пытался «выпрямить» фронт, посылая на Левобережье «свежие» полки из новобранцев, но они были плохо организованы и распались еще в походе, а остатки этих полков Болбочан приказывал разоружать — по причине их «большевистского разложения».

Во владениях Болбочана практически перестали действовать законы Директории, а «порядки» были больше похожи на военную диктатуру Деникина, только с примесью «национального колорита». Такой политикой Болбо-

чан настроил против себя большинство полтавских и харьковских эсеров, эсдеков, «незалежных» эсдеков, «боротьбистов», но главное, против Болбочана выступили крестьянские массы. На Полтавщине в начале января 1919-го вспыхнуло настоящие крестьянское восстание против режима Болбочана.

А 15 января восстали против Директории две ее собственные Днепровские дивизии атамана Зеленого и атамана Данченко. Первая — по причине нежелания выступать на фронт против «красных», вторая — из-за нежелания выступать на фронт против польской армии. Эти дивизии стояли под Киевом и создали непосредственную реальную угрозу столице. Только к 24 декабря сечевым стрельцам удалось разгромить эти дивизии. Хотя победа над ними была относительной — фронт оголился, повстанцы затаились и могли в любой момент вновь взяться за винтовки.

«Необъявленность» войны, государственный хаос, активная агитация большевиков приводили к неподчинению приказам Петлюры, к общему разложению в армии, к «безобразию» частей, которые превращались в разбойничьи банды. Андриевский писал: «Атмосфера безвластия, вечного страха перед большевиками, что со всех сторон все ближе подходили к Киеву, губительно отражались на настроении общества. Вокруг, с разных сторон, все громче слышались нарекания на власть».

16 января Болбочан, разуверившись в обороне Полтавы, отводит свое войско дальше на запад, на Кременчуг. В свое оправдание он докладывает Петлюре, что подкрепления, которые шлет Киев, «я не имею времени разоружать, потому что это сброд, а не войско...». Болбочан еще мечтает о союзе с Антантой, о «трех дивизиях французов», которые, по его мнению, способны спасти Украину. Отведя войска на Кременчуг, Болбочан предал интересы республики, потом проигнорировал приказ Главного атамана оборонять «до последней возможности» железную дорогу Полтава—Киев. Вместо сопротивления «красному» наступлению Болбочан открыл прямой путь Красной армии на Киев.

Уже на заседании Трудового конгресса Винниченко обрушился на Болбочана, на которого свалил не только «реакционность», «правый заговор», «самостоятельные переговоры с Донским правительством», но и вину за потерю Левобережья. В январе ходили упорные слухи о том, что Болбочан, которого поддерживают часть офицеров,

партии хлеборобов-демократов, хлеборобов-собственников и «заговорщик» Михновский, собирается провести государственный переворот.

25 января 1919 года Петлюра был вынужден отдать приказ об аресте Болбочана.

После отвода «болбочановских» войск (5 тысяч бойцов) Полтавскую железную дорогу и киевское направление осталось прикрывать только 4 тысячи бойцов. Столько же прикрывало Черниговскую железную дорогу. В Киеве, в резерве, находилось еще 6 тысяч человек.

Всего около 8 тысяч петлюровцев противостояли наступающим на Киев 17 тысячам красноармейцев. К «красному» наступлению присоединились 4—5 тысяч полтавских и черниговских крестьян-повстанцев и перебежчиков из армии УНР. Огромную опасность для Директории составляла потенциальная возможность большевистского восстания в рабочих районах Киева. Эта опасность заставляла постоянно удерживать в Киеве не менее четырех тысяч «надежных штыков».

Петлюра требовал, еще с начала января, немедленно огласить войну Советской России, угрожая, что если этого не случится, то он не может ручаться, что уже в конце января большевики не будут в Киеве. Но Винниченко все ждал вестей от своей делегации в Москве.

Так и не дождавшись этих вестей и не видя хотя бы приостановки наступления «неизвестных» войск, Директория 16 января все же объявила войну Советской России. Интересно, что даже премьер Чеховской не был проинформирован о решении Директории начать войну и узнал о ней из газет. Он заявлял, что «как верующий человек» не имеет права посылать войска на войну, продолжал протестовать против войны, предлагая пойти на любые уступки большевикам.

Но «красные» уже обосновались в Полтаве и Чернигове... Директория была вынуждена передать Петлюре единоличное управление всеми военными делами, в которые больше не имели право вмешиваться даже члены Директории. Этим решением Винниченко думал обезопасить свой имидж в случае полного поражения армии и предстать перед большевиками только как «чистый политик».

В день объявления войны случилось еще одно заметное событие. Совет сечевых стрельцов, части которых были единственной реальной военной силой в столице, предло-

жил изменить правление УНР и вместо Директории утвердить военную диктатуру — военный триумvirат в составе Петлюры и галичан Коновальца и Мельника. Эта диктатура, по мнению стрельцов, призывалась для организации обороны страны и установления военного союза с Антантой.

На государственном совещании, которое было немедленно собрано, в связи с ультиматумом стрельцов, требовалось решить, по какому пути пойдет УНР: диктатуры военной, диктатуры пролетариата или продолжит старую политику шаткого демократизма. Был еще один путь — передать власть Трудовому конгрессу, но его еще нужно было собрать. К удивлению стрельцов, против диктатуры высказалось большинство собравшихся. Сам Петлюра не только отказался от нее, но и заявил, что своей рукой застрелит того, кто будет требовать смены демократии диктатурой. Растерявшись от демарша стрельцов, министры и «директора» предложили было ввести в состав Директории Евгения Коновальца, но стрельцы почему-то отказались от такой уступки.

Совещание выявило полное несовпадение взглядов. Многие политики со страхом ждали возможных «неожиданностей» от будущего Трудового конгресса. Эсеры и часть эсдеков предлагали на конгрессе ввести советскую систему. Другая часть эсдеков думала ограничить права Трудового конгресса только совещательными функциями. Часть эсеров призывала к возрождению Центральной Рады как парламента страны, к призыванию во власть «обиженного старика» — Грушевского.

Примерно за неделю до совещания лидеры сечевых стрельцов уже предлагали установить единоличную власть «во имя спасения Украины», сначала персонально Винниченко, а когда тот отказался, то и Петлюре. Но Петлюра также отказался от личного диктаторства. Он умел ждать своего часа.

А «фантаст» Винниченко все еще надеялся на положительные результаты переговоров с Москвой, хотя уже был готов послать тайную миссию к французским интервентам в Одессу, «захваченный мыслью, как украинцы будут уничтожать большевиков, когда получат от французов мифические «фиолетовые лучи» и танки».

23 ноября 1918 года англо-французская эскадра вошла в порт Севастополя. В тот же день было заявлено, что

французское командование признает на Украине власть гетмана, однако в то же время стремится к воссозданию единой России. Французы делали основную ставку на белогвардейцев, как на силу, способную противостоять большевикам.

Через три дня на рейде одесского порта появились первые суда Антанты. А в начале декабря в Одессу уже прибыли войска: французская дивизия и тысяча сербских солдат. 17 декабря корабли Антанты замаячили на рейде Николаева.

Еще в начале декабря 1918-го Петлюра так объяснял ситуацию: «Наше задание поставить Антанту перед такими фактами, которые мы будем своими силами создавать». Французов было решено поставить перед свершившимся фактом перехода всей власти в стране от гетмана к Директории.

17 декабря французский десант высадился в Одессе и помог местному белогвардейскому отряду генерала Гришина-Алмазова выбить войска Директории из города. И хотя командующий частями Директории Иван Луценко предлагал собрать силы и «сбросить французов в море», Петлюра приказал прекратить всякие боевые действия против войск Антанты и, во избежание международного конфликта, отступить от Одессы на 20 километров. Вмешательство французов в гражданскую войну на Украине и помощь «белым» повергли в растерянность лидеров Директории, и особенно Петлюру, который еще надеялся на личную дружбу французов. Одна из первых тайных миссий, что пришла из Киева в Одессу на переговоры с французами еще 1 января 1919 года, была миссия А. Галипа. В Киеве в январе 1919-го тайно побывал посланец французов Д. Андро-Ланжерон. Но до середины января 1919-го французы ориентировались на генерала Деникина с его курсом на «Единую неделимую Россию». С середины января 1919 года отношение французов к Деникину заметно охладело, и они решили проводить «новый курс». Деникинская разведка «Азбука» (глава В. Шульгин) сообщала в Екатеринодар, что в Одессе наметилось «сближение французов с украинцами», проявился «курс на украинцев», на создание особого Южнорусского краевого правительства, которое было бы в полной зависимости от французских властей (в отличие от режима генерала Деникина, который зависим от Англии). По приказу французского командования была прекращена антиукраинская пропаганда в Одессе. Фран-

цузы надеялись на «обновление Директории», на ее отказ от проведения революционного земельного закона, и на включение в нее трех представителей «правых украинцев».

Надежды на «потепление» в отношениях с французами появились у Директории только 13 января 1919 года, когда на смену никого не представляющего самозванного «французского консула» Энно власть над войсками французов в Одессе официально перешла к генералу д'Ансельму. Уже на следующий день у этого французского генерала появилась украинская миссия генерала Грекова, что была отослана по приказу Винниченко. Но д'Ансельм не признал миссию Грекова как официальную и представительскую. Очевидно, Винниченко пытался наладить переговоры в глубокой тайне от Кремля и не снабдил ее никакими документами. Только после объявления войны Советской России эти переговоры можно было не скрывать.

В то же время возможно, что генерал Греков предварительно все-таки договорился с французами, пообещав им, что УНР войдет в Федеративную Россию. Французы тогда стали активно настаивать на введении в Директорию генерала Грекова, представителей партии хлеборобов и русских политиков.

В это время «левые» украинские газеты опубликовали умелую фальсификацию — мнимый «договор Антанта — УНР», по которому Директория соглашалась на вхождение в состав единой и неделимой России, заявляла, что будет воевать против большевиков даже на территории РСФСР, создаст «правое» правительство, сформирует войско под началом французов, создаст возможности для формирования добровольческой армии в УНР и не допустит созыва Трудового конгресса. Появление такой фальшивки было нужно большевикам для новых обвинений в «буржуазности» и «измене» Директории и лично Петлюры. «Левые» надеялись властью Трудового конгресса отстранить Петлюру от руководства войсками. Эта фальшивка подействовала на многих украинских революционеров. Так, атаман Григорьев захотел ей поверить и выступил как против подобного договора с Антантой, так и против Директории.

19 января в Одессу на переговоры с французским командованием вновь выехал генерал Греков, а чуть позже к нему присоединился министр народного хозяйства Оста-

пенко и шеф прессы и пропаганды Назарук. Винниченко потом, уже в 1920-м, обманывая всех, и прежде всего новых советских друзей, «категорически заявлял», «что за все время моего пребывания в Директории, в тот период ее никаких политических переговоров (с Антантой. — В.С.) не велось...» Это был откровенный обман политика, запутавшегося во внутренних противоречиях.

Прибывшее в Одессу в те декабрьские дни новое французское командование заявило, что будет добиваться возрождения России, а об Украине не было сказано ни слова... В начале января 1919-го французы ориентировались на войска Деникина и поляков. Более того, французы требовали, чтобы украинские войска освободили для французских войск широкий плацдарм с границей Тирасполь — Бирзула (Котовск) — Вознесенск — Херсон. Директории ничего не оставалось делать, как удовлетворить это требование в качестве необходимого условия для начала переговоров.

Большевики поначалу опасались рокового военного столкновения с Антантой, стремились просто избежать соприкосновения частей Красной Армии с войсками Антанты, прибывшими на Украину. Красной армией было приказано занять Украину только до линии Киев — Канев — Черкассы — Екатеринослав. Но уже в феврале 1919 года, видя пассивность частей Антанты, «красные» решили двигаться дальше...

Киев в дни проведения Трудового конгресса вновь приобрел праздничный вид, несмотря на фатальное приближение Красной армии к столице. Гербы УНР и ЗУНР, национальные флаги, полотна с вышивками, ковры украшали балконы официальных и неофициальных учреждений. На Софийской площади, около Триумфальной арки, украшенной огромным художественным панно, собралось тысяч сорок киевлян. Всем хотелось увидеть новый военный парад. Но этот парад, в отличие от парада тридцатитрехдневной «давности», был не особенно весел. Победители неминуемо должны были стать побежденными.

В полдень 22 января на Софийской площади появились члены Директории и правительства ЗУНР, министры, делегаты Трудового конгресса, духовенство. Около Святой Софии была торжественно провозглашена единая соборная Украина — воссоединение центральной ее части с Галичиной и формально с Буковиной и Закарпатьем, ко-

торые были заняты к этому времени румынскими и венгерскими войсками.

Это был красивый и символический акт, оказавшийся, однако, далеким от реального положения вещей. Галицкие политики заявили, что реальное объединение произойдет только по решению Всеукраинского Учредительного собрания, на котором будет проголосован конкретный закон о включении ЗУНР в единую державу, а до этого Галичина должна оставаться независимой, сохраняя свой парламент, свое правительство, свою армию. Галицкие политики решили сохранить свою власть.

В пять часов вечера того же дня в роскошном здании Киевской Оперы открылся долгожданный Трудовой конгресс, что собрал 350 делегатов со всех концов УНР и ЗУНР. Сцену украшал большой золотой трезубец и национальный флаг. В момент открытия конгресса на сцену вышли Винниченко, Петлюра, Макаренко, Швец, Андриевский... весь зал встал и долго приветствовал вошедших, после чего члены Директории расселись в пяти бархатных с золотом креслах, расставленных на подмостках сцены. Они казались живыми воплощениями истории, гигантами политики, почти что персонажами из музея восковых фигур.

Но ни «директора», ни их министры не подготовили ни одного стратегического документа для решения наболевших и так долго откладываемых вопросов. В «программных» докладах легкомысленного Винниченко и Чеховского отсутствовали четкие планы на будущее и не было даже намека на определенный курс внутренней и внешней политики. «Директора» и министры пришли только «посоветоваться» с народом...

Военный министр — генерал Греков, напротив, выступил с «программной» речью, настаивая на союзе с Антантой и раскрывая опасность ближайшей сдачи Киева. Петлюра, как бы проверяя его слова, выступал с оптимизмом, заверяя слушателей, что Киевская армия сумеет защитить. Петлюра тогда был очень недоволен выступлением Грекова и сказал ему, что не позволит выступать военному министру как главе государства.

Первый день конгресса закончился шикарным банкетом, на котором Петлюра успокоил всех, сказав, что оброта Киева крепка, а помощь Антанты близка.

Конгресс принял предложение эсдеков и передал высшую законодательную власть Директории, вплоть до созыва парламента УНР. Директории, в которую шестым

членом был кооптирован Петрушевич (от Галичины), были предоставлены права формировать Кабинет министров. Конгресс хотя и решил, что «трудовые советы» (Рады) станут местной властью Украины, однако этот закон был только проголосован, но не оглашен народу. Не было реализовано и решение конгресса о национализации крупных предприятий, шахт, железных дорог. Все «социалистические» решения попросту скрыли республиканские лидеры и чиновники.

Несмотря на заверения Петлюры, уже 28 января враг был в 30 километрах от Киева, и в столице стали слышны далекие артиллерийские канонады. Работа конгресса была приостановлена, чтобы больше никогда не возобновиться. Многие делегаты поняли его бессилие, бесцельность и несвоевременность...

Положение на фронте действительно выглядело угрожающе. 12 января «красные» заняли Чернигов, который решили оборонять всего чуть более тысячи петлюровцев. 13 декабря пал Глухов, 16-го — Полтава...

Петлюра поделил действующую армию на Правобережный фронт, Восточный фронт и Южную группу с задачами: Восточному фронту — наступать на Полтаву и Чернигов, Правобережному фронту — прикрывать Киев со стороны Полесья, Южной группе — удерживать район Екатеринослава (Днепропетровска).

Но эти приказы оказались уже нереальными. 17 января, разгромив петлюровцев под Мерейфой, войска советской группы Дыбенко захватили станцию Лозовая, а через десять дней заняли Екатеринослав.

Не смирившись с поражениями, Петлюра решает отбить у «красных» родную Полтаву. Контрудар по Полтаве был проведен силами резервной двухтысячной группы сечевых стрельцов. Но захватив Полтаву, стрельцы не смогли ее удержать. Морально разложившийся Запорожский корпус Болбочана уже отступил на Кременчуг, обнажив фланги стрельцов, в то же время в соседних Черкассах и Переяславе местные гарнизоны петлюровцев восстали против Директории и разрушили тыл сечевиков. Стрельцы удерживали Полтаву только два дня...

После второго падения Полтавы штабисты убедили Петлюру, что удержать Левобережную Украину будет невозможно. Петлюра уцепился за план создания обороны по Днепру — «Днепровского вала». Этот плацдарм еще

можно было удержать, используя «свежие» части из мобилизованных новобранцев, которым было обещано по 7 десятин земли «за службу».

Во второй половине января началась постепенная эвакуация государственных учреждений из Киева. Винниченко в своем дневнике отметил, что «его» учреждения «бегут» из столицы, где большевики ожидают уже к 1 февраля. 24 января Винниченко запишет: «Я делаю все возможное, чтобы выйти из состава правительства (Директории. — В.С.). Очень уж мне трудно...» Винниченко позже откровенничал, что искать отставки начал еще до созыва Трудового конгресса, очевидно, с момента провозглашения войны, с 16 января 1918 года. Но ЦК УСДРП потребовал от него сначала провести конгресс, а уж потом думать об отставке.

Винниченко тогда, опасаясь «заговора» Петлюры, «пребывал в паническом страхе». Как свидетельствует Евгений Коновалец, Винниченко в январе 1919-го «...был уверен, что военные круги обязательно его арестуют и расстреляют, когда бы он захотел проводить в жизнь свою политическую программу». Сам Винниченко утверждал, что даже члены ЦК украинских эсдеков — ведущей партии Директории — «боялись, чтобы неконтролируемая военная власть не арестовала их ночью».

Страхи подогревались еще и слухами, в которых говорилось как о свершившемся факте, что «Петлюра и сечевики объединились со Скоропадским и арестовали Винниченко».

Хотя съезд партии УСДРП, в которой состояли Петлюра и Винниченко, и провозгласил «немедленное и полное подчинение военной власти политической», Петлюра открыто игнорировал требование своих однопартийцев. ЦК УСДРП добивался выхода своих членов из Директории и Совета министров в случае невыполнения этого требования, но все «правители» оставались на своих местах.

Впрочем, гражданское управление в Киеве уже мало что решало. В столице существовала власть военных — Осадного корпуса сечевых стрельцов. Именно стрельцы проводили обыски, аресты «чересчур левых», разрешали или запрещали собрания, вводили цензуру, разгоняли «левые» рабочие организации. И это было неудивительно, так как министерства продолжали оставаться в зачаточном состоянии. Петлюра же поддерживал и защищал «военную власть», протестуя против всякого вмешательства Директории в «военные дела», выступая против всякого политического контроля над своими частями.

В такой обстановке, когда глава Директории сам устраняется и вместе с премьером мечтает о собственных отставках, государство не в силах было организовать собственную защиту. Премьер Чеховской, поняв, что переговоры с Москвой сорвались, подал в отставку, но его, так же, как и Винниченко, упростили «поработать» до смены кабинета. За «слабость и мечтательность» Исаак Мазепа назвал Чеховского «Алешей Карамазовым на посту премьер-министра».

Начиная с 28 января в течение трех дней шел бой под Броварами, последним оплотом петлюровцев на подходе к Киеву. Первая Украинская советская дивизия стремилась сломить упорную оборону пяти тысяч защитников города. А в самом Киеве «подпольные» большевики уже готовили новое восстание.

28 января миссия Остапенко привезла из Одессы предложения Антанты, однако они были настолько шокирующими, что их решили не обсуждать до эвакуации Директории из Киева. Это безответственное решение было громадной ошибкой Винниченко, так как на шесть дней было снова отложено решение важнейших государственных вопросов.

Губительным ударом по Директории и главной причиной разгрома Днепропетровского фронта стала измена атамана Херсонской сборной дивизии УНР (до 7 тысяч штыков и сабель) Григорьева. Амбициозный атаман не пожелал входить в состав группы атамана УНР Гулого-Гуленко и отправиться на фронт под Екатеринослав против «красных», «белых» и махновцев. Увидя ошеломляющие победы «красных», Григорьев решил быть вместе с победителями. 29 января он шлет в штаб Петлюры такое заявление: «В Киеве собралась атамания, австрийские прапорщики резерва, сельские учителя и всякие карьеристы и авантюристы, которые хотят играть роль государственных мужей и великих дипломатов. Эти люди не специалисты и не на месте, я им не верю и перехожу к большевикам». С этого времени части Григорьева нападают на части, верные Петлюре, пропускают на Правобережье отряды Красной армии.

В ночь с 1 на 2 февраля Директория, штаб Петлюры и министры выехали из Киева в Винницу. Оборона по Днепру уже была неэффективной из-за измен атаманов Зеленого, Данченко, Григорьева, а также по причине прорыва «красных» войск к Житомиру, что грозило Киеву полным окружением.

ГЛАВА 14

ВРЕМЯ ВЫБОРА

2—15 февраля 1919 г.

Винница, куда подались беглецы, встретила возвращение Директории пургой и лютым морозом. Сорок четыре дня назад из этого небольшого уездного центра с семьюдесятью тысячами населения, Директория отправилась на встречу недолговечному «киевскому триумфу»... И вот безрадостное возвращение, разочарование, отчаяние.

Винниченко в своем дневнике так описал ощущения этих дней безвременья: «Теперь мы выгнанные из Киева, заплеванные сами собой... Теперь мы не имеем ни доверия, ни порыва, ни веры в себя. Навезенные из Киева чиновники пьянствуют, безобразничают, позорят нас. Приходится давать приказы, чтобы их за пьянство ловили, арестовывали и пороли шомполами...» Борец за свободу взылся-таки за шомпола и приказывал «пороть своих, чтобы чужие боялись»...

В ночь на 3 февраля в Киеве царил полнейший хаос, разложение частей петлюровцев, бандитизм. Отъезд из столицы Директории воспринимался населением как начало безвластия. Стало ясно, что Киев не удержать. Отдельные группы большевиков нападали на петлюровские патрули, все предвещало восстание.

Киев еще сопротивлялся до 4 февраля под руководством генерала Грекова и полковника Коновальца. Но их части быстро разбежались. Противопоставить двенадцатитысячному «красному» войску, наступавшему на Киев, они могли только 3 000 сечевых стрельцов, около 200 милиционеров и 500 бойцов из «сборных» отрядов. Вечером 4 февраля был отдан приказ о выводе из Киева войск Директории и их закреплении на новых позициях в 20 километрах западнее столицы (на реке Ирпень) для обороны пути с Киева на Житомир и Коростень.

Только на третий день пребывания в Виннице Директория очнулась от оцепенения. Винниченко собрал широ-

кое государственное совещание, на котором министр Остапенко отчитывался о своей дипломатической миссии в Одессе и переговорах с французами.

Требования французского командования неприятно поразили и разочаровали всех присутствующих. Французы ожидали от руководства республикой полной реорганизации Директории и Совета министров и удаления из них Винниченко, Чеховского «как большевиков» и «временного отстранения» Петлюры — как «покровителя бандитов». Позднее, считалось французское командование, можно будет вернуть Петлюру «во власть». Французы требовали этого по той причине, что слово «петлюровец» приобрело неприязненный оттенок, что было связано с бандитизмом отдельных повстанческих отрядов.

Руководителям Директории также предлагалось признать протекторат Франции, сформировать в трехмесячный срок новую украинскую армию в 300 тысяч бойцов, поставить ее под верховное руководство Антанты, передать финансы и транспортные пути под контроль Франции и принять белогвардейских офицеров в качестве военных инструкторов в украинской армии. При этих непомерных требованиях французы ни словом не обмолвились о признании самостоятельности Украины.

От стран Антанты можно было вполне ожидать, что они не признают независимость Украины. Дело в том, что в глобальных геополитических построениях Франции постоянно учитывался «германский фактор». Хотя Германия была полностью разгромлена, французское руководство не исключало возрождение «Великой Германии» под реваншистскими, антифранцузскими лозунгами. Франция хотела «обеспечить себе будущее», создав противовес «Великой Германии» на востоке. Таким противовесом, по мнению французских аналитиков, могла быть только «Великая Россия», пускай и федеративная, но способная противостоять Германии. Еще одну силу французы видели в извечном враге германского империализма, в государстве Польша, которое может быть «усилено» за счет вовлечения в него украинских, белорусских, литовских земель. По большому счету, многим французским политикам более приемлемым казалось расчленение Украины между Польшей и Россией (по границам конца XVIII века), чем поддержка независимого украинского государства, в недолгой истории которого уже было таящее неожиданности украинско-германское сближение.

Участники совещания, хотя и были возмущены требованиями французов, решили отослать новую делегацию в Одессу и продолжить новые переговоры, чтобы склонить французов к взаимоприемлемым условиям союза. К тому же сам руководитель миссии Сергей Остапенко считал, что французов можно будет уговорить стать более покладистыми.

Ожидая конкретных уступок от французов и продолжения переговоров, Винниченко и Петлюра решили не торопиться с отставкой, а дождаться возвращения следующей миссии.

К этому времени Винниченко решился на создание «правого» кабинета министров УНР, «который бы понравился Антанте» своей умеренностью, во главе с Сергеем Остапенко.

Справка: Остапенко Сергей Степанович (?—1933) — из дворян, доцент экономики, автор ряда монографий по экономике, член Центральной Рады, «умеренный» украинский эсер, министр торговли и промышленности в правительстве Чеховского. Премьер-министр УНР. После гражданской войны остался в УССР, где был репрессирован.

5 февраля в Винницу пришла телеграмма от Советского руководства, в которой большевики предлагали свой «мир», а вернее, полную капитуляцию. Директории было предложено подчиниться решению съезда Советов Украины, ввести на своей территории советскую власть, распустили армию, перейти на права частных лиц... За выполнение этих условий всем членам Директории, Совета министров и командованию армией была обещана гарантия личной безопасности и неподсудности. Такую капитуляцию «директора», без дискуссий и размышлений, отвергли, решив полностью прекратить переговоры о мире с Советской Россией, что еще тянулись в Москве.

«Директоров» обнадеживал тот факт, что французы сами предложили продолжить переговоры. Становилось ясно, что они задумали провести широкую военную акцию на Украине и сами ищут реальные силы, на которые можно было опереться. К началу февраля 1919 года их заметно разочаровали белогвардейцы как в Одессе (режим генерала Гришина-Алмазова), так и на юге России (режим генерала Деникина). На фронтах к этому времени Красная армия, потеснив Деникина, захватила Луганск и среднее течение Дона, а отряды Гришина-Алмазова разложились и были не способны к активным боевым действиям.

6 февраля на станцию Бирзула (Котовск) прибыли делегации французского командования и Директории. Директорию представляли Остапенко, Греков, Исаак Мазепа, Бачинский и барон Штейнгель. Остапенко привез условия и требование Директории: признание суверенитета Украины, невмешательство французов в социальные реформы и в функционирование Директории, требования передачи Черноморского флота УНР, автономии армии УНР в составе «международных сил» и недопущение в нее белогвардейских инструкторов.

Французский полковник Фрейденберг высокомерно заявил, что надо «выгнать» Винниченко и Чеховского, «за большевизм... как собак». Делегаты, после подобных слов, возмущившись, хотели немедленно покинуть Бирзулу, но Фрейденберг их удержал и был вынужден извиниться, заявив, что его не так поняли.

Но почему, собственно, неправильно... Ведь он заявил: «Винниченко и Чеховской — фьють». Петлюре же нужно «стушеваться», отойти в тень, чтобы в нужное время вернуться к власти. Требование отставки Петлюры не было таким безусловным, как отставка Винниченко и Чеховского, к нему у французов не было такого недоверия, как к премьеру или к главе Директории. Французы обвиняли не лично Петлюру, им не нравилось то положение вещей, когда «каждый бандит называет себя петлюровцем», они были недовольны, что Петлюра не смог прекратить бандитизм, погромы и сдерживать антисемитские настроения некоторых частей, солдаты которые считали себя петлюровцами.

Все же делегации пришли к консенсусу и оставалось только подписать соглашение, тем более что французы имели намерение расширить свою сферу оккупации.

Французы были вынуждены согласиться с тем, что реализация социальных реформ — внутреннее дело Украины, что вместо инструкторов-добровольцев в украинской армии будут инструкторы-французы. Вопрос о признании независимости Украины передавался на рассмотрение мировой Парижской конференции. Однако Черноморский флот французы отказались передавать Украине, заявив, что он был ими захвачен не у УНР, а у Германии...

При невыясненном отношении французов к независимости Украины и Директории, делегации необходимо было возвратиться за советом в Винницу. Пока было неясно, согласится ли Винниченко добровольно уйти в отставку.

На следующий день делегация Остапенко отчитывалась перед Директорией. После отчета делегации Винни-

ченко окончательно решил, что для продолжения плодотворных переговоров он сам и люди, «нежелательные для французов», должны уйти из Директории и из министерств. Он передал Остапенко премьерскую должность, уже оставленную Чеховским. Учитывая, что в руководстве Антанты находятся люди, «противные социализму», Винниченко решил, что предложение выгнать его, «как собаку», является политическим комплиментом главе Директории как «настоящему революционеру». В тот же день, расставшись с «должностью», Винниченко запишет: «...у меня чувство такое, как будто я вышел из тюрьмы».

8 ноября состоялось новое государственное совещание, на котором Остапенко доложил, что не может создать новый кабинет, хотя кабинет Чеховского был уже распущен, потому что ЦК эсеров и эсдеков запретили своим членам входить в «правое министерство» и «договариваться» с Антантой.

Вечером 9 февраля в Виннице проходили заседания ЦК ведущих партий УСДРП и УПСР, на них было принято решение об отзыве из Директории и из Совета министров членов данных партий. Это было сделано для того, чтобы облегчить переговоры с французами и не «мараться» союзом с «империалистами». Винниченко, уже решив отойти от дел, проголосовал за это решение и заявил, что принимает отставку и желает выехать за границу для «литературной работы».

9—10 февраля Петлюра еще сомневался, пойти ли ему в отставку, временно «отойти в тень» или продолжать быть членом Директории. После отхода от «политики» Грушевского и Винниченко Петлюра не видел авторитетного политика, который мог бы управлять страной во время полного кризиса, а главное, сберечь армию от развала. Петлюра понимал, что в главе республики может быть только компромиссная фигура, которая устраивала бы эсеров, эсдеков, федералистов, «самостийныкив», командиров армии. Такой фигуры, кроме Петлюры, на украинском политическом горизонте не было. Оставить Директорию «на хозяйство» только Макаренко и Андриевского — значило погубить дело всей жизни...

Приход «правых» в Директорию, например Грекова или Болбочана, вызвал бы немедленный «левый» бунт и полную победу большевиков. Передача власти «левым» демократам была нежелательна Антанте и вела фактически к тому же — к установлению власти большевиков, с которыми бы «левым» пришлось договариваться. А Петлюра

имел популярность «непримиримого борца против красных», и армия, воевавшая на фронте против Советских войск, должна была его поддержать.

11 февраля Петлюра подал в ЦК эсеровской партии заявление о своем приостановлении членства в УСДРП и о продолжении работы в Директории как беспартийного. В своем письме в ЦК УСДРП Петлюра писал: «Современная ситуация для Украины необычайно сложна и тяжела... я не считаю для себя возможным самоустраниться от исполнения своих обязанностей...».

Швец также выразил несогласие с решением ЦК своей партии. Он заявил, что остается в Директории и приостанавливает свое членство в УПСР.

Если 10 февраля можно назвать днем безвластия, то 11 февраля власть, подобно яблоку, свалилась в руки Петлюры как самого влиятельного и авторитетного члена Директории.

Петлюра мог праздновать победу, старый его конкурент и оппонент, еще с осени 1917-го, Винниченко, превратился в политического беженца. Как вспоминает Исаак Мазепа, Винниченко любил дискутировать, был демагогом, и это его «умение» было «важным козырем» в политической борьбе, особенно против Петлюры, который не был сторонником дискуссий и стремился отмолчаться, не желая обострять ситуацию. На стороне Винниченко, в отличие от Петлюры, были симпатии эсеров... За Винниченко было «беднейшее пролетарское происхождение», слава самого модного украинского писателя того времени, слава лучшего оратора республики...

В день отставки Винниченко был оглашен персональный состав нового кабинета министров Остапенко (только через два дня о новом кабинете было объявлено официально).

В кабинете министров ведущую роль теперь играли «умеренные»: федералисты (портфели министров: народного хозяйства, финансов, иностранных дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и государственного секретаря) и «самостийныки» (портфели министров: военного, военно-морского, культов и государственного контролера). Сам Остапенко и министр внутренних дел С. Чижевский были «правыми» эсерами, вышедшими из партии. Галицким умеренным социалистам был предоставлен портфель руководителя прессы и информации, а народным революционерам — портфели министров земледелия и железных дорог.

Хотя Остапенко был горячим сторонником союза с Антантой, но он не был «человеком» Петлюры... Новый премьер был «правее» Петлюры и мог «пожертвовать шефом» ради укрепления украинско-французских отношений.

Петлюра, считая, что переговоры проходят успешно, направил странам Антанты ноту о вступлении Украинской республики в «общую борьбу против большевизма до победы». Однако целью этой борьбы он считал «сохранение нашей независимости». Забыв о решении Трудового конгресса, Петлюра обещал «западным демократиям» созыв парламента Украины и всеобщее избирательное право.

12 февраля французы объявили о перемирии на «украинском фронте» и уже сами предлагали продолжить переговоры. Генерал д'Ансельм планировался на должность главнокомандующего объединенными армиями Южной России. После победы этой армии Франция рассчитывала получить концессию на украинские железные дороги и вернуть все долги, что остались от царя и Временного правительства.

Очевидно, в начале февраля 1919 года французское командование начало конфликтовать с Деникиным. Французы надеялись заполучить командование антибольшевистскими силами на юге России в свои руки и приступить к формированию смешанных русско-французских военных частей. Деникин был категорически против этого. Он демонстрировал подчеркнутую независимость от французов и больше «дружил» с англичанами, понимая, что юг России находится в зоне английского влияния.

Огромные потери Франции в Первой мировой войне привели к тактике, которая определялась простым лозунгом: «Больше ни капли французской крови». Франция старалась теперь «таскать каштаны из огня» только чужими руками и не ввязываться в кровопролитные конфликты. Сначала французы надеялись отвратить большевиков от похода на Украину только своим присутствием в Причерноморье. Но с конца января стало ясно, что этот план не срабатывает. Начался поиск серьезного, способного на жертвы союзника.

В Одессу на новые переговоры отбыла миссия Остапенко и Мацеевича. Она имела полномочия подписать долгожданный договор. Директория дала свое согласие («в принципе») на принятие большинства условий французов. Республика ждала помощи деньгами, оружием, армией... 14 февраля миссия Остапенко начала новый этап переговоров... Тогда же французы потребовали от Оста-

пенко издания манифеста, по которому УНР переходит под протекторат Франции.

Важным моментом в отношениях с Францией Петлюра считал свое масонство, которое, по его личному мнению, должно было открыть ему двери во все дипломатические представительства государств Антанты и США и вывести из политического кризиса непризнанную Украинскую республику.

Однако нарастающий с лета 1917 года конфликт между отдельными группами в украинском масонстве привел к кризису и спаду масонства Украины уже в начале 1918 года.

О глубоком кризисе масонства в Украине свидетельствует письмо Сергея Моркотуна, который был в 1919 году Великим мастером Великой ложи Украины «Объединенных славян». После политического кризиса Центральной Рады в январе 1918 года, эта ложа была создана как альтернатива «националистическим» тенденциям в масонстве. В ложу «Объединенных славян» вошли «умеренные» кадеты и федералисты, которые соглашались только на ограниченную автономию Украины в составе Российской федерации.

Масоны — сторонники украинской независимости, преимущественно эсеры и эсдеки, — формировали Великую ложу Украины на основе ложи «Святого Андрея Первозванного».

Сергей Константинович Моркотун (иногда встречается написание «Маркотун») — один из самых загадочных персонажей украинской истории. Сын известного масона, который был личным врачом великого князя Григория Александровича Романова, приятелем генерала Скоропадского и графа Олсуфьева, Сергей, очевидно, очень рано оказался среди «братьев». Уже в двадцатилетнем возрасте мы видим его в «офицерском звании» в московской ложе «Кубического камня». Сергей чрезвычайно быстро прошел масонские посвящения, в двадцать один год став мастером ложи. «Попутно» он закончил столичный университет, получил образование юриста, работал адвокатом.

Одновременно с участием в ортодоксальной масонской ложе Сергей Моркотун «работал» в масонском ордене мартинистов и достиг там 18-й степени «рыцаря-розенкрейцера».

В начале 1917 года двадцатисемилетний Моркотун активизирует работу ложи «Святого Владимира Равноапостольного» (основана мистиком Папюсом), в этом ему по-

могают доктор права Артем Галип, который вскоре становится заместителем министра иностранных дел, Ю. Гасенко и архитектор Шумицкий. В эту мартинистскую ложу также вступил и Петлюра.

На основе лож «Владимир» и «Нарцисс» Моркотун образует еще и организацию парамасонского типа — «Молодая Украина» (по аналогии с «младотурками»). В этой организации в середине 1917 года оказались Петлюра и Скоропадский. Тогда Моркотун служил начальником транспортной милиции Юго-Западной железной дороги. Благодаря гетману «Вольного казачества» генералу Скоропадскому, в октябре 1917-го Моркотун входит в Генеральную Раду «Вольного казачества».

Моркотун осудил Брестский мир, Четвертый Универсал Центральной Рады и призвание австро-немецких войск на Украину. Он помог Скоропадскому бежать из оккупированного «красными» Киева в январе 1918-го. Весной этого года Моркотун свел гетмана с французскими резидентами на Украине. Скоропадский вспоминал: «Его (Моркотуна. — В.С.) осведомленность меня поразила... Моркотун — украинец, но чрезвычайно умеренных взглядов, образовал общество «Молодая Украина», из интеллигентных молодых людей, прекрасно знал французскую миссию, постоянно у них бывал и, видно, пользовался у них доверием. При всем этом лично был состоятельным человеком, обладал домом с громадным садом на Большой Владимирской... много путешествовал». Часто бывая у Скоропадского, Моркотун как-то сказал ему: «...французы очень просили меня зайти к ним на конспиративную квартиру».

Вместе с тем после гетманского переворота Моркотун стал личным секретарем гетмана с неограниченными полномочиями. Оставаясь тайным защитником интересов Франции, Моркотун часто выезжает в нейтральный Стокгольм, где контактирует с масонами стран Антанты. Параллельно, но часть масонов Украины, ориентировавшихся на Францию, поддержали Скоропадского и собирали материальную помощь на гетманский переворот.

Обширные связи и влияние Моркотуна были направлены на формирование «тайного антантовского лобби» при гетмане. Барон Штейнгель становится послом гетманской державы в Германии, Николай Василенко — министром народного просвещения...

Даже осторожный Скоропадский вспоминал, что Моркотун в 1918-м «был близок к французской военной мис-

сии», и организовал ему несколько конспиративных встреч с представителями французского командования.

Позволю себе высказать версию, которая приведет многих историков, занимающихся изучением «украинской революции», в недоумение. Вовсе и не был гетман Скоропадский «германской марионеткой на украинском троне», как об этом вот уже 83 года пишут публицисты, политики, историки. Напротив, Скоропадский был тайным, вероятно засекреченным агентом Антанты. Французские эмиссары (генерал Табуи), общаясь с гетманом, еще в январе—феврале 1918-го убеждали его сменить правительство Центральной Рады как «прогерманское», зазывающее на Украину немецкое войско.

Разве говорит в пользу «германской» заангажированности Скоропадского тот факт, что гетман сверг Центральную Раду. Но ведь именно Центральная Рада привела немецкую и австрийскую армии на Украину. В той обстановке, когда австро-немецкая армия, что стояла на Украине, насчитывала полтора миллиона солдат, гетман просто не мог открыто выступить против оккупантов. Гетман был бы немедленно раздавлен при первом же намеке на оппозиционность Германии... А вот тайно вредить немцам и информировать об их положении Францию он мог с большим успехом. Почему же немцы выбрали именно его? Все достаточно просто: у гетмана были предпочтительнее родственные связи. Сестра его жены была женой командующего немецкой армией генерала Эйхгорна, а у самого гетмана были «гетманские предки» (с восемнадцатого века), что придавало некоторую легитимность гетманскому режиму. Кроме того, немцы рассчитывали на то, что Скоропадский как человек военный, генерал, а не политик, будет исполнять приказы и наведет порядок в своем «королевстве».

Первый аргумент в пользу такой версии — масонство Скоропадского и, очевидно, он состоял не в последних масонских степенях. Ложи, к которым он тайно принадлежал, всегда ориентировались на Францию и Англию и не были связаны с германским масонством. Моркотун, как главный проводник французского влияния, неотступно находился при гетмане, сообщая во Францию обо всех изменениях германской политики на Украине. Весна—лето 1918 года — это время, когда Германия бросала свои последние силы на Западный фронт в надежде сокрушить французскую оборону и взять Париж. В этот момент прекрасным маневром было отвлечение части австро-немец-

ких войск от французского театра военных действий. Затыгивание пребывания на Украине 150—200 тысяч австро-немецких штыков и сабель было лучшей помощью воюющей Франции.

Возможно, гетман (или «его доверенные люди» — Моркотун и К^о) тайно способствовал затыгиванию поставок украинской пшеницы, мяса, сала, угля, железа в Германию, возможно, какими-то неведомыми для нас путями гетман сам инсценировал локальные восстания против своего режима, оттягивая австро-немецкие гарнизоны на Украину. Интересно, что первые восстания против гетмана в районах Таращи—Звенигородки были восстаниями вчерашних «Вольных казаков», которые полгода тому выбрали Скоропадского своим гетманом. Интересно, что восставшим были указаны практически не охраняемые властью склады с оружием, а против них, по просьбе гетмана, направлялись не гетманские, а немецкие войска.

Анализ «тайной политики» гетмана — тема для кропотливого архивного исследования, возможно диссертации, мы только допускаем, что контакты гетмана и французских «агентов» проходили задолго до октября 1918 года.

Гетман окружил себя министрами-масонами (Д. Дорошенко, А. Вязлов, Н. Василенко), посол в Германии — «столп масонства» барон Штейнгель. Никовский вспоминал, что согласие Штейнгеля стать послом Украины в Германии произошло «под воздействием местных масонских групп».

В пользу «французского следа» говорит и быстрая переориентация гетмана на Антанту, а самое главное, желание Франции помочь войсками гетману — «германофилу» и вчерашнему союзнику своих врагов. История дипломатических интриг показывает, что к «германофилам», даже прошлым, у стран Антанты, и особенно у Франции, сохранялось стойкое отрицательное отношение: лидеров, показавших себя союзниками Германии, старались побыстрее заменить на «франкофилов». Тем более что в Украине сторонников Антанты было предостаточно — от Петлюры до его врага графа Келлера.

И последнее: есть у всемирного масонства один основополагающий принцип — «не класть яйца в одну корзину». Масоны имеют приверженцев в различных политических лагерях, масонство не считает, что политические симпатии являются более важными, чем верность ордену и «братьям». Поэтому, иногда, масоны находятся по разные стороны баррикад, что, впрочем, не мешает им слу-

жить идеалам ордена и помогать «братьям». И ситуация Петлюра — Скоропадский не так уж необычна.

В ноябре Скоропадский провозгласил федерацию с Россией, что было так желательно для Франции. Но это был окончательный разрыв с группой Петлюры, которая понимала, что такой шаг гетмана чреват уже неконтролируемым масонами восстанием, что могло привести к приходу на Украину большевиков. Петлюра самостоятельно решает стать «знаменем» этого восстания, чтобы «контролировать движение», «быть в центре зарождающейся бури» и не допустить в руководство восстанием «левых» типа «незалежнукив», «боротьбистов» или герmanoфилов. Вместе с тем, в обстановке надвигающейся войны с Советской Россией Петлюра был вынужден усилить «самостийницкие тенденции», без которых народное сопротивление большевикам лишалось идеологической основы. К тому же Петлюра искренне считал, что Украина должна развиваться самостоятельно и даже явить собою пример первой «масонской республики».

После начала антигетманского восстания Петлюра возглавил ту часть масонов Великой ложи Украины, что выступала против гетмана и боролась за независимость Украины. В число сторонников Петлюры вошли члены Великой ложи Украины — А. Ливицкий, В. Прокопович, А. Никовский, А. Шульгин, Н. Шумицкий, возможно, Исаак Мазепа и генералы Осецкий и Тютюнник. Большинство масонов выехало из Киева вместе с Петлюрой 1 февраля 1918 года, часть осталась в «киевском подполье».

Великая Ложа Украины стремилась к международному признанию и включению в Международное бюро масонских связей.

Н. Свитков в своей брошюре «Масонство в русской эмиграции» (Париж, 1932) пишет, что весной 1919 года была официально провозглашена Великая ложа Украины, Великим мастером которой был Петлюра. По данным Свиткова (возможно преувеличенным), эта Великая ложа тогда имела 7 местных лож, 83 кружка и 800 братьев¹.

Вероятно, провозглашение этой национальной ложи и избрание Петлюры Великим мастером произошло без соблюдения всех необходимых традиций и предписанных правил, без участия масонов из уже признанных мировым масонством Великих лож, и прежде всего без прямого со-

гласия лож Франции и Англии. Возможно, именно это затрудняло мировое признание и поиски поддержки всемирного масонства. Петлюра и его «братья», выступая за независимость Украины, просили помощи мирового масонства, просили признать Великую ложу Украины «высшей масонской властью и независимой силой на территории Украинской Республики».

Ложа Сергея Моркотуна также претендовала на «высшую масонскую власть», поэтому Моркотун стал активным критиком Петлюры в кругах всемирного масонства. Моркотуну удалось настроить многих масонов против признания «петлюровской» ложи Великой Ложей Украины. Этот момент затруднил ход переговоров между Петлюрой и масонскими кругами Антанты. В 1919-м Петлюру и его «братьев» признала только одна национальная ложа — «Великий Восток Валахии (Румынии)» (по данным Н. Свиткова).

Петлюра поддерживал «масонскую» связь с Францией через своего личного приятеля французского масона Жана Пелисие (масон самых высоких градусов), журналиста и бывшего представителя Франции при Центральной Раде, который в 1919-м стал главой Национального бюро при французском парламентском комитете иностранных дел. Переписка с Пелисие давала некоторую надежду на французскую помощь Директории. Пелисие был признанным интегратором среди масонов. Еще в 1912 году он создает мировой Конгресс национальностей и Главное бюро объединения национальностей. Как корреспондент одной из французских газет он выехал весной 1917 года в Россию, с августа находился на Украине. Очевидно, при участии Пелисие происходит становление организации «Молодая Украина», формируется французское лобби украинских автономистов-масонов.

Пелисие защищал Петлюру от обвинений в большевизме, бандитизме и погромах. Он выпустил первую зарубежную книгу в защиту Украины и Петлюры под названием «Украинская трагедия». Весной 1919 года Пелисие обещал помочь Петлюре добиться помощи Франции, используя свои обширные связи во французском парламенте. Однако изменения векторов французской политики, отказ от прямого вмешательства в дела Восточной Европы, а главное, польские и белогвардейские симпатии большинства французских лидеров, затруднили реализацию этих намерений.

¹ По данным А. Серкова, Великая ложа Украины была создана в сентябре 1917 года и действовала она по 1933 год, а Петлюра стал Великим мастером этой ложи в апреле 1919 года.

Сергей Моркотун начал конфликтовать с Петлюрой, очевидно, уже с ноября 1918 года, хотя они оба в 1917-м состояли в одной ложе в организации «Молодая Украина». Сторонник создания Российской Федерации, автономии Украины и демократического правления, Моркотун с подозрением относился к деятельности Центральной Рады, особенно с января 1918 года, когда социальные эксперименты и государственность «любой ценой» оттолкнули от масонов-«украинских патриотов и революционеров» масонов-«русофилов» из умеренного кадетского крыла.

Моркотун обвинял Петлюру в том, что тот активно не выступил против Брестского мира, хотя и обещал французским «братьям» препятствовать этому всеми силами... Петлюра уличался Моркотуном еще и в одном «обмане»... По словам Моркотуна, французам Петлюра заявлял, что «стоит за автономию украинских земель», а сам возглавил борьбу за полную самостоятельность государства Украина.

Моркотун в открытом письме к Петлюре приписывал ему «то, чего не было», и то, что могло вызвать негативную реакцию у французов — симпатии к Германии. Моркотун писал, что когда 11 ноября 1918 года он лично добился освобождения из тюрьмы Петлюры, последний обещал, что будет выступать против «германофильских тенденций» Винниченко, Андриевского, Швеца и не поддержит готовящегося восстания, но сам не только поддержал указанных лиц, но и вошел вместе с ними в Директорию, возглавив восстание против гетмана.

Это был явный поклеп... Винниченко никогда не проявлял «германофильства», а Швец до ноября 1918-го был настолько мелкой политической фигурой, что его мнение ничего не решало и мало кого волновало. К тому же Швец «посидел» при немцах в тюрьме... Моркотун даже обвинил Петлюру в излишней симпатии к нему немецких офицеров в ноябре 1918 года, которые хотели вызволить Петлюру из тюрьмы... Стремясь изобразить восстание Директории «немецкой интригой», Моркотун указывал, что именно немцы дали оружие антигетманским повстанцам.

После того как Петлюра был избран Великим магистром Великой ложи Великого Востока Украины (национальное объединение лож, которое отмежевалось от российских лож), Моркотун стал утверждать, что Петлюра — самозванец, что именно он, Моркотун, истинный руководитель масонства на Украине. Весной 1919 года Моркотун выехал с Украины (через Одессу) и направил свои стопы в Европу.

Несмотря на конфликт с Петлюрой, по словам Жана Пелисие, Сергей Моркотун придерживался масонского кодекса чести и «стремился сглаживать острые углы и мирить соперников». Пример тому — его стремление примирить в 1918 году Скоропадского и Петлюру.

Но с весны 1919-го Моркотун начал всячески вредить Петлюре. На заседаниях французской ложи «Братство наций» Великого Востока Франции (своеобразный международный парламент, в котором участвовали многие руководители европейских стран), Моркотун заявил о несоблюдении Петлюрой масонских принципов. В июне того же года Моркотун на масонской «работе» в ложе «Братство наций» прочитал реферат «Украинское дело», в котором резко раскритиковал сепаратизм Петлюры. Он предлагал создать на территории бывшей Российской империи Конфедерацию национальных государств России, которая могла сдерживать возможную в будущем немецкую угрозу. Масоны, как будто предвидя будущее, стремились подготовить силы антифашистской коалиции.

В то же время посланник от масонов «круга Петлюры» Шумицкий на заседании ложи «Братство Наций», требовал от европейских лидеров признания независимости Украины и активной помощи ей. Он обещал, что Украина Петлюры будет проводить активную антибольшевистскую политику и установит союзнические отношения с Польшей — и это будет фундаментом стабильности в Восточной Европе.

В октябре 1919-го Моркотуна возмутил поступок Петлюры, который проводил военные действия против армии Деникина. В открытом письме к Петлюре Моркотун бросил ему вызов, заявив:

«Вы уже нам не брат. Наши пути разошлись. Выйди из ложи, палач Украины и враг Отчизны... Мы будем обвинять Вас всюду и каждый день. Мы будем это делать от имени нашей Родины, Великой Украины, которая на протяжении столетий была часовым и оборонным валом нашей Матери, Великой Руси».

Моркотун также разослал во влиятельные масонские организации свое заявление, в котором Петлюра несправедливо обвинялся в том, что тайно проводит на Украине влияние Германии и Ватикана. Это обвинение некоторыми масонами воспринималось как правда, и путь «петлюровской» ложи к признанию в международных масонских кругах был затруднен.

ГЛАВА 15

ШАГ ВПРАВО... ШАГ ВЛЕВО...

16 февраля—20 апреля 1919 г.

Захватив практически всю полноту гражданской и военной власти в Украинской республике, Петлюра испытывал победную эйфорию лишь несколько первых дней... Далее неразрешимые проблемы настолько захватили его, повергли в транс, что он даже стал думать о призрачности своей политической удачи. Разве назовешь удачей назначение капитаном тонущего корабля? А в середине февраля уже казалось, что корабль республики быстро идет ко дну. Тяжелое наследство оставил Петлюре легкомысленный драматург и вития Винниченко.

Республика разваливалась, и Петлюра даже не знал, правителем каких земель он в данный момент является и сколько в его распоряжении украинского войска. Как у шекспировского короля Лира, у него могло уже через месяц не остаться ни державы, ни одного полка. Вновь, как в критические дни января 1918-го, украинская армия растаяла или того хуже — пополнила своими полками войска «красных».

Петлюра практически не выходил из своего роскошного штабного вагона С 55, который раньше принадлежал царскому министру путей сообщения. В этом вагоне, ставшем с февраля 1919-го для него «родным домом», он метался между фронтом и тылом, надеясь остановить отступление войска.

В тяжелейшие для республики дни в геометрической прогрессии возрастали ряды «недовольных» Директорией, «нэзалэжністю», политическим курсом. То тут, то там вспыхивали бунты солдат, горожан, крестьян, зрели заговоры «правых» и «левых». Снова казалось, что все — «украинская идея не сработала», оказалась никому не нужной, республика погибла, а «провинившимся» перед большевиками осталось только спасать свои шкуры. Воз-

можно, что не окажись Петлюра, с его громким именем и харизмой, во главе государства и армии, республика бы прекратила свое существование еще в феврале 1919 года, и рассыпалась бы на сотню анархических атаманий, воюющих со всем миром и между собой.

XX век сохранил нам массу примеров капитуляции властей при первых поражениях в войне. Чего стоит капитуляция Франции в 1940 году, при условиях, когда большая часть страны и армии еще находилась в руках правительства? Но Петлюра и петлюровцы в 1919 году боролись до последнего: в полном окружении, без тыла, патронов, иногда сохраняя за собой только несколько десятков квадратных километров. Такой стойкостью нельзя не восхищаться!

Надо отдать должное выдержке, воле Петлюры — за власть он бороться хотел и умел. Он блистательно разбивает интриги недругов, выходит из критических ситуаций заговоров, но выше себя он прыгнуть просто не может. Он был искусным политиком, но не «блистательным полководцем», не Александром Македонским... К тому же успехам политическим частенько приносились в жертву успехи вденные. Чего стоит, например, назначение вчерашнего сотника австрийской армии 28-летнего Андрея Мельника начальником штаба всей армии УНР в угоду «корпорации» сечевых стрелцов или назначение вчерашнего прапорщика 26-летнего Владимира Оскилко командующим Северным фронтом УНР в угоду «самостийникам».

Спасительным для развалившейся Директории стало десятидневное бездействие «красных», которые, захватив Киев, по-видимому, на некоторое время полностью исчерпали свои возможности к новому наступлению. Вновь обретя Киев, «красные» правители всерьез рассчитывали на то, что УНР развалится сама по себе или от «внутреннего взрыва восставших трудящихся». Но хотя фронт в середине февраля 1919-го, казалось, стабилизировался по линии Козятин—Коростень, войска УНР продолжали беспорядочно отступать и разбегаться по домам.

Генерал Капустянский вспоминал, что «деморализация войска достигла в это время таких размеров, что нарушение и неисполнение боевых приказов со стороны целых частей было обыкновенным явлением».

Даже сечевые стрелцы — опора режима — были полностью дезорганизованы. Их лидер полковник Коновалец

тогда писал: «...из-за того, что нет резервов, все утомились, любая идея гаснет, хочется одного: спать».

В необустроенном тылу войск УНР царила дикая неразбериха. Безвластие и анархия в середине февраля 1919-го вылились в чудовищную резню евреев в городе Проскуров (нынешний Хмельницкий). Предыстория трагедии такова. В тыловом Проскурове, население которого на 50% составляли евреи, местный большевистский комитет 15 февраля начал восстание против власти Директории. Восставшие, большее число которых составляли евреи, сумели захватить почту и телеграф, комендантуру города. Подавив это выступление, командир «Железного отряда» Запорожской бригады войск УНР атаман Семесенко призвал своих казаков «вырезать всех евреев» в Проскурове как «зачинщиков большевистского бунта». В Проскурове было за два дня убито примерно тысяча-полторы попавшихся «на глаза» евреев, а в соседнем местечке Фельштин — еще 485 человек.

Весть о чудовищной еврейской резне взволновала Петлюру... Петлюра никогда ни письменно, ни устно не отдавал приказов, направленных на поощрение погромщиков. Более того, он издавал приказы, запрещающие погромы... В то же время он понимал, что большая часть вины за погром обязательно ляжет на него, потому что погромщики носили форму армии УНР, которой Петлюра командовал. Но Петлюра и его структуры в эпоху всеобщего хаоса были просто не в силах обеспечить порядок и спокойствие на землях УНР не только для евреев, но и для других национальных групп. На Запорожье тогда «громили» немцев-колонистов, на Волыни и Галичине — поляков, в Крыму вспыхнула национальная резня между татарами и крымскими греками... Разбой и убийство стали страшной «нормой» гражданской войны.

Петлюра немедленно отозвал отряд Семесенко из Проскурова и приказал восстановить порядок в городе с помощью надежных частей сечевых стрельцов. Большевики и прочие «левые» с успехом использовали информацию об этом погроме в «противопетлюровской пропаганде». Весть о жестоких погромах моментально облетела Европу, причем все обвинения достались Петлюре как «предводителю бандитов».

По приказу Петлюры Семесенко был арестован в Каменец-Подольском и отдан под следствие... Но погромщик сумел бежать из тюрьмы во время захвата Каменец-

Подольского «белыми». Только в 1920 году удалось выполнить приказ Петлюры: Семесенко арестовывают и медленно расстреливают.

Заместитель министра иностранных дел правительства УНР Арнольд Марголин заявил в знак протеста против проскуровской резни о своей отставке. Аргументируя свой шаг, Марголин писал: «Тяжелое ответственное задание, которое лежит на всех членах правительства, заметно осложняется по причине того трагического факта, что еврейские погромы не прекращаются и администрация проявила свою неспособность прекратить ужасное насилие и убийства, которые происходят в Проскурове, Ананьеве и других городах. Я хорошо знаю, что правительство делает все возможное для борьбы с погромами. Я также хорошо знаю, насколько бессильны все его члены... Но я как еврей еще более страдаю от того, что понимаю: когда все иные элементы населения страдают от анархии главным образом экономически, то такой порядок очень опасен и даже является фатальным для самого существования еврейского народа».

Уже в двадцатых числах февраля, усиливая политическую неразбериху, лидеры партий УСДРП и УПСР, что вышли из властных структур УНР, «по тактическим соображениям» провели антипетлюровский совет в местечке Козятин. Они решили перейти в оппозицию к Директории и агитировать против ее переговоров с «буржуазными правительствами Антанты». Через две недели лидеры УСДРП и УПСР вновь собрались на тайное собрание и решили добиваться от Петлюры «сдвига влево, вплоть до мира с большевиками, на основе признания независимости Украины» и, естественно, прекращения переговоров с французами. Встретясь с Петлюрой, лидеры социал-демократов объясняли ему, что сами не верят в возможный равноправный мир с большевиками, однако рассматривают свое предложение как «тактический ход», чтобы найти «общий язык с массами по другую сторону фронта» и показать этим массам свою волю к «социалистическим изменениям».

Практически это был ультиматум «левых» украинских социалистических партий Петлюре. Но он отверг всякие тактические уловки и просто проигнорировал возможную поддержку «слева». Он заявил бывшим «партийным товарищам»: «Я могу выйти из Директории, если вы будете

настаивать на переговорах с большевиками. Я не цепляюсь за власть, но не буду отвечать за то, во что я не верю». Петлюра уже вырос из «партийных штанишек» и не желал быть просто марионеткой своего вчерашнего ЦК. Он показал, что отныне он единственный капитан «тонущего корабля».

Несмотря на критическое положение на Восточном фронте, где начинается наступление «красных», Петлюра совершает 23—28 февраля первую поездку в качестве главы единого украинского государства в более благополучную часть своего «королевства» — на Галичину (Западные области УНР, или ЗУНР). Эта поездка не была только «ознакомительно-представительской»... Обстоятельства ее связаны с решением важнейшего международного вопроса о государственной принадлежности земель Восточной Галичины, на которых с ноября 1918-го проходили беспрерывные бои между армиями ЗУНР и Польши.

За несколько дней до приезда Петлюры в Галичину, во Львов, занятый поляками, прибыла межсоюзная миссия Антанты во главе с французским генералом Бартелеми. От имени Парижской мирной конференции Бартелеми представил проект прекращения войны в Галичине и установления новых границ между Украиной и Польшей. Украинской делегации, которую возглавлял генерал Омелянович-Павленко, предлагалось согласиться на отторжения в пользу Польши значительных территорий: Львовщины вместе с Львовом, Дрогобицко-Бориславским нефтяным бассейном (украинский Клондайк начала XX века), Перемышлянщиной и Холмщиной. Эти территории, которые составляли около 40% всей территории ЗУНР, частью уже были оккупированы польскими войсками, но все же войскам ЗУНР было предложено отступить и добровольно отдать полякам еще около 20% своей территории. Такое предложение вызвало возмущение среди членов делегации ЗУНР и поставило дальнейшие переговоры на грань срыва.

Петлюра приехал в Галичину с двумя предложениями: первое — провести набор в Галичине 10 тысяч солдат, чтобы пополнить армию УНР на антибольшевистском фронте; и второе, главное; — убедить политиков и военных ЗУНР принять униженные предложения Антанты. В Станиславе (Ивано-Франковске) и в Ходорове Петлюра встретился с руководством правительства ЗУНР, армии, с пре-

зидентом ЗУНР Е. Петрушевичем, а также с главой миссии Антанты. Будучи после отставки Винниченко основной фигурой Директории, которая формально управляла и делами ЗУНР, Петлюра надеялся, что его голос коренным образом изменит ситуацию на переговорах и приведет галичан к компромиссу. Петлюра поддержал идею французского маршала Фоша о совместном выступлении Польши и УНР против большевиков.

Тогда перед Петлюрой стоял выбор: или отстаивать интересы единой Украины, или искать покровительства Антанты и с ее помощью обрести государственность и мировое признание. Петлюра был не прочь дать свое согласие на отчуждение части территории ЗУНР на условиях прекращения войны Польши против ЗУНР и УНР, признания Антантой УНР и при гарантии помощи Антанты и Польши в борьбе с большевиками. Но сам решить такой важный вопрос он оказался не в силах. Его требования признания условий миссии Бартелеми галицкими политиками и военными просто игнорировались. Рассыпалась и хрупкая надежда Главного атамана освободить 80-тысячную Галицкую армию от необходимости воевать с Польшей и направить ее на Восток, на Киев.

На встрече с Бартолеми Петлюра ничего не мог предложить желанным союзникам. «Несговорчивые» галичане, выступая за единство и свободу своей земли, соглашались только на границу по реке Сян, с возвращением Львова Украине и отходом польских войск с занятых территорий. Не помогло и предупреждение Петлюры о скором появлении в Галичине хорошо вооруженного польского корпуса Галлера, что могло коренным образом изменить ситуацию на фронте.

С 1 марта 1919 года война между западноукраинцами и поляками возобновилась. Представитель Антанты в Варшаве, взбешенный неспособностью Петлюры установить мир и контролировать свои территории, уже открыто угрожал: «Петлюра за все заплатит».

Провал переговоров в Галичине привел к взаимным разочарованиям. Галицкие лидеры разочаровались во вновь испеченном диктаторе Украины, который, как им казалось, ценой галицких земель хотел приобрести себе покровителей. Антанта разочаровалась в Петлюре как в руководителе, неспособном убедить своих подчиненных, а Петлюра, осознав всю недалекость лидеров ЗУНР, разочаровался в «здравом смысле» и «потенциях» полити-

ков Галичины. Трудно сейчас прогнозировать, что бы было, если бы... Мы можем только говорить о том, к чему привел срыв переговоров — к полной оккупации польской армией всей территории ЗУНР, да еще и Волыни, уже через четыре с половиной месяца после провала переговоров к полной мировой изоляции УНР и ЗУНР. Может быть, Петлюра был прав, и стоило «торговать» частью своей земли, «хотя бы в тактических целях», как это делал в 1918 и 1920-м тонкий стратег Ленин? Последний ведь сохранил «социалистическое отечество», а Петрушевич ни Украинцу, ни Галичину так и не сберег.

Справка: Петрушевич Евгений Емельянович (1863—1940) — лидер украинского движения в Галичине. Окончил Львовский университет, адвокат, лидер Национально-демократической партии Галичины. В 1907—1918 гг. — депутат парламента Австро-Венгрии, Галицкого Сейма (1910—1914). В 1918 г. — глава Украинской национальной Рады (Галичины), которая возглавила Западноукраинскую народную республику. В июне—июле 1919 г. — диктатор ЗУНР. С ноября 1919 г. — в эмиграции в Австрии и Германии.

Надо отметить, что Петлюра с момента отставки Винниченко в секрете от галичан стал искать мира с поляками. Уже в середине февраля 1919-го он направил тайную дипломатическую миссию в Варшаву — для установления союзнических отношений и координации совместных действий против «красных». Украине был необходим хотя бы нейтралитет Польши, ведь воевать одновременно с Москвой и Варшавой армия Петлюры была не в силах.

Развал армии УНР, начавшийся в январе 1919-го, продолжился в феврале и марте. Военный министр Александр Шаповал, удрученный неразберихой на фронте, докладывал Петлюре: «Фактически наша армия не имеет командующего фронтом. Вы (Петлюра. — В.С.) отдаете свои приказы, Андрей Мельник — (начальник штаба армии. — В.С.) отдает свои, а генерал Греков (наказной атаман. — В.С.) из Одессы также свои».

Только с 5 по 16 марта 6, 53, 55, 58, 59-й полки УНР, конный полк Козыря разбежались или частично перешли на сторону «красных».

Мятеж атамана Григорьева в одночасье лишил Петлюру всяческих надежд на удержание фронта на юге Украины. Чтобы не попасть в окружение, Запорожский корпус

армии УНР отступал на запад, заняв территорию между Южным Бугом и Днестром, вдоль железной дороги Одесса—Жмеринка. Петлюра тогда настаивал, чтобы Запорожский корпус оставался на юге Украины, а не выводился к Виннице, в помощь главным силам. Задачей Запорожского корпуса было удержание железнодорожного «пути в Европу», через Одессу, где происходили судьбоносные переговоры послов Петлюры с представителями Антанты. (Этот непродуманный петлюровский «план» приведет к гибели корпуса и ослаблению всей армии УНР.)

Омелько Волох — новый командир Запорожского корпуса войск УНР (20 тысячи бойцов), — видя, что «красные» побеждают на всем фронте, решил, по примеру Григорьева, немедленно перейти в стан победителей.

Развал фронта был следствием развала тыла. Многие атаманы объясняли свой переход на сторону «красных» тем, что режим Директории с приходом кабинета Остапенко стал «буржуазным, контрреволюционным», так как последний стремится к союзу с «капиталистами Антанты» и навлекает на Украину новую интервенцию последней.

«Правый» кабинет Остапенко был неспособен управлять страной, впрочем как и предыдущий, «левый» кабинет Чеховского. Бессилие министерской власти заключалось еще и в том, что подконтрольные УНР территории были прифронтовыми и свои «порядки» там устанавливали военные коменданты, начальники гарнизонов, местные атаманы, а призрачная власть кабинета министров распространялась практически только на «столичный» город: сначала Винницу, потом Каменец-Подольский.

Единственное серьезное решение, которое успел принять кабинет Остапенко, и то по настоянию Петлюры, — отказаться от решения Трудового конгресса о Трудовых Радах (Советах) в качестве основы местной власти. Но как раз именно этот отказ стал поводом для мощной критики «слева». После этого кабинет Остапенко стали обвинять в «буржуазности» и «предательстве революции» не только большевики, левые эсеры и анархисты, но и большинство украинских эсеров и социал-демократов.

Новый кабинет не мог решить многочисленные накопившиеся проблемы хозяйственной жизни, не отваживался реформировать аграрный сектор, он владел только станком для печатания обесцененных денег. Министры так и не могли решить, какую Украину они строят и спасают? Мелкобуржуазную? Социалистическую? Капиталистиче-

скую? Или страну с каким-то невиданным ранее строем? Кабинет не мог наладить торговлю, обмен между городом и селом, не мог поставить под государственный контроль предприятия... Уже через месяц «работы» кабинета Остапенко Петлюра убедился, что кабинет министров не только не работает во благо, но своими действиями углубляет разруху да еще ведет какие-то странные политические игры против самого Петлюры, обвиняя его в «левизне».

В феврале 1919-го Петлюра не мог считать свое положение устойчивым. Он постоянно ожидал заговоров как «справа», так и «слева». Поражения на фронтах лишали Петлюру военной харизмы полководца и подталкивали некоторых военных к мысли о необходимости отстранения «социалиста и неуча» Петлюры от военного командования, а возможно, и от государственной деятельности. В войсках УНР еще сохранялся большой процент старых царских офицеров-профессионалов, которые постепенно утрачивали перспективу борьбы за независимую Украинскую республику. Эти офицеры, недолюбливая Петлюру, более симпатизировали «всероссийскому правителю» адмиралу Колчаку (украинцу по происхождению), считая, что Украина должна сыграть роль плацдарма для развертывания антибольшевистских общероссийских армий. Фрондирующие офицеры знали, что военная и финансовая помощь Антанты связывается с отставкой Петлюры и переходом от политики независимости Украины к политике антибольшевистской федерации. Эти офицеры искали замену «маленькому диктатору», как они за глаза называли Петлюру.

Если поначалу символом «правых» офицеров был Болбочан, то после его ареста некоторые надежды возлагались на генерала Грекова. Именно его прочили в «военные диктаторы» после возможного низвержения Петлюры. За Грековым просматривалось «закулирье» — недовольные Петлюрой «самостийники», «директор» Андриевский и сам премьер Остапенко. На Петлюру они хотели свалить все военные неудачи января—февраля 1919-го.

Справка: Греков Александр Петрович (1875—1958) окончил юридический факультет Московского университета, военное училище, Академию Генерального штаба, участвовал в Первой мировой войне, генерал-майор, служил начальником штаба армейского корпуса на Юго-Западном

фронте. С ноября 1917 года Греков переходит на службу в армию УНР, а с марта 1918-го он стал заместителем военного министра УНР. С началом восстановления Директорией был назначен Командующим Южным фронтом восстановленной УНР. В начале января 1919-го Греков становится военным министром. После своей отставки, в марте 1919-го, Греков переходит служить в армию ЗУНР и вскоре становится Главнокомандующим Галицкой армией. С июля 1919 г — в эмиграции. В 1948 г. арестован в Вене чекистами и перевезен в СССР. В 1956 г. был освобожден из лагерей ГУЛАГа и вернулся в Вену, где и умер.

Временный взлет Грекова был связан с решением Директории (еще времен Винниченко) и Совета министров (Чеховского) о реорганизации армии. Было решено, что Петлюра останется формально Главным атаманом и политическим вождем войска, но лишится ряда функций, прежде всего он не будет непосредственно разрабатывать и командовать отдельными военными операциями на фронте. За стратегическую и тактическую армейскую деятельность должен был отвечать Наказной атаман, и им был назначен Греков. В компетенции Петлюры, правда, оставалось решение судьбоносных вопросов, таких, как отступление, наступление, военные союзы. Появление поста Наказного атамана существенно ограничивало влияние Петлюры в армии. И Петлюра сделал все, чтобы «заиграть» это не устраивающее его решение.

Греков, в феврале 1919-го, разработал план глобально-го наступления армии УНР на Восток от Винницы на Киев и далее на Харьков. План этот был достаточно фантастичным, поэтому Петлюра, зная общее состояние войска, отбросил этот план как авантюру. Петлюра поддержал реализацию только части этого грандиозного плана и то только для того, чтобы «выровнять линию фронта».

Отправляя Грекова «в длительные командировки», на переговоры с французами в Одессу, Петлюра практически отстранил его от исполнения обязанностей Наказного атамана. Игнорируя позиции Наказного атамана, Петлюра оставил за собой утверждение всех планов военных операций... и все осталось «по-старому». Беспokoила Петлюру задуманная Грековым «военная реформа» — переформирование частей, которую последний пытался проводить уже с конца февраля. Реформа должна была сократить до минимума многочисленные полковые и дивизионные штабы, пополнить офицерами фронтовые части. Но эта реформа не нужна была Петлюре, потому что укрепляла авторитет Грекова в войсках.

Ход переговоров с командованием французскими войсками в Одессе напрямую зависел от положения на фронте. Французы не хотели вести равноправные переговоры с правительством, контролирующим только одну губернию, с правительством, которое не может себя защитить и не имеет надежной подконтрольной армии. Сильное влияние на французов оказали известия о еврейских погромах и интриги сторонников «Великой Польши» и «Великой России» против Петлюры. Французы думали о воссоздании Великой России (как противовеса Германии в будущем), их полностью устраивал режим «верховного правителя» адмирала Колчака.

Главной целью кабинета Остапенко было заключение союза с Антантой. Поэтому Остапенко мечтал отстранить Петлюру, считая, что именно его фигура мешает заключению долгожданного договора.

Еще 17 февраля Петлюра направил декларацию французскому командованию в Одессу, в которой просил помощи у Антанты «для освобождения нашей украинской нации и восстановления украинского государства». Через 11 дней пришел французский ответ, в котором командующий д'Ансельм заявлял «правительству украинской зоны» о своей готовности предоставить помощь УНР при условии отставки из Директории Петлюры и Андриевского и принятии руководством УНР таких условий, как: контроль Франции над финансами и железными дорогами Украины, подчинение украинских войск общему командованию Антанты, подписание общего военного договора между Антантой, Деникиным и Директорией, назначение новых членов Директории только с одобрения французов. При выполнении этих условий французы обещали украинцам «устроить» союз с Польшей, Румынией, военную и материальную помощь, помощь в признании украинской делегации на мирных переговорах в Париже.

Петлюра хотя и отверг — «в целом» — эти новые «наглые» предложения, но все-таки решил продолжать переговоры с Антантой и направил в Одессу, к французам, новую делегацию.

4 марта генерал Греков, вернувшись с очередных одесских переговоров, огласил Петлюре их неутешительные итоги. Греков сообщил, что французы продолжают настаивать на дальнейшей смене состава Директории, требуя отставки Петлюры и Андриевского как слишком «левых» и слишком «самостийных». Остапенко же убеждал Дирек-

торию в том, что французы готовы оказать помощь УНР и даже выслать на украинский фронт против большевиков одну дивизию.

На следующий день на Государственном совещании Петлюра отклонил непомерные требования французов, заявив, что он бы с радостью ушел, если бы видел достойного преемника, способного удержать ситуацию в стране в обстоятельствах развала аппарата и армии. Несмотря на стремление французов «не иметь дела с Петлюрой», тот отсылает в Одессу очередную делегацию под руководством Грекова и взывает о помощи, хотя бы оружием и боеприпасами. Эта помощь нужна была Петлюре даже в виде простой декларации, появление которой уняло бы его критиков, вселило веру в победу и прекратило бы наскоки польских войск на земли УНР.

3—5 марта польские войска стали атаковать Холмскую группу войск УНР, оторвав от Украины небольшие территории на Западной Волинии. Агрессивность поляков требовала от Петлюры держать постоянно 5—6 тысяч солдат, так необходимых в борьбе с большевиками, на польском фронте.

С начала марта 1919-го Красная Армия все успешнее насаждала на украинские части, которые самостоятельно снимались с фронта и уходили в тыл. Бегство с фронта иногда принимало трагикомические формы: так, одна деморализованная украинская часть даже напала на вагон Директории, стремясь захватить правительственный эшелон, чтобы побыстрее удрать с фронта.

Уже 6 марта по приказу Петлюры Директория и правительство эвакуировались из Винницы в Жмеринку, а затем, 9 марта, в Проскуров. 7 марта «красные» захватили Бердичев, а 13-го в Жмеринке произошло восстание гарнизона УНР, что перешел на сторону большевиков. И хотя через день восстание подавили, а «предателей» расстреляли, Жмеринку удержать не удалось. 19 марта «красные» глубоко врезались в самый центр украинской обороны, заняли Жмеринку и перекрыли железнодорожное сообщение с Запорожским корпусом.

В дни мартовской катастрофы в Каменец-Подольском собрались лидеры УСДРП и УПСР, оппозиционные «диктаторскому режиму» Петлюры. Город стал центром «левой» оппозиции режиму. Именно эта оппозиция разработала ультиматум Петлюре, который повез в Проскуров

социал-демократ Исаак Мазепа. Но Петлюры в Проскурове не оказалось. Он был где-то на фронте...

Петлюра, поработав с «правым» правительством, теперь считал, что с «левыми» украинскими социалистами все-таки придется искать общий язык. Эти партии, в отличие от «правых», имели некоторую поддержку в народе и армии, и их оппозиция режиму могла привести к полному внутреннему развалу республики. 14 марта Петлюра назначил в Проскурове государственное совещание, на которое пригласил членов правительства и Директории, лидеров украинских партий, некоторых членов Трудового конгресса, вождей Западной Украины. Это совещание должно было определить дальнейшую политику Директории. Интересно, что оно было первым и последним заседанием Директории в полном составе после отставки Винниченко. Больше пять «директоров» не собирались... Однако, как и предыдущие, мартовское совещание вылилось в обыкновенную межпартийную ссору. УРСДРП опять требовала не только прекращения переговоров с Антантой, но и прекращения «братоубийственной войны с большевиками».

Выступая на совещании, Петлюра заверил присутствующих в том, что даже при провале переговоров с французами он не пойдет ни на какой договор с большевиками, с этим, как он выразился, «мыльным пузырем», по причине их враждебности украинскому государству. Он впервые призвал «опираться на собственные силы», сетуя, что если бы у «центральноукраинцев» была такая же национальная сознательность, как у «крестьян в Галичине», можно было бы с успехом отстоять государственность и пойти на создание Трудовых Рад (Советов). После совещания стороны остались при своем мнении. Петлюру поддержали члены Директории, правительства, западноукраинские политики, а «партийцы» сохранили «левую» платформу.

16 марта Греков снова возвратился из Одессы, опять привез условия, неприемлемые для Петлюры. Французы подтвердили свои требования отставки Петлюры, считая, что только после такой отставки можно говорить о реальной помощи армии УНР со стороны Антанты. Кроме того, Греков сообщил Петлюре, что французские позиции в Причерноморье заметно ослабли, что французы не хотят воевать и совсем не готовы к военному походу в глубь Украины, что единственной помощью могут быть только военные инструкторы. Особенно удивило генерала то, что

даже атаманчик Григорьев во главе плохо вооруженных крестьян с успехом бьет хваленые войска Антанты. Вдобавок Греков утверждал, что французы против самостоятельности Украины и в Одессе нет их хваленых танков...

Исходя из виденного и слышанного, Греков предлагал Директории официально не прерывать переговоры с французами в Одессе, но и не идти на удовлетворение их непомерных требований — до выяснения положения армии Антанты и ее стратегических планов.

Одновременно с Грековым из Одессы приехала делегация украинских рабочих, которая заявила, что «при французах» в Одессе нет хлеба и топлива и их власть в городе «фикция». Эти сообщения также поколебали веру Петлюры в Запад.

Но на следующий день из Одессы приехал еще один член делегации УНР — министр Константин Мациевич. Он привез более обнадеживающие сведения о возможном союзе с французами. Мациевич утверждал, что французы уже отказались от требования обязательной «замены» Петлюры и даже были готовы подписать договор с Директорией и помочь республиканской армии финансами, оружием, боеприпасами, медикаментами. Для окончательного решения всех вопросов «сам» французский генерал д'Ансельм назначил Петлюре личную встречу через два дня, на станции Бирзула (Котовск). Мациевич говорил и о том, что лучшим выходом для Украины будет протекторат Франции, замечая, что французы уже отказались от идеи «Великой России» в пользу идеи «Федерации народов России». Мациевич оптимистически утверждал, что очень скоро французы сконцентрируют в районе Одессы 100-тысячную армию «для похода против большевиков».

Сообщение Мациевича вызвало прилив энтузиазма у Петлюры и новые надежды на победу.

Но быстрое «красное» наступление, захват «красными» Жмеринки перерезал единственный путь (железную дорогу), по которой должен был ехать на встречу с французами Петлюра, и встреча не состоялась. Внезапный удар «красных» вынудил Петлюру и его окружение уже 20 марта эвакуироваться из Проскурова. Причем часть правительства и Директории бежала в Ровно, часть — в Каменец-Подольский, еще одна — в Stanislaw (Галичина). Петлюра требовал переезда всех министров в Ровно, однако они в большинстве своем решили отсидеться в Галичине. Многие защитники Украины тогда «потеряли голову», катаст-

рофа казалась смертельной. Но Петлюра сохранил присутствие духа, и его позиция и авторитет каким-то чудом скрепили разрушающуюся республику.

В руках украинского войска осталась только узкая полоска территории вдоль границы с Галичиной, часть Волыни и приграничная железная дорога, с линией фронта Могилев-Подольский—Проскуров—Сарны.

17 марта 1919 года командующий Украинским советским фронтом Антонов-Овсеенко издал директиву наступления: «Киевской группе — заслон со стороны Галиции, выход к Днестру, занятие переправ от Могилева до Рыбницы...» Главная масса «красной» Киевской группы прорвала центр республиканской обороны и устремилась на запад.

Делегация Директории выехала в Одессу через Румынию, но так и не успела провести переговоры, потому что французы в начале апреля 1919 года, разуверившись в Деникине и Петлюре, начали эвакуацию своих сил за пределы Украины.

Петлюра решил извлечь выгоду даже из поражения: за военную катастрофу пришлось отвечать его конкурентам на власть — Наказному атаману и военному министру. К этому времени Петлюра, очевидно, уже имел данные о том, что против него зреет «правый» заговор генералов. Отставке Грекова способствовало и то, что генерал вошел в острый конфликт с начальником штаба армии А. Мельником и их соперничество разрушало единое командование. 21 марта 1919 года Петлюра подписал указ об отставке Грекова с поста Наказного атамана. Греков оказался не у дел и был вынужден уехать в ЗУНР, где через два месяца был назначен командующим Украинской Галицкой армией, что по численности в пять раз превышала армию «петлюровцев». Вместе с Александром Грековым в отставку с поста военного министра УНР был отправлен Александр Шаповал (бывший полковник царской армии).

В день отставки Грекова и Александра Шаповала в Каменец-Подольском, в этом, как писал Исаак Мазепа, «слепом уголке Подолии», произошло еще одно событие, которое подточило оборону УНР. В городе тогда ширились ложные слухи о том, что Проскуров уже пал и «красные» движутся на Каменец, под впечатлением от этих слухов в городе начался полный хаос.

Лидеры «левых», оппозиционных Петлюре партий, УПСР и УСДРП созвали в Каменец-Подольском Трудо-

вой конгресс, который потребовал немедленно приостановить переговоры с Антантой, начать переговоры с большевиками и дал согласие на создание независимой Советской Украинской Республики как части Советской федерации. От Директории «конгрессисты» требовали создать новое «левое» правительство из партий УСДРП-«центр», УСДРП-«независимые», УПСР-«центр». К удивлению Петлюры, почетным главой конгресса стал Михаил Грушевский, человек не самых «левых» убеждений.

Интересно, что в день открытия конгресса институции Директории и правительства Остапенко исчезли из Каменца. Чиновники были напуганы бунтом «левых» и возможным арестом, а также стремительным наступлением «красных» на Проскуров. Приняв факт «исчезновения власти» как окончательный, конгресс сформировал новое правительство — «Комитет охраны революции» — преимущественно из социал-демократов во главе с В. Чеховским. Петлюра немедленно телеграфировал в Каменец, что не признает Комитета, но это только прибавило «комитетчики» энергии.

Рассматривая себя как новое правительство УНР, «комитетчики» провозгласили прекращение боевых действий на большевистском фронте и назначили своих комиссаров в покинутые министерства. Самым удивительным было то, что Комитет заявил о своем желании формировать общее с большевиками временное правительство Украинской Советской Республики. «Левый» переворот в Каменец-Подольском фактически граничил с «нечетной» капитуляцией республики.

Но не только политической мудрости и сил, но и смелости «комитетчикам» все же не доставало. Узнав, что вместо переговоров «нашедшееся» правительство Остапенко и «директор» Андриевский предлагают «вооруженно ликвидировать Комитет», бунтари просто трусили. «Комитет» самораспустился уже 26 марта, а его члены разбежались... В тот же день верные Директории части арестовали несколько десятков активных «комитетчиков». Грушевский тогда бежал за границу и практически на всю оставшуюся жизнь зарекся заниматься политикой.

Надо отметить, что в феврале—марте 1919 года многие значимые фигуры украинской политики (Н. Шаповал, В. Винниченко, М. Чечель, И. Шраг и др.), разочаровавшись в будущем украинской независимости, бежали за границу. Бегство «вождей» за границу катастрофически

повлияло на положение на фронте и в тылу и привело к дезориентации масс. Положение усугублялось еще и тем, что некоторые партийные активисты остались на местах: в Киеве, Виннице, Житомире, и, не желая отступить с армией, практически становились заложниками большевиков. С апреля одной из серьезных проблем для режима Петлюры будет острый недостаток специалистов и «партийных кадров» для строительства управленческого аппарата.

Ко времени созыва каменецкого конгресса Петлюра и сам уже разочаровался в своих министрах, вместе с французами и «правым» курсом. Тонко чувствуя качание политического маятника, он вынашивал уже новые планы создания «левого» правительства. Своим особым приказом Петлюра освободил «комитетчиков» из тюрем и некоторых лидеров бунтовщиков «призвал» к себе в Ставку.

Такого хода событий не мог предвидеть никто, но он был полностью закономерен для «революционной весны» 1919-го, когда лозунги «всемирной революции» частенько оборачивались неожиданностью. В том бесшабашном марте 1919-го даже сечевые стрельцы, считавшиеся социалистами «правыми», издали воззвание, в котором заявили, что они готовы поддерживать «советскую власть на местах», если благодаря ей наступит долгожданный порядок. К изменению курса толкало Петлюру и новое обострение ситуации на фронте.

Одновременно с прорывом «красных» на центральном участке фронта, на северном участке в середине марта 1919-го началось контрнаступление петлюровцев. Оно тщательно готовилось Петлюрой и начальником штаба Мельником и было приурочено к окончанию реорганизации корпуса сечевых стрельцов, который двадцать дней находился «на отдыхе». Сосредоточив значительные силы на Волыни (до 12 тыс. штыков), Петлюра неожиданно для «красных» 19 марта ударил на Киев.

Сначала наступавших ждал успех, потому что основные силы «красных» находились южнее, у Жмеринки. Республиканцы захватили Коростень—Новгород-Волынский—Житомир и развернули успешное наступление на Киев (пройдя с боями 180 километров), дойдя до реки Ирпень, что в 30 километрах от столицы. У большевиков не было резервов, чтобы защитить Киев, правительство приказало чиновникам готовиться к эвакуации столицы. Только направление под Киев сил из резерва главкома помогло остановить петлюровское наступление 26 марта.

В это же время «красные» части были отброшены от Ровно и выбиты с украинского Полесья за реку Припять. Одновременно с наступлением на севере Украины петлюровцы попытались перейти в контрнаступление на южном участке фронта. Враг был отбит от Умани, и петлюровцы силились пробиться к Таращине, где не так давно вспыхнуло антибольшевистское восстание. План Петлюры состоял в том, чтобы ударами с севера и юга окружить и уничтожить основную центральную группу «красных» у Винницы.

Однако взять Киев в марте 1919-го уже не было сил, как не было сил и совершить масштабную операцию окружения. В 20-х числах марта армия УНР исчерпала все людские резервы и военные запасы, к тому же самим наступавшим, оторвавшимся от тылов, грозило полное окружение.

Но главным недостатком проведения операции было незнание замыслов противника, отсутствие хорошо налаженной разведывательной сети. «Красные» предприняли встречное наступление, ударив по слабой центральной части петлюровского фронта, что предопределило полный провал акции.

В то же время главком РККА Вацетис считал, что Антонов-Овсенко выделил недостаточно сил на разгром армии Петлюры, распылив свои дивизии на одесско-румынском и крымском направлениях. Главком предлагал все возможные войска направить против Петлюры с целью полного уничтожения его сил и выхода на границы Галичины и Буковины — «для непосредственной, тесной связи с советскими войсками Венгрии», ведь Ленин уже поставил задачу создания единого революционного фронта РСФСР, УССР и Советской Венгрии. Уже 27 марта Антонов-Овсенко телеграфировал главкому: «...нами прорван центр противника, захвачены 5 штабов дивизий, штаб корпуса, 200 орудий, 100 бомбометов, до 1000 пулеметов, оторванный правый фланг противника почти окружен...»

К этому времени стало ясно, что план петлюровского наступления провалился и инициатива полностью перешла в руки «красных». С конца марта «красные» развили стремительное контрнаступление, что привело к новому расчленению сил петлюровцев. Главные силы Петлюры, что располагались на Волыни в районе Ровно, оказались полностью отрезанными от петлюровцев, оборонявших Каменец-Подольский. Защитники Каменца в середине ап-

реля 1919-го, были вынуждены отойти за реку Збруч. Эта речка фактически не была серьезным препятствием для Красной Армии, однако, с политической точки зрения, она была границей, за которой простирались территории ЗУНР, еще полгода назад принадлежавшие Австро-Венгрии.

Выйдя на Збруч, Красная Армия в нерешительности остановилась. У большевиков имелись некоторые планы относительно союза с армией ЗУНР. Ленин думал договориться с галичанами, обещая им вооружение и союз в войне против Польши, одновременно от галичан требовали полного разрыва с Петлюрой и пропуска частей Красной Армии через Галицию в Венгрию. Поэтому большевики не торопились начинать войну против галичан.

Штаб армии УНР был вынужден переехать из Проскурова в маленькое местечко Здолбунов, а все центральные учреждения УНР эвакуировались в Ровно. 8—15 апреля крах центрального участка фронта приводит к тому, что «красные» захватывают Проскуров, Староконстантинов, Новгород-Волынский и Каменец-Подольский.

Поражение на фронте, казалось, не оставляло никакой надежды на победу. Но Петлюра не мог смириться с поражением, ведь у него был характер «впэртого (рус. *упертого*) хохла». Оказавшись практически без армии, Петлюра ухватился за возможность изгнания большевиков с Украины посредством всеобщего восстания в тылу «красных». С середины марта 1919-го до штаба Петлюры стали доходить несколько преувеличенные сведения о повсеместном восстании на Центральной Украине.

Так, прибывшая в штаб Петлюры делегация от атамана повстанцев Зеленого сообщила, что Зеленый готовит самостоятельный поход на Киев и уже имеет «армию» в 20 тысяч повстанцев. Интересно, что восставшие крестьяне весной 1919-го выступали не за возвращение власти Директории, а под новым лозунгом: «Советы без коммунистов!».

Украина пылала огнем крестьянских восстаний. 8—10 апреля состоялся поход украинских повстанцев на Киев. Атаман Зеленый приблизился к Киеву с юга и отвлек «красные» резервы на себя, в это время атаман Струк ударом с севера захватил пригороды Киева: Куриневку, Святошино, Подол. Киев мог пасть в любую минуту. Ситуация была настолько серьезной, что караульная рота и члены Советского украинского правительства были вынуждены идти

в бой на Подол, где проходил фронт. Повстанцев удалось отогнать от Киева, но они не сняли осаду столицы.

Серьезные надежды Петлюра возлагал на распад Красной Армии. Особенно они усилились после того, как в конце марта, под Мозырем, на сторону Директории в полном составе перешла «красная» Тульская бригада, состоящая из русских солдат.

Рассчитывая на повстанцев, Петлюра был вынужден сдвинуться «влево», поэтому предложил лидерам УСДРП и УПСР «забыть» каменецкий бунт и совместно преступить к созданию нового «левого» правительства. Со своей стороны, «левые» выдвинули такие условия: Петлюра становится официальным главой Директории; в Директории сохраняется по одному представителю от УСДРП, УПСР и политиков Галичины; Директория оказывается под контролем Совета министров и утверждает законы только после одобрения Совета министров.

Но Петлюра, извлекая из договора с «левыми» собственные политические выгоды, не спешил выполнять их требования о подконтрольности Директории Совету министров. Винниченко писал, что Петлюра согласился на требования «левых»: «...зная по опыту, что законы и всякие декларации одно, а фактическая власть — другое. Фактическая власть оставалась в его руках, а бумажные законы министров могли только служить для успокоения атаманов. Петлюра теперь мог все, он упивался властью, он мог легко менять правительства, понимая, что остался самым влиятельным лицом Директории, популярным политиком, вождем борющейся Украины».

Андриевский самостоятельно сделал заявление об отставке из состава Директории, хотя через некоторое время отказался от добровольной отставки, продолжая себя считать членом Директории. Но Петлюра, приняв отставку Андриевского, уже не воспринимал его как «директора». Швец практически самоустранился и был вне пределов досягаемости Петлюры. Предложения «левых» полностью устраивали Петлюру, открывая ему дорогу к единоличной власти.

Фактически из членов Директории остались только малопритязательный, малопопулярный и управляемый Макаренко, а также Петрушевич, который «носа не показывал» из Галичины и всячески демонстрировал независимость галицкого правительства. Играя в эту игру, Пет-

рушевич обретал Галичину, но терял всякое влияние в Директории. Социалисты, согласившиеся, что Петлюра будет главой Директории, фактически президентом УНР, решили Директорию «не цеплять», оставив ее на «откуп» Петлюре. Сам Петлюра, надеясь на президентское кресло, заявил: «Директория сейчас — труп», а кабинет Остапенко Петлюра назвал «просвитянами, которые умеют только жаловаться и вздыхать». Действительно, Директория в феврале—марте 1919-го распалась, а министры разбежались. Каждый член Директории действовал по своему разумению: Макаренко самостоятельно назначал министров, Андриевский самочинно приказывал арестовать лидеров партий, Петрушевич вообще самоустранился от любых решений.

Дав новым «панам-министрам» призрачную власть над несколькими уездами, Петлюра убедил «левых» отказаться от главных своих требований: мира с большевиками, установления советской формы правления, даже от неприятия переговоров с Антантой, чем фактически легализовал их. Петлюра «призвал» социал-демократа Бориса Мартоса стать во главе правительства и пообещал согласовать состав нового кабинета с галицкими лидерами, но так и не дождался их одобрения.

Справка: Мартос Борис Николаевич (1879 — после 1960) — из дворян Полтавщины, член РУП и УСДРП, участник революции 1905 г., инспектор кооперации Полтавского земства. В 1917 г. — член Центральной Рады, генеральный секретарь земельных дел. 1918 г. — глава Всеукраинского кооперативного комитета, 1919 г. — министр финансов УНР, затем премьер-министр. С 1919 г. в эмиграции в Чехии и Германии. В 50-е гг. — секретарь научного совета Института изучения СССР в Мюнхене.

События в мире, казалось, подталкивали к «левому курсу». 21 марта к власти в Венгрии пришло коммунистическое правительство во главе с Белой Куном, в начале апреля бессильная Антанта эвакуировала свои войска из Одессы, 4 апреля в Южной Германии победила революция и была создана Баварская советская республика. Несмотря на «левую» весну, члены Директории П. Андриевский и Е. Петрушевич требовали от Петлюры продолжать «правый» курс, а А. Макаренко и Ф. Швец выступили за поворот «налево». «Левое» направление неожиданно поддержали и сечевые стрельцы. И Петлюра решил.

9 апреля был оглашен состав нового, «левого», кабинета Бориса Мартоса всего из пяти человек (при семи вакантных местах). Ключевые должности в министерствах заняли социал-демократы: И. Мазепа, А. Ливицкий, Г. Сиротенко, а эсеры очередной раз посчитали себя обойденными и заняли неопределенную позицию то ли друзей, то ли врагов режима. Этой позиции соответствовал внутренний распад УПСР на множество фракций и групп.

11 апреля Петлюра созвал военное совещание командного состава армии в Здолбунове. Петлюра тогда выбрал позицию наблюдателя и, не высказывая своего мнения, дал командирам выговориться.

То, что он услышал, пугало: в командовании не было единства... Одни генералы предлагали отойти в Галичину и освободить поле боя для польской и «красной» армий, другие — искать союза с Красной Армией. Атаман Оскилко, генералы Синклер и Агапиев предложили немедленно замирились с Польшей и освободить республиканские войска на польском фронте для сопротивления большевикам.

А «левые» министры, не забывая о Трудовых Радах (Советах), о земельной реформе, требовали немедленных революционных изменений. Вскоре Петлюра дал согласие на организацию Трудовых Рад в Ровенском и Каменецком уездах, на съезде «трудящихся» в Каменце он лично приветствовал новоиспеченную уездную Трудовую Раду.

12 апреля Петлюра обратился с Декларацией к народу, призывая к «опоре на собственные силы» и публично отказываясь от сотрудничества с Антантой. Антанта была уже не нужна, так как Одесса была оставлена ее войсками, а французское «правительство войны» премьера Клемансо ушло в отставку.

Партии, считавшие себя центристскими: социалисты-«самостийники», федералисты и народные республиканцы — были недовольны сменой курса. Они предполагали, что смена курса приведет к союзу с большевиками. Надежды на изменения они связывали с галицкими политиками и с командующим самым сильным участком фронта — Северной группой (до 15 тысяч человек) — молодым атаманом Оскилко, который открыто выступал против нового кабинета, о чем лично информировал Петлюру. В Станиславе, где перебивали отстраненные от большой политики Швец, Андриевский и Петрушевич, зрел новый заговор.

ГЛАВА 16

«В ВАГОНЕ ДИРЕКТОРИЯ, А ПОД ВАГОНОМ ЕЕ ТЕРРИТОРИЯ». 20 апреля—26 июля 1919 г.

«Правые» украинские партии, практически не известные в народе, подготавливая заговор против Петлюры, рассчитывали прежде всего на армию, в то время единственную реальную силу на небольшой территории УНР (вся территория республики состояла из нескольких уездов южной Волыни с городами Ровно и Луцк). Такой расчет был оправдан — в армии царил разброд. Офицеры УНР тяжело переживали военную катастрофу, многие видели в ней «предательство», винили Петлюру как Главного атамана в «некомпетентности». Однако Петлюра не мог накормить «манной» армию, он не имел практически никаких источников поставок на фронт боеприпасов, амуниции, медикаментов. Все граничащие с УНР страны не только отказывались торговать с Украиной, но и стремились захватить хотя бы часть ее территории. УНР оказалась в плотном кольце врагов. Удивление вызывает упорство, с которым петлюровцы, всего 20—30 тысяч, на протяжении полугода удерживали земли Подолья или Волыни, не имея при этом снабжения и тыла. Да и откуда ему было взяться? Ведь те уезды, на которых базировалась армия Петлюры, были одними из самых отсталых на Украине, в них не было не только военной промышленности, но и вообще крупного промышленного производства.

Ропот офицерства и части «политиков» усиливался еще и тем, что потомственного дворянина Бориса Мартоса многие считали «большевиком». Известны были и «левые» настроения в правительстве и армии. Так, Наказной атаман Осецкий, и.о. военного министра Сиротенко, начальник штаба Мельник и Коновалец выступали за немедленное замирение с большевиками и предлагали все силы сконцентрировать на войне против Польши. В то же время никто не знал о действительных планах самого Петлю-

ры, который всегда стремился, до поры до времени, скрывать свои стратегические планы. Слухи о тайных переговорах с большевиками порождали тревожные ожидания.

Вообще, «внутреннюю» историю Директории можно рассматривать как детектив — сплошную череду заговоров, мятежей и их подавлений. Очередной заговор зрел в штабе Северной армейской группы, где кроме «самостийника» атамана Оскилко, Петлюру особенно недолюбливал начальник штаба атамана Оскилко — генерал Агапиев (который уже тогда втайне ориентировался на Деникина и, возможно, уже был агентом белогвардейцев).

Но о планах заговорщиков, об их покровителях из Галичины Петлюре было хорошо известно... Петлюра даже знал, что намеченным днем выступления заговорщиков было 30 апреля. На удивление хорошо работала петлюровская контрразведка во главе с лично преданным Петлюре поручиком Михаилом Чоботаревым. Недруги называли его «профессионалом в своем деле», «безжалостным убийцей», который завел в армии УНР контрразведку по образцу советского ЧК. Но без «профессионала» Чоботарева режим вряд ли смог бы выстоять. Чоботарев имел большое влияние на Петлюру, состоя не только начальником контрразведки штаба армии, но и начальником личной охраны Главного атамана.

Узнав о готовившемся заговоре в Ровно, Петлюра решил упредить мятеж или даже попытаться «решить дело миром», приказав Оскилко срочно выехать на фронт для непосредственного командования частями Первого корпуса, который входил в состав Северной группы. Петлюра всегда опасался «крайних мер» и стремился скорее предупредить беду, чем потом ее расхлебывать. После того как Оскилко не подчинился этому приказу, Петлюра отстранил его и генерала Агапиева от командования группой, чем подтолкнул их к еще неподготовленному выступлению.

В ночь на 29 апреля 1919 года молодой атаман решился на отчаянный шаг. Он арестовал в Ровно премьера Мартоса и его министров, нескольких лидеров «левых» партий и самопровозгласил себя Главнокомандующим всеми вооруженными силами Украины. В своих воззваниях к войскам и народу Оскилко обещал установить «право, порядок, незыблемость частной собственности», а также объяснял причины поражения на фронте предательством, прежде всего «левых социалистов» и армейских штабистов, что «продали Украину большевикам». Петлюру он

обвинял в том, что тот «слушается предателей». Автор воззваний уверял, что «больные, переутомленные до последней возможности люди, Петлюра и Макаренко, которые не в силах были нести всю тяжесть ответственности верховной власти, целиком подали под влияние разложившихся самой жизнью элементов левых революционных партий».

Одновременно с воззваниями были пущены провокационные слухи, что по приказу новых «левых» министров Петлюра был предательски арестован. Себя Оскилко хотел представить как спасителя государства и отстранить Петлюру как «виновника всех зол».

Оскилко надеялся на помощь начавшего прибывать из Галичины в Родзивиллов Запорожского корпуса (что пробыл через Румынию и Галичину из Причерноморья на соединение с основными силами Петлюры), однако превентивные меры Петлюры не дали возможности заговорщикам провести в корпусе свою «работу».

В кругу посвященных в заговор лиц было уже решено, что Директория будет низложена, а Петрушевич станет Президентом объединенной Украины, хотя сам Петрушевич был очень осторожен и открыто не поддержал заговора. «Правые» политики поощряли самолюбие Оскилко — молодого выскочки с амбициями Наполеона, называя его «молодым украинским орлом», постоянно указывали ему на то, что именно он «хозяин нынешнего положения» в УНР, так как в Ровно, где господствуют войска его группы, находится государственный центр Украины.

Мятежный атаман направил в ставку Главного атамана, на станцию Здолбунов, конную сотню своих приверженцев, для того чтобы «арестовать Петлюру и разогнать его штаб». Однако посланные для ареста Петлюры кавалеристы не исполнили приказа. Оправдываясь, командир конной сотни заявил Оскилко, что, когда его отряд подъехал к Здолбунову, от перрона станции отошел штабной поезд Петлюры, который увез Главного атамана по направлению к Дубно.

Сейчас можно только догадываться, чем руководствовался командир сотни для подобного доклада: нежеланием поддерживать авантюру, проливать кровь или личным разгильдяйством. В действительности же Петлюра только умело инсценировал свой отъезд на поезде, а сам, зная о намерениях его арестовать, закрылся с отрядом верных сечевых стрельцов в помещении станции и приготовился к обороне. Странно, но «не нашел» Петлюру и бронепоезд,

высланный в Здолбунов Оскилком, и посланный туда же пехотный полк заговорщиков.

Оскилко не удалось поднять значительное число войск на бунт, хотя он и стянул «верные» части в Ровно. Удивительно, но хватило небольшого отряда сечевых стрельцов из охраны Петлюры, чтобы ликвидировать бунт и освободить напуганных министров. Днем 29 мая самолет, «верный Петлюре», разбросал над Ровно и над позициями заговорщиков листовки с воззванием Петлюры прекратить мятеж. А Оскилко, пробыв «гетманом» только один день, услышав первые выстрелы у своего штабного вагона, в панике бежал за польскую линию фронта.

На следующий день в 11 утра Петлюра и его штаб торжественно въехали в Ровно. Митинг, который состоялся на центральной площади, стал ареной для красноречия победителей — Петлюры и «левых» министров — и сцены примирения «обманутых солдат» со своим Главным атаманом.

Крах выступления Оскилко не пошатнул, а даже укрепил позиции Петлюры, дав ему повод для игнорирования членов Директории, что каким-то образом были связаны с мятежом: Андриевского и Петрушевича. Отношения с президентом ЗУНР Петрушевичем тогда предельно накалились, хотя петлюровцы остро нуждались в помощи галичан солдатами и даже в тыловой «галицкой территории».

Вскоре, 9 июня, в Проскурове был раскрыт новый «правый» заговор, уже под руководством полковника Болбочана. Еще после первого своего заговора и ареста полковник Болбочан был выставлен Петлюрой в Галичину, где нашел теплый прием галицких политиков. Нити заговора и в этот раз шли к столичному Станиславу и тамошнему правительству. Именно в этом городе, «под крылом» власти ЗУНР, формировался военный заговор. Снова вдохновителями мятежа были лидеры карликовых партий, обойденных при дележе власти: «самостийныкив», народных республиканцев, федералистов, хлеборобов-демократов, Союза мелких и средних землевладельцев. Среди «персон» заговорщиков были и бывший гетманец Липинский, и бывший «директор» Андриевский, и бывший министр Мацевич. Они внушили себе и Болбочану, что Петлюра ни на что не способен и что достаточно появиться новому военному «авторитету», как войско само выступит против Главного атамана. «Правых» беспокоила «левизна» Пет-

люры, и они стремились к отмене закона о Трудовых Радах, к пересмотру земельного закона.

Как только Запорожский корпус прибыл в расположение войск Петлюры, был разработан план переворота с помощью войск этого корпуса, в котором еще четыре месяца назад командующим был Болбочан. Для осуществления военного переворота Болбочан должен был любыми путями возглавить корпус, который составлял тогда около одной четвертой всей армии Петлюры.

Организаторы заговора Шомет и Мациевич встретились с премьером Мартосом и ультимативно предложили ему убедить Петлюру отказаться от поста Главного атамана, передав командование Болбочану. Но это был достаточно наивный ход. Хотя Мартос и конфликтовал с Петлюрой, он «отшил» просителей, заявив, что подобный шаг был бы поворотом «вправо», который дезорганизовал бы государство и войско.

Еще одна делегация, на этот раз от казаков и семи командиров полков Запорожского корпуса, обратилась к самому Петлюре с просьбой о восстановлении Болбочана на посту командующего корпусом. Но Петлюра категорически отказался, ибо уже знал (от Чоботарева) планы заговорщиков. В ответ на просьбы о восстановлении Болбочана Петлюра заявил, что не допустит, чтобы офицеры поставили «нового гетмана» и что больше никогда не вернет Болбочана в армию. Личная встреча с Болбочаном также не убедила Петлюру в искренности намерений отставного полковника.

Но некоторые командиры полков Запорожского корпуса решили проигнорировать запрет Петлюры и принять в качестве своего командующего Болбочана, убедив государственного инспектора корпуса согласиться на это назначение. Болбочан, приняв корпус, прежде всего провел смотр частей и арестовал законного командующего корпусом Сальского. Планировался и арест Петлюры с его «левыми» министрами. Но заговорщики затянули первый этап мятежа — овладение командованием корпусом. Поэтому мятеж, едва вспыхнув, уже был обречен. Контрразведка лишила заговорщиков связи и перехватывала все болбочановские приказы в войска.

Петлюра в ночь на 10 июня объявил Болбочана вне закона и приказал его арестовать, что и сделал небольшой отряд полка имени Дорошенко. На следующий день на станции Черный Остров, где находился штаб армии, произошел суд, который приговорил Болбочана к расстрелу.

Мятежный атаман, сошедший с ума после вынесения приговора, был вскоре застрелен лично Чоботаревым. Петлюре же удалось «расстрелом» Болбочана подтянуть дисциплину в армии и укрепить свой пошатнувшийся авторитет диктатора. Вскоре после этой акции планировалось арестовать бывшего «директора» Андриевского и несколько партийцев-«самостийныкив», но они все сумели оперативно скрыться.

Мятежи различных командиров и атаманов, что начались еще в январе 1919 года, были проявлением атаманищины на Украине. Атаманищину можно рассматривать как исторический феномен, который оказал свое влияние на формирование как местной, так и центральной власти.

Жизнь в украинской провинции с декабря 1918 года оказалась под контролем сотни местных командиров, атаманов и батек, что руководили повстанческими и военными формированиями. Иногда подобные отряды защищали интересы отдельной волости или села, иногда воевали между собой и против городов, где «сидела» враждебная крестьянам власть, от которой только и было «проку», что получать приказы и принимать карательные и реквизиционные отряды.

Начав с сельских «вождей», атаманы входили во вкус власти и претендовали порой уже и на всеукраинскую власть. Распадалась не только держава, но и армия УНР, которая состояла на 70% из крестьянских повстанческих отрядов. Атаманы не желали подчиняться, не хотели далеко удаляться от своих районов.

«Где собирается два украинца, появляется три гетмана» — гласила пословица. Сельская Украина была поделена между несколькими десятками атаманов, которые мнили себя вполне независимыми и могли переходить от петлюровцев к «красным», а попробовав «красной власти», — снова к петлюровцам.

«Там было сто двадцать правительств, и зажиточное крестьянство там развращено», — писал об Украине В. И. Ленин.

Атаманы водили за собой «из огня да в полымя» слабо разбиравшееся в политике крестьянство.

Атаманы мечтали реализовать на Украине свое видение «воли и свободы». Это была своеобразная вождистская, народная элита, а «атаманская идея» заключалась в бесконтрольности местной власти и самоорганизации сел, которые враждебны городской культуре и городской влас-

ти. В «атаманшине» заглавную роль играл «человек с ружьем», которому оружие открывало путь к вседозволенности. Живучесть атаманщины связана с тем, что Петлюра, не имея резервов, искал силы, на которые можно было опереться в борьбе с «красными». Петлюра просто был вынужден снабжать атаманов деньгами и оружием, чтобы объединить все антибольшевистские силы.

Другая сторона атаманщины — переход местной власти на территориях, контролируемых петлюровцами, к военным. Да и быть не могло другого пути в условиях «войны против всех». На местах командиры, коменданты и атаманы были «богами» еще и потому, что не было создано аппарата местной власти, а вопрос о Трудовых Радах (Советах) постоянно зависал в воздухе.

Реальной силой в УНР, начиная с февраля 1919 года, обладали только военные, и Петлюра был вынужден, в первую очередь, считаться с ними, как считался с командирами сечевых стрелцов, — формирования, которое было самым сильным на фронте и обеспечивало личную охрану Главного атамана. Сечевики стали преторианской гвардией режима и соответственно стремились определять его направленность. Командир сечевиков Евгений Коновалец оказался «больше политиком, чем военным». Да и сам режим Петлюры можно назвать «полувоенной диктатурой», так как руководителем государства в феврале 1919-го стал Главный атаман, который, придя во власть, стремился опираться на военных, применял военные методы в решении разнообразных гражданских вопросов. «Военному коммунизму» был противопоставлен «военный атаманский социализм».

Опасность «правых» заговоров офицерства подтолкнула Петлюру и Мартоса принять решение о создании Государственной инспектуры, которая очень напоминала комиссарскую структуру в Красной Армии. Инспектора должны были контролировать «настроения в армии» и «быть правой рукой и глазами центральной власти», они «не должны были останавливаться ни перед какими мерами, чтобы спасти армию от распада и деморализации». Государственные инспектора были обычно юношами 20—25 лет из «левых» украинских партий. Несмотря на свою молодость и отсутствие военных знаний, они приставлялись к командирам разных рангов для того, чтобы следить за их действиями. Частенько инспектора входили в конфликт с командирами, что подрывало авторитет последних и об-

щую дисциплину. Эта мера была очень непопулярна в офицерской среде. Об инспекторах даже создали шутивную песню: «Незлым словом я припомню державную инспектуру, что нам войско разрушала, не со зла — а только сдуру».

Несмотря на успех в ликвидации внутренних мятежей, положение на фронте было пугающим. Уже 1 мая Петлюра на заседании правительства и штаба армии в Ровно отдал приказ готовиться к полной эвакуации армии с территории Волыни. С 3 мая начинается постепенная эвакуация армейских запасов из Ровно в Галичину. Сначала в Броды, а затем в Тернополь. Правительство УНР 5 мая покинуло Ровно и перебралось в вагоны на станции Радзивиллов у границы с Галичиной, через несколько дней туда же перебрались и члены Директории. На Волыне за петлюровцами остался только микроскопический тыл. Да и эту территорию они могли вот-вот потерять...

Уже тогда «красные» бойцы распевали частушку-агитку, где были такие слова:

Ох, ты славная Директория,
А где же твоя территория?
В вагоне вся Директория,
Под вагоном ее территория.

До Петлюры в конце апреля дошли сведения о том, что поляки перебрасывают сильную армию Галлера на Западную Волынь, и решение об эвакуации Волыни стало спасительным. Одновременно эвакуацию с Волыни Петлюра хотел использовать для перегруппировки, переформирования армии и создания мощного «кулака» для прорыва советского фронта.

С этого времени вопрос о территории становится основным во всех дальнейших планах Петлюры. Петлюра, Мельник, Тютюнник начинают разрабатывать план нового, казалось бы нереального, похода на Киев. План этот был только частично реализован через 25 дней, во время проскуровского прорыва.

9 мая 1919 года, в условиях надвигающейся катастрофы, правительство и «директора» Макаренко и Швец решают провозгласить Петлюру Главой Директории. Теперь любое решение даже большинства «директоров» не могло иметь никакой силы без визы Петлюры. Петлюра становится демократическим диктатором Украины. Это реше-

ние «директорам» и министрам навязал сам Симон Васильевич, проигнорировав конституционный акт от 28 января 1919 года, по которому изменения полюсов власти Директории мог провести только Всеукраинский Трудовой конгресс (парламент). Но такое игнорирование «старых» законов было не внове для Петлюры. Месяц назад, назначая новых министров, он уже проигнорировал закон о Директории, по которому такая смена могла быть осуществлена только большинством членов Директории. Но тогда провели смену министров только двое — Петлюра и «его послушный» Макаренко.

В то время как на восточном фронте с войсками Советской России проходили позиционные бои, опасность для петлюровцев надвигалась с запада. Из Франции в Польшу была переведена 80-тысячная армия поляков-эмигрантов генерала Галлера. Эта армия была немедленно направлена Пилсудским на завоевания земель для «Великой Польши» — против войск ЗУНР и УНР. Армия Галлера начала наступление против войск Холмской украинской группы уже 14 мая 1919 года. Через три дня боев 12-тысячная польская армейская группа наголову разгромила Холмскую группу УНР, которая составляла всего 5—6 тысяч бойцов. Захватив Луцк, поляки взяли в плен до полутора тысяч солдат, 120 офицеров, несколько генералов УНР. Холмская группа войск Петлюры, что прикрывала «столбчатый» Ровно с запада, перестала существовать уже к 18 мая. Выход поляков в тыл Северной группы (около 8 тысяч бойцов) посеял панику. Видя опасность полного уничтожения армии, Петлюра приказывает всем частям республиканцев отступить в Галичину, на что дало свое согласие правительство ЗУНР.

18 мая Петлюра и его министры покинули Радзивилов и перебазировались, сначала на станцию Красное, потом в галицкий уездный Золочив, а с 25 мая — в Тернополь.

Общей паникой и отступлением армии УНР воспользовались «красные» — Первая Советская Украинская армия 20 мая ударила по республиканским войскам с востока, разгромив остатки Северной группы и 24 мая захватив Ровно.

Петлюра, пытаясь спасти от развала армию, издает приказ, гласящий, что за сдачу в плен, паникерство, дезертирство, неисполнение боевых приказов будет следовать смертная казнь, но эти жестокие приказы, как и многие другие,

уже «не работают» и не могут спасти армию от развала. Да и создание следственных комиссий по поводу погромов и наказание за еврейские погромы (вплоть до расстрела провокаторов), также не могут уже остановить погромщиков.

Под властью Директории на 25 мая оставалось только несколько десятков километров железной дороги у станции Броды и маленькое местечко Каменец-Вольнский, что составляли «тыл» армии. Железнодорожная ветка Дубно—Броды оказалась полностью забита петлюровскими эшелонами с патронами, архивами и амуницией армии.

Винниченко, зло издеваясь над Петлюрой, пишет в 1920 году такие строчки о событиях мая—июля 1919-го: «...пришло «вагонное» существование, шатания по станциям, местечкам, без прибежища, без порядка, без войска, без территории и с врагами со всех сторон. Были моменты, когда под властью украинского атаманско-«социалистического» правительства было только несколько верст железной дороги, занятой правительственными вагонами, в которых жили правительство, партии, чиновники и «войско». Что-то похожее на цыганский табор... Директория живет в вагонах, вокруг которых горы нечистот, мусора, грязи. Министры ругаются, грызутся, жалуются, арестовывают друг друга. Войска нет, только одни штабы и атаманы во главе с «Головным атаманом» — «балериной». Этот смешной, вредный для нашего движения человек не останется ни перед чем, покуда есть хоть пядь территории и два—три человека, перед которыми он может грациозно позировать, тогда он чувствует себя при деле».

Но Винниченко, кстати, сам «великий позер», видел только минусы, слабые стороны правления Петлюры, он не хотел замечать феномена «петлюровского режима», не хотел осознать того, что «петлюровщина», после того как на непродолжительное время исчезала, теряя территорию, каждый раз чудесным образом возрождалась, как «политический» феникс, вновь обретая армию и территорию. А это как раз свидетельствовало о крепости не столько режима, сколько идеологии, за которой люди шли в бой. Мечта о независимом, свободном, социально ориентированном обществе вновь собирала этих людей, оторванных друг от друга границами и враждебными войсками. Идея собирала людей вокруг Петлюры, в котором многие видели харизматическую, сильную личность, способную организовать борьбу за победу.

Харизма Петлюры пугала Винниченко и бесцветных галицких политиков, что были способны только на заго-

воры, опасались открытой конкуренции с Петлюрой. Христюк вспоминает, что «когда кабинету Мартоса и членам Директории — С. Петлюре и А. Макаренко — довелось отступить на земли Галичины, то этих «большевиков» Государственный секретариат ЗУНР сначала просто не хотел пускать в «свою хату», а когда потом пустил, то давал постоянно чувствовать свою нерасположенность к социалистическому правительству, с трудом терпя его пребывание на галицкой территории».

В конце мая 1919-го связь главнокомандующего и штаба УНР с республиканскими частями прервалась. Дезорганизованное республиканское войско распалось под ударами «красных» на 4—5 частей и было предоставлено само себе, самостоятельно ища выход из окружения. Так, надеясь спасти ситуацию, сечевые стрельцы 23—24 мая еще пытались контратаковать «красных» в направлении Шепетовки.

27 мая польская армия захватывает станцию Броды, перерезав единственную «дорогу жизни», что связывала разрозненные части УНР. Масса эшелонов с военным имуществом УНР оказалась окружена, отрезана от направления отступления на Тернополь. Только часть армейского имущества стрельцы смогли перегрузить из вагонов на крестьянские подводы и вывезти в Галичину. Полякам удалось захватить авиационную базу армии, мобильную артиллерийскую мастерскую, огромные запасы продовольствия. Под Тернополем поляки захватили даже вагоны военного министерства УНР, с аппаратом министерства. Генералы Галкин, Гудыма и до сорока офицеров-штабистов, попавшие в плен, вскоре оказались в лагере для военнопленных.

28 мая, в момент, казалось, полного краха армии и республики, в Каменец-Волыньском, где размещалась группа украинских войск, появляется еще один герой той войны — помощник начштаба армии Василь Тютюнник, один из немногих, кто еще верил, что дело республики не проиграно. Василь Тютюнник за ночь разработал конкретный оперплан прорыва войск УНР на Проскуров и, взяв всю ответственность и инициативу прорыва на себя, убедил Петлюру в необходимости немедленных действий во имя спасения.

Доказывая спасительность прорыва, Тютюнник столкнулся с полковником Сальским, который считал, что единственный оставшийся выход — капитулировать. Спор меж-

ду ними перерос в оскорбления, которые, в свою очередь, должны были закончиться дуэлью. Только вмешательство Петлюры, который «приказал» перенести дуэль на послевоенное время, предотвратило офицерский поединок.

Справка: Тютюнник Василий Никифорович (1882—1919) окончил Тифлисское юнкерское училище, офицерскую школу, участвовал в Русско-японской войне... В годы Первой мировой войны дослужился до подполковника русской армии. С марта 1918 г. он становится помощником начальника оперативного отдела Генерального штаба.

Современники отмечают, что Тютюнник, планируя операции, любил рисковать, с коллегами был «горяч и резок», иногда даже груб, что нелегко было с ним работать из-за его импульсивности и неуживчивости. После удачной Проскуровской операции, своего триумфа, он был назначен начальником штаба армии, а еще через месяц — командующим армией УНР (новое звание с функциями Наказного атамана). Василь Тютюнник проявил себя самым талантливым полководцем УНР, но при этом он всегда признавал «первенство» Петлюры.

Приняв план Тютюнника, Петлюра приказал оставшимся войскам перестроиться в походный порядок и быть готовыми к рейду в тыл «красным». К 30 мая Петлюра ликвидировал фронт УНР на Волыни, переведя все войска северо-восточнее Тернополя. Правительство и штаб армии тогда находились в самом Тернополе, однако и тут уже было беспокойно. Польские войска приближались к Тернополю, грозя в любой момент прорвать оборону Галицкой армии. 2 июня они вошли в пригороды Тернополя, и Петлюра вместе с правительством, задержавшись в городе, чуть не попал в польский плен.

Очередной раз перед Петлюрой стала дилемма: готовиться к капитуляции или... прорваться на территорию Подолья и там, пополнив части местными повстанцами, готовить плацдарм для неминуемого отхода галицкой армии за Збруч. План наступления состоял в том, чтобы выйти из соприкосновения с польской армией и сосредоточить усилия на борьбе с «красными». Для этого было решено пробить линию фронта «красных» ударом от Тернополя на юго-восток и захватить железнодорожную ветку Старо-константинов—Проскуров—Каменец-Подольский для маневра войск вдоль фронта и вывоза из Тернополя части военного имущества по железнодорожной ветке Тернополь—Волочиск—Проскуров.

Знаменитая Поскуровская операция началась 1 июня 1919 года.

В это время реорганизованный Запорожский корпус был выведен к границе Галичины и Подолья. Половину корпуса — две тысячи солдат — удалось вооружить (придав корпусу 8 орудий и 20 пулеметов), остальные «запорожцы» шли в бой с голыми руками. Кроме Запорожского корпуса в распоряжении Петлюры были еще три формирования: сечевые стрельцы (более 4 тысяч штыков и сабель при 40 орудиях и 170 пулеметах); Волынская группа (3,5 тысяч штыков, при 2 орудиях и 60 пулеметах); дивизия полковника Удовиченко (1,2 тысячи штыков, 16 пушек, 50 пулеметов). Всего удалось собрать около 13 тысяч вооруженных солдат при 300 пулеметах и 66 пушках, за ними пробивалось еще тысяч десять невооруженных людей, включая служащих министерств, обозы с женами и детьми наступающих. Это было «государство» на колесах. Терять было действительно нечего: на 1 июня во власти УНР не оставалось ни пяди «своей» земли. Поражение в Проскуровском наступлении означало бы немедленное уничтожение или пленение всего «государства». Планируя операцию, Тютюнник умело использовал ошибки «красной» обороны и фактор внезапности.

Первый день объявленного наступления был днем смятения и, казалось, окончательного поражения. В этот день наступающие так и не смогли пробить «красный» фронт у Проскурова и захватить жизненно важную ветку железной дороги Волочиск—Проскуров. Директория, штаб армии, правительство, вместе с несколькими тысячами бойцов и несколькими эшелонами, застряли на станции Богдановка. Эта «процессия» двигалась из Тернополя на Проскуров, но была вынуждена остановиться из-за сильного сопротивления «красных» у моста через Збруч и у пограничной станции Волочиск. С тыла напирала поляка, которые находились километрах в пятнадцати от вагона Петлюры; путь на Восток, в шести километрах, был перекрыт «красными», там шел ожесточенный бой — полк атамана Божко пытался форсировать Збруч.

Петлюра приказал сотнику Коваленко мобилизовать всех министров, чиновников, штабников, телеграфистов и всевозможных штатских в сотню для обороны эшелонов. Очевидец, генерал Капустянский, писал, что «штатские дрожали и ждали своей доли», а Коваленко, угрожая револьвером, вытаскивал их из вагонов и ставил в строй. Было ясно, что если за 10—15 часов не будет завоеван плац-

дарм на левом берегу Збруча, вся «республика» попадет в польский плен; а если бы все-таки удалось взять Волочиск, то никто бы не мог дать никакой гарантии, что «красные» не разгромят эшелоны уже за Збручем.

Министры и члены Трудового конгресса с винтовками в руках ждали своей очереди принять бой. Но до этого не дошло. Днем 3 июня, когда в тыл «красной» группы ударил прорвавшийся с севера Запорожский корпус, наступил перелом сражения. Для «вагонов Директории» армия захватила несколько километров железной дороги на левом берегу Збруча. Спас Петлюру героизм Запорожского корпуса, который пешком, с боями, прошел за 6 дней около 160 километров, от Почаева до границы и сразу же, с марша, ринулся в бой.

Успехи наступающих 2—6 июня были ошеломляющими, фронт был прорван сразу на нескольких направлениях. Был взят Проскуров, что позволило вывести часть армейского имущества и правительственные учреждения. Тысяча солдат, во главе с полковником Удовиченко, перейдя Збруч, разбила врага и захватила Каменец-Подольский, а далее, развивая наступление, вышла в глубокий тыл «красных». В первые дни наступления «красные» бежали, оставив большое количество боеприпасов, пулеметов, 30 пушек. Это позволило Петлюре вооружить безоружные резервы «запорожцев». Армия Петлюры, продвигаясь вдоль Днестра, овладела Новой Ушицей, Могилевым-Подольским, Жмеринкой и перерезала железную дорогу Киев—Одесса.

Только через две недели после Проскуровского прорыва «красные» опомнились, бросив дополнительные силы в контрнаступление, но это контрнаступление задохнулось во встречных боях 16—26 июня.

В середине июня правительство переехало со станции Черный Остров в Каменец-Подольский, который останется «столицей» УНР до ноября 1919-го. Каменец, хотя и был губернским городом, как и Полтава сохранил сугубо провинциальный характер. С приездом в Каменец государственных учреждений УНР и ЗУНР число населения в нем выросло на 30% (с 36 до 48 тысяч), причем украинцы составляли только процентов 50 от всего населения, а евреи — до 35%.

Из Каменца Петлюра направляет нового курьера для ведения переговоров с Антантой, но и этот демарш остается без результатов...

Одновременно с успехами петлюровской армии временных ошеломляющих побед добилась и армия ЗУНР, которую в июне 1919-го возглавил отставной генерал Греков. 8 июня галицкие войска, казалось, уже полностью разбитые, деморализованные и загнанные в «треугольник смерти» (несколько десятков километров между Збручем и Днестром), неожиданно для поляков начали масштабное контрнаступление, названное Чертковским прорывом. Генерал Греков разработал фантастический план полного разгрома поляков. Успех этого контрнаступления был связан с верхоглядством поляков, которые к концу мая 1919-го, решив, что войско ЗУНР разбито, стали выводить из Галичины свои войска и направлять их на другие фронты. Энтузиазм галичан после первых побед толкал их вперед, на Львов. В ходе наступления были освобождены: Тернополь, Тереховля, Чертков, Зборов, Бережаны, Броды. Армия Грекова уже грозила Львову...

Учитывая катастрофу польской армии в Галичине, вождь Польши — маршал Пилсудский лично приехал во Львов, чтобы руководить операцией обороны и контрнаступления. Ему удалось собрать до 45 тысяч солдат и бросить их в наступление против 40 тысяч наступавших галичан. Только через двадцать дней наступления полякам удалось остановить Галицкую армию.

Победам петлюровцев в начале июня 1919 года способствовало то, что по всей Украине начались крестьянские восстания против «диктатуры пролетариата». Только в апреле 1919-го в Киевской губернии было зафиксировано 38 выступлений крестьян, в Черниговской — 19, в Полтавской — 17.

В это время на Украину прибыло множество грабительских советских отрядов для проведения продразверстки. Продразверстка эта проводилась бесконтрольно и вылилась в реквизицию продовольствия «подчистую»: крестьянские семьи обрекались на голодную смерть. Большевистский лидер Шлихтер писал в 1919-м: «...каждый пуд заготовленного зерна был облит кровью», но местные коммунистические лидеры Украины обьявили о проведении массовой коллективизации в сжатые сроки. Напомним, что в начале 1919 года правительство УССР заявило об уравнительном распределении земли, если удастся свалить Директорию УНР. Однако после победы над Директорией практически вся помещичья земля передавалась не крес-

тьянам, а создаваемым колхозам, совхозам, госхозам, государственным сахарным заводам. Крестьянин, который проливал кровь в борьбе за землю и волю, для которого собственная земля была главной мечтой, оказался обманут; 10 миллионов десятин земли поглотил молох «колхозного эксперимента».

8 мая 1919 года началось грандиозное восстание, названное большевиками «мятежом атамана Григорьева», но в действительности это было восстание целой «красной» дивизии (16 тысяч человек при 480 пулеметах и 52 пушках) 3-й Украинской армии.

8—14 мая григорьевцами были захвачены Елизаветград, Александрия, Умань, Помошная, Новомиргород, Тараща, Корсунь, Александрия, Балта, Ананьев, Кривой Рог, Кобеляки, Яготин, Пятихатки, Хрестиновка, Литин, Липовец, Гребинка. В Переяславе против большевиков восстает комбриг советской армии украинский эсер Богунский. В Павлограде восстали солдаты 14-го полка Красной армии, прогнав из города ЧК и местную власть. В Казятине перешел на сторону Григорьева Нежинский полк. В Лубнах восстал 1-й полк Червоного казачества.

Паника охватила большевиков, они стали готовиться к эвакуации из Киева, Полтавы, Одессы. Велика была опасность перехода большинства украинских советских частей на сторону Григорьева. Перепуганные местные партийные функционеры просили центр разрешить «поделиться» властью с украинскими левыми социалистами. Большевистский лидер В. Затонский писал: «По существу, любой наш полк (в мае 1919 г.) мог поднять против нас восстание, и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас».

В Николаеве восстали матросы и солдаты гарнизона (5 тысяч человек) во главе с левыми эсерами. Они разогнали ЧК, органы власти, большевистские комитеты и впустили в город григорьевцев. В Александровске и Бердичеве солдаты Красной Армии, посланные на борьбу с Григорьевым, заявили, что воевать с ним не будут, и разогнали местные ЧК.

В середине мая казалось, что победа будет за восставшими, что их поддерживает большинство крестьян центра Украины, что мощный Украинский советский фронт (фронт в составе 75 тысяч солдат, из которых надо вычесть 20 тысяч восставших) должен развалиться и пополнить своими бойцами отряды восставших.

И хотя к 16 тысячам григорьевцев присоединилось еще около 10 тысяч красноармейцев и крестьян, им не удалось надолго удержать инициативу в своих руках. Со второй половины мая восставшие стали терпеть поражения и были изгнаны из большинства крупных городов.

Но в первых числах июня пришло еще одно обнадеживающее сообщение. Батяка Махно, который с января 1919-го воевал на стороне «красных» и был командиром бригады Красной Армии, был объявлен большевиками «вне закона», что подтолкнуло его и его сторонников к восстанию. Большевики получили еще один повстанческий фронт и 15—20 тысяч вооруженных противников режима — «махновцев».

Возможно, Петлюра упустил тогда шанс для глубокого рейда на Украину. Если бы рейд на Подолье начался не 1 июня, а скажем, сразу по получении данных о всеобщем восстании 9—10 мая, то большевики потеряли бы Центральную Украину.

18 мая Совет Обороны Советской Украины провозгласил террор против партий украинских левых эсеров и украинских социал-демократов-«незалежнуків». 20 мая к повстанцам Украины обратились «правительственные» партии Директории, призвав их переориентироваться на Петлюру.

25 июня Главный повстанческий штаб во главе с «независимым» социал-демократом Юрком Мазуренко провозгласил ультиматум Советскому правительству, требуя в течение суток передать власть повстанческим комитетам и вывести российское войско с Украины. «Независимые» УСДРП уже видели себя новой властью на Украине. Но ответа на ультиматум не последовало и Повстанческий штаб организовал наступление повстанцев на Киев и Жмеринку.

Правительство Мартоса, видя успехи восстания в Центральной Украине, настаивало на тесных политических и военных контактах с восставшими. Именно тогда к Петлюре в Каменец-Подольский приехали представители Всеукраинского Ревкома и Главного повстанческого штаба, которые руководили многочисленными отрядами повстанцев в тылу Красной Армии. Эти представители, в обмен на союз, требовали еще большего «полевения» курса — создания Рады (Совета) Республики при организации Трудовых Рад на местах, как основы местного самоуправления и местной администрации. Петлюра, генерал Осецкий, полковник Мельник, министр внутренних дел уже

склонялись к политическому договору с повстанцами, видя в нем единственный путь возвращения в Киев.

Но лидеры повстанцев переоценили свое влияние... Они выступили как против Советского тоталитарного режима, так и против диктатуры Петлюры и Директории. Министры предложили вместо структуры Директории компромисс — установить единоличное президентство Петлюры. Петлюра уже дал согласие стать новым президентом УНР...

Однако «незалежни» социал-демократы резко отвергли это предложение, и, чтобы их удержать, Петлюра был вынужден отказаться от титула «президента» и предоставить два министерских портфеля представителям повстанцев. В то же время правительство Мартоса, отстаивая приоритеты Петлюры, свело политические договоренности с повстанцами к нулю. В конце концов было решено только использовать восстание, но не заключать политического союза с повстанцами. Петлюра видел опасность нового покушения на власть «слева» и решил постепенно дезорганизовать разнообразные повстанческие отряды и подчинить их себе.

После месяца постоянных боев армия Петлюры истратила все боеприпасы, а солдаты испытывали крайнее переутомление. А тут еще новое наступление «красных»... Удар силами до 11 тысяч штыков и сабель наносился по Проскуррову, где петлюровцы сосредоточили около 6 тысяч солдат. После пятидневных боев, неся большие потери, Петлюра был вынужден сдать Проскуров. Маневрируя, враг заставил растянуться петлюровцев на большом участке фронта, который очень трудно было удержать силами всего 12 тысяч петлюровцев. Разрушительные удары по войскам Петлюры наносила «красная» конница, которая в 7—8 раз превышала конные группы Петлюры.

Одновременно полное поражение в наступлении на Львов потерпела Галицкая армия. Те же факторы — перенапряжение сил, отсутствие боеприпасов, растянутость фронта и удаление от тылов, огромные 10-тысячные потери в наступлении — привели Галицкую армию к полному разгрому в конце июня 1919 года. Поляки предприняли наступление, используя большие конные массы, в то время как у галичан конница практически отсутствовала. Уже не в силах сопротивляться, Галицкая армия отступила к Збручу, оставляя противнику до 15 тысяч пленных, 130 пулеметов, 50 пушек.

4 июля диктатор Галичины Петрушевич направил Петлюре телеграмму, в которой говорилось о возможности перехода галичан за Збруч и просил приютить армию. Петлюра с радостью согласился и «приветствовал» это решение, которое вселяло надежду на реализацию планов похода на Киев. До 4 июля, целый месяц, не было никаких официальных контактов с правительством ЗУНР, а Петрушевич, обидевшись на Петлюру и Мартоса, не принимал участие в заседаниях Директории уже более трех с половиной месяцев.

С 6 июня армия Петлюры оказалась в «треугольнике смести» — территории вокруг Каменец-Подольского, ограниченной Днестром с юга и Збручем с запада шириной в 60—40 км. Тесня петлюровцев, «красные» подошли к Каменцу на расстояние 20 километров, прижимая петлюровцев к Днестру. Захватив Жмеринку и Новую Ушицу, «красные» открыли дорогу на Каменец и с востока, сокращая территорию республики до Каменец-Подольского уезда.

В то же время, когда дорога на Каменец-Подольский была открыта, «красные» почему-то замешкались и вовремя не нанесли последний удар. Это, очевидно, было связано с приближением Галицкой армии к приграничному Збручу, с опасностью неожиданного удара галичан по тылам Красной Армии.

Как вспоминает Исаак Мазепа, уже 9 июля 1919 года, Наказной атаман и начальник штаба заявили, что «если на протяжении двух-трех дней не придет на помощь Галицкая армия, ликвидация фронта будет неотвратимой. Не будет ни времени, ни возможностей спасти как имущество, так и людей. В таких условиях можно ожидать ликвидации УНР и физического уничтожения всех участников украинской борьбы... Без помощи Галицкой армии нам не спасти фронт. Поэтому нужно ехать к Петрушевичу и просить послать его части против большевиков». Все присутствующие, кроме премьера, одобрили этот план, а у премьера было личное враждебное отношение к диктатору Петрушевичу.

Начиная с 8 июня представители Директории каждый день стали ездить за Збруч и уговаривать Петрушевича привести Галицкую армию на помощь петлюровцам. Но Петрушевич и его окружение так ненавидели Петлюру и так дорожили своей призрачной властью, что готовы были уйти даже в Румынию, лишь бы не под командование

Петлюры. До петлюровцев уже дошла «секретная информация» о том, что в начале июля Петрушевич думал перевести войско в Румынию, но румынские власти отказались пустить Галицкую армию на свою территорию. После неудачи с переходом в Румынию Петрушевич определенные надежды полагал на союз с большевиками. Все это заставляло Петлюру действовать. Сев на автомобиль, он поехал на личную встречу с диктатором Галичины.

Петрушевич поставил перед Петлюрой конкретные требования и заявил, что сотрудничество возможно только при согласии их выполнить. Он требовал немедленной смены «левого» кабинета Мартоса, ликвидации министерства галицких дел и проведения сбалансированной демократической политики без «советизации» местной власти. Петлюра эти требования принял и пообещал исполнить, но как всегда пытался их «заиграть».

Уже 10 июня 5-я бригада Галицкой армии перешла Збруч и, заняв станцию Черный Остров, ударила в тыл «красных» на Проскуров. Но в первых боях «красные» выбили галичан с Черного Острова к Волочиск, обратно в Галичину. Первое поражение так напугало Петрушевича, что он отложил начавшийся переход армии на «Великую Украину» и продолжил «консультации» с агентами большевиков.

12—16 июля — самые опасные дни для армии Петлюры. «Красные» в эти дни громят Волынскую группу и корпус сечевых стрельцов, который уже был неспособен к борьбе и начал переправлять свои обозы за Збруч, к галичанам. У Запорожского корпуса «лопнуло терпение», и солдаты покидали позиции, расходясь по селам, или самостоятельно направлялись на восток, к повстанцам... Даже «горячий» Тютюнник предполагал в случае падения Каменца уйти за Збруч, на «пяточок» земли, еще удерживаемый галичанами. Казалось, в эти дни враг окончательно ликвидирует маленькую республику.

Только 14 июля после трехчасового разговора «без свидетелей» с прибывшим в Галичину Петлюрой Петрушевич отдал приказ о переходе Галицкой армии на Подолье.

16 июня начался массовый переход Галицкой армии (УГА) через реку Збруч. Это были значительные силы: около 50 тысяч человек (по некоторым данным до 85 тысяч человек) при 550 пулеметах, 160 пушках, 20 самолетах. Армия была вынуждена «десантироваться» на небольшую

территорию, еще находящуюся под контролем петлюровцев, — 50 километров глубиной и 250 километров в ширину.

Тремя галицкими корпусами командовали полковники Микитка, Вольф и Кравс, общее командование армией генерал Греков передал новоиспеченному генералу Тарнавскому.

Справка: Тарнавский Мирон Емельянович (1869—1938) — сын униатского священника, австрийский офицер, участник Первой мировой войны, к 1918 г. дослужился только до майора австрийских войск, но придя в УГА в феврале 1919 года получил звание полковника, командира корпуса, а через четыре месяца и генерала. В 1919 г. — командующий Галицкой армией.

Командующий УГА генерал Греков хотя и пользовался популярностью в армии, но был отстранен от командования в угоду Петлюре, который поставил условие перехода Галицкой армии на Подолье — отставка «заговорщика» Грекова.

Все правительственные учреждения Галичины и командование Галицкой армией разместились в «тесном» Каменец-Подольском, где уже находились правительство УНР и штаб Главного атамана. Отдельные галицкие части с марша были направлены на оборону Каменец-Подольского.

Петлюра, привлекая галичан под Каменец-Подольский, уверял, что все для их прихода приготовлено, однако помещений, продовольственных и военных запасов не хватало даже петлюровским войскам.

В эти же дни к петлюровцам приходит помощь и с востока. Юрко Тютюнник, повстанческий атаман с Херсонщины, приводит на соединения с армией УНР с территории Советской Украины Повстанческий кош — более 3 тысяч штыков и сабель. Одновременно с востока к Петлюре пробиваются отряды атаманов Божко, Шепеля (более тысячи штыков).

Но победу праздновать было рано... «Красные» еще были достаточно сильны и развернули 18 июля новое наступление, чтобы отрезать армии УНР и ЗУНР от Збруча. Позиции запорожцев и сечевиков были прорваны, и опасность полной победы «красных» сохранялась до 23 июля 1919 года.

ГЛАВА 17

ПОХОД НА КИЕВ И ПОТЕРЯ КИЕВА

26 июля—22 сентября 1919 г.

Каждый вечер в тот жаркий июль Петлюра приезжал в штаб армии и засиживался там до часу, двух ночи, разрабатывая планы будущего наступления. Детально разбирая военные планы, он в то же время не вмешивался в оперативную их часть, будучи далек от «академической стратегии». На штабных совещаниях Петлюра чаще молчал, слушал, только подводил короткое резюме: «С этим я соглашаюсь» или «Это невозможно». Часто Петлюра выезжал на фронт, чтобы лично поддержать энтузиазм наступления. Интересы армии летом 1919-го вытеснили государственные заботы. И немудрено, ведь вся территория республики была линией фронта с небольшим тылом, где реально «работала» только армия.

Штаб армии стал политическим центром страны, что вызывало острую конкуренцию со «штатскими политиками». «Штатские» стремились к обретению гражданской власти и конфликтовали с «приближенными генералами», решающими все государственные проблемы: Тютюнником, Коновальцем, Сальским. «Штатские» требовали вывести штаб из «столичного» Каменец-Подольского, подальше от правительства и от «внимания» Петлюры. Но Петлюра продолжал и дальше доверять военным и полагаться исключительно на их мнение.

26 июня Петлюра издает приказ о наступлении на Проскуров и Жмеринку силами Второго Галицкого и Запорожского корпусов, групп Юрка Тютюнника и Александра Удовиченко. Это наступление должно было продемонстрировать мощь объединенной украинской армии.

Наступление принесло победу под Проскуровым и Вапняркой, расширило территорию республики. С этого времени военная инициатива переходит в руки петлюровцев, однако им не удается полностью разгромить фронт Крас-

ной Армии, что подтянула против петлюровцев все свои резервы.

В Каменец-Подольском тем временем установилось двоевластие. Несмотря на общее наступление армий УНР и ЗУНР, отношения между двумя «П» — Петлюрой и Петрушевичем были далеки от идеала. Каждый из них ожидал от своего «союзника» заговора, военного переворота, возможного ареста, поэтому возле резиденций каждого из диктаторов сохранялась усиленная охрана, которая должна была пресечь любые выступления (резиденцию Петлюры охраняли бригада сечевых стрелцов и части украинских юнкеров).

Петрушевич был на пятнадцать лет старше Петлюры, за ним был университет, двадцать лет адвокатуры, парламентская деятельность в Австро-Венгрии. Он гордился своим опытом политика и видел в Петлюре только выскочку и неуча. Петлюра же рассматривал Петрушевича как «правого заговорщика», осторожного «кабинетного политика», человека, сдерживающего революционные эксперименты в Галичине.

Петлюра считал, что Петрушевич способен на заговор с использованием верных ему галицких солдат. Но солдаты Галицкой армии «жили своей жизнью» и слушали приказы прежде всего своих офицеров, которые втайне презирали нерешительного «штатского» диктатора без территории. Армия — единственная сила, что осталась от ЗУНР, стала единицей самостоятельной, и ее действия уже контролировались только офицерами «австрийской школы»: Тарнавским, Курмановичем, Вольфом, Кравсом...

«Правые» силы в Каменец-Подольском (Национально-демократический союз), считая Петрушевича «сильным диктатором», хотели видеть в нем будущего диктатора всей Украины. Но деятели оппозиции были осторожны и пугливы, они прятались за спину Подольского губернского комиссара.

Петлюра был против того, что в июне 1919 года Петрушевич был провозглашен диктатором ЗУНР, считал этот акт незаконным. Действительно, он еще больше подчеркивал разобщенность властей и шел вразрез с январским Актом Единства (Соборности). Петлюра, забывая о своих «художествах» в Директории, считал, что таким несогласованным с Директорией шагом Петрушевич совершил государственный переворот и автоматически поставил себя вне Директории.

Узнав о провозглашении «диктаторства», Петлюра нанес ответный удар: создал специальное министерство Западных областей — «галицких дел», которое формализовало зависимость ЗУНР от Директории. Министром «галицких дел» Петлюра поставил галицкого социал-демократа и политического врага Петрушевича Витыка. Через это министерство планировалось осуществлять все официальные отношения с Галичиной. Но с Витыком не хотел сотрудничать ни Петрушевич, ни правительство Галичины, ни командование УГА. Витык не имел широкой поддержки в галицком обществе и обвинялся в каких-то темных аферах с бориславской нефтью. Петлюра также поддержал материально и морально оппозицию Петрушевичу, которая в своей газете заявляла, что считаться с Петрушевичем не следует, а «Галичина сейчас не имеет своего отдельного правительства». Создание «галицкого министерства» стало серьезной ошибкой Петлюры, продиктованной только эмоциями.

Петлюра предложил Петрушевичу подтвердить свое членство в Директории и отдать ей управление всеми галицкими делами. Петрушевич категорически отказался, надеясь единолично управлять галицкими делами, которых уже не было в природе, так как вся Галичина оказалась с середины июля 1919 года под властью Польши.

Тайные переговоры Петлюры с поляками также беспокоили галичан. Как раз в конце июля в Каменец-Подольский прибыла польская миссия с предложением Пилсудского завязать личные контакты с Петлюрой. Среди поляков популярность стала приобретать концепция «украинской приграничной полосы — буфера», и поляки в армии Петлюры стали видеть определенный смысл. В Польшу были отправлены две украинские дипломатические миссии, которые привезли договоры о свободной торговле и взаимном обмене пленными, о демаркационной линии между польскими и петлюровскими войсками: Волочиск — Корец — Шепетовка — Славута.

Большую опасность для Петлюры представляли «независимые» социал-демократы — лидеры повстанцев (Ю. Ма-зуренко, А. Драгомерецкий и др.), которые во второй половине июля понаехали в Каменец-Подольский, где их поначалу встретили с «помпой и почти что с парадом». Однако гости оказались заговорщиками. Они стали выступать за «украинскую советскую власть, ликвидацию Директории и формирование новой власти Военно-Револу-

ционного комитета». Лидеры повстанцев — потенциальные «мятежники и заговорщики» — по приказу Петлюры вскоре были арестованы контрразведкой Чоботарева. Несколько недель тюрьмы охладили их «революционный пыл».

Поначалу, после перехода галицкой армии на Подолье, Петлюра надеялся полностью подчинить себе, как Главному атаману, Галицкую армию, сократить автономное командование и штаб УГА, а Мартос требовал утвердить в УГА должность государственных инспекторов и заменить некоторых «реакционных» офицеров.

Но объединить армии было практически невозможно в силу не только социальных, идеологических, но и технических причин. В Галицкой армии были офицерские звания и чинопочитание, в петлюровской — только посты командиров, что часто давались без офицерской выслуги и специального образования. В Галицкой армии поставки были армейские, а в петлюровской войскам выдавали жалованье на харчи. Галицкое офицерство «австрийской школы» было консервативно, а офицеры-иноземцы более подходили на наемников. В УГА большой процент офицерства, особенно высшего, составляли офицеры неукраинцы: около 50 офицеров были немецкого, венгерского и чешского происхождения.

После соединения армии УНР и УГА из галицкой армии ушли единственные ее «настоящие» генералы — генералы с дореволюционным стажем и «академическим образованием» — Омелянович-Павленко и Греков, что ослабило ее, одновременно усилив «австрийскую» группу в командовании.

2 августа 1919 года Петлюра огласил приказ об общем наступлении против Красной Армии. Планировалось наступление на Жмеринку частей Юрка Тютюнника и Божко, наступление Запорожского корпуса на Винницу, галичан и сечевиков — на Староконстантинов и Восточную Волынь.

На фронте в начале августа сражалось 19 тысяч галичан (при 546 пулеметах и 158 пушках) и 15 тысяч петлюровцев (при 533 пулеметах и 170 пушках). Объединенную армию характеризовала большая мощь пулеметов при практическом отсутствии значительных кавалерийских соединений. Но общая численность войск, находившихся на фронте и в тылу, составляла до 80 тысяч человек, к этому

можно добавить и до 10 тысяч повстанцев в «красном» тылу, повстанцев, что обязались исполнять приказы Петлюры.

Против объединенной украинской армии «красные» имели почти в два раза меньше войск, примерно 17—18 тысяч штыков и сабель, но они были более мобильными, имея многочисленные бронепоезда и кавалерию.

Петлюра и Тютюнник считали, что, развивая наступление сразу в двух направлениях — на Киев и Одессу, Киев можно захватить уже к 22, а Одессу — к 28 августа. И это были не пустые прожекты. Объединенная армия, превосходящая «красных» более чем в два раза, используя повстанцев, разваливающих «красный» тыл, вполне могла выполнить эту задачу к указанным срокам. Но быстрому наступлению помешали внутренние распри.

Петлюра настаивал на том, чтобы главный удар был направлен на Киев, а одесское направление считал вспомогательным. Главный атаман справедливо считал, что обретение Киева сплотит армию, укрепит режим, поднимет международный престиж Украины, откроет благодатные пространства для мобилизации и снабжения армии.

Галицкие командиры выступали за одесское направление в качестве главного. Они аргументировали свой выбор тем, что Одесса, как «окно в Европу», позволит принимать возможные военные поставки стран Антанты.

Петлюра настаивал на том, что наступление на Одессу будет только отвлекающим маневром, который уведет «красные» части от главного направления удара — на Киев. Петлюра резонно считал, что в случае наступления на Одессу необходимо заручиться хотя бы каким-нибудь договором с Деникиным или Антантой, ведь у Одессы на рейде стояли суда Антанты с десантом добровольцев и возможно было повторение конфликта декабря 1918 года.

К непредсказуемым последствиям привела задержка наступления галицкой армии, офицеры которой начали конфликтовать с командованием петлюровцев в лице Васыля Тютюнника. Галицкие офицеры решили не исполнять приказы о наступлении до тех пор, пока не будет создан совместный штаб, где «галичане» получили бы 50% должностей.

В боях под Шепетовкой 9—10 августа галицкие войска при первом натиске «красных» покинули фронт, что привело к потере Староконстантинова. Задержка наступления галичан на Волыни поставила наступательную операцию по овладению Киевом на грань срыва.

Для объединения оперативного командования армией и «успокоения» галицких офицеров Петлюра был вынужден организовать в Каменец-Подольском Штаб объединенных армий при Главном атамане. Начтабом стал малоизвестный в петлюровской и галицкой армиях генерал Николай Юнаков.

Справка: Юнаков Николай Леонтьевич (1871—1931) окончил юнкерское училище, Академию Генерального штаба, преподавал в этой академии, возглавлял штаб российской 4-й армии на германском фронте. В конце войны получил звание генерал-лейтенанта. В украинских войсках Юнаков начал служить с приходом к власти гетмана Скоропадского, после отречения гетмана Юнаков переходит на службу Директории, занимая малозаметные должности. Начальник штаба Главного атамана. С 1920 г. — советник военного министра, военный министр УНР, генерал-полковник армии УНР. С 1920 г. жил в эмиграции в Польше.

Объединенная армия была переформирована в три группы войск: Западную — во главе с полковником (бывшим подполковником австрийской службы немцем) Арнольдом Вольфом; Среднюю — во главе с генералом (бывшим подполковником австрийской службы немцем) Антоном Кравсом; Восточную — во главе с Васылем Тютюнником, что оставался еще и командующим Надднепрянской армией. Только после того как штаб Юнакова был создан, а галицкие офицеры заняли в нем 50% должностей, руководители галицких частей дали согласие на наступление.

К 10 августа Надднепрянская армия, разбив Красную армию, захватила Винницу и Жмеринку с огромными военными трофеями.

После создания объединенного штаба (с 12 августа) наступление обрело новую силу. К 21 августа галицкая группа Вольфа захватила Житомир, Звягель, Бердичев и приблизилась к Киеву. С 16 августа в советском Киеве чувствуются «эвакуационные настроения».

Части петлюровцев, что наступали на Одессу, в начале сентября 1919-го захватили огромные военные запасы в городках Балта и Бирзула.

Захват Умани повстанцами атаманов Зеленого и Павловского облегчил движение петлюровцев на Восток. За 6 дней части Юрка Тютюнника прошли маршем 140 километров и вышли (к 21 августа) к станциям Хрестиновка и Шпола. В районе этих станций они натолкнулись на пе-

редовые разъезды наступающих от Днепра «белых». От Петлюры требовалось немедленно определить политическую и военную стратегию в отношении армии Деникина и срочно дать конкретные указания передовым частям УНР.

Петлюра приказал войскам воздерживаться от активных военных действий и высылать своих парламентаров в «белый стан». Еще в конце июля 1919-го Петлюра послал Деникину предложения о союзе и план совместных действий, но не получил на свое послание ответа.

Командиры отдельных белогвардейских частей во время ситуативных переговоров с петлюровцами «озвучивали» секретный приказ своего командования: «...считать оперативной территорией действий Добровольческой армии район на Запад от Днепра и Киева до станций Фастов и Козятин». «Белые» офицеры требовали от петлюровцев освободить проход через Белую Церковь и Фастов для операций «белых» частей по захвату Киева.

23 августа из штаба Петлюры пришел приказ — принять все меры, чтобы избежать враждебных действий в отношении армии Деникина, наладить боевое сотрудничество, предложить «белым» освободить отдельные районы для продвижения войск УНР, попытаться определить отношение «белых» к петлюровцам как союзникам и разведать расположение белогвардейских войск. На следующий день Петлюра отослал телеграмму «белому» командованию с предложением установить демаркационную линию между войсками в районе Киева — «по Днепру». 25 августа к «белым» из петлюровского штаба выехала делегация для переговоров во главе с генералом Пересадой.

Все ждали ответа Деникина, но ответом было глухое молчание...

Еще в конце мая 1919-го белогвардейцы, прорвав советский фронт у Юзовки (Донецк), вышли в тыл 2-й советской Украинской армии и полностью ее разгромили. К началу июля «белые» подошли к Днепру и под Харьков. Главнокомандующий «белых» генерал Деникин дал приказ основным силам белогвардейцев наступать на Москву, а для обеспечения фронта с запада «выдвинуть» войска по линии Днепра, заняв Киев, Николаев, Херсон.

Чтобы не растягивать фронт, Деникин приказал своим частям не проводить широкомасштабное наступление против «красных» к востоку от Днепра. Но рьяные генералы (Шкуро, Слашов, Шиллинг), вдохновленные легкими по-

бедами и пользуясь низкой обороноспособностью советских частей, углубились на 200 километров в степи Левобережной Украины. Уже 13 июля Деникин был вынужден издать новый приказ, в котором говорилось, что необходимо овладеть Одессой и выйти на линию Раздельная — Вознесенск — Знаменка. Этот последний приказ сталкивал петлюровскую армию, наступающую на Киев и Одессу, с белогвардейцами. Уже к 22 августа белогвардейские войска вышли за указанную линию и захватили Елизаветград (Кировоград) и Чигирин, перерезали железную дорогу Одесса — Черкассы.

Галицкие политики и военные подталкивали Петлюру к союзу с Деникиным как с «агентом Антанты». Курманович заявлял о нежелательности войны с Деникиным, Петрушевич требовал «правого» правительства, немедленной отставки Мартоса — для «удобства общения» с Деникиным. Петлюре приходилось считаться не только с мнением галичан, но и с новыми внешнеполитическими факторами: с разгромом революций в Баварии и Венгрии, с ошеломляющими успехами «белых» армий в походе на Москву.

В то же время премьер Мартос, понимая последствия союза с Деникиным, говорил о таком союзе как о пути, ведущем к утрате украинской государственности и завоеваний революции. Мартос предлагал вступить в союз с повстанческими атаманами Махно, Григорьевым, Зеленым, что уже сражались против «белых».

Петлюра в вопросе отношений с «белыми» и поляками надеялся опять же на Антанту и опять же зря... Петлюра считал, что Антанта поможет ему договориться с Деникиным и Пилсудским о военном союзе против «красных» или хотя бы о нейтралитете с белогвардейцами. Зная о приказе Деникина, который запрещал разворачивать наступление «белых» войск на Правобережье Украины, Петлюра полагал, что Правобережье Украины останется в «распоряжении» Директории.

Надежду на возможность компромисса внушали и представители Англии, Франции и США, которые прибыли в Каменец-Подольский в конце июля. Эти представители, впрочем не обличенные никакими полномочиями, обещали, что Антанта уговорит Деникина подписать договор с петлюровцами о военном союзе, обещали, что Антанта передаст Украине оружие, боевую технику, медикаменты...

Планы антантовские визитеры рисовали масштабные, говорили о желательности скорого совместного наступления армий Деникина, Пилсудского и Петлюры на Москву, о контроле Антанты над этими операциями... За «совместный фронт» в Париже ратовал герой мировой войны французский маршал Фош. Петлюру убеждали, что его армия должна помочь Деникину в наступлении на Москву, обеспечив левое крыло наступающих. Планировалось, что «белые» ударят на Москву через Орел, поляки продвигнут свои войска к Днепру, петлюровцы займут Киев и двинутся до Нежина—Чернигова, где будет установлена линия разграничения с «белой» армией. Но все это оказалось только фантазиями...

Петлюра, в свою очередь, фантазировал, что после захвата Киева он сможет развернуть свою армию численностью до 500 тысяч человек.

Находящиеся в Париже украинские дипломаты также заверяли Петлюру, что Антанта не допустит его войны с Деникиным и вот-вот признает независимость Украины. Непонимание и блеф были смешаны в данных, что ложились на стол Петлюры, ведь лидеры Антанты и не скрывали, что делают «ставку» на Колчака и Деникина.

В то же время военный министр Англии, масон Уинстон Черчилль советовал Деникину «идти, насколько возможно, навстречу украинским сепаратным реальностям», а французское правительство поручило генералу Петену, что находился с миссией в Румынии, уговорить Деникина не нападать на Петлюру. Представитель США также высказался за союз Деникина и Петлюры.

Но сам Деникин в резком заявлении Антанте отказался от всякого сотрудничества с «бандитом и предателем» Петлюрой и от признания любой формы автономии Украины. Деникин оставлял петлюровцам только путь полной капитуляции или перехода в состав «белой» армии, без каких-либо политических условий.

«Белый» генерал, отстаивая идею «единой и неделимой России», не признавал самого понятия Украина, заменяя его сразу тремя территориальными понятиями: Малороссия, Новороссия, Галичина. Деникинцы закрывали украинские школы и читальни, арестовывали и расстреливали украинских политиков. Своей непродуманной национальной и социальной политикой Деникин настроил против себе большую часть украинского народа, что подорвало тылы белогвардейцев, создало десятки тысяч

новых врагов и, в конечном счете, обусловило поражение «белого дела».

Переговоры с поляками вселяли некоторые надежды... Поляки согласились на обмен военнопленными, на установление демаркационной линии с петлюровскими войсками и на военные действия против Красной Армии. 15 августа польские войска захватили Ровно и окрестности, выбив оттуда «красных», чем обещали петлюровцам фланговое прикрытие. В своей телеграмме Петлюра зывал их дальше, в глубь «красного» тыла — на Гомель и Речицу.

Интересно, что хотя Антанта и толкала Пилсудского к союзу с Деникиным, «вождь» Польши считал Деникина врагом и не исключал даже возможность войны против «белого империализма».

Учитывая возможные переговоры с Деникиным, Петлюра начал подумывать о введении в правительство представителей «правых» и о новом премьере. Петлюра уже разуверился в премьерe Мартосе, считая, что Мартос идет за его спиной «какую-то свою политику». Мартос действительно с июля 1919 года стал грубо интриговать, толкая Петлюру «влево», добиваясь разрыва с Петрушевичем. Мартос постоянно распускал слухи о возможном военном перевороте «правых», рекомендовав министрам не ночевать дома. Современники отмечали в Мартосе сомнение, мелочность, недоверчивость, несговорчивость. Очевидно, после «прихода во власть» эти качества у премьерa обострились.

28 августа премьер Мартос был отправлен в отставку и было сформировано новое правительство УНР под руководством умеренного социал-демократа Исаака Мазепы.

Справка: Мазепа Исаак Прохорович (1884—1952) — агроном, земский деятель, лидер организаций УСДРП в Петербурге и Екатеринославе. С 1919 г. секретарь ЦК УСДРП, с апреля 1919 г. министр внутренних дел, с августа — премьер-министр УНР. В 1920 г. (май—июнь) — министр земледелия УНР. С осени 1920 г. — в эмиграции в Чехословакии и Германии, профессор Хозяйственной академии. Оставил ценнейшие воспоминания о событиях гражданской войны на Украине.

В угоду галицким командирам и надеясь на переговоры с Деникиным, Петлюра заменил слишком «левого» командующего Васыля Тютюнника, сославшись на необходимость лечения его нервного расстройства, на генера-

ла Владимира Сальского. Вместо исполняющего обязанности военного министра «партийца» Сиротенко был назначен Всеволод Петрив.

Справка: Сальский Владимир Петрович (1885—1940) окончил юнкерское училище и Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны — офицер Генштаба при разведке Киевского округа. Полковник российской армии. С осени 1917 г. принимает участие в «украинизации» армии. Начиная обороны Кцева в январе 1918 г. При гетмане — начштаба Сердюцкой дивизии, перешел на сторону Директории, начштаба коменданта Киева, с апреля 1919 г. — командир Запорожского корпуса армии УНР. Генерал-хорунжий, военный министр УНР. В эмиграции, в Польше, с 1920 г.

Петрив (Петров) Всеволод Михайлович (1883—1948) окончил юнкерское училище и Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны, начштаба дивизии, полковник российской армии. С осени 1917 г. принимает участие в «украинизации» армии, организовал гайдамацкий конный полк. В 1918 г. — участник штурма «Арсенала», похода Запорожской дивизии на Крым. С мая 1919 г. возглавил Холмскую группу армии УНР, заместитель военного министра, военный министр УНР. В 30-х гг. стал одним из руководителей Организации украинских националистов, военный министр в националистическом украинском правительстве Я. Стецька. В 1941—1944 гг. — в фашистских концлагерях.

Отношения с Петрушевичем коренным образом улучшились после того, как Петлюра ликвидировал бесполезное министерство «галицких дел». В угоду Петрушевичу и возможным «будущим союзникам» Петлюра стал говорить о «демократизме и парламентаризме», об «опоре на весь народ», отказываясь от идеи «диктатуры трудящихся».

24 августа, после захвата Житомира и Белой Церкви, петлюровцы устремились на Киев. Петлюра выехал на фронт в надежде «подогнать» наступающих. Однако опять галицкая группа генерала Вольфа наступала очень осторожно, что затянуло операцию по захвату Киева на несколько дней.

Ближе всего к Киеву подошла Средняя армейская группа генерала Кравса. От Бердичева двигался 1-й Галицкий корпус; а от Казатина — 3-й Галицкий корпус. С юга от Белой Церкви на Киев шел Запорожский корпус, который поддерживали повстанцы атамана Зеленого. Уже 29 августа галичане прорвали «красный» фронт у Белгородки, что заставило части Красной Армии бежать из Киева.

Около трех часов пополудни 30 августа части галичан и запорожцев подошли с востока и юга к предместьям

Киева. К семи часам вечера войска УНР вошли в центр Киев. Казалось, впереди был только триумф. Петлюра телеграфировал о своем прибытии в Киев 31 августа — «на парад». 30 августа он встретил на ст. Боярка делегацию киевской общественности и принял решение въехать в город на автомобиле 31 августа после полудня. В победной эйфории командиры стали готовиться к торжественному параду, что был намечен на 31 августа, совсем забыв об охране города и контроле над стратегическими мостами через Днепр.

Большой ошибкой Главного атамана было то, что, «увлекаясь» наступлением, Петлюра не поторопил с немедленным выездом к «белым» делегации Омеляновича-Павленко, которая была создана для проведения демаркационной линии с белогвардейцами. Итогом разгильдяйства было то, что на момент вступления войск Петлюры в Киев с белогвардейцами не было подписано ни одного документа, разъясняющего позицию сторон. Тогда никто не знал, мир или война настанет после встречи двух армий.

Штаб Петлюры допустил ошибку в расчетах, успокаивая Главного атамана и утверждая, что деникинцы подойдут к Киеву не раньше 3 сентября. Воздушная разведка сообщила, что передовые части деникинцев 29 августа вели бои еще в 80 километрах от Киева.

Решив, что время для выяснения позиций еще не упущено, Петлюра отдал приказ войскам, занимающим Киев: «Занимать город, но избегать перестрелок с белогвардейцами». Этот неясный приказ стал одной из причин «киевской» катастрофы армии УНР.

Но с другой стороны, мог ли Петлюра приказать «стрелять» по «возможному союзнику», который силен и победоносен, за которым стоит Антанта? Человек компромисса, Петлюра желал избежать кровопролития и добиться хотя бы нейтралитета сторон.

В 6 часов утра 31 августа Украину облетела телеграмма о взятии Киева войсками УНР. В те же часы с востока к Киеву неожиданно прорвались три кавалерийских полка полтавской группировки «белых» генерала Бредова. Приказ Петлюры немедленно взять город под охрану, занять мосты через Днепр не был исполнен.

Вместо того чтобы поставить под контроль мосты уже к 10—11 часам вечера, отряд на охрану мостов выставили только в семь утра следующего дня. Минут за двадцать до

подхода этого отряда белогвардейцы заняли Цепной мост и вступили в Киев силами трех конных полков. Пользуясь неясностью положения и приказов, «белые» разоружили несколько частей петлюровцев и к часу дня уже захватили Печерск (один из центральных районов Киева).

В штаб Кравса, что находился на востоке Киева, на железнодорожной станции, прибыл офицер-белогвардеец с сообщением о вступлении в Киев войск Деникина, при этом он заявлял о полной лояльности белогвардейцев и готовности их к мирным переговорам. Как выяснилось через несколько часов, эти заявления были только «военной хитростью». Кравс отнесся к прибывшим деникинцам как к союзникам, а вот Сальский, напротив, предложил выбить их из Киева.

Кравс утром 31 августа посетил штаб Бредова на Печерске и провел переговоры о демаркационной линии в Киеве на Печерске. Петлюра порывался поехать в Киев, поезд под парами стоял на станции Боярка, но Петлюру отговорили штабисты, предупреждая о том, что велика возможность пленения или гибели от рук белогвардейцев. Его верный адъютант Доценко запишет, что Петлюру и самого постоянно тревожили «недобрые предчувствия» относительно «белых».

Часов в пять пополудни генерал Кравс подъехал к Киевской Думе, где уже построились галицкие части для прохода парадным маршем по Крещатику. На Крещатике собралась многотысячная толпа горожан, причем одни пришли встречать «украинских освободителей», а другие — «русских освободителей»... В толпе поговаривали про «братание» белогвардейцев и петлюровцев... На балконах уже весели портреты Петлюры, Шевченко, украинские и русские флаги. Ждали приезда «самого» Симона Васильевича.

В это время к Думе подъехал эскадрон белогвардейцев, сопровождаемый процессией священнослужителей. «Белый» полковник предложил участие в параде своего подразделения, на что Кравс «любезно согласился». Согласился Кравс и на то, чтобы над Думой был водружен не только украинский, но и российский флаг.

В момент, когда над Думой стал развиваться российский триколор, на Крещатик выехал генерал Сальский во главе колонны «запорожцев». Увидев русский флаг, Сальский (кстати, бывший полковник русской разведки) приказал запорожцам немедленно его снять. Очень скоро русский флаг был сорван с башни Думы и кинут к ногам

сидящего на коне Сальского. Конь генерала топчет русское знамя, а из толпы слышатся крики возмущения, проклятия и «слава»... Неожиданно к Сальскому подъехал всадник-белогвардеец и попытался зарубить его, но сам был зарублен подоспевшим на помощь командиру «запорожцем». Короткая стычка послужила началом войны...

Через секунду все изменилось. Со всех сторон, из окон соседних домов, из кустов близлежащего сквера по украинским войскам начинается пулеметная и ружейная стрельба, взрываются несколько бомб... Обезумевшая от страха толпа мечется во все стороны, запрудив Крещатик. Настроения толпы передались и украинским солдатам, которые, не слыша приказов и не видя своих офицеров, стали разбегаться по соседним улицам.

Белогвардейцы сумели отеснить галичан и «запорожцев» из центральной части Киева и арестовать штаб Третьего галицкого корпуса. Более трех тысяч солдат и офицеров УНР оказались в плену или были разоружены, в руки белогвардейцам попали нескольких артиллерийских батарей.

В этой суматохе командующий украинскими силами в Киеве Кравс выехал в штаб генерала Бредова для улаживания конфликта. Приехав на место ожидаемых переговоров, Кравс был посажен под арест «до окончания переговоров», и Бредов потребовал от него немедленно вывести войска УНР из Киева. Кравс очень быстро «сломался» и поздним вечером того же дня подписал приказ о выводе украинских войск из Киева, на линию Игнатовка—Германовка, что в 25 километрах к западу от столицы. Кравс согласился и на выдачу «белым» всех трофеев, что были захвачены армией УНР в Киеве.

Так, вчерашняя громкая победа перешла в позорное поражение. Заканчивая переговоры, Бредов назидательно заметил: «Киев никогда не был украинским и не будет»... Интересно это было слышать из уст генерала, который служил Украинской державе в апреле—ноябре 1918 года и только после свержения гетмана Скоропадского перешел на службу к Деникину.

Кравс подписал свой приказ от имени генералитета Галицкой армии, учитывая заявление Бредова, что с армией Петлюры он никаких переговоров иметь не будет, а возможного парламентаря — генерала Омельяновича-Павленко — просто расстреляет «как изменника и бандита».

Против 18 тысяч войск УНР в Киеве, которые поддерживались еще и 4—5 тысячами партизан Зеленого, Струка, Мордалевича, на окраинах города выступило всего до 3 тысяч «белых» и до тысячи киевских офицеров-дружинников. Части украинской армии превосходили «белых» более чем в 5 раз, но, несмотря на это, они капитулировали даже без боя.

Уже тогда белогвардейцы закладывали основы для секретных переговоров с галицкими генералами, реализуя стратегию штаба Деникина по «отрыву» УГА от Петлюры.

Тем временем на Киевском вокзале полковник Мыкитка сумел подготовить оборону, собрав до четырех тысяч штыков. В принципе, эти четыре тысячи солдат могли еще вечером 31 числа вытеснить три тысячи белогвардейцев. Но Мыкитка не хотел брать на себя ответственность по «развязыванию» новой войны и предпочел ждать новых приказов. А приказы как раз и не поступали.

Командующий Галицкой армией Тарнавский узнав, что в Киев вошли белогвардейцы, немедленно выехал из столицы. Связь со штабом прервалась. Петлюра должен был приехать на киевский парад еще к полудню 31 августа, но, узнав о проникновении в Киев белогвардейцев, он отказался от приезда в столицу и решил выждать, как будут развиваться события. Интуиция подсказывала Петлюре, что белогвардейцы способны на самые смелые комбинации.

Весть о потере столицы Украины была «громом среди ясного неба» и повергла петлюровскую армию в смятение. В первые дни после сдачи Киева Петлюра, приехав на фронт, под Фастов, увидел полный развал частей, самодемобилизацию, хаос. Это был уже не фронт, а митингующие, разбегающиеся толпы в шинелях. Солдаты из Центральной Украины покидали армию, считая, что их «предали генералы и галичане», что у них «украли победу изменники». Петлюра, отстранив Кравса и отдав его под следствие, передал Киевский фронт генералу Сальскому.

Следствие над Кравсом и обвинения галичан в измене настраивали генералов и офицеров УГА против Петлюры. В свое оправдание «галицкая офицерская каста» заявила, что Кравс полностью невиновен, а только исполнял приказ Петлюры «не стрелять». Генералы УГА уже тогда были раздражены командованием Петлюры и надеялись только на мир с Деникиным.

2 сентября Директория и правительство УНР издали обращение к украинскому народу, в котором практически признавали состояние войны с «белыми». В обращении были слова, призывающие народ к сопротивлению «белым», например, «непоколебимо бороться за демократические завоевания Украинской революции».

Петлюра склонялся к войне, однако ждал удобного момента для нанесения удара. Он считал, что режим «белых» приведет к всеобщему восстанию на Украине. Он хотел дождаться «мнения Запада» и сообщений с «красного» фронта.

4 сентября Петлюра, опасаясь внезапных операций со стороны «белых», приказал еще отодвинуть фронт на запад на линию Козятин—Житомир и отказаться от наступления на «красном» фронте в Полесье.

После вывода украинских войск из Киева неожиданно образовался новый фактор войны — рейд «Южной группы Якира» — частей 12-й армии «красных» в составе трех дивизий — по тылам петлюровских войск.

Группа Якира еще 24 августа начала пробиваться из окружения, из района Одессы—Николаева, сквозь войска белых, петлюровцев и махновцев, к Киеву, на соединение с главными силами Красной Армии. Начав свое движение после захвата «белыми» Одессы, эта группа 2 сентября подошла к Умани, где столкнулась с петлюровцами. Далее, пройдя с боями примерно 600 километров, 11 сентября эта группа вышла в глубокий тыл петлюровцев у Сквиры. Захватив Сквиру, группа Якира пробилась на север, и, разметав корпус генерала Вольфа, 19 сентября «красные» ворвались в Житомир.

После потери Житомира корпус Вольфа потерял боеспособность и был отведен в тыл. Сечевые стрельцы были также сильно потрепаны в боях за Коростень. Но, несмотря на позор отступления и горечь разгрома, Петлюра еще думал о реванше. К этому времени он понял, что войны против «белых» не избежать. 13 сентября состоялась встреча делегации Омеляновича-Павленко с белогвардейским генералом Непениным, уполномоченным Бредова. «Белые» решили провести переговоры «для вида», чтобы удовлетворить просьбу Антанты. Петлюре были предложены совершенно неприемлемые условия — передать украинскую армию под личное командование Деникина и отказаться от государственной независимости Украины. Эти требования привели к срыву переговоров.

Начиная с десятого сентября, Петлюра поговаривает о походе на Киев силами Запорожской группы и повстанцев Зеленого. В поход против Деникина призывали Петлюру Екатеринославский и Полтавский комитеты УСДРП, против Деникина выступили еврейские партии «Бунд» и «Поалей Цион». Премьер Мазепа, начштаба Юнаков, «левые» министры, эсеровское ЦК также «звали в поход».

17 сентября Петлюра принял делегацию от украинских повстанцев Зеленого, Ангела, Гаврашенко. Тогда повстанцы хвастались, что у Зеленого 7 тысяч солдат, у Ангела и Гаврашенко — на Черниговщине и Полтавщине — по 5—10 тысяч повстанцев и столько же на Екатеринославщине. Такое количество повстанцев вселяло уверенность в легкую победу над Деникиным. К тому же лидеры повстанцев настаивали на немедленной атаке деникинцев, приводя в пример свои заслуги. Ангел заявлял, что взял Нежин, Зеленый — что в его руках Переяславль и Золотоноша, повстанцы юга доносили о том, что заняли Елизаветград, Лозовую, Синельниково. В то же время в штаб Петлюры приходила информация о слабости белогвардейцев и о наступлении большевиков на Харьков. Штабисты Петлюры считали, что общие повстанческие силы насчитывают от 70 до 90 тысяч человек. А Юнаков думал, что Киев можно сравнительно легко взять, если избавиться от угрозы удара большевиков с тыла.

17—20 сентября Петлюра выехал в инспекционную поездку по тылу и фронту, чтобы решить, способна ли армия и тыл к борьбе. Хлеб-соль, пышные приемы и воинственные заверения в верности, успешная мобилизация на Подолье, подталкивали к мысли о готовности армии и тыла.

Военные и гражданские специалисты предлагали на этот раз наступать в направлении Одессы, где армию могут поддержать повстанческие атаманы Заболотный и Махно. Поиск союзников привел Петлюру к идее объединения с легендарным «орлом степей» батшкой Махно.

Махно в июле 1919 года выступил не только против «красных», но и против «белых», создав Повстанческую армию «имени батшки Махно». Эта армия удерживала обширный регион между станциями Бобринская, Знаменка и местечком Ольвиополь. Анархистские лозунги махновцев летом 1919-го были модернизированы, и в них на-

шло место для призывов к борьбе за независимость Украины... Это давало шанс на союз петлюровцев и махновцев, что воевали между собой восемь месяцев назад.

До середины августа 1919-го батька Махно воевал против «красных», стремясь овладеть Елизаветградом и Помошной. После распада 2-й и 3-й Украинских советских армий, к Махно присоединилось около 20 тысяч красноармейцев, разуверившихся в «диктатуре пролетариата». Пополнили армию Махно и несколько тысяч бывших повстанцев Григорьева (самого Григорьева Махно убил «за измену и еврейские погромы»). Штаб армии Петлюры оценивал количество махновцев до 50 тысяч (при 35 пушках), в действительности в середине сентября Махно располагал 33 тысячами штыков, 7 тысячами сабель, 100 пушками и приблизительно 700 пулеметами. Армия его снабжалась за счет захвата тыловых запасов «красных» и трофеев, захваченных у «белых». Махновская армия была реальной, грозной силой, не утратившей боевой дух, и крепкий союз с этой армией мог бы помочь Петлюре.

С 16 августа Махно вел постоянные кровавые бои против «белых», вошедших в контролируемый батькой «махновский район». Против Махно «белые» бросили части 4 и 5-й дивизий под общим командованием генерала Шиллинга. В начале сентября «белые» сумели потеснить армию Махно. 10—11 сентября генерал Слащев нанес сокрушительные удары по махновской коннице, и это поражение определило решение Махно покинуть район и отойти на запад для «отдыха и переформирования». Месяц боев стоил махновцам до 12 тысяч погибших, пленных и раненых. С середины августа 1919-го Махно стремится вступить в контакт с Петлюрой, надеясь получить от него патроны и оружие. Но перспектива союзных отношений с Деникиным в то время отталкивала Директорию от Махно. В сентябре все изменилось, потому что у махновцев и петлюровцев оказался общий враг — «белый» режим. Махновцы 14 сентября вошли в Умань, где стояли части УНР и предложили военный союз. В Христиновке был подписан договор о союзе при полной автономии каждой из союзных армий.

Махновцы заняли общий с армией Петлюры фронт в 44 километра у Умани. 20 сентября Петлюра подписал политический договор с махновскими представителями. По этому договору махновцам запрещалось проведение анархистской пропаганды в частях петлюровской армии и

на землях, ею контролируемых. Махно была обещана автономия «махновского района» после общей победы над врагами. В оперативном отношении Махно обязывался согласовывать свои стратегические планы со штабом Петлюры. На 26 сентября была назначена встреча Махно и Петлюры в Умани, которая так и не состоялась из-за захвата Умани «белыми» и постоянных боев на махновском фронте.

Хотя махновцам и петлюровцам предстояло вместе бороться и умирать, между их вождями сохранялось недоверие. Самоуверенный Махно мечтал о том, что сможет «оторвать» от Петлюры как можно больше солдат, а может быть и сам возглавит объединенную украинскую армию. Несмотря на обещание не вести анархистскую пропаганду в частях УНР, махновские агитаторы раздавали петлюровцам отпечатанную Культпросветом армии Махно листовку под красноречивым заглавием «Кто такой Петлюра?», в которой Главный атаман обвинялся в «буржуазности» и в «продаже Украины французским и английским капиталистам». Петлюровская контрразведка предупредила Главного атамана, что махновцы очень ненадежные союзники и, по непроверенным слухам, готовят покушение на самого Петлюру.

В ответ на махновскую пропаганду петлюровская стала обзывать союзников-махновцев «разбойниками» и «разрушителями»...

В обстановке надвигающейся войны против «белых» Петлюра надеялся укрепить свой тыл очередным компромиссом с диктатором Петрушевичем. Главный атаман хорошо знал о том, что значительная часть командиров Галицкой армии, еще надеясь на союз с «белыми», выступает не только против наступательной войны с Деникиным, но даже против обороны УНР, предпочитая борьбе почетную капитуляцию.

Для Петлюры было важно заручиться поддержкой Петрушевича на время будущего военного конфликта с Деникиным. И Петлюра делает встречные ходы, он ликвидирует министерство западных областей УНР, соглашается на «широкую демократию» и созыв предпарламента, приглашает Петрушевича на заседание Директории.

Если Петрушевич и дал фактическое согласие на начало войны против Деникина, то один из самых влиятельных в Галицкой армии руководителей Курманович был

категорически против. Он пугал Петлюру неоправданно завышенными данными о количестве «белых» на фронте перед объединенной украинской армией, заявляя, что «белых» там 60 тысяч против 20 тысяч республиканцев. На самом деле, не считая 30 тысяч махновцев, на фронте было около 30 тысяч республиканцев против 20—23 тысяч белогвардейцев. Но если учитывать, что против «белых» в ближайшем тылу частей, которые были развернуты против петлюровцев, действовало около 30 тысяч махновцев и примерно до 10 тысяч повстанцев Заболотного, Зеленого, Коцюра и других атаманов, то положение «белых» нельзя было назвать устойчивым.

Петлюра приказал перегруппировать свое войско для возможного удара по «белым» на киевском и одесском направлениях; 2-й корпус галичан был отведен от Житомира на Бердичев, 1-й корпус — на Погребище, 3-й — в район Козятина, сечевые стрельцы — к Жмеринке.

К 22 сентября вопрос о начале войны против Деникина «окончательно созрел». К этому времени локальные стычки петлюровцев и белогвардейцев уже стали постоянным явлением. Особенно серьезные столкновения произошли на станции Бирзула. 21 сентября части «белого» генерала Слащова внезапно наскочили на расположение махновских частей, но были отбиты. 22 сентября «белые» напали на части УГА в районе Балты.

В тот же день был перехвачен приказ командования белогвардейцев о подготовке наступления против армии УНР.

К концу сентября 1919 года победы белогвардейцев, «шедших» на Москву, достигли своего апогея. Деникин уверовал в несокрушимость своего войска и потерял ощущение реальности. Ему уже мерещился парад белогвардейцев на Красной площади. Но в действительности сил бороться сразу против Красной Армии, петлюровцев, грузинской армии, кавказских и украинских повстанцев у Деникина не было. Армия Деникина в 150 тысяч штыков и сабель стремилась разгромить своих врагов, общая численность которых на деникинских фронтах доходила до 500 тысяч. Больше похожая на авантюру, стратегия Деникина и его генералов, ненужное растягивание своего фронта и распыление сил, непримиримость к любой оппозиции и «самостийности» привели к катастрофе «белого дела».

Петлюру беспокоили не столько демагогические заявления «белой» пропаганды типа: «Юго-Западный край (так называли они Украину. — В.С.) — русский, русский, русский... и он не будет отдан ни украинским предателям, ни еврейским палачам», сколько карательные экспедиции «белых» против украинских крестьян, расстрелы пленных петлюровских офицеров «за измену» и угрозы в адрес республиканских лидеров.

«Белые» продолжали называть петлюровцев «австрийскими агентами, призвавшими в Россию немцев», «изменниками»... Командующий Май-Маевский в интервью «Киевской мысли» сказал: «Петлюра или станет на нашу платформу единой неделимой России с широкой территориальной самобытностью, или ему придется с нами драться».

В сентябре Деникин отдает приказ о переходе в общее наступление по всему фронту, от Днестра до Волги. Этот приказ значил только одно — белогвардейцы должны были разгромить Украинскую республику, не вписывающуюся в контуры будущей «единой и неделимой» России.

ГЛАВА 18

ВОЙНА ПРОТИВ «БЕЛЫХ»

23 сентября—6 декабря 1919 г.

Итак, новая война, которую республиканские лидеры пытались всеми силами избежать, началась. Пройгнорировав процедуру формального объявления войны, армия Деникина ударила по скоплениям войск противника на фронте Балта—Умань. Внезапность удара конницы обеспечила «белым» быстрый захват стратегических центров: Балты и Умани. Части сечевиков и Волынская группа петлюровцев вынуждены были отступить на Тульчин, открыв незащищенные тылы Повстанческой армии Махно.

Вечером 23 сентября, на совместном заседании Директории, правительства УНР и ЗУНР, армейского командования было принято важнейшее для республики решение — начать войну против белогвардейцев «единым национально-демократическим фронтом» с оглашения воззвания-призыва к украинскому народу — «Восстать против белогвардейцев». Петлюра решил в связи с наступлением на фронте провести быструю мобилизацию девяти возрастов. Вместе с тем в конце сентября решительного наступления армий УНР не было проведено, наблюдалась «странная война», когда петлюровские части застыли в обороне, а галичане с каждым днем все громче стали заявлять о своем нежелании воевать против «белых».

В первые дни войны лишь махновцы упорно сражались, стремясь не допустить полного окружения своей армии. Через два дня боев махновцы, перегруппировавшись, начали контрнаступление, выбив «белых» из Умани. Под Уманью, 26—27 сентября, состоялся грандиозный бой, последствием которого стал разгром махновцами пяти полков белогвардейцев. Убитыми, ранеными и пленными белогвардейцы потеряли до 8 тысяч человек. После этой победы Махно, поверив в свои силы, прорвал вражеский фронт, повел свою армию в грандиозный рейд по тылам

противника, надеясь захватить всю степную Украину. Уже через неделю махновцы выходят к Днепру, а к 20 октября отбивают у «белых» просторы Екатеринославщины и Северной Таврии, с городами Александровск (Запорожье), Мелитополь, Бердянск, Павлоград, Мариуполь. У Махно появляется «собственное анархическое государство» с центром в селе Гуляй-Поле и с мудреным названием — «Южноукраинская трудовая федерация».

Это «государство» возникло в самом центре белогвардейского тыла, перерезав основные транспортные артерии. Вокруг Махно собираются все обиженные денкинским режимом, и уже к середине октября 1919-го его армия составила более 70 тысяч штыков и сабель. Успехи махновцев подтолкнули крестьян по всей Украине к повстанческой борьбе против «белых». Победы батьки Махно на некоторое время заставили белогвардейцев отказаться от общего наступления против петлюровцев. Две недели ушли на то, чтобы восстановить разгромленный фронт. Этим решил воспользоваться Петлюра, назначив на начало октября наступление своей армии.

Петлюра был доволен махновским прорывом, хотя он и был проведен в нарушение совместного договора и без консультаций с Главным атаманом и его штабом. Симон Васильевич вздохнул свободнее после ухода из пределов республики такого опасного союзника, как Махно, склонного с юных лет к террористическим актам и к резкому изменению как собственных настроений, так и политических симпатий. Ошеломляющая победа махновцев вселяла в Петлюру уверенность, что белогвардейцы вовсе не «непобедимые», раз их могли разбить слабо вооруженные и мало дисциплинированные крестьянские отряды анархиста Махно. Рейд Махно «белыми» тылами, по мнению Петлюры, должен был поднять всеобщее крестьянское восстание против белогвардейцев и облегчить новый поход армии УНР на Киев и Одессу.

«Пример Махно» толкал Петлюру к наступлению, хотя настроения в армии и ее состояние внушали серьезные опасения в успехе операции. Но Петлюра часто не считался с обстоятельствами, полагаясь на свою «счастливую звезду». Победное наступление нужно было и для укрепления пошатнувшегося после сдачи Киева личного престижа Петлюры. Разрывая с «белой» Россией, Петлюра провозгласил переход украинской православной церкви в автокефалию и призвал созвать Украинский Священный Синод, что провозгласит отделение церкви.

6 октября 1919 года неудача наступления армии УНР, казалось, пошатнула надежды на реванш. «Белые», отбив вялые атаки галичан, сами перешли в наступление и захватили Умань, Бершадь, Ольгеополь.

Не дождавшись помощи «в деле мира» от стран Антанты, Петлюра отсылает в адрес их правительств ноту, требуя помочь в установлении перемирия с Деникиным. Но Антанта уже сделала свой выбор, она помогала «сильному» Деникину, который был способен сокрушить большевиков, а не слабому Петлюре... Антанта просто закрывала глаза на все «шалости» своего фаворита. Так что просьбы Петлюры предоставить ему амуницию для армии в обмен на хлеб и сахар также не вызвали у стран Антанты никакой реакции.

10 октября Петлюра решается начать новое наступление на Балту и далее на Одессу. Он имел «правдивую информацию», что 30 тысячам армии УНР на фронте противостоит только тысяча пятнадцать белогвардейцев.

К тому же в эти октябрьские дни «красные», прорвав фронт под Житомиром ударили в тыл белогвардейцем и ворвались в Киев. Несколько дней бои проходили на окраинах «столицы». И хотя Красной Армии не удалось ни захватить центр города, ни закрепиться на окраинах, «престиж» белогвардейцев был подорван.

16 октября Петлюра подписал новый приказ о новом наступлении. Но это наступление, еще не успев начаться, «с треском провалилось», так как «белые» неожиданно развернули встречное наступление и ударили во фланги наступавшим петлюровцам.

Причин октябрьского поражения армии УНР, если разобратся, предостаточно. Во-первых, в объединенной украинской армии было множество офицеров бывшей русской армии, скрыто симпатизирующих «белому делу». Они были как среди петлюровцев, так и среди галичан. Отдельные офицеры тайно «работали» на «белых» или перебегали в их стан с ценной информацией. Измена была всюду... Зная точную картину предстоящего наступления петлюровцев, командование белогвардейцев сумело перекинуть под Умань и Балту лучшие части, о которые армия УНР и разбилась. Наступление захлебнулось в кровавых атаках на Балту, Липовец, Умань.

Во-вторых, галицкие генералы и офицеры еще с начала войны против «белых», с конца сентября 1919-го, саботировали приказы Петлюры и отказывались вести свои

части в наступление. Так, приказ Петлюры о передислокации под Умань 2-го галицкого корпуса не был вовремя выполнен и наступать пришлось без него. Уже после разгрома этот корпус появился на южном участке фронта, но мог только отступать; 3-й галицкий корпус после первых боев вообще покинул позиции...

Исаак Мазепа вспоминал, что галицкие части в боях 17—20 октября под Брацлавом и Липовцем стремились использовать малейшее военное давление белогвардейцев как удобный повод, как причину для тотального отступления.

Галицкие офицеры были обижены на Петлюру следствием над генералом Кравсом. Они расценивали обвинение, выдвинутое Кравсу, как «оскорбление всего галицкого офицерского корпуса». У галичан был главный и постоянный ненавистный враг — поляки. Против них они готовы были пойти на союз «с самим чертом», а в белогвардейцах они видели силу, которая сможет разбить польскую армию, захватит Галичину и предоставить хотя бы «куцую» автономию западно-украинским землям. Галичане знали, что генерал Деникин недолюбливал поляков и считал Галичину «исконным русским краем».

В-третьих, в октябре 1919-го начался затяжной период дождей, потом ударили ранние морозы, а армия Петлюры была еще экипирована «по-летнему». Остро не хватало теплых вещей и особенно сапог и ботинок. К середине октября закончились запасы трофейных снарядов и патронов, полностью отсутствовали медикаменты. В октябре у объединенной армии УНР объявился самый грозный враг — страшная эпидемия тифа, что уже через месяц поразила до 30% бойцов.

Петлюра говорил, что тогда положение на фронте могло еще исправить «появление» 10 тысяч пар обуви, столько же винтовок и 5 миллионов патронов. Около десяти тысяч призывников находились на призывных пунктах, но их невозможно было использовать по причине отсутствия оружия, патронов, амуниции.

В таких сложных условиях Петлюре логичнее было бы отвести части в тыл и провести переформирование, дать бойцам отдых, попытаться найти амуницию, медикаменты. Но Петлюра просто не хотел видеть «внутреннего разлома». Он ввязался в драку!

Белогвардейцы умело навязали петлюровцам встречный бой и, прорвав фронт, что удерживали галичане, захватили обширную территорию Восточного Подолья с городками Брацлав, Гайсин, Тульчин. 24 октября штаб Галицкой армии, без одобрения Петлюры, издал приказ об общем отступлении галицких частей на позиции к местечку Бар. Этот приказ стал первым ударом по единству фронта. Белогвардейцы, немедленно воспользовавшись вялостью галицких войск и их отступлением, ударив всей своей мощью по позициям Надднепрянской армии, заставили петлюровцев отступить.

Хмурая, дождливая погода только усиливала подавленное настроение Петлюры. Он возвратился с фронта разбитым и расстроеным. Пожалуй, он уже знал, откуда будет нанесен очередной удар в спину, он уже знал о тайных настроениях среди галицкого офицерства. Главный государственный инспектор Кедровский, еще до провала наступления предупреждал Петлюру о «заговоре», но Главный атаман отмахивался — «авось рассосется». Но военный разгром обнажил проблему. А она была в том, что политической стали заниматься галицкие генералы. Именно они стремились определить дальнейшую судьбу «украинской идеи». Генерал Тарнавский открыто требовал изменения курса правительства Мазепы и ареста одного из членов правительства УНР, генерал Курманович подал в отставку в знак протеста против войны с «белыми».

Сотрудничество с диктатором Галичины Петрушевичем также оказалась недолговечным. Петрушевича теперь не устраивал уже новый премьер Мазепа и его министры. Члены Директории Макаренко и Швец самоустранились от решения важнейших проблем, Петлюра постоянно находился на фронте.

Петрушевич почему-то перестал появляться на заседаниях Директории и того больше — самочинно вызвал с фронта в Каменец-Подольский бригаду Галицкой армии под предлогом «охраны правительства» несуществующей ЗУНР. Таким приказом он не только превысил свои полномочия, но и посеял подозрения в подготовке очередного заговора. Пока Петлюра находился на фронте, в Каменец-Подольском было неспокойно, постоянно говорили о возможном перевороте с помощью солдат-галичан.

Осип Назарук вспоминал: «Площадь перед губернским управлением, где происходило «единение политиков», за-

няли надднепрянские войска. Когда об этом узнал галицкий гарнизон, то пришел также на эту площадь, и даже с двумя пулеметами, чтобы, если потребуется, защитить диктатуру. Когда же надднепрянцы увидели, что галичане привезли «технику» (пулеметы), то послали за своей «техникой». И так стояли, друг против друга, почти целую ночь».

Газета галицкого правительства «Стрелец» развернула кампанию острой критики Петлюры и Мазепы. Чего-то явно опасаясь, Петрушевич неожиданно приказал «паковать» канцелярию диктатора и правительства ЗУНР и быть готовыми к отъезду из Каменец-Подольского. Все это очень напоминало подготовку к восстанию... Возможно, что диктатора к этому шагу настойчиво подталкивали галицкие генералы, уже договорившиеся с белогвардейцами о «смене режима». Адьютант Петлюры А. Доценко вспоминал, что Петрушевич хотел арестовать министров в Каменец-Подольском, однако опасался «эксцесов» среди населения и армии. В середине октября галицкие офицеры подталкивали Петрушевича к решительным действиям, к союзу с Деникиным.

Но Петрушевич снова не решился на серьезный шаг. Возможно, заговор сорвался из-за того, что Петлюра подтянул в Каменец-Подольский бригаду гайдамаков Волоха, который был особенно недоволен галицкими генералами.

А сам Петлюра решил только на символический шаг — объявил принятие присяги на верность Директории УНР, именем «всемогущего Бога», думая присягой связать руки заговорщикам. 14 октября в Каменец-Подольском состоялся праздник принятия присяги министрами, чиновниками и военными. Город расцветили флагами и транспарантами. Петлюра, вслед за чтецом, повторил слова присяги, поцеловал крест, Библию, украинский флаг. После общей присяги состоялся парад, служба в кафедральном соборе, артиллерийский салют.

Тогда же открылся украинский Синод, что принял решение об автокефалии православной церкви в УНР. После провозглашения автокефалии русская церковь рассматривала Петлюру только как «антихриста и раскольника».

Праздник присяги закончился торжественным собранием в местном театре и просмотром пьесы. И все. Уже через дней десять о присяге многие забыли...

Во второй половине октября 1919-го настроение у Петрушевича в очередной раз внезапно изменилось. Он, очевидно, «сделал выбор» и снова стал «поддакивать» Петлюре и исправно ходить на заседания Директории. 18 октября Петрушевич сообщил, что галицкие офицеры требовали от него согласия начать сепаратные переговоры с «белыми» и что он «принципиально отказался» от такого рокового шага. Петлюра, под воздействием откровений Петрушевича, пишет другу (30 октября 1919 г.): «С доктором Е. Петрушевичем у меня полностью хорошие отношения... Слухи о деникинском настроении Галицкой армии не соответствуют действительности».

В это время в Каменец-Подольский вернулся из Москвы «тайный дипломат» — швейцарский коммунист и давний знакомец Ленина Фриц Платтен. Он привез от «кремлевских мечтателей» обнадеживающие обещания помощи «врагу-другу» Петлюре. Дело в том, что не только петлюровцы терпели поражение за поражением от белогвардейцев. В середине октября, в пору максимальных успехов похода Деникина на Москву, Ленин уже подумывал об «эвакуации Москвы» «в Вологду». В Кремле тогда ждали самого худшего, даже перехода партии «в подполье» после победы Деникина.

Большевики судорожно искали союзника и тут даже «заклятый враг трудящихся Украины — Петлюра» мог подойти. Кремлем было дано согласие на военный союз с петлюровцами! Кремль обещал Петлюре военную амунизию и боеприпасы! Кремль обещал прекратить военные действия против Петлюры и проводить совместные военные операции — петлюровцев и красноармейцев 12-й армии! Кремль даже пообещал Петлюре «уступить» часть захваченной у него территории — Житомирщину! Кремль обещал, обещал, но в результате ничего из обещаний не выполнил. Хотя, по словам Платтена, сам Троцкий распорядился прислать Петлюре 12 пушек и 20 тысяч винтовок! К началу ноября страх перед «белыми» у Кремля прошел, «белые» были отброшены от Москвы и о союзе с «контрреволюционером» Петлюрой просто захотели забыть.

Петлюра же хотел всему этому верить... Да ему «другой веры» и не оставалось. Объединенная армия УНР к этому времени практически развалилась, приказы Главного атамана не выполнялись. Антанта упорно отмалчивалась и, казалось, даже не интересовалась последними событиями на Украине.

Петлюра огласил советские предложения на совещании государственного совета республики, и, к своему удивлению, нашел поддержку «правого» Петрушевича, который снова сделал «свой новый выбор». На союз с Красной армией смотрели тогда как на «военную хитрость», использование враждебного потенциала. Успокаивало, что в предложениях из Кремля ни слова не было о необходимости смены курса УНР или об отстранении Директории и Петлюры от власти.

Платтен, очевидно, фантазировал, убеждая Петлюру в том, что если будет заключен предложенный союз, Кремль рано или поздно признает независимость Украины. Он передавал слова Ленина, который якобы в частной беседе заметил, что ему все равно, будет ли на Украине советская система или демократическая, лишь бы у власти там стояли социалисты, что лучше хорошее социалистическое правительство, нежели плохая советская власть. Но ни Платтен, ни, наверное, Петлюра не знали цену ленинским словам и обещаниям. Для Ленина это была только «политическая игра». Командиры армии и государственные мужи УНР согласились на подписание союза с Кремлем, решив рассматривать этот союз только как временное военное сотрудничество против общего врага.

Еще 15 сентября, когда Платтен «проездом» первый раз оказался в Каменец-Подольском, Петлюра и Петрушевич дали свое согласие на проведение тайных переговоров с ленинским правительством относительно советской военной помощи. С начала октября признаком «новых отношений» между «старыми врагами» стало прекращение активных военных акций против армии Петлюры на советском фронте в районе Житомира. В начале ноября 1919-го Петлюра отослал делегацию в штаб «близлежащей» 12-й Красной армии, но переговоры «красными» к этому времени уже специально затягивались, «до выяснения» степени боеспособности белогвардейцев после разгрома под Орлом. (19—20 октября белогвардейцы были разгромлены Красной армией под Орлом и начали стремительно отступать на юг).

26 октября в Каменец-Подольском было созвано очередное государственное совещание. На нем было продемонстрировано полное согласие между Петрушевичем и Петлюрой и очень несвоевременно был поднят болезненный для галицкого офицерства вопрос об объединении двух украинских армий. Тогда создали даже специальную ко-

миссию по объединению, которая подталкивала только к разъединению.

На галицких генералов сообщения о возможном союзе с «красными» и об объединении армий произвели угнетающее впечатление. Галицкое командование заявило, что по причине переутомления, отсутствия амуниции, патронов и эпидемии тифа продолжать бороться с «белыми» далее невозможно, и отказалось от любых операций на фронте против «белых». Разведка Петлюры доносила, что галицкие генералы зондируют почву для перехода на сторону «белых». Подозрение вызывали и «странные бои» галицкой бригады за местечко Брацлав, когда пять дней четыре тысячи галичан не могли выбить из города 500 белогвардейцев.

Реакцией на заявление галицкого командования был немедленный приезд Петлюры, Петрушевича и Сальского в Винницу (28 октября), в штаб Галицкой армии. Петлюра еще надеялся убедить галицких генералов в возможности продолжения борьбы. Напрасно Петлюра доказывал, что положение объединенной армии не такое катастрофическое, что «красные» готовы помочь амуницией и боеприпасами, что белогвардейцы на фронте против УНР в два раза слабее республиканской армии, что время побед Деникина закончилось после разгрома похода на Москву и армия «белых» распадается, что «белых» с успехом бьет даже махновское «воинство», что неделя через две наступит полный крах «белого дела». Глухая стена непонимания уже разделила два командования.

Командующий Тарнавский на совещании не проронил ни слова, а его офицеры выдвигали все новые и новые причины для отказа продолжать войну и говорили о необходимости немедленного заключения союза с Деникиным. Галичане требовали отставки кабинета Мазепы, созыва предпарламента, прекращения агитации против Петрушевича... Совещание ни к чему не привело и оставило тяжелое, гнетущее впечатление у всех присутствующих... Петлюру возмущало еще и то, что регулярная армия стала заниматься политикой и ставить политические требования. Петлюра только смог договориться с галичанами, что они еще неделю ничего не будут предпринимать в отношении сепаратного союза. Было решено, что через неделю соберется общее совещание командиров всех частей и представителей правительств для выяснения вопроса о войне и мире. Петлюра тогда стремился выиграть время,

хотя во время совещания разведка и донесла ему, что галичане ведут какие-то тайные переговоры с Деникиным, однако Главный атаман не придавал этому значения. Он не предполагал, что они так быстро договорятся.

После Винницкого совещания стало ясно, что Петрушевич оказался диктатором без армии, диктатором над сотней своих чиновников. Петрушевич уже не мог влиять на генералов УГА, которые стали «вести свою игру», разочаровавшись в осторожном и непоследовательном диктаторе, не способном возглавить заговор.

4 ноября в Жмеринке, в штабе Надднепрянской армии, собралось общее военно-государственное совещание. На это совещание ни командующий Тарнавский, ни его штаб не приехали, что знаменовало полный разрыв армий. Уже было доподлинно известно, что галичане за спиной петлюровцев ведут переговоры с «белыми».

На совещании командиры соединений докладывали о страшной реальности: в армии эпидемия тифа, отсутствует зимняя амуниция, паника на фронте... Опасным было еще и то, что командующий армией Сальский и начальник оперотдела штаба Капустянский, под влиянием последних событий, также разуверились в возможности продолжать борьбу. Их поддержали и некоторые офицеры-надднепрянцы...

Сальский заявил: «Армия находится в невозможном оперативном положении. Пять деникинских дивизий вышли в тыл, а галичане не хотят идти против. Мы здесь болеем душой... на фронте кровь проливается, но где же население? Оно и сейчас нас называет «петлюровцами», а галичан «австрияками»; активно никто не помогает... нет установившегося контакта и организованной связи с народом, который сам, иногда полностью самостоятельно и независимо от нас, партизанством проводит борьбу против своих врагов...». Действительно, тыл был одним из самых слабых мест фронта. Тылом практически никто не занимался, и в момент краха фронта тыл ничем не мог ему помочь. Трудовые Рады так и не были созданы, а комиссары и коменданты Директории на местах, став местными «царьками», не знали, как организовать народ, не умели и не хотели формировать народное управление.

Сальский заявлял, что если Петлюра не пойдет навстречу «галичанам», то последние сами пойдут на сепаратный мир, поэтому нужно идти на совместные переговоры с Деникиным. Но Петлюра снова потребовал отложить решения вопроса уже до 7 ноября.

На следующий день Петлюра решил отстранить «паникера» Сальского от командования армией УНР и заменить его «решительным» Василием Тютюнником, всегда выступавшим за продолжение войны в любых условиях. Решение это было оправданно, и оно продлило еще на месяц существование агонизирующей разгромленной армии. Генерала Сальского отстранили от фронта, переведя на «почетную» должность военного министра.

Как чрезвычайную меру для выживания армии, Петлюра предложил провести немедленную реквизицию теплых вещей и обуви у населения, заявляя, что «красные» прибегали к этому и в 1918 и в 1919 годах. Петлюра все еще верил, что вот-вот из-за границы будут доставлены уже закупленные украинской миссией медикаменты и теплая одежда. Откровенный разговор с фронтовиками на митинге в Жмеринке ободрил Петлюру, вселил надежду, что солдаты готовы драться с противником до конца.

Но эта надежда быстро улетучилась после получения (в тот же день) телеграммы от Тарнавского, в которой командующий УГА ставил ультиматум: если Жмеринское совещание не одобрит проведения переговоров с Деникиным, Тарнавский решит эту проблему самостоятельно.

Никита Шаповал вспоминал: «Это предательство нанесло последний и сильнейший удар по правительству УНР и вообще Украинской революции... По сути все уже было кончено. Дух упал... Страх, обида, сожаление, гнев жгли грудь...»

Даже Петрушевич был вне себя от полученного известия, осознав, что за его спиной решается судьба Галичины, что бойцам УГА навязывает свою волю генералитет. Он предложил немедленно отправить в отставку и арестовать заговорщиков. На место Тарнавского Петрушевич назначил полковника Мыкитку (подняв его в звании до генерала), но Мыкитка сам тайно симпатизировал заговорщикам.

В начале ноября неоправданно большие надежды Петлюра возлагал на миссию Антанты, о которой было известно лишь то, что она собралась в Бухаресте и готова выехать на Украину для немедленного заключения перемирия между Деникиным и Петлюрой. Решения важнейших проблем отложили еще на три дня, до прибытия миссии... Но она так и не приехала, она была фантомом, фантазией — ложной информацией украинских дипломатов.

К 6 ноября Петлюра стал склоняться к мысли о необходимости отослать в штаб белогвардейцев в Одессу объединенную делегацию от командования армий УНР и УГА для переговоров о перемирии, с условием, что она не будет касаться политических вопросов. Но в тот же день стало доподлинно известно, что Тарнавский еще 5 ноября подписал сепаратный договор между УГА и «белой» армией.

«Белые», особо выделяя галичан, наотрез отказались вести какие либо переговоры с представителями Петлюры. Более того, белогвардейские генералы заявляли, что армия Петлюры состоит из подданных Российской империи и офицеров российской армии, которые как изменники будут привлечены ими к военно-полевому суду.

А уже 8 ноября вскрылись все «тайны» Тарнавского. Стало известно, что Тарнавский еще 25 августа издал приказ, в котором указывалось, что «генерал Деникин нам не враг», и завязал тайные контакты с командованием белогвардейцев. 25 октября Тарнавский, тайно от Пертушевича и Петлюры, отправил к «белым» свою делегацию для переговоров. Эта делегация подписала 1 ноября трехдневное перемирие, которое было вскоре продлено. Начиная с 1 ноября Галицкая армия не выполнила ни одного приказа Петлюры и объединенного штаба. По приказу Тарнавского, в тыл с фронта, оголив его основные участки, были тайно отведены войска УГА.

Генерал Слэшов, который подписывал перемирие с Тарнавским, заявлял, что считает армию Петлюры только «группой повстанцев», подобной махновцам, а генерал Шиллинг заявил, что Петлюра — просто «бандит».

Тарнавский и «белый» генерал Слэшов 5 ноября (украинские историки часто неверно указывают дату 6 ноября) подписали мирный договор, а скорее — почетную капитуляцию Галицкой армии. По этому договору вся Галицкая армия переходила в состав Добровольческой армии и обязывалась беспрекословно подчиняться приказам Деникина и непосредственно «командующего войск Новороссийской области» генерала Шиллинга. Правительство Галичины прекращало всякую государственную деятельность и должно было переехать в Одессу, под контроль «белых». В армейские штабы УГА направляются белогвардейские офицеры. Единственная «кость», которую «белые» бросили галичанам, — внутренняя автономия частей, с сохранением старого командования, а также обещание не использовать галичан в борьбе против петлюровцев, хотя

махновцы назывались в качестве непосредственных противников.

Хотя галицкие командиры потом долго доказывали, что договор имел «чисто военный характер», в действительности это был акт политической капитуляции. Эта капитуляция стала возможна в силу особенностей УГА, что была создана на основе беспрекословного подчинения солдат приказам генералов и офицеров, т.е. на основе строжайшей дисциплины. В Галицкой армии не было сильного, революционного влияния солдат на офицеров, поэтому «нижние чины» оказались только пешками в «офицерской игре». Привыкнув подчиняться приказам, часто не раздумывая, галицкие солдаты обрекли свою армию на бесславный конец и переход от одного «хозяина» к другому... В 1920 году галицкие войска перейдут от белогвардейцев в Красную армию, а потом снова к Петлюре.

Итак, 8 ноября галицкий генерал Цириц привез в ставку Петлюры, что находилась в вагоне штабного поезда, текст договора. Адьютант Петлюры Доценко вспоминал, что Петлюра, получив бумагу с текстом договора, «прочитал и побледнел, а глаза смотрели куда-то в пространство... в вагоне застыла мертвая тишина», а Петрушевич удалился в свое купе... плакать.

Узнав содержание договора между УГА и «белым» командованием, Петлюра и Петрушевич подписали приказ об аннулировании «позорного» договора, о немедленном аресте Тарнавского и его начальника штаба и о суде над «изменниками».

Тем временем, договорившись с Тарнавским об отводе войск с позиций, белогвардейцы 7 ноября неожиданно ударили во фланги частей Надднепрянской петлюровской армии. Глубокий прорыв в петлюровские тылы конницы «белых» был воспринят как всеобщая катастрофа и привел к бегству частей с позиций. Окруженные части петлюровцев под угрозой пленения и уничтожения стремительно покидали позиции. Как бы довершая катастрофу, уже 9 ноября ударили сильнейшие для этого времени морозы и выпал глубокий снег. Стремясь оторваться от наседающих «белых», петлюровцы бросали артиллерию и обозы... Это отступление напоминало зимнее бегство французской армии из России в 1812 году. Солдаты бежали не только от пуль, но и от холода и болезней.

Белогвардейцы 10 ноября захватывают Жмеринку, 14 ноября — Могилев-Подольский, расколов фронт на две

части. После этого прорыва прерывается всякая связь между армиями Петлюры и УГА.

В разгар всеобщего отступления Петлюра прибыл на фронт, которого уже не существовало. Он еще был уверен, что Надднепрянскую армию спасти возможно, что петлюровцы еще способны обороняться, несмотря на потерю Винницы, Жмеренки, Бара. Для сохранения остатков армии Петлюра подписывает приказ об отступлении армии к Проскурovu. У него еще жила надежда удержать знакомые по былым сражениям земли Западного Подолья и Восточной Волыни. Но этот приказ был хорош пять дней назад, в начале наступления «белых», а ко времени его прихода в войска передовые части белогвардейцев оставили далеко позади арьергард отступающих к Проскурovu петлюровцев.

Возвратившись в тыл, Петлюра увидел лишь предательство, панику и отчаяние... Но оптимист Петлюра 11 ноября пишет в письме Ливицкому, что у авантюры галичан есть даже «хорошие стороны». Петлюра надеялся, что Петрушевич уедет из УНР, а перед своим отъездом он «должен передать мне фактическое руководство Галицкой армией».

Петлюра еще надеется на возвращение Галицкой армии под свои стяги и считает, что сил петлюровской и Галицкой армий вполне достаточно, чтобы отбиться от «белых». Но Галицкая армия уже была полностью окружена «белыми» и освобождала фронт, отходя на юго-восток, в тыл «белых», к Балте. Несмотря на крах обороны, другой неисправимый оптимист — командующий Тютюнник, убеждал Петлюру, что есть еще надежда сохранить фронт и отстоять Западное Подолье.

Петрушевич, который всего четыре дня тому назад обличал Тарнавского как «предателя», отказавшись от своих слов, уже выступал за договор с Деникиным. Уже от имени нового командующего УГА Мыкитки в Одессе 17 ноября 1919 года был подписан новый сепаратный договор с «белыми», на тех же унижительных для галичан условиях. От каких-либо переговоров с представителями Петлюры белогвардейские генералы отказались...

Петрушевич метался... Он то требовал отстранить Петлюру и сменить министров, то, потеряв всякую надежду, предлагал отказаться от независимости Украины, то создать новое «правое» правительство УНР и «выпросить» у Деникина автономию... Вчерашний лидер независимой

Галичины заявлял: «...мы не доросли до самостоятельности», и все думы о самостоятельности Украины — «фантазия». Подписав себе этими словами политический приговор, Петрушевич, боясь ареста, не придумал ничего лучшего, как покинуть Каменец-Подольский и выехать в Румынию.

В то же время Совет министров УНР решил передать высшее руководство Галицкой армией Петлюре... и немедленно подписать договор с Польшей.

Поляки, видя успехи белогвардейцев, опасались «излишнего» усиления Деникина. Петлюра надеялся сыграть на «польских страхах», предлагая создать оборонительный военный союз из Польши, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, Азербайджана. В принципе Пилсудский сам вынашивал эту идею, конечно, при сохранении верховенства Польши в этом союзе. Пилсудский видел в Деникине «реакционного генерала с антипольскими настроениями». Пилсудский опасался, что в случае победы Деникина над большевиками «белая» армия могла развернуться и против Польши. В принципе, Деникин если и допускал существование независимой Польши, так только в узких этнографических границах, без Волыни, Галичины, Холмщины, Западной Белоруссии, что также не устраивало поляков. Поляки делали ставку на поражение Деникина, хотя открытых действий не могли себе позволить, потому что Деникина опекала Антанта. Приходилось исподтишка вредить белогвардейцам, завлекая обещаниями Петлюре, ведя через посредников «сверхтайные» переговоры с Лениным. Позже Деникин обвинит Пилсудского в том, что тот в 1919-м помог спасти Советскую власть...

От Пилсудского ожидали удара по «красным» в направлении Мозырь—Гомель. На этот удар рассчитывали как Петлюра, так и Деникин, этот удар планировала Антанта. Однако войска Польши вплоть до разгрома «красными» Деникина не сдвинулись с занимаемых позиций.

Перед выездом Петрушевича за кордон, 14 ноября 1919 года, Петлюра лично приехал в «ставку» Петрушевича, потребовав от него передачи Главному атаману формальной власти над Галицкой армией. Петлюра надеялся на то, что солдатские массы Галицкой армии, возмущившись договором с «белыми», отстранят «изменников» и вернутся под «его руку». Но хотя власть диктатора была

только на бумаге и Петрушевичу уже почти никто не подчинялся, диктатор наотрез отказался сдавать «булаву».

Никита Шаповал вспоминал эту сцену: «Петрушевич лежал больной, с двумя револьверами при себе, а его дом был окружен верными солдатами с пулеметами и т. д., потому что он боялся ареста. Долгие разговоры не привели ни к чему, потому что Петрушевич категорически отказался передать командование Петлюре, говоря, что он не может отважиться передать армию людям, которые ее полностью разрушали, потому что он им не верит...»

Словом, даже криком дня была «Зрада!» (предательство). Солдаты-петлюровцы требовали расправы с предателями — галицкими генералами и Петрушевичем. Так что диктатору было чего опасаться в Каменец-Подольском...

Новый военный министр Сальский и командир несущего Объединенного штаба Юнаков находились в не меньшем, чем галицкий диктатор, смятении. Они считали, что нужно немедленно ликвидировать фронт и всем «спасаться» в Польше. Сальский констатировал: «Война для нас окончена... Уничтожила нас не военная сила противника, а тиф...»

И снова, как в критические дни конца июня 1919-го, командующий Василий Тютюнник настаивал на возможности продолжения войны. У Тютюнника, как всегда, уже был готов новый «спасительный» план: эвакуировать армию и все правительственные учреждения из Каменец-Подольского в Проскуров и далее в Староконстантинов, «на отдых», в то же время предложив польской армии занять своими войсками район Каменец-Подольского и Староконстантинова. Это защитит левый фланг армии Петлюры от наскоков «белых». Тютюнник считал, что тыл армии Петлюры также прикроют поляки, а вот правый фланг армии, в Полесье, уже был защищен частями Красной армии, что проявляли в ноябре—декабре 1919-го нейтралитет в отношении петлюровцев.

Сконцентрировав все войска в районе Староконстантинов—Шепетовка, Тютюнник планировал после непродолжительного отдыха и реформирования вновь повести их в наступление, ударив по тылам Деникина, армия которого, как многие тогда считали, уже через две недели потеряет всякую боеспособность.

К этому времени стало известно, что Красная армия, громя «белых», сокрушила оборону врага и подошла к Харь-

кову. С юга также приходили обнадеживающие известия: повстанцы Махно уже три недели вели упорные бои на Запорожье и даже захватили крупнейший промышленный центр Екатеринослав (Днепропетровск).

Петлюра поддержал план Тютюнника, потребовав продолжения войны для сохранения государственности Украины (хотя бы уезда независимой территории). Реализуя план отступления, Петлюра отправил телеграмму польскому командованию с предложением занять своими войсками Проскуров и Каменец-Подольский, покидаемый армией УНР, при условии сохранения в этих городах украинской администрации и неприкосновенности оставшегося там имущества УНР. Польское командование на это согласилось с энтузиазмом, предоставив даже транзитный путь через свою территорию.

Поляки просили Петлюру удерживать армию от демобилизации еще недели две. И по их расчетам, к этому времени Деникин будет выбит с Украины, а польская армия выступит против «красных» и поможет петлюровцам в их борьбе. Однако, как только поляки вошли в Каменец-Подольский, они, забыв о своих обещаниях, арестовали несколько петлюровских министров, распустили украинскую администрацию и провозгласили присоединение города к «Великой Польше».

15 ноября в Каменец-Подольском состоялось последнее заседание Директории. На нем «директора» Макаренко и Швец, передав все свои полномочия Петлюре, заявили о своем отъезде за границу, на мирную конференцию, «от греха подальше». Тогда же в Польшу выехало три министра и более сотни чиновников учреждений УНР. Никита Шаповал писал об этом событии так: «Петлюра во время паники оформил свое самодержавие».

«Столица» была оставлена петлюровцами 17 ноября и в нее вошли польские войска, а в этот же день белогвардейцы ударили по Проскурову, стремясь снова расколоть остатки армии Петлюры.

В полдень 17 ноября Петлюра на автомобиле выезжает из Каменец-Подольского, предварительно отправив из города свою жену и дочь во Львов, откуда они перебираются в Варшаву.

А Петлюра на автомобиле в сопровождении двух адъютантов устремляется в неизвестность... На полдороге до Проскурова, из-за мороза, вода в моторе автомобиля замерзает и Петлюре приходится ночевать в придорожной

сторожке... Он тогда мог стать очень легкой добычей даже для небольшого разезда «белых».

ПЕРЕЕХАВ в Проскуров, украинское правительство перебралось «из огня да в полымя». Проскуров уже штурмовала конница «белых». Последним актом войны против белогвардейцев стала шестидневная оборона Проскурова (17—22 ноября) под командованием Василия Тютюнника. Все последующие события были незначительными локальными стычками и наскоками 300—500 «белых» кавалеристов.

Хотя армия уже была неспособна к боевым действиям, Тютюннику удалось каким-то чудом организовать оборону Проскурова. Оборона его была спасительной для государственного ядра УНР.

Дело в том, что поначалу ни Петлюра, ни его министры, направляясь в Староконстантинов, не думали больше одного-двух дней находиться в «опасном» Проскурове. Но Петлюру задержали в Проскурове переговоры с польским командованием, а потом случилось непредвиденное.

Задержка поездов на Староконстантинов была обусловлена восстанием крестьян «Республики Пашковская волость», которые, создав «пробки» на железной дороге, нападали на поезда с целью их грабежа. Пользуясь слабостью власти, эта волость «стихийной анархии» уже несколько месяцев никому не подчинялась. Да и сами восставшие не могли толком объяснить, за что и против чего они выступают. Они превратили разграбление складов и поездов в выгодный «промысел», но так и не смогли подвести под него идеологическую базу.

У Петлюры было еще несколько надежных полков, чтобы подавить эти выступления, но он предпочел не проливать кровь... Вскоре делегация республиканцев убедила крестьян пропустить поезда государственного центра и армии УНР через «свою» территорию. Но к этому времени было уже поздно пробиваться через Пашковскую волость, «белые» разезды перекрыли железнодорожный путь.

«Белая» конница 22 ноября, прорвав оборону, вошла в Проскуров. На юг и на север от города пути уже были перерезаны. По железной дороге можно было двигаться только на запад. Петлюра и правительство были вынуждены эвакуироваться на станцию Черный остров и далее на станцию Вийтивцы, что находилась в 18 километрах от польского фронта.

Заехав к самой границе, Петлюра оказался в ловушке. Впереди поляки, позади и с флангов «белые». А «белые» Петлюре обещали суд и расстрел... На «выездном» заседании министров было решено кинуть вагоны и отступать на двух автомобилях и подводах на Староконстантинов. Это было безумное решение, ведь от Вийтивцев до Староконстантинова путь был неблизкий и очень опасный. «Белогвардейцы» и повстанцы «разной окраски» представляли вполне реальную угрозу. По дорогам рыскала конница «белых», имеющая предписание найти и захватить Петлюру, живым или мертвым.

Гораздо спокойнее было бы через полчаса въехать в «польские» владения, сохранив архивы и государственную казну (40 тысяч золотых и 30 тысяч серебряных монет царской чеканки, 200 тысяч франков и множество бумажных денег советского, царского и «директорского» образца). На эти деньги «головка» движения могла безбедно существовать и в Польше, изображая из себя «правительство в изгнании». Но жребий был брошен, борьба продолжалась... Петлюра еще не хотел добровольно оказаться в «польской клетке».

Не имея возможности вывести в Староконстантинов архивы и военное имущество, Петлюра приказал все оставляемое сжечь. Из 12 членов правительства с Петлюрой осталось только 5 министров и около 30 чиновников. Все, кто желал покинуть штаб, министерства, учреждения, могли выехать в Польшу, получив на первое время щедрое пособие.

Командующий армией Тютюнник убеждал потерявших надежду отступавших, что после захвата Проскурова в погоню «за Петлюрой» устремились не более тысячи белогвардейцев и чтобы отбиться от преследователей, нужно только дать армии «выспаться и вымыться», что все отступление происходит уже по инерции, перед врагом, которого нет. Очевидно, так оно и было на самом деле. Армия Петлюры просто не имела моральных сил остановиться и перейти к обороне. Трудно назвать численность боеспособных частей армии УНР, возможно, это примерно 8—9 тысяч штыков, учитывая то, что около 10 тысяч солдат к декабрю 1919-го заболело или умерло от тифа.

В конце ноября петлюровцы немного оторвались от преследователей, а «белые», после захвата Проскурова, остались на позициях Проскуров—Хмельник—Казатин.

«Красные», пользуясь неразберихой, «под шумок» захватили «петлюровский» Бердичев.

26 ноября беглецы приезжают в Староконстантинов, где проводят спешное заседание правительства и командования. Исходя из того что враг мог штурмовать город в любую минуту, было решено, удерживая как можно дольше Староконстантинов, отойти дальше на север, оторваться от белогвардейцев и дать армии отдохнуть от переутомления.

Разложение бегущей армии не заставляет Петлюру сдаваться. За годы войны он привык к экстремальным условиям, привык к временным проигрышам. И «ноябрьский крах» он еще рассматривал как временное затруднение. Петлюра надеялся, что Деникин в первых числах декабря 1919-го будет полностью разбит Красной армией (тогда в своих стратегических расчетах Петлюра ошибся всего недели на две). После краха Деникина Петлюра строил планы удара по тылам «белых», чтобы восстановить положение фронта, имевшее место в середине сентября 1919 года, и таким образом обрести территорию и республику.

Вместе с тем Петлюра считал, что переход к партизанской борьбе губителен для сохранения государственной структуры и «все уничтожит». Нужно было удержать хотя бы кусочек территории республики, чтобы с требованиями украинских министров и послов считались в мире. Для будущей борьбы необходимо было и сохранение армии.

«За время двухлетней борьбы мы создали украинскую нацию», «наша борьба в истории украинского народа будет записана золотыми буквами», — убеждал разочаровавшихся Петлюра. Он смеялся над слабыми, говоря, что просто «срам» — бежать от врага, численность которого в 6—7 раз меньше численности петлюровцев. «Уговоры» Петлюры сводятся к одному: «надо недели две потерпеть», а там нас признает Антанта, поляки подпишут союзный договор, Деникин будет разгромлен «красными». Он еще угрожал расстрелом за неисполнение приказов и уход с позиций, но уже никто не боялся его угроз.

Однако на заседании вспыхивает новый внутренний конфликт, который круто изменяет настроения Главного атамана. На этот раз Омелько Волох, постоянно позволявший себе язвительные замечания во время выступлений Петлюры, выступил с резкими обвинениями в адрес Петлюры и правительства. Волох кричал, что тот неспособен командовать войсками, что он в первую голову виновен в

поражении армии и что его министры виновны в разграблении тыла. Волох призывал к признанию Советской власти, прекращению борьбы, переходу на советскую территорию, к вступлению в Красную армию... Рисуя перспективы ближайшего будущего украинской армии, Волох призывает в союзе с «красными» начать «войну против всего мира».

Это выступление почему-то резко переломило всегда оптимистическое настроение Петлюры. Он оборвал Волоха: «Пан атаман, нужно говорить всю правду!» В этот момент один из петлюровских командиров хотел застрелить Волоха за его «измену», но Петлюра остановил расправу. Выступление Волоха привело к хаосу в зале... Крики, свист, улюлюканье раздавались как в адрес Волоха, так и в адрес Петлюры. Главный атаман закрыл собрание и спешно ретировался. Опасаясь бунта, Петлюра засел в своем штабе, окружив себя многочисленной охраной.

Премьер предложил Петлюре немедленно арестовать Волоха, но Главный атаман ограничился только приказом о переезде государственного центра и штаба армии в местечко Любар (6 тысяч жителей), а Волоха оставил держать позиции у Староконстантинова. Уже было некому воевать, и даже несколько тысяч потенциальных мятежников Петлюра думал сохранить, успокоив боями на передовой.

27 ноября все присутствующие на новом совещании в Любаре увидели уже совершенно другого Петлюру. Вместо энергичного, бодрого, полного надежд и планов вождя, они увидели разбитого, подавленного, равнодушного человека. Надлом, огромная усталость, внутренний кризис, простуда выбили Симона из колеи. Он уже плохо воспринимал происходящее. Хотелось только спать и ни о чем не думать. Ему казалось, что не только политический, но и жизненный путь подошел к неутешительному финалу. Да и нельзя было разделить жизнь Симона и политику. Он отказался от семьи, нормальной жизни, друзей, минимальных удобств ради... Украины? Народа? Революции? Массонской идеи? Славы? Амбиций? Личной власти???

Теперь Симон постоянно задавал себе этот вопрос: «Ради чего вся эта борьба?»

Собравшимся он сказал, что принял решение выехать за границу, в Польшу, где может принести больше пользы делу обороны страны, где он может «вымолить» помощь у Пилсудского. Мотивы своего «ухода» Петлюра объяснял и «одиозностью» своего имени в «большевистских кругах»,

и нежелательностью своего присутствия во время возможных в будущем переговоров с Красной армией. Для сохранения республики и армии, считал Петлюра, придется временно идти на контакт с Кремлем, но этот «контакт», по его мнению, мог скомпрометировать его. Он понимал, что «контакты» с победителями-большевиками приведут к изменению политики и к возможному отходу от демократизма. Петлюра предложил свои посты Главного атамана и главы Директории премьеру Мазепе.

Последним аргументом, объясняющим внезапную отставку, было заявление Симона: «В этих обстоятельствах все может быть. Могут меня убить по дороге, или я могу сам застрелиться». Итак финиш: руководитель страны и Главный атаман добровольно отдает еще недавно такую желанную власть, думает о самоубийстве. Он уже не хочет, не может, не имеет сил пережить этот кризис. Он просит правительство дать свое официальное согласие на его отъезд в Польшу, говорит о самоустранении от управления государством. Однако премьер Мазепа и четыре ретерянных министра сами не знают, что же делать дальше...

Мазепа отказался принять власть, посчитав уход Петлюры роковой ошибкой, которая привела бы к всеобщему развалу армии и всех государственных структур. Премьер так поставил перед Петлюрой вопрос: или государственные центр и армия ликвидируется с отъездом Петлюры, все разбегаются в разные стороны, и мы больше не мечтаем о свободной Украине, или мы все вместе продолжаем борьбу. Мазепа сказал, что никто не может предугадать будущих коллизий. Вообще неизвестно, заключил он, дойдет ли «у нас» до союза с «красными», и насколько «мы» готовы пойти на изменение политики УНР.

Петлюра, пристыженный и молчаливый, вынужден был признать доводы Мазепы и отказаться от своих намерений. Он забрал заявление об отставке. Однако на следующий день в Любаре начались солдатские волнения под началом атаманов Божко (командира формирования «Сечь») и Данченко (командира Волынского повстанческого отряда). Эти атаманы, создав Ревком, потребовали немедленного перехода армии на сторону «красных» и отстранения Петлюры от всех должностей.

Петлюра, опасаясь покушения, выехал из Любара на фронт, вместе с тем отказавшись от предложения покарать мятежников с помощью надежных частей. Очевидно,

у него уже отсутствовала всякая воля к победе, он решил «плыть по течению» и только ждать перемен. Петлюра просил Василия Тютюнника вывести из Любара, на фронт, все военные части, кроме отряда личной охраны Главного атамана, и этим «замять» конфликт.

Но 29 ноября, бросив позиции у Староконстантинова, в Любаре объявляется «главный козырь» мятежников — атаман Волох с преданным отрядом гайдамаков. Волох ультимативно потребовал от премьера смены политического курса, провозглашения Независимой Советской Украины, угрожая при этом, что уведет свою часть, отряды Божко, Данченко «к большевикам». Но Мазепа отказался вести всякие переговоры с Волохом. От Юнакова Волох потребовал согласия на отстранение Петлюры от власти «не убивая», «потому что с ним большевики не пойдут на переговоры». Волох пишет письмо Петлюре, предлагая добровольно передать ему, Волоху, командование армией.

Необходимо было немедленно арестовать Волоха, однако Петлюра с 26 по 30 ноября так и не отдал соответствующего приказа, надеясь только на «самозатухание» конфликта.

Но 1 декабря 1919 года Волох, называвший себя Главкомом командующим украинскими советскими частями, поднимает очередную мятеж. С утра на главной площади Любара он приветствует парад своих частей, что маршируют уже под красными знаменами. Заговорщиков набирается около 3 тысяч при 7 орудиях, что составило почти третью часть всей «армии» Петлюры. Парламентер от Волоха, прибыв к Петлюре, потребовал у Главного атамана передать командование всей «армией» УНР атаману Волоху.

Только после этого, вечером 1 декабря, Петлюра приказал юнкерам разоружить мятежников и арестовать Волоха, а главкому — срочно, с надежными войсками, прибыть в Любар для подавления мятежа. Но юнкера не исполнили приказ Петлюры, их командир договорился с Волохом о нейтралитете, а «надежное войско» с фронта запаздывало. Войско же мятежных атаманов отошло за речку Случ и выстроилось в боевой порядок.

На следующий день Петлюра послал против Волоха 50 человек из своей личной охраны, но личная охрана перешла на сторону мятежника. Планы у Волоха изменились... Он уже мечтал захватить Петлюру и передать его «красным», чтобы, по примеру всех предателей, купить себе прощение у «красных» за «голову» Петлюры. Но до Петлюры он так и не смог «добраться».

Когда стрельба слышалась уже у окон его штаба, Петлюра сел в автомобиль и укатил в местечко Новая Чорторья. Тогда Данченко и Волох удовлетворились тем, что захватили на местной почте часть государственной республиканской казны (30 тысяч серебряных рублей царской чеканки) и, провозгласив свою часть Революционной Волянской бригадой, покинули Любар, уведя свое воинство на соединение с «красными».

Оставленный войсками городок Любар стал легкой добычей небольшого отряда белогвардейцев, который захватил местечко и в нем до двух тысяч солдат, больных тифом и раненых. На следующий день Любар был отбит отрядом Тютюнника.

Во время бунта Петлюра был вынужден перенести государственный центр и ставку командования в соседнее с Любаром местечко с мистическим названием Новая Чорторья, где стояли еще «надежные» части сечевых стрельцов.

3 декабря стало ясно, что наступила развязка... Командир сечевых стрельцов Коновалец заявил, что не видит перспектив в продолжении борьбы партизанским способом и объявил о роспуске своих формирований. Все угрозы Петлюры ничего не дали.

Предательство лучших частей настолько поразило Петлюру, что он стал с трудом передвигаться, стал «забываться и находился в страшном нервном состоянии». Адьютанту он жаловался, что Украина оказалась в «национальной апатии», что все его покинули и что он хочет умереть вместе с остатками войска в последнем бою. Петлюра бредил.

4 декабря в Новой Чортории произошло последнее совещание Петлюры с командирами и членами правительства республики, на котором все присутствующие констатировали полный крах регулярной армии. Тиф косил ряды еще не разбежавшейся армии, уже слегли командующий Тютюнник, комдив Удовиченко, бывший начштаба Мельник, генерал Мишковский, генерал Базильский, полковник Иван Омелянович-Павленко, множество офицеров и простых солдат.

На этом совещании Петлюра вновь поставил вопрос о своем отъезде в Польшу и о передаче всех функций управления совету министров. Теперь Петлюре, видя его состояние, никто особенно не возражал, все молча согласилось с его решением.

Часть командиров высказалось за продолжение борьбы при ликвидации фронта, за переход к партизанским

действиям и за проведение рейда по тылам «белых», по примеру Махно. Командующий Тютюнник (прибыл на заседание уже тяжело больным) — главный энтузиаст борьбы, премьер Мазепа, командующий Запорожской группой Михаил Омелянович-Павленко, командующий Волынской группой Загородский предлагали бороться. Было принято решение готовить «армию» к выступлению в такой рейд маршрутом «на Киев». В рейд «приглашались» только добровольцы из всех частей; бойцы, которые не хотели больше рисковать жизнью, распускались по домам.

Решение о роспуске армии и переходе к партизанскому движению было принято преждевременно, так как денкинцы уже отводили свои войска с петлюровского фронта к Днепру: 10—12 декабря «белые» сдали Полтаву и Харьков, а 15 декабря Красная Армия вошла в Киев. Огромные территории Волыни и Подолья оказались покинуты белогвардейцами. Продержись петлюровцы еще дней 6—7, а на оборону у них пока были силы (в армии еще сохранялось около шести тысяч бойцов), и они снова могли стать хозяевами обширных территорий, сохранить республику. Но история распорядилась по-другому.

Вечером 5 декабря Петлюра, не попрощавшись и даже не произведя последние необходимые назначения, не передав дел, выехал из Ставки в Варшаву. На 6 декабря был назначен важнейший военный совет, где должен был быть утвержден план партизанской борьбы, и Петлюра обещал на нем быть. Но он обманул ожидания командиров. Это было бегство, а не отъезд... Он не мог смотреть в глаза боевым товарищам, понимая, что ничего хорошего он уже не может им сказать. Петлюра не верил в партизанство. Для него роспуск армии означал полный разгром.

Зная, что Василий Тютюнник тяжело заболел и просил освободить его с поста командующего, Петлюра даже не назначил нового командующего. Тютюнник, лучший командующий армией УНР, умер через тринадцать дней от разрыва сердца, пережив кризис тифозного марева.

Очевидно, что Петлюра готовился к своему отъезду заранее. Еще 1 декабря, в момент авантюры мятежных атаманов, Петлюра послал своего адъютанта с письмом к Пилсудскому в Варшаву. Сообщения с Чарторыей не было, и Петлюра не знал, что за три дня до его выезда Ливицкий подписал в Варшаве предварительный союз с Польшей. Однако, возможно, Петлюра и был в курсе результатов переговоров в Варшаве. Они закончились еще 2 декабря

подписанием «Декларации». Возможно, новые перспективы союза требовали от Петлюры личной встречи с «вождем» поляков Пилсудским.

В последние минуты перед отъездом тайно отъезжающего Петлюру все же нашел премьер Мазепа на перроне станции. Премьер попросил сделать последнее распоряжение — подписать приказ о назначении нового командующего армией для партизанских действий. Выбор пал на генерала Михаила Омеляновича-Павленко, заместителем его стал партизан «с большим опытом» — Юрко Тютюнник.

Справка: Омелянович-Павленко Михаил Омелянович (1878—1952) — генерал-полковник армии УНР. Служил в императорской гвардии, воевал на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн, полковник. С весны 1917 г. примкнул к украинскому национальному движению. Служил в войсках Центральной Рады и гетмана, Кошевой атаман Запорожского казачества. С декабря 1918 по июнь 1919 г. — командующий Галицкой армией ЗУНР. Во второй половине 1919 г. возглавлял Запорожскую группу армии Петлюры. С декабря 1919 по декабрь 1920 г. — командующий армией Петлюры. С 1920 г. — в эмиграции.

Тютюнник Юрко (Юрий) Иосифович (1891—1929) — генерал-хорунжий армии УНР. Из крестьян. Окончил университет и военную школу, участвовал в Первой мировой войне, поручик. С весны 1917 г. примкнул к украинскому национальному движению. В 1918 г. — организатор «Вольного казачества». Один из руководителей Звенигородско-Таращанского восстания. В 1919 г. как начальник штаба войск атамана Григорьева организует выступление Григорьева против УНР, а потом и против Советской власти. Организатор партизанской дивизии, которая в июле 1919 г. присоединяется к армии Петлюры. С мая 1920 г. — генерал-хорунжий армии УНР, комдив. В 1921 г. — командующий Партизанско-повстанческим штабом. В 1923 г. перешел на сторону Советской власти и вернулся в УССР, преподавал в советской «офицерской» школе. Писал сценарии, исторические эссе, играл в кино. В 1929 г. расстрелян как «враг народа».

Последний разговор с Петлюрой, как писал в воспоминаниях Мазепа, был хаотичным, ни о чем... Петлюра не сказал о том, что же делать дальше, какие цели ставить. Он очень переживал... Он вспоминал бои под «Арсеналом» и подарил Мазепе свою старую шинель, которая спасла его от пули восставших «арсенальцев». На шинели на груди просматривалась аккуратно заштопанная дырочка.

В сопровождении начальника штаба Юнакова, охранника и двух адъютантов, Доценко и Волянского, Петлюра под чужим именем выехал с Украины. Машинист поезда

не хотел вести свой паровоз на польскую территорию и только после избиения петлюровским охранником согласился. На станции Полонное (новое мистическое название), уже на территории контролируемой польскими войсками, Петлюра и «сопровождающие» пересели в польский поезд, под охрану поляков.

На следующий день, уже без Петлюры, собравшиеся командиры армии и министры решили начать военный рейд по тылам белогвардейцев, который позже историки назовут «Первым зимним походом армии УНР». Из 7 тысяч человек в зимний партизанский поход добровольно решили идти 479 офицеров и генералов, 3840 солдат при 12 орудиях и 81 пулемете. Были сформированы три дивизии: Киевская — во главе с Юрком Тютюнником, Запорожская — во главе с Андреем Гулым-Гуленко, Волынская — во главе с Александром Загородским.

Части Омеляновича-Павленко прорвали фронт белогвардейцев у Козятина и, успешно продвигаясь на юго-восток, захватили у «белых» городок Липовец. В это время (16 декабря) «красные» выбили «белых» из Киева, и армия Деникина на Украине прекратила свое существование, она превратилась в бегущую в нанике толпу. К 23 декабря «белые» оставили Подолье, а их союзница — Галицкая армия — вновь стала искать пути для объединения с петлюровцами.

После отъезда Петлюры и выхода армии в зимний поход польские войска вероломно напали на Чорторыю, где еще находились отдельные отряды сечевых стрельцов и «запорожцев». Остатки «армии» поляками были разоружены и отправлены в лагеря для военнопленных в Луцк и Ровно. Поляки опасались стрельцов, так как их формирования состояли из выходцев с оккупированной польской армией Галичины.

ГЛАВА 19

С ПОЛЯКАМИ ПРОТИВ СОВЕТОВ.

7 декабря 1919 г.—21 ноября 1920 г.

Утром 7 декабря на Варшавский вокзал прибыла группа странных людей, говорящих по-украински. Они встречали поезд из Ровно. В числе встречавших были Андрей Ливицкий (вскоре он будет назначен временным главой совета министров УНР), старый друг Петлюры Понятенко, несколько членов украинской дипломатической миссии и несколько поляков — представители генштаба и министерства иностранных дел. С Украины должен был приехать Симон Петлюра. Он шагнул из вагона измученный, еле державшийся на ногах, совершенно подавленный, в запачканной грязью потрепанной одежде. Не лучше выглядел и генерал Юнаков в порванных сапогах и истертой шинели... Обнявшись с Ливицким, Петлюра расплакался... Он уже не был в состоянии контролировать свои эмоции. Эти несколько человек, прибывших в Варшаву, «оттуда», из пекла гражданской войны, напоминали живые тени, в глазах которых читался ответ на немой вопрос окружающих. Неужели все огромные лишения, гибель десятков тысяч людей напрасны? Неужели Украины уже никогда не будет? Вид, а особенно душевное состояние приехавших неприятно удивили лощенных, при галстуках и тросточках, дипломатов. Не таким они знали своего вождя.

Отдохнув и переодевшись в украинской миссии, Петлюра не стал «заниматься политикой», а отправился в отель, где находились его жена и дочка, которые приехали в Варшаву неделей раньше.

Что ждало Петлюру в польской столице? Он, наверное, и сам понимал, что оказался в клетке, под присмотром польских спецслужб и в полной власти диктатора Польши Пилсудского. У Петлюры уже не было ни средств, ни государственной территории, остатки армии давно не

контролировались им, и он не знал, сохранится ли эта армия хотя бы еще неделю... Ни одно государство мира не признало Украинской республики... Более того, польские чиновники и офицеры постоянно подчеркивали, что о таком государстве, как Украина, они не хотят даже слышать... Вековая национальная вражда между поляками и украинцами, надменное отношение польских «шляхтичей» к украинцам вошли в самосознание, в историческую память многих поляков и перенесли из века XVII в век XX. Да иллюзии поляков в отношении великой Польши — Речи Посполитой, непременно в границах 1772 года, «от моря до моря», — не оставляли надежд на равноправные, дружеские отношения между польским «паном» и бедным украинским «разночинцем».

Диктатор без страны, генерал без армии, Петлюра мог теперь играть только жалкую роль в чужой игре. Он пытался отогнать от себя подобные мысли, но польские реалии постоянно напоминали о себе. В ту зиму 1919—1920 гг. Петлюра очень изменился, не столько внешне, сколько внутренне. За ним не было силы, и это чувствовалось... Да и вера в победу почти развеялась. Он понимал, что теперь вернуться в Украину можно было только в чужом обозе, на чужих штыках... Политические закономерности, стремление остаться «на плаву» и фанатичное желание «построить» Украину любым путем толкали его на роль «марионетки» в польских руках. Чтобы остаться в политике, требовались следовать ее законам, по которым сильный подчиняет слабого.

Ливицкий, по выработавшейся за годы революции привычке, выдавал желаемое за действительность, написав в Чорторью Петлюре, что польские дипломаты: «категорически выразились о том, что вся полнота Верховной Власти принадлежала только Вам. В Каменце все хорошо. Администрация вся наша, с поляками наилучшие отношения. Я глубоко убежден, что никогда у нас не было лучших перспектив, чем сейчас...» На самом деле положение было несколько иным... В Каменец-Подольском установилась польская оккупационная власть, и польский комендант города заявил о его включении в состав Польши, запретив вывешивать украинские знамена на улицах. И перспективы, с утратой всяких позиций на Украине, были далеко не радужные. Украинскую делегацию не рассматривали как равноправную, от нее требовали только немедленного согласия на все требования Польши.

Справка: Ливицкий Андрей Николаевич (1879—1954) окончил Киевский университет, юрист, работал адвокатом, судьей. С 1901 г. в РУП — УСДРП, участвовал в революционных событиях в Лубнах в 1905 г. В 1917 г. — член Центральной Рады, губернский комиссар УНР на Полтавщине, масон. С 1919 года был Великим Секретарем Великой ложи Украины, а после гибели С. Петлюры стал Великим Мастером этой ложи. В 1919 г. — министр юстиции УНР. В 1920 г. — премьер-министр. Глава правительства УНР «в изгнании» (Президент УНР в 1926—1954). Ближайший личный друг Петлюры. В эмиграции в Польше, Германии.

Поверив Ливицкому, Петлюра принял решение возобновить деятельность министерств УНР в Каменец-Подольском, однако эта попытка поначалу закончилась арестом украинских министров на их «государственной территории», в том числе и Ливицкого. Одновременно с Каменецким «государственным центром» формируется государственный центр и Ставка Главного атамана в Варшаве, куда Петлюра вызвал как военного министра «в изгнании» генерала Сальского, так и адъютанта Ставки, своего племянника Степана Скрипника.

Пока Антанта разыгрывала карту дуумвирата Колчак — Деникин, Пилсудский воздерживался заниматься «восточной политикой», воздерживался от присоединения восточных земель и от помощи Петлюре. Но в декабре 1919-го становится ясно, что и Колчак, и Деникин разгромлены и «не оправдали надежд» Антанты.

В то же время польская армия располагала армией до 700 тысяч штыков и сабель (при сильной кавалерии) и Пилсудскому необходима была победная война для укрепления своей власти как «вождя нации». Украина была заветной целью Пилсудского, мечтавшего возродить могущество Речи Посполитой XVII века.

Уже 9 декабря состоялась первая личная встреча Петлюры с Пилсудским в президентском дворце Бельведер. С восьми вечера до пяти утра эта новая версия двух «П» предавалась воспоминаниям, политическим мечтаниям, находила общих знакомых... Оба, казалось, понравились друг другу. Петлюра оживился, вновь возвращаясь к жизни активного политика. Но в политике нет «друзей»...

Пилсудский блефовал, обещая Петлюре бескорыстную польскую помощь. И Петлюра все больше увязал в польских уловках, ведь поляки подтверждали свои обещания

заявлениями о целесообразности сильной Украины для стабильности Польши. Вроде бы такие заявления были логичны, но Петлюра не учитывал того, что польские политики хотели просто его использовать для придания некой законности своего «вторжения на Восток» и захвата украинских земель.

Интересно, что Пилсудский вел переговоры с Петлюрой без ведома польского Сейма (парламента), который не особенно доверял Пилсудскому, считая его узурпатором и «хитрым литовцем» (он родился в Литве). Большинство партий польского Сейма было против «украинской авантюры». Они боялись самостоятельной Украины еще больше, чем «Великой России», так как семь миллионов украинцев оставалось под польской оккупацией. На союз с УНР дала согласие только Польская партия социалистическая.

Окончательно на войну против Советской России Пилсудский решился в начале декабря 1919 года, после рапорта командующего Волынским фронтом о слабости Красной Армии на Украине и достижения компромисса с украинской дипломатией. В это время Пилсудский искал союзников для «войны на Востоке» и согласился на формирование украинских частей в польской зоне оккупации на Волыни.

Пилсудский мечтал о буферном, марионеточном украинском государстве, которое будет помогать Польше в защите от России. Причем поход «на Восток» он предлагал начать немедленно, заявляя, что «большевиков необходимо разгромить, пока они не окрепли. Украина — вот их слабое место». К наступлению подталкивали и сведения о том, что ленинское правительство решило содействовать антипольскому восстанию в Галичине.

Во время встречи с Петлюрой Пилсудский не удержался и от «настоятельных рекомендаций» по поводу устройства украинской власти. Он предложил отстранить от Директории Макаренку и Швеца и хотел видеть только власть «вождя народа» Петлюры. В министерства УНР Пилсудский предложил трех министров-поляков, или двух поляков и одного русского либерала, «типа Савенкова», чтобы «успокоить польские круги». Однако после протестов Петлюры Пилсудский согласился на одного министра-поляка, который стал министром земледелия Украины, глазами и ушами Пилсудского в украинском кабинете министров. Пилсудский считал, что министр земледелия

поляк не допустит реквизиции польских имений и социализации земли поляков на территории будущей УНР.

Уже в конце декабря 1919 года, при отступлении «белых», польская армия захватила «под шумок» еще украинской «землицы» — уезды Проскуровский, Могилев-Подольский и Староконстантиновский. В марте 1920-го польская группа осторожно пробивается в Восточное Полесье, захватив Мозырь и Калинковичи.

Как предварительное условие для переговоров с Москвой Варшава выдвигала выведение Красной Армии с земель, которые принадлежали Польше до «первого раздела» — до 1772 года.

На захваченных территориях Галичины, Волыни, Подолья поляки установили жестокий антиукраинский режим грабежей и насилия. Многие украинцы возвращались с оккупированных поляками территорий Украины в УССР, заявляя, что «лучше смерть, чем польское гостеприимство».

Издевательство польской военной власти над украинским крестьянством привело к тому, что уже в январе 1920 года Петлюра отправляет Пилсудскому меморандум, требуя прекратить насилие на Волыни и Подолье.

В феврале—мае 1920 года Петлюра окончательно лишил прав членства в Директории Макаренку и Швеца, и совет министров УНР передал все функции главы державы исключительно Петлюре. (Только в октябре 1920 года Макаренко и Швеца неожиданно вспомнили и пригласили в УНР — для «конституционного процесса»). В то же время сам Петлюра стремился не подписывать компрометирующие документы ни как глава Директории, ни лично, а действовать исключительно руками «временного исполняющего обязанности премьер-министра» Ливицкого. Вся ответственность за «польские интриги» ложилась на Совет министров, который даже и не догадывался об украинско-польских тайных договорах. В то же время Петлюра выступает против любых правительственных шагов по ограничению его личного полномочия. Находясь в двойственном положении единственного представителя Директории, Петлюра продолжал делать вид, что Директория (форма коллективной власти) существует, хотя все понимали, что власть в УНР уже давно «власть личной полувоенной диктатуры». Слово «Директория» как определение власти было уже обманом, но Петлюра держался

за эту формулу, которая придавала его диктатуре видимость законности и преемственности, связывала его власть с полугодовым всенародным восстанием против гетмана... Причем Петлюра решил не обременять себя никакими новыми законами, принципиально отказавшись реорганизовать Директорию, и утвердить «закон о временном управлении». Но в то же время с начала 1920-го и до ноября в «правительственных кругах» УНР велись постоянные споры и разговоры о созыве предпарламента, который легализует власть Петлюры.

Обманом или самообманом было утверждение Петлюры, что власть УНР распространяется на Каменец-Подольский уезд? С 6 декабря 1919 года у УНР не было своей территории, а указанный уезд был оккупирован польскими военными.

В Каменце находился только небольшой украинский отряд (несколько сотен штыков), несколько министров УНР и с дюжину лидеров украинских партий — только видимость присутствия украинской власти. В феврале 1920-го туда приезжает премьер Исаак Мазепа, что немедленно приводит к аресту Мазепы и еще четырех министров УНР местным польским комендантом. И хотя вскоре они были освобождены, «место» украинским «властителям» было указано.

Плачевное положение Петлюры и его окружения усугублялось полным отсутствием денег, которых не хватало даже на личные нужды приехавших в Варшаву украинцев. Денег не было на содержание министров и чиновников в Каменце и Варшаве, на формирование военных отрядов УНР.

Но Петлюра не сидит без дела. Он развивает активную дипломатическую деятельность, встречается в Варшаве с послами Италии, Франции, Англии, Румынии, Чехословакии, Финляндии, Латвии... Однако официального признания УНР Петлюра смог добиться только от Латвийской республики (март 1920 г.). Кроме Латвии и Польши (Речи Посполитой), ни одна из стран серьезно о признании УНР и не помышляла.

И это не удивительно, ведь у УНР и территории своей не было. Петлюра писал тогда премьеру Мазепе: «Европа фактически предала наше национальное дело на волю Польши, решениями которой будет руководствоваться вся Европа».

В январе 1920 года Петлюра отослал очередную телеграмму Совету Антанты с просьбой помочь в вооружении

украинской армии и передать военнопленных-украинцев из лагерей в Италии, Германии, Румынии для формирования новой армии УНР. Но ответа снова не дождался.

Исходя из сложившихся обстоятельств, Петлюра принял решение пойти на уступки полякам — в обмен на признание ими украинской государственности и предоставление военной помощи.

Еще в декабре 1919-го Пилсудский пообещал Петлюре сформировать боеспособную армию из числа украинских военнопленных — три дивизии (в количестве 12 тысяч человек), и передать ее под командование Главного атамана.хлопоты по обмундированию, содержанию, вооружению, а так же по оплате жалованья украинским офицерам пообещала взять на себя польская сторона. Но слово свое она сдержала не полностью, обеспечив к началу войны одну треть от обещанного количества воинских формирований.

Части двух первых дивизий УНР формировались поляками из солдат и офицеров украинской армии, которые находились в лагерях для интернированных (Ровно, Луцк, Любар, Ланцут), где находились до 7 тысяч бывших бойцов УНР. Однако ужасающие условия, тиф и голод приводили к тому, что каждый день в украинских лагерях умирало по 15—20 человек. Еще до трех тысяч бывших бойцов УНР находились в лазаретах и госпиталях «на излечении», по выздоровлении их планировали также привлечь в новые формирования УНР.

В феврале 1920 года было начато формирование первой украинской дивизии из интернированных солдат, что томились в лагере Ланцут. Дивизия формировалась в Бресте и получила название 6-й украинской пехотной «сечевой» дивизии в составе 3-й польской армии (очевидно, всего планировалось организовать шесть украинских дивизий). К началу войны в дивизии находилось уже 2250 бойцов. В апреле 1920-го 6-я украинская дивизия располагалась в Бердичеве, где Петлюра осмотрел ее и признал полностью дееспособной.

Вторая дивизия, которая получила вскоре название 3-й украинской «железной» дивизии, формировалась в Каменец-Подольском и Могилеве-Подольском и имела около двух тысяч бойцов. В большинстве своем они вербовались из числа солдат и офицеров украинцев из частей генерала Бредова, что, отступая на запад, пробивались из-под Одессы

на Подолье. Эта дивизия занимала часть советско-польского фронта между Днестром и городком Ямполь.

Петлюра пытается добиться и от румынских властей согласия на формирование одной украинской дивизии из трех тысяч интернированных в Румынии воинов. Но этот проект так и остался нереализованным...

С 10 марта 1920-го года начинается новая фаза украинско-польских переговоров, в ходе которых 3 апреля 1920 года поляки предоставили украинской стороне свой проект политического договора и потребовали от делегации УНР немедленного ответа на него в течении четырех дней.

Предоставленный проект, и особенно пункт о новых границах, возмутил как Петлюру, так и Ливицкого. Они выдвинули контрпроект: западные границы должны проходить вдоль реки Западный Буг (современная граница Украина и Польши), вся гражданская власть на Волыни и Подолье должна была быть передана УНР, польская власть должна заявить о своем невмешательстве в украинскую аграрную реформу.

Встретившись с Петлюрой, Пилсудский пообещал пойти на некоторые уступки в вопросах границы. Но французские советники подгоняли Пилсудского, да и он сам понимал, что времени на переговоры уже нет.

10 апреля состоялась решающая конференция, в ходе которой поляки согласились умерить свои аппетиты и сдвинуть государственную границу немного на запад — до линии Здолбунов—Ровно—Радзивилов. В то же время они ужесточили другие свои требования и ультимативно потребовали ответа на свой проект договора в три дня. Они уже не говорили с делегацией УНР как с равными...

Петлюра и Ливицкий думали поначалу отказаться от этого ультиматума. Ливицкий уезжает в Каменец-Подольский для консультаций с министрами УНР, но большинство членов правительства УНР согласия не дает. Время ультиматума прошло, а Петлюра еще не решился...

Но был ли выбор? В середине апреля 1920 года польские войска занимали линию фронта на запад от городов Коростень, Житомир, Козятин, Жмеринка, Ямполь. Под властью польской военщины была Западная Украина — Галичина, почти вся Волынь (9 уездов), половина Подолья (5 уездов). У Петлюры же не было ни пяди земли... По договору с поляками Петлюре было обещано немедленно передать 9—10 уездов Подолья и Волыни и вооружить но-

вую украинскую армию. Это был задел для будущего, и Петлюра стал думать уже о компромиссе...

21 апреля состоялся новый прием в Бельведере. Петлюра тогда проговорил с Пилсудским без свидетелей более пяти часов. Решение было принято и Рубикон перейден... Подписание последующих документов сопровождалось соглашением о полной тайне договора и решением о неразглашении политической конвенции.

Тогда, в апреле, в Бельведере Пилсудский предлагал «как вполне реалистичный» план создания Украины по Днепру на востоке... Он уверял, что на передачу Подолья и Киевщины Петлюре Ленин еще может согласиться. Однако Петлюра говорил о необходимости овладения Харьковом, Екатеринославом, Донбассом — главным промышленным потенциалом Украины.

По Варшавскому договору между Польшей и УНР, подписанному 22 апреля 1920 года, Польша признала Директорию УНР во главе с Петлюрой «как Временное правительство Украины». Интересно, что поляки признали только Директорию во главе с Петлюрой, но если бы Петлюра внезапно умер или был бы отстранен от власти, польские власти могли бы отказаться от признания государственности Украины.

Скандальный и обманчивый договор предполагал незыблемость польского землевладения на будущих территориях УНР до создания Конституции УНР, с учетом мнения польских помещиков и фермеров. Республика отказывалась и от своей аграрной социальной программы.

Но самым «похабным» решением стало решение о границах УНР—Польша. Руководство УНР соглашалось на то, что в составе Польши на вечные времена остается Галичина и Западная Волынь (162 тыс. кв. километров) с 11 миллионами населения, из которых 7 миллионов были украинцами. Самым болезненным был вопрос о волыньских уездах, передаваемых Польше, в которых этнические поляки составляли примерно 4—10% от всего населения. Спорным и нуждающимся в дальнейших консультациях стал вопрос о Каменецком, Ровенском, Дубенском уездах. Он так и остался открытым, даже после подписания договора...

Исходя из Варшавского договора, правительство Польши признало границами Украины территорию на восток от реки Збруч и границ Ровенского уезда и до границ Речи Посполитой 1772 года (Правый берег Днепра,

далее на юг — линия Чигирин—Шпола—Умань—Балта—Днестр). Такая формулировка не только исторически привязывала Украину к Польше, но и давала исторические основания для возможной в будущем аннексии украинских территорий, что окажутся под властью Директории.

Петлюра оправдывал Варшавский договор безвыходностью положения УНР, отсутствием каких-либо материальных средств, армии и территории. Тогда Петлюра намекнул и на международную заангажированность договора Мазепе: «Наш договор с поляками подписан при активной помощи Франции», «Польша — единственное для нас «окно в Европу».

Позже Петлюра напишет, что Варшавский договор — только «тактический ход для установления связей с Европой, что этот акт был актом спасения для дальнейшего продолжения нашей борьбы...» Петлюра все еще надеется, что Франция и Англия признают УНР после обретения ею территории и захвата Киева.

По военному договору польское командование обязалось провести наступление своими войсками только до Днепра и до границ 1772 года. Договор предполагал подчинение главнокомандующему польскими войсками всех вооруженных украинских частей и полное обеспечение польскими службами военного снабжения трех украинских дивизий.

Петлюра обязался поставлять продовольствие польским частям, а при невозможности создания надежного аппарата снабжения был вынужден согласиться на реквизиции продовольствия и коней у украинских крестьян.

Против договора выступили, казалось, все украинские политические силы: ЦК УСДРП, ЦК УПСР, Бунд, федералисты, «самостийники», все галицкие украинские партии и министры УНР.

Интересно, что договор с Польшей был подписан от имени правительства Мазепы только одним Андреем Ливицким. Премьер Мазепа даже не знал о его подготовке. Ливицкий не имел никакого права его подписывать единолично, без согласия министров и еще троих членов Директории. Договор сохранялся в полной тайне и был опубликован только в 1926 году. Пройгнорировав премьера в отношении договора, Петлюра без согласия с Мазепой проводит широкие изменения в самом правительстве Мазепы... Правительство «правеет» в соответствии с новой

политической конъюнктурой. В нем оказываются 4 министра-«самостийника», 3 федералиста, а из «левых» осталось только два «умеренных» эсдека, в том числе и премьер.

19 апреля 1920 года Петлюра обратился с воззванием к украинскому народу. Он преувеличивал победы «Зимнего рейда», заявлял о плодотворной работе министерств, о союзе с Польшей, о скором созыве парламента и возобновлении войны. Но это воззвание не повлияло на настроение украинцев, которые знали цену «польскому союзу».

Но что мог, с другой стороны, сделать в этом положении Петлюра? Первое: уйти с политической арены и превратиться в частное лицо, ищущее политического убежища в Европе. Возможно, это было бы честнее, но тогда о возобновлении в ближайшее время борьбы можно было и не помышлять... Скорее всего, Петлюра стал бы лидером украинской эмиграции и получил бы шанс оказаться главной политической фигурой эмиграции как для украинцев Центральной Украины, так и для украинцев Западной Украины.

Второй путь: продолжать сопротивляться требованиям поляков и отстаивать свое мнение. Скорее всего, Польша и без согласия Петлюры напала бы на Советские республики и попыталась бы восстановить свои границы 1772 года, уже без всякого учета интересов украинцев. Петлюру бы отстранили, заменив на более стоворчивого «гетмана».

Третий вариант: пойти на уступки полякам, попытавшись превратить проигрыш в победу, как это сделал Ленин в 1918 году, подписав позорный Брестский мир. Но Петлюра решил продолжать войну во чтобы то ни стало, продолжал посылать на смерть тысячи молодых мужчин несмотря на то, что многим война казалась уже бессмысленной.

Петлюра пошел по третьему пути, выступив против себя вчерашнего. Еще полтора года назад он боролся против Скоропадского, как «прихвостня интервентов и помещиков», рисковал своей и чужой жизнью... Эволюционируя, Петлюра к весне 1920-го года оказался на месте Скоропадского... Более того, Скоропадский сам не призывал немцев «на помощь», как это сделал Петлюра в случае с поляками... Его природный оптимизм, мистическая уверенность в победе, слепая вера в собственную правоту толкали Петлюру на продолжение борьбы.

Уже в 1926 году, оправдываясь, Петлюра в письме к своему спонсору из Канады, напишет: «Только нечестный демагог может позволить себе говорить о том, что «Петлюра продал» Галичину, Волынь и так далее. Петлюра, если говорить правду, несет на себе ответственность за исторические «грехи» и недостатки украинской неорганизованности, малокультурности и не способствовавших обстоятельств в жизни украинской нации... путь для украинской державы пролегает через Киев, а не через Львов. Только тогда, когда Укр. Государственность закрепится на горах Днепра и около Черного моря, только тогда можно думать как о реальности о собирании украинских земель, захваченных соседями. Иная политика — это мечты, нереальные комбинации, что приведут к тому, что никакой Украины не будет... Я уверен, что правильность избранной мной линии оправдывает история».

Петлюра хотел прежде всего, даже ценой личного позора, сохранить и закрепить, пусть даже на территории нескольких губерний само понятие — государство Украина. Ведь этой государственности не было с XVIII века... Петлюра надеялся перебороть ход истории, переломить объективные процессы... Но история ему этого не простила... Он проиграл свою «польскую кампанию» и потерял многих приверженцев... И до сих пор его обвиняют некоторые галицкие радикальные политики за предательство интересов Западной Украины...

Но не он один искал компромиссов... Владимир Винниченко с декабря 1919 года вел переговоры с большевиками о приезде в УССР, требуя для себя «крупных» постов в Советском правительстве: члена Политбюро ЦК КП(б)У, члена ЦИК УССР, наркома (министра) иностранных дел, заместителя председателя СНК УССР... Поиски постов привели в мае 1920 года Винниченко в Москву. Михаил Грушевский также в 1920-м «кокетничал» с новой властью, «пробивая» пути возможного возвращения в УССР, писал письма в ЦК КП(б)У... Даже неистовый батька Махно пошел на «последний» компромисс, объединив усилия своей вольницы с Красной Армией в октябре 1920-го. Так что 1920-й — год переломный, год окончания кровавой войны, можно назвать еще и годом великих компромиссов.

Борис Савинков, ранее сторонник Великой и неделимой России, также пошел на компромисс в 1920-м. Он

возглавил Русский политический комитет, что поддержал Пилсудского в его войне против Советской России. Савинков весной 1920-го создает Русскую Народную Армию (генерала Перемыкина и Балах-Балаховича), которая силой в 15—20 тысяч штыков и сабель станет помогать Пилсудскому и Петлюре в их «стремлении на восток».

Присоединяется к войску Петлюры и конный полк донских казаков полковника Фролова, что сражался под лозунгом «За самостоятельную Украину! За самостоятельный Дон!»

25 апреля 1920 года началась полномасштабная советско-польская война. Наступление польских, украинских и русских частей против «красных» началось под благородным лозунгом «За нашу и вашу свободу!»

В своем обращении к украинскому народу Пилсудский заявил, что поляки идут на Украину против оккупантов, разбойников и грабителей, чтобы передать власть украинскому правительству. Но вскоре сами польские «освободители» покажут себя как «разбойники и грабители». На Украине поляки наступали под непосредственным руководством Пилсудского, силами трех (2-й, 3-й, 6-й) армий на Винницу, Бердичев, Житомир, Коростень. Уже 26—28 апреля в битвах за Козятин, Житомир и Винницу советские 12 и 14-я армии были разгромлены, в плен захвачено до 10 тысяч красноармейцев...

Украинские дивизии наступают на Житомир и Могилев-Подольский, но на начало наступления в этих двух дивизиях было только 3 800 человек, а в польской армии — 76 тысяч человек при 412 орудиях... Еще 4 300 штыков и сабель Украинской армии Омеляновича-Павленко, возвращаясь из «Зимнего похода», ударили в тыл «красной» обороны. К середине мая 1920-го украинские войска составляли около 10—11% от общей силы польско-украинской армии на Украинском фронте. В то же время на всем польско-советском фронте польская армия составляла 148 тысяч штыков и сабель (при 894 орудиях, 51 самолете).

5 мая польская армия неожиданно подошла к киевским окраинам. А на следующий день из пригорода Пушча-Водица польская группа на трамваях ворвалась в центр Киева, посеяв панику среди оборонявших город. Киев был занят польскими войсками 7 мая. А 9 мая, с подчеркнутой помпезностью, с участием «вождя» Пилсудского, прошел польский «парад победы» в Киеве. Тогда говорили о воз-

можной коронации Пилсудского королем Речи Посполитой и «коронации» Петлюры «гетманом Украины».

В тот же день польские войска, переправившись на левый берег Днестра, заняли плацдарм в 15—20 км на восток от Киева.

Украинское население настороженно и без энтузиазма встретило союз поляков и Петлюры, а с приходом польских частей настроения превратились во враждебные. На то были веские причины. Самочинные, бесконтрольные реквизиции напоминали самые темные времена гетманщины — лето 1918 года. Польские коменданты забирали у крестьян скот, зерно, фураж, сахар, жестоко расправлялись с недовольными и «саботажниками». Крестьяне заявляли, что режим польский «даже хуже, чем режим советский».

Такое поведение союзников вызвало резкие протесты Петлюры. Он пытается воздействовать на Пилсудского, его совет министров, сейм, местных военных командиров, но вскоре понимает, что его стремятся просто игнорировать.

Не сдержали поляки свое слово относительно комплектации армии Петлюры. Мобилизацию в армию УНР они разрешили только в нескольких уездах, хотя до этого обещали, что мобилизация в армию УНР пройдет в большинстве уездов Волыни, Подолья, Киевщины.

Не оправдались надежды и на создание аппарата местной украинской власти. Петлюрой были назначены главный комиссар УНР в освобождаемых местностях, главный комиссар Киева и освобождаемых уездов. Однако украинские комиссары ничего не решали, и вся полнота власти сохранялась в руках польского военного командования. На первом этапе войны Петлюра был просто не в состоянии организовать власть на местах. Только в Каменец-Подольском, Могилеве-Подольском и Виннице структуры УНР пытались установить подобие украинской власти...

В начале мая с востока с тяжелыми боями к линии фронта приближалась армия «Зимнего похода» Омеляновича-Павленко (6 400 штыков и сабель, 14 пушек, 144 пулемета, пехота на 2 500 возах). Эта армия прошла по тылам «белых» и «красных» за 180 дней похода 2500 километров. В феврале 1920-го она прошла из района Северной Херсонщины к Днестру, на Полтавщину, далее повернула на запад и вновь оказалась у Елизаветграда.

В начале марта 1920-го части этой армии уже двинулись на юго-запад в район Умани—Балы. Рейд по враже-

ским тылам оброс массой невероятных слухов. Даже в европейских газетах сообщалось о том, что отряды Омеляновича-Павленко захватили Одессу! Оптимист Петлюра тогда немедленно заявил: «Ситуация способствует нам». Уже 24 марта Петлюра отправил приказ Омеляновичу-Павленко, в котором призывал «армию» двигаться на соединение с польскими силами, на Могилев-Подольский, присоединяя к себе остатки развалившийся Галицкой армии, но при приближении к польской границе «законспирировать» галичан. У Петлюры рождались фантастические планы, например, занять силой этой армии железную дорогу Вапнярка—Одесса, построить оборону на Подолье и вдоль Днестра и, скопив силы, прорваться к Одессе.

16 апреля армия Омеляновича-Павленко с боем врывается в городок Вознесенск, где захватывает 10 орудий и два миллиона патронов. В конце месяца «зимняя» армия штурмует Ананьев и Балту. В районе Балты к ней присоединяется около 800 солдат-галичан из Червоной (красной) украинской Галицкой армии — ЧУГА — и несколько сот крестьян-повстанцев. (Формация ЧУГА возникла в начале 1920 года, после очередного перехода Галицкой армии от Деникина к большевикам.)

Приближаясь к линии фронта, армия Омеляновича-Павленко насакивает на Вапнярку, Тульчин, Крыжополь. 6 мая она прорвала фронт в районе Ямполья и присоединилась к 3-й украинской «железной» дивизии, что воевала в составе 6-й польской армии и атаковала Ямполь с запада.

Переход на Подолье основных сил петлюровцев позволил провести реорганизацию армии и заложить еще 4 украинские дивизии, которые, впрочем, по численности напоминали больше полки. Правда, в оперативном отношении украинская армия (уже 20 тысяч солдат при 37 пушках) все еще подчинялась командующему 6-й польской армией. Надо отметить и то, что украинские части не были как следует обмундированы, не были хорошо вооружены, испытывали постоянный недостаток патронов и снарядов.

Пилсудский хотел превратить Петлюру в вечного протестера патронов, сапог, полномочий, держать его «на коротком поводке», боясь, что украинская армия из союзника Польши когда-нибудь превратится в ее главного врага.

Страх за будущее положения поляков в присоединенных украинских землях читался и в поведении Пилсудского по отношению к солдатам Галицкой армии, которые десять месяцев назад воевали против Польши.

24 апреля у Жмеринки две бригады галичан из ЧУГА подняли восстание против своих «красных» командиров. Восемь тысяч галичан тогда добровольно перешли на сторону наступающей польской армии, но были немедленно разоружены поляками и отправлены по домам.

Начиная войну, Пилсудский и Петлюра возлагали надежды на огромное повстанческое крестьянское движение, что полностью дезорганизует «красный» тыл. Петлюра убеждал союзника, что с первыми ударами польской армии фронт и тыл «красных» развалятся. Но этого не случилось... Хотя (в мае 1920 г.) на юге Киевщины, севере Херсонщины, на Полесье и в Запорожье и действовали сильные повстанческие группы общей численностью до 50 тысяч человек, большей помощи в наступлении союзникам они не оказали. Повстанцы действовали хаотично, неорганизованно и уклонялись от столкновений с крупными формированиями Красной Армии. Только в далеких от фронта степях Запорожья повстанческая армия Махно вновь была «красные» дивизии.

1 мая 1920 года Петлюра приезжает из Варшавы в «свою» Украину, останавливается в Каменец-Подольском, в Могилеве-Подольском, далее следует в Винницу, что становится временным «государственным центром» УНР. Хотя «своей» территорией Петлюра эти города с трудом может назвать. В них господствовали польские коменданты, а приказы правительства УНР часто игнорировались. Да и сам Петлюра не «блистал как триумфатор», как глава державы, он даже не имел оборудованного штабного вагона и прибыл на «свою территорию» в четырех товарных вагонах-теплушках.

В «своих пенах» Петлюра уже не чувствует себя победителем. Со всех сторон его критикуют, а то и обличают за Варшавский договор. Премьер Мазепа, так и не согласившийся с договором, грозит немедленным уходом. Петлюре приходится постоянно оправдываться, убеждая, что договор — лишь «временный выход из ситуации».

16 мая в Винницу на встречу с Петлюрой приезжает Пилсудский. Однако Петлюра уже порядком поднадоел польскому «вождю». Ему претят постоянные нарекания «директора» на бесчинства «победоносной» польской армии на Украине, настоятельные просьбы передать УНР уезды, что по договору должны были уже давно находиться под властью Директории. С гражданской украинской администрацией Пилсудский просит подождать (разрешил

только 8 июля) и распоряжается только освободить часть пленных — солдат ЧУГА, из которых была создана Херсонская дивизия армии УНР.

Однако обещание Пилсудского дать разрешение на формирование и вооружение 6 украинских дивизий так и не было реализовано. Польские власти «на местах» не разрешили проводить мобилизацию крестьян на Волыни и в большинстве уездов Подолья. Они срывали кампанию мобилизации и даже разгоняли мобилизационные пункты.

Премьер Мазепа, по решению ЦК УСДРП, в середине мая 1920 года, все-таки уходит в отставку. Петлюра был вынужден искать «новый кабинет» в условиях, когда ни одна крупная украинская политическая сила не поддерживала его политики. Тогда Петлюра вспомнил о киевской группе либералов-масонов, которой удавалось «сохраняться» в Киеве и при «красных» и при «белых». 20 мая Петлюра уезжает в Киев... Его с почестями, с почетным военным польским караулом, с оркестром и рапортом встречают в «его будущей столице». Но в Киеве Петлюра — «фигура декоративная». Власть у польских военных, а украинский комиссар Киева — фикция. К тому же Пилсудский «пока» не разрешил Петлюре перенести столицу УНР в Киев.

Неделю, проведенную в Киеве, Петлюра использовал для «подбора» новых министров и уже вечером 27 мая он выехал из Киева в Винницу с новым утвержденным кабинетом министров, в который вошли пять украинских радикал-демократов и четыре украинских социал-демократа.

Премьером правительства стал Вячеслав Прокопович.

Справка: Прокопович Вячеслав Константинович (1881—1942) окончил Киевский университет, ученый-историк, преподаватель гимназии. Член Украинской радикально-демократической партии, ТУП, журналист, масон. В 1917 г. — член ЦК партии федералистов, член Центральной Рады и Малой Рады. В 1918 г. — министр просвещения УНР. В 1920 г. — премьер-министр УНР, радикал-демократ. С 1920 г. в эмиграции.

В числе министров УНР образца середины 1920-го и «старые знакомые» Петлюры: Саликовский — министр внутренних дел, Никовский — министр иностранных дел, Ливицкий — министр юстиции, Мазепа — министр земельных дел...

С конца мая 1920-го польско-украинская армия утрачивает инициативу и переходит к обороне. Армия Петлю-

ры завязла в боях у Ямполья. В начале июня под Умань, на польский фронт, была переброшена 1-я Конная армия (16 тысяч сабель). Конница Буденного, прорвав польскую оборону юго-западнее Киева, вышла в тыл польских войск к Житомиру, поставив киевскую группировку поляков под угрозу полного окружения; 6-я украинская дивизия, совместно с польскими войсками, пыталась отбить «красных» от Житомира...

Одновременно части 12-й советской армии, форсировав Днепр у Чернобыля, вышли с севера в польский тыл, намереваясь замкнуть окружение Киева. Польское войско было вынуждено быстро убраться с Киевщины. 12 июня «красные» заняли Киев. К 17 июня, дате окончания Киевской операции, поляки отступили на линию Коростень — Житомир—Бердичев—Винница. Южнее этой линии, в междуречье Южного Буга и Днестра, на вспомогательном участке фронта, с 12 июня отступала на запад армия Петлюры. Тут Красная армия отбила у петлюровцев Вапнярку, Тульчин...

Правительство УНР и Петлюра 7 июня были вынуждены переехать из Винницы в Жмеринку. Но в Жмеринке пришлось оставаться только неделю... Далее путь «республиканских структур» и армии лежал на Проскуров, откуда уже 18 июня «столица» очередной раз переместилась в Каменец-Подольский.

Прорыв польского фронта в районе Бара, в направлении на Проскуров, выход 8-й советской конной дивизии в тыл петлюровцам, потеря связи с польскими войсками вынуждали армию Петлюры откатываться на запад. Только 8 июля 1920 года, когда польская армия была уже разбита под Киевом, Петлюра принял из «ослабевших» польских рук военную и государственную власть над районом Каменец-Подольского—Проскурова. Хотя и эта власть оказалась призрачной, ведь 10 июля началась эвакуация украинской армии и правительства за Збруч.

В дни того летнего бегства с Украины даже завязтые петлюровцы говорили, что если бы 8-я конная дивизия Красной армии — дивизия «Червоного (красного) казачества» (командир — «старый знакомый» Виталий Примаков) повернула на юг и наступала бы не на Проскуров, а ударила бы по Каменец-Подольскому, она могла бы сразу ликвидировать правительство, Директорию и армию УНР. Ведь Каменец тогда обороняло всего четыре тысячи деморализованных солдат, которые к тому же практически не

имели патронов, потому что с начала июня поляки перестают поставлять петлюровцам продовольствие, амуницию, патроны. Случай снова спас Петлюру.

14 июля армия УНР отходит за Збруч, в уже «польскую» Галичину. С 14 по 26 июля петлюровцы удерживают позиции между Днестром и Гусятиным. С 27 июля остатки армии отходят на линию реки Сирет, расположившись между Днестром и Чертковым. Ставка и часть правительства расположились сначала в селе Окопы, далее — в селе Скала. Через десять дней петлюровцы отходят дальше на запад, избрав обороной берега речки Стрипа от Днестра до городка Бучач. Не только длительное отступление и неудачи на польском фронте деморализовали армию Петлюры. Большой проблемой стало полное отсутствие как армейских поставок, что должны были осуществляться польским командованием, так и полное отсутствие польских денежных знаков для проведения закупок продовольствия на Галичине.

Чтобы прокормить себя и отступавших с армией гражданских, солдаты армии УНР — «защитники украинского крестьянства» — стали сами прибегать к насильственным реквизициям продовольствия, забирая его у крестьян Галичины. Такие «действия» приводили к эксцессам — к вооруженным столкновениям с местной крестьянской самообороной.

С конца июля 1920 года Красная армия силами 1-й Конной и 14-й армий начала наступление на Львов, прорвав оборону у Брод и Тернополя. Прорыв армии Буденного к Львову и быстрое отступление поляков обнажили северный фланг (до 100 километров) армии Петлюры. К 18 августа 1-я Конная начала штурм Львова. Некоторые части армии повернули на северо-запад, на Варшаву, но на пути их встала крепость Замостье, которую буденовцы так и не смогли взять. Эту крепость неделю обороняла 6-я украинская дивизия и один польский полк...

В июле 1920-го возникла новая опасность полного разгрома для армии Петлюры, что была прижата к берегу Днестра. Единственным выходом оставалось отступление на юг, за Днестр, под защиту его крутых правых берегов. Спасаясь от ударов «красной» конницы, Петлюра приказал отвести армию за Днестр, на Покутье. Это был самый «нестратегический», третьестепенный район обороны — километров 130—140 от границы с Румынией и развалин средневекового города Галич (в XII—XIV веках — столи-

цы сильного Галицко-Волынского княжества). Петлюровский фронт прикрывал только маленький городок Коломыя (центр Покутья) и восточные подходы к городу Станислав. За плечами армии было всего 60—70 километров тыла, а дальше уже шли пограничные горы Карпаты. Этот «глухой угол» в момент молниеносного наступления на Варшаву и Львов, когда замаячили перспективы мировой революции, красноармейских стратегов вообще не интересовал. И петлюровская армия, что составляла тогда до восьми тысяч штыков и сабель (из них три тысячи были больные, раненые и невооруженные бойцы) могла еще долго «успешно» оборонять Покутье. Однако, развивая наступление на Львовский плацдарм, красная конница переправилась через Днестр, западнее Станислава, и ударила по станции Стрый, стремясь полностью отрезать польско-украинские части, находящиеся в Покутье и Прикарпатье, от основных польских войск.

Захват силами 8-й советской конной дивизии городка Стрый (19 августа 1920 г.) роковым образом повлиял на настроения армии Петлюры. В те августовские дни Красная Армия штурмовала Львов, а под Варшавой разгорелись самые ожесточенные бои этой войны. Еще не было никаких известий о разгроме Красной Армии и можно было только гадать, устоит ли Варшава. В то же время Петлюра начал консультации о переходе, в случае разгрома польской армии, своих частей в Румынию. Не дожидаясь разрешения событий, галичане из Херсонской дивизии тайно покинули Петлюру и ушли карпатскими перевалами в Чехословакию. Неудачи на фронте усилили дезертирство в армии, которая за август сократилась с 8 до 6 тысяч бойцов.

18 июля 1920 года правительство Вячеслава Прокоповича переезжает в маленькое польское местечко Тарнов, что около Кракова. Польские власти предоставили в Тарнове гостиницу «Бристоль» для «государственного центра» УНР и выдали некоторые субсидии на его содержание. Сам Петлюра, как Главный атаман, предпочел оставаться с армией на украинских землях. Эшелон командования состоял из четырех вагонов Директории и ее канцелярии, пяти вагонов Генерального штаба и командующего Омеляновича-Павленко.

После того как министры «без государства», которые уже ничего не решали, ограничились территорией одного

отеля в захолустном Тарнове, в их среде начались постоянные конфликты. Угрозы отставкой стали ежедневными проявлениями внутреннего кризиса. Чтобы как-то занять своих министров в Тарнове, Петлюра решает создать Комиссию по выработке конституции УНР и условий созыва парламента.

Поражение поляками как со стороны министров, так и со стороны руководства петлюровскими частями. Поляки не напрасно переживали по поводу втягивания петлюровцами в борьбу «галицких элементов». Уже в июле 1920-го фиксируется перемена позиции Петлюры относительно галичан. Если поначалу он запрещал проводить всякую агитацию в пользу единства Центральной Украины и Галичины, то, когда армия УНР оказалась в Галичине и Покутье, а поляки терпели поражение за поражением, всех поразили смелые и неожиданные заявления Петлюры: «Польша должна дать возможность Галичине присоединиться к Украине», «Галичина должна войти в Украину без сохранения своей автономии». В своем письме Пилсудскому Петлюра предлагал польскому «вождю»: «уступить в галицком вопросе», «разрешить галичанам служить в петлюровской армии», «освободить арестованных офицеров Галицкой армии». Петлюра также требовал перевести 6-ую украинскую дивизию из Замостья на юг, к основным силам армии УНР.

Петлюра стал более активным в отношениях с Пилсудским уже после того, как в конце июля 1920-го до него дошла информация о тайных мирных переговорах поляков с Лениным. Узнав об этом, Петлюра отсылает возмущенную телеграмму «другу» Пилсудскому, заявив, что на основании этой информации он решил самостоятельно обратиться к Ленину с предложением начать мирные переговоры УНР—РСФСР. Но нарком иностранных дел РСФСР Чичерин наотрез отказался допустить до переговоров делегацию от УНР, посчитав эту республику непризнанной.

В начале августа надежды на Польшу и Францию развеялись. Франция поддержала генерала Врангеля, признав его «правителем юга России», Польша находилась на грани капитуляции... Петлюре вновь требовалось пересмотреть свою внешнюю политику. С представителями Врангеля он вел длительные переговоры, добившись только размежевания театров военных действий. Врангелю в ка-

честве «военного театра» досталась Левобережная Украина, Пилсудскому и Петлюре — Правобережье. В то же время Петлюра был против подписания широкомасштабного политического договора с Врангелем и предпочел тактику затягивания переговоров. Петлюра считал, что союз с Врангелем, как «наследником Деникина и генералом», оттолкнет украинское население, к тому же Петлюра скептически смотрел на возможность признания Врангелем государственной независимости Украины.

Во второй половине августа 1920 года случилось «чудо на Висле» — как поляки называли свою ошеломляющую победу над Красной армией у стен Варшавы, на Висле. Практически все армии «красных», рвущиеся к Варшаве (65 тысяч бойцов), были наголову разбиты, а части 4-й и 15-й советских армий, боясь польского плена, бежали на территорию Германии.

12 сентября началось новое общее наступление польских войск на Украину. Снова разгромив 12-ю и 14-ю «красные» армии, польские войска заняли Западную Волынь и вышли на линию по реке Горынь.

В первой половине сентября Пилсудский приезжает в Станислав (Ивано-Франковск) на встречу с Петлюрой. Петлюра готов был услышать благодарность от «вождя» Польши за помощь в критические для Польши минуты. Однако встреча с Пилсудским принесла разочарование. Пилсудский поведал, что польский сейм, политические силы, польская общественность уже выступают против нового похода на Киев и против продолжения войны. Петлюре самостоятельно придется прорываться на «Великую Украину». Но при этом Пилсудский заверил Петлюру в том, что Польша будет продолжать снабжать армию УНР всем необходимым.

Пилсудский, однако, оговорился, что если армия Петлюры сможет самостоятельно разбить «красных» на Подолье, взять Винницу, Жмеринку, Вапнярку и если петлюровцев поддержит мощное повстанческое движение на Украине, то в таком случае Пилсудский сможет уговорить сейм поддержать Петлюру силой польской армии.

16 сентября армия Петлюры перешла Днестр, захватив Чертков, а уже через неделю — переправилась через Збруч и с боем заняла Каменец-Подольский и Проскуров. В первые дни наступления на Подолье «красные» были ошеломлены внезапным изменением ситуации и только от-

ступали к Жмеринке и Вапнярке. Но в начале октября сильные контрудары Красной Армии остановили наступление Петлюры. К тому же польская армия, дойдя до линии Звягель—Старокопчанов, остановила свое движение, начав подготовку к сепаратным переговорам.

К 3 октября петлюровцы пробивались к Новой Ушице, однако дальше их ждала мощная стена «красной» обороны. 12 октября Петлюра приказал своей армии перейти в общее наступление на Вапнярку и Жмеринку. Одновременно Петлюра издает приказ о начале всеобщего восстания на Украине. Все Правобережье Украины делилось на 10 повстанческих районов, в каждом из которых руководил атаман, назначенный Петлюрой. Петлюра призывал повстанцев нападать на отряды Красной Армии, проводить глубокую разведку, террор и диверсии, уничтожая «комиссаров, чекистов, агитаторов», разрушая железные дороги и мосты. Но ставка на всеобщее восстание как всегда не оправдалась. К тому же Левобережье Украины было под сильным влиянием Махно, а батька в октябре 1920-го пошел на союз с Красной Армией, стремясь изгнать со «своей» территории войска Врангеля. И несмотря на то что Петлюра предлагал «атаманам» за каждый отряд (если в нем насчитывалось не менее 4 тысяч бойцов) «премию» в 500 тысяч рублей «в валюте», «октябрьское восстание» не оправдало надежд Петлюры.

17 октября положение на фронте еще кажется Петлюре обнадеживающим. Поляки успешно наступали на Мозырь и Коростень, петлюровцы — на Вапнярку. Но вечером 18 октября весть о неожиданном перемирии поляков с Советами рушит все его надежды и планы. Следуя указаниям Пилсудского, Петлюра приказал прекратить бои на своем участке общего фронта. Перемирие истекло через двадцать дней.

Весть о перемирии окончательно испортила отношения Петлюры с Пилсудским, которые и так с июля 1920-го были не блестящими. Поляки боялись «национального влияния» Петлюры в галицких землях, где разворачивалась борьба против польских оккупантов и при помощи Москвы была создана «красная» Галицкая ССР. Петлюра же был возмущен тем, что польские власти не сдержали ни одного своего обещания, данного еще в апреле 1920 года.

8 октября Петлюра направляет Пилсудскому гневное письмо, возмущаясь реквизициями, которые проводили

поляки, вернувшись в сентябре 1920 года на Волынь и Подолье, а также разгоном гражданской украинской власти в уездах. Глава УНР активно протестовал против отдельных переговоров поляков с Советами, ведь в соответствии с Варшавским договором поляки не имели права вести подобные переговоры без участия Украинской республики и ей во вред. Петлюра бросает Пилсудскому обвинение в том, что поляки «умывают руки», глядя на уничтожения УНР, что польский «вождь» его предал. И хотя Петлюра еще просит Пилсудского «распорядиться» о поставках патронов, снарядов и обуви своим частям, но сам Главный атаман уже вряд ли верит в «польские подарки». Это был разрыв.

В конце октября Петлюра был психологически готов к самостоятельным действиям. Он приказывает провести мобилизацию в армию УНР призывников десяти возрастов в юго-западных уездах Подолья, где петлюровцам удалось создать администрацию. В армию Петлюры мобилизуются не только украинцы, но и евреи из подольских местечек. Однако для реального увеличения армии катастрофически не хватает винтовок, патронов, амуниции. Особенно беспокоило Главного атамана полное отсутствие у солдат теплой одежды. Ведь армия Петлюры формировалась в апреле—мае, с расчетом только на летнюю компанию, поэтому армия оказалась недееспособной, когда в конце октября 1920-го ударили первые морозы.

Тыловая база также вызывала сомнения... Южное Подолье наиболее пострадало от войны в 1919—1920 гг. В некоторых селах власть за эти годы менялась до 15 раз, и почти каждая ее смена сопровождалась реквизициями скота и продовольствия. Крестьянство этого некогда богатого края было полностью разорено войной.

14 октября Петлюра «призывает во власть» более лояльное к нему министерство во главе с премьером Андреем Ливицким и его заместителем Саликовским, исполняющим обязанности военного министра становится генерал Галкин. Это правительство еще более «правое», нежели предыдущие, но такое же беспомощное в «военных условиях». 1 ноября правительство Ливицкого «является» в Каменец-Подольский из польского Тарнова.

Никита Шаповал называл правительство Ливицкого «буржуазной гоп-компанией, которую Петлюра сделал «Советом министров» УНР...». Не жаловал Шаповал и новый,

разработанный министрами «Закон о временном высшем управлении» (от 12 ноября 1920 г.), называя его «придурковатым законом». По этому закону Директория как коллективный орган была ликвидирована и заменена одной особой — головой Директории с функциями президента республики.

Одновременно был подписан закон о «Государственной Народной Раде УНР» как предпарламенте с законодательной властью. Этот предпарламент формировался из представителей различных партий и организаций. Интересен список делегаций в предпарламент.

Однако собрать Государственную Народную Раду Петлюре так никогда и не удалось...

Если борьбу в правительстве Петлюре удалось погасить, то недовольство в армии нарастало с каждым днем. Сначала главная интрига в армии происходила между комдивом Юрием Тютюнником и командующим Омеляновичем-Павленко. Но вскоре конфликт из личного превратился в политический. Омелянович-Павленко уже ставил политические требования, выступая против всевластия Петлюры и «правого» правительства... К «военной оппозиции» примкнули комдив Загородский и атаман Гулый-Гуленко, Петлюру поддержали комдивы Удовиченко и Тютюнник.

Известие о подписании перемирия между поляками и Советами, ожидание мира между ними «за счет Украины» очень тревожат Петлюру. Мазепа в своих воспоминаниях отмечал, что с конца октября 1920-го Петлюра теряет при себе энтузиазм и веру в перспективы. Угнетенное состояние Петлюры напоминает его настроения 11 месяцев назад. Вариантов развития событий при предержавности заключения мира Москва—Варшава было немного. Или немедленно прекращать борьбу, распускать армию и перебираться в эмиграцию, или продолжать самостоятельно воевать против трехмиллионной Красной армии силами 20 тысяч петлюровцев. Такая борьба закончилась бы очень быстрым разгромом петлюровцев, гибелью или пленением как военных, так и гражданских лиц, что пойдут за Главным атаманом. Было только 5—10 шансов из 100 за то, что можно более или менее успешно продолжать самостоятельную борьбу против большевиков. План энтузиастов заключался в том, чтобы, собрав в один кулак армейские части и обозы, ударить на Винницу, прорвать

«красную» оборону и выйти на широкие оперативные просторы Центральной Украины, где поднять всеобщее крестьянское восстание.

Было решено начать наступление 1 ноября 1920 года, не откладывая его до окончания перемирия, и воспользоваться фактором внезапности. Возможно, такое наступление могло дать некоторый эффект и даже временно сорвать советско-польские переговоры. Но за несколько часов до планируемого начала наступления Петлюра его отложил из-за «политических обстоятельств» (возможно, был строго предупрежден Пилсудским).

7 ноября собравшееся в Ялтушкове (в помещении управления сахарного завода) государственное совещание с участием министров и командиров должно было дать конкретный ответ на вопрос «Что делать?» Петлюра заявил, что единственный выход — наступление и неравная борьба. Совещание поддержало Петлюру и приняло решение обратиться к народу с воззванием о наступлении и с призывом поддержать его всеобщим восстанием в «красном» тылу.

Петлюру беспокоило скопление «красной» конницы на фланге армии у Казатина, которая имела все шансы отсечь петлюровцев от поляков и, прижав к Днестру, уничтожить. Поэтому было решено самим атаковать «красных», пока их армия не оправилась от поражений августа—октября. Наступление назначалось на 10—11 ноября — время окончания перемирия. Армия Петлюры должна была «с ходу» пробиваться на Жмеринку—Винницу.

Какими же силами располагал Петлюра к началу своего последнего наступления?

Украинские историки называют разные цифры. Так, Я. Тынченко состав армии УНР определяет в 15—15,5 тысяч штыков и сабель при 95 пушках и 4 бронепоездах (в это число входит и 6-я дивизия, что была переведена из-под Замостья на Подолье, в 2600 бойцов). Другие историки называют цифру в 23 тысячи штыков и сабель, при 7—10 тысячах плохо вооруженного резерва из мобилизованных крестьян Подолья, 74 пушках, 8 броневиках, 4 бронепоездах и 3 самолетах. Очевидно, эти историки в состав армии Петлюры зачисляют и «союзников»: «Отдельную Российскую армию» генерала Перемыкина — 4—4,3 тысячи пехоты и конницы при 12 пушках. Эта армия окончательно перешла под общее руководство Петлюры после успеш-

ных переговоров в Варшаве между Ливицком и Савинковым (август 1920 г.). Тогда было достигнуто и политическое соглашение между Савинковым и Петлюрой, результатом которого было признание независимости Украины частью русской эмиграции, что ориентировалась на Савинкова.

На фронте против армии Петлюры стояли 4 пехотные советские дивизии, две дивизии конницы, сведенные в конный корпус Червоного (красного) казачества Примакова (собранный из украинцев и кубанских казаков, башкиров), бригада Котовского. Всего примерно 30—33 тысячи штыков и сабель. Но, в отличие от частей Петлюры, она была хорошо вооружена, организована, с большим количеством боевой кавалерии (около 7 тысяч сабель). Армия же Петлюры постоянно страдала от нехватки винтовок, патронов, снарядов, теплой одежды... Польша окончательно прекратила ее снабжение с начала перемирия на фронте. На винтовку оставалось всего 10—20 патронов. Небольшое количество вооруженных солдат не давало петлюровцам возможности удерживать фронт от Могилева-Подольского до Литина (130 км). Отдельные отряды армии Петлюры находились только в опорных пунктах — «прифронтовых» селах, расстояние между которыми доходило до 15 километров.

9 ноября принесло петлюровцам неутешительные сообщения о подписании предварительного мира между Варшавой и Москвой и о взятии Перекопа — о разгроме армии Врангеля в Крыму. С этого момента Петлюра оставался один на один с могущественной Красной Армией. Но, несмотря на это, он решил на безумство и дал приказ начать наступление ранним утром 11 ноября.

О тайных планах петлюровского наступления советская разведка узнала немедленно, и советское командование решило предупредить наступление армии УНР наступлением Красной Армии. Уже ранним утром 10-го ноября части конного корпуса Червоного казачества, силами 8-й дивизии (до 3-х тысяч всадников) прорвали петлюровский «фронт» у Шаргорода и двинулись на Могилев-Подольский. Далее «красные» конники ринулись в тыл петлюровцев, на север, стремясь захватить ставку Петлюры в Ялтушкове.

Несмотря на прорыв «красных», Петлюра санкционировал наступление 11 ноября. Такой приказ был ошибкой

в тот момент, когда петлюровский фронт был уже прован.

Наступление петлюровцев на северном участке фронта велось силами армии Перемыкина и дивизии Загородского. Петлюровским частям удалось опрокинуть 60-ю и 24-ю советские дивизии, захватить городок Литин, что в 20 километрах от Винницы. 14 ноября полк донцов атамана Яковлева двинулся на Винницу. Но на этом успехи петлюровского наступления закончились. Путь на Винницу преградила 17-я советская кавалерийская дивизия. Эта дивизия, разгромив наступающих, ударила по позициям петлюровцев и, прорвав фронт, начала наступление в направлении Литин—Проскуров. 14—16 ноября Петлюра еще посылал свои войска в контрнаступление под Деражню и Бар, пытаясь задержать красных конников, но в результате встречных боев части враждебных сторон перемешались, потеряли связь и управление. Петлюра приказал войскам отойти на новую линию обороны, прикрывающую Проскуров и Каменец-Подольский.

18 ноября бригада Котовского, прорвав новый фронт, захватила Проскуров. Петлюра, министры, армия отступили в пограничный Волочиск на Збруче, и стало окончательно ясно, что это конец. 18 ноября состоялось последнее заседание Совета министров УНР. На нем Петлюра выдвинул план отхода армии на Волынь, оккупированную поляками... Для «функционирования» армии и правительства Петлюра потребовал у поляков территории — хотя бы один уезд. Но поляки заявили, что армия Петлюры может быть только интернирована, немедленно разоружена и размещена в лагерях для военнопленных, а правительство может рассчитывать только на возвращение в грязный отель в Тарнове. «Горячие головы» еще убеждали, что сохраняется возможность начать новый зимний рейд по «красным» тылам. Но на этот раз было решено, что у армии остался единственный путь на запад, в Польшу. Петлюра тогда надеялся, что раз Польша признала УНР, то значит должна обеспечить человеческие условия для ее армии и сохранить ее «как военную единицу, до лучших дней».

20 ноября, когда петлюровцы еще удерживали оборону у Черного Острова, в части пришел приказ об общем отступлении в Польшу, через Волочиск. Утром 21 ноября произошло последнее конное сражение у села Писаревка, в котором участвовало около 2-х тысяч конников Петлюры, что прикрывали отход армии и правительства за Збруч.

В семь часов вечера 21 ноября закончился последний бой этой войны на Волочискском плацдарме. К этому времени правительство, большая часть армии и Петлюра оказались уже в Галичине за Збручем. Вечером 15 ноября от крымских берегов отошел последний корабль с белогвардейцами армии Врангеля, а вечером 21 ноября — последний отряд петлюровцев покинул УССР.

Петлюра стоял перед окном штабного вагона и с горечью наблюдал с круч правого берега Збруча, как на низком левом берегу, у Волочиска, заканчивается последний бой трехлетней гражданской войны, войны за Украину. Он не думал о будущем, он думал о прошлом...

ГЛАВА 20

«ПОЛЬСКОЕ СИДЕНИЕ»

Декабрь 1920 г.—декабрь 1923 г.

Об эмигрантских годах жизни Петлюры писать достаточно сложно, хотя и сохранились его личная переписка и множество публицистических статей... Однако они не раскрывают всей личной драмы Петлюры, выброшенного из «большой политики»... Ведь Петлюра жил только «политикой»... Со свойственным ему оптимизмом он до конца 1922 года еще надеялся на чудо, на возвращение на Украину, на всеобщее восстание в УССР. Но уже в 1923 году стало очевидно, что пути назад нет, что он оказался обыкновенным эмигрантом, как несколько миллионов людей, выброшенных с родных земель вихрем революции. С одной стороны, формальная политическая жизнь Симона Петлюры продолжалась, он еще силился «представлять идею», но с другой — все осталось в прошлом. Ведь польские власти подчеркивали, что Петлюра оказался в Польше как «частное лицо». Слава, почет, уважение, независимость, выбор, власть... все закончилось с окончанием «революционной» войны.

В эмиграции, в Польше, Петлюра оказался вместе с 30—35 тысячами бывших солдат, офицеров, чиновников исчезнувшей в одночасье республики УНР. Еще до 30 тысяч политических эмигрантов из УНР осели в Чехословакии, Румынии, Австрии, Германии. Он был проигравшим «вождем» десятков тысяч нищих, раздетых, разутых, голодных людей. Одни смотрели на него, как на отца, что должен позаботиться об их будущем и обеспечить им сносное существование, что вел их в бой, на смерть, другие — как на главную причину своих неудач, голода, унижений. Многие тогда проклинали Петлюру, приписывая ему вину за все ошибки, обвиняли его в ликвидации фронта, в предательстве интересов Украины. Александр Шульгин писал о Петлюре: «Он познал ошеломляющую славу. Его

приветствовали, как бога, люди, охваченные экстазом. Но массы бывают неблагодарными и в какой-то момент теряют веру в своего бога...»

Перейдя Збруч, армия Петлюры была вынуждена сдать полякам оружие, все военное имущество, лошадей. Через несколько дней, проведенных на берегу Збруча под открытым небом, солдат этапировали в глубь Галичины. До конца года солдаты находились в украинских селах под Тернополем, в домах местных жителей, иногда по 30 человек в одной хате. Спали прямо на полу, на котором и места не всем хватало. Такое положение привело к эпидемиям, цинге. Поляки же заявляли, что не могут сразу перевести такую массу людей в лагерь.

Только с конца декабря 1920 года армию постепенно переводят в лагерь в глубине польской территории: Стжшалки, Вадовцы, Ланцют, Пикуличи, Щипйорн, Калиш, Александров, Ченстохов (тут сохраняется Генштаб и военное министерство), Петраков (штаб армии), отправляют на работы в Краков.

Польская сторона обязалась предоставлять интернированным солдатам питание, медикаменты, пригодные для жилья помещения. Однако к весне 1921 года часть солдат УНР разбегается из лагерей, а более двух тысяч умирает от голода и болезней... Вместо 24 тысяч солдат и офицеров армии УНР в лагерях остается 17—17,5 тысяч человек, в мае эта цифра сокращается до 15 тысяч. Но к концу 1921 года эта цифра вновь возрастает до 20 тысяч человек. Петлюра просит в долг у польских властей 25 миллионов польских марок на содержание чиновников и армии в декабре 1920 года. Он поднимает вопрос о кредитовании под сумму стоимости военных трофеев, что были захвачены польской армией в 1920 году на территориях УНР. Эта сумма доходила до 8 миллиардов польских марок. Финансовая комиссия УНР отмечала, что поляки вывезли с Украины военное, железнодорожное и телеграфное имущество, фабрики, заводы. Польские власти не отрицали этих захватов, но не спешили платить правительству без власти, территории, армии.

Сразу же после ноябрьского разгрома УНР против Петлюры формируется новая «военная» оппозиция с целью отстранения его от руководства движением. Часть военных были резко настроены против Петлюры и думали «поставить» на его «место» генерала Омельяновича-Павлен-

ко. Уже в конце ноября 1920-го, в Тернополе, генералы и офицеры армии УНР под предводительством Омеляновича-Павленко, собравшись на совещание, потребовали смещения Петлюры. Они связались с польским командованием, заявив, что Петлюра больше не «вождь армии», просили поляков сберечь армию как военную единицу, а представителей французов — утвердить протекторат Франции над армией УНР. «С Петлюрой покончено!» — уже подбадривали себя его недруги. Но хотя с ноября 1920-го от Петлюры отходит множество сторонников, он сумел сохранить свое влияние на остатки разгромленной армии и бежавшее с Украины украинское чиновничество. Это было не столько «победой» Петлюры, сколько следствием того, что в это время польские власти хотели «иметь дело» только с Петлюрой.

Поборов военную оппозицию, Петлюра «реформирует» армию: ликвидирует пост командарма, управление командарма, штаб армии, передав их функции военному министерству (новый военный министр — генерал Юнаков). С помощью «реформ» Петлюра отстранил Омеляновича-Павленко и других своих конкурентов от власти над армией.

Но чем хуже становится солдатам УНР в «гостях у поляков», тем острее становится критика полонофильства Петлюры. И хотя Петлюра заявляет, что армия УНР перешла в Польшу «морально здоровой», дух многих воинов был сломлен.

Все же Петлюра старается убедить польские власти сохранить армию УНР как тактическую единицу, поддерживать автономную жизнь в лагерях для солдат, создать школы для офицеров. Петлюра требует от поляков установить для воинов УНР в Польше рацион питания и санитарное обслуживание по нормам польского войска. Но поляки не пошли на выполнение своих обещаний, и питания в лагерях хватало только на то, чтобы не умереть с голоду.

В то же время условия содержания украинских солдат в польских лагерях стали значительно лучше, чем в январе—марте 1920 года. Военное министерство Польши рассматривало воинов-петлюровцев как «союзников». В лагерях было разрешено проводить культурно-просветительную работу, заводить военные школы, курсы, театры, хоры, кружки, библиотеки. При лагерях были организованы церкви, издавались газеты и журналы...

В 1921 году в лагерях для украинских солдат еще сохранялась военная организация, условное разделение на полки и дивизии, офицеры вели учет конфискованного поляками конского состава и оружия. Петлюра приказал ни одной части не распускать и ждать похода на Украину весной 1921 года, и солдат в лагерях постоянно «занимали» военной подготовкой. Но украинские солдаты в польских лагерях уже не были армией, и тем более «вооруженными силами УНР». Их статус больше напоминал статус военнопленных, и они целиком зависели от польской администрации, которая поставляла в лагеря скудное пропитание, поношенную военную форму.

Правительство УНР и Петлюра в конце ноября 1920-го снова вернулись в Тарнов. Петлюра занял две скромные комнаты гостиницы «Бристоль», рядом разместилось «правительство в изгнании». В Тарнове собралось около 3 тысяч чиновников УНР и «партийцев», членов их семей... В месяц на содержание этой «оравы» уходило по 15 миллионов польских марок, в то время как казна УНР была практически пустой. К лету 1921 года все деньги казны, а так же польские кредиты были «проедены».

Кризис в структурах УНР способствовал появлению конкурирующей «фирмы». В начале января 1921 года оппозиционные Петлюре силы создали Всеукраинскую Национальную Раду в Вене, которая немедленно выразила претензии на руководство «всем украинским движением». Оппозиция в Вене стала ориентироваться на Германию и Австрию и объединяла сторонников Петрушевича, Коновальца, Вышываного-Габсбурга. Под флаг оппозиции собираются генерал Греков, атаман Оскилко, «директор» Андриевский, федералисты, «самостийныки», «хлеборобы», бывшие лидеры СБУ...

Стремясь обезопасить себя от действий «военной» и «венской» оппозиций, Петлюра заявил о созыве Народной Рады (подписав соответствующий закон) — законодательного парламента, для чего провел консультацию с народными республиканцами, федералистами, эсдеками, «самостийныками» под лозунгом «консолидации всех национальных сил».

На 14-е, а позже — на 30 января было запланировано открытие Народной Рады, но собрать ее удалось только 3 февраля 1921 года в Тарнове. Она объединила в своем составе 34 представителя украинских партий, профсою-

зов, общественных организаций. Главой Рады был избран федералист Иван Фещенко-Чеповский. До апреля 1921-го Рада постоянно собиралась легально, но потом она была вынуждена маскировать свои действия. Рижский договор¹ и недоверие Петлюры к Раде определили ее распад. Из нее выходят недовольные Петлюрой, представители социал-демократов и федералистов. Рада республики постепенно превращалась в «клуб заядлых политических спорщиков». Она не способна была ни наладить работу министерств, ни создать новое коалиционное правительство. В апреле 1921-го, когда Рада вышла из-под влияния Петлюры, он уже рассматривал Раду как своего конкурента на «призрачную власть» и стремился ее разогнать — «временно распустить». Петлюра так оценивал Раду: «Я не могу терпеть этой атмосферы взаимного недовольства и нападок», «критики и говорильни», где «все мной недовольны». Польские власти также были не в восторге от «деятельности» Народной Рады. В августе 1921 года Петлюра решается, несмотря на протесты «партийцев», распустить Раду республики и сократить правительство В. Прокоповича (пришло к «власти» в марте 1921 года, а с июля уже практически не работало), оставив только восемь министерств. Часть министров выехала из Польши, часть попросила в Польше политического убежища. Вскоре было объявлено о создании нового «правительства УНР в эмиграции» во главе с инженером Филиппом Пилипчуком.

Справка: Пилипчук Филипп (1869—1940) — доцент теоретической механики Киевского политехнического института. В 1919 г. — министр железных дорог. Премьер правительства УНР «в эмиграции» 1921—1922 гг.

Но деятельность этого «правительства» необходимо было конспирировать от бдительного ока Советов. Москва постоянно требовала от Польши «пресечь петлюров-

¹ Рижский договор — договор, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой, он означал формальное окончание советско-польской войны и санкционировал передачу Польше Галичины, Вольны и Западной Белоруссии. Петлюра стремился противодействовать его подписанию, так как приведение его в действие поставило бы в затруднительное положение украинскую эмиграцию. По договору Польше выплачивалась компенсация в 30 миллионов золотых рублей и возвращались культурные ценности, захваченные в ходе войны советской стороной.

щину» и выслать ее активных деятелей из страны. Для создания «легальной крыши» в Польше были созданы «общественные» организации — «Украинская ЦК» и «Ликвидационная комиссия», что наблюдали за лагерями интернированных украинских военных. Эти организации действовали по официальному разрешению польского правительства.

В декабре 1920 года Петлюра вышел из состояния очередной депрессии и начал думать о новом походе на Украину. На этот раз все надежды были связаны с внутренним восстанием крестьян на Украине. В УССР были направлены эмиссары, которым поручалось организовать координационный центр повстанчества на Украине. К марту 1921-го был создан Центральный Повстанческий комитет и региональные повстанкомы.

В Польше в декабре 1920-го Петлюрой был создан повстанческий отдел при украинском Генштабе, а в январе 1921 года — Партизанско-повстанческий штаб при Главном атамане, в во главе с генералом Юрием Тютюнником. Он должен был направлять восстание из-за границы. «Всеобщее восстание» и «поход на восток» планировалось начать в конце апреля—начале мая 1921 года. К этому времени поляки обещали вооружить и организовать ударную группу армии УНР из двух тысяч солдат. 12 марта Петлюра подписывает приказ о подготовке к восстанию, в котором требует не начинать «ни одного неорганизованного выступления» и ждать приказа о всеобщем восстании. Одновременно с этим в УССР из Польши устремляются сотни эмиссаров и инструкторов по подготовке всеобщего восстания.

Поляки в апреле 1921-го приказали перебазировать «штаб» из Тарнова во Львов и разместили его в помещении Второго отдела (разведка) польского Генштаба. Цель польских генштабистов была в том, чтобы ослабить Петлюру, вырвав у него из рук руководство «повстанцами», и использовать повстанцев на Украине только для целей «разведки и диверсий». Полякам уже не нужны были новые «походы на Киев». Второй отдел Генерального штаба войска Польши считал, что при условии «строгой конспирации» нужно использовать отряды Савинкова и Петлюры для поддержания влияния на украинское общество, для поддержки антисоветских кругов. Савинков и Петлюра нужны были польской власти для раскола «антиполь-

ского лагеря», в противовес галичанам, стремившимся поднять всеобщее восстание против польской оккупации в Галичине и на Волыни, и белогвардейцам, которые высказывали свое неодобрение Рижского договора.

Хотя польский Генштаб и допускал возникновение новой войны против РСФСР в 1921 году, он не хотел ее специально провоцировать. Война 1920 года принесла Польше не только огромные материальные потери, но и огромное число погибших — более 180 тысяч, 1/4 всей армии. Сейм выступал за мир с Советами и требовал отказаться от идеи Пилсудского, связанной с федерацией Польши, Литвы, Украины и Белоруссии.

18 марта 1921 года был подписан Рижский договор между Польшей и РСФСР—УССР. Этот договор закреплял за Польшей земли, которые уступил Пилсудскому Ленин, что было «пределом мечтаний» многих польских урапатриотов.

В соответствии с Рижским договором в апреле 1921 года правительство УССР потребовало соблюдения принципов невмешательства во внутренние дела друг друга и запрещения существования на своих территориях вооруженных, враждебных другой стороне, формирований. Польское правительство было вынуждено формально запретить деятельность правительства УНР, Директории, Народной Рады, пресс-бюро УНР на территории Польши. Во исполнение очередной ноты Советской России польская сторона обязалась выдворить из страны до 1 мая 1921 года Петлюру, его министров, Раду УНР. Петлюровцы потеряли статус легальности и легитимности в Польше. Но когда к 20 мая Петлюра так и не был выслан из Польши, правительство РСФСР начало угрожать войной. С этого времени украинские «учреждения» в Польше переходят на нелегальное положение. Размышляя над итогами Рижского договора, Петлюра в письме А. Никовскому (апрель 1921 г.) так оценивает ситуацию: «... об отъезде правительства (УНР в изгнании. — В.С.) или его части не следует ставить вопрос в плоскости принципиального согласия. Это угрожало бы нам внутренними тяжелыми последствиями... Дело моего путешествия в Париж — для меня неожиданно. Такого путешествия быть не может, ибо в интересах государства — исходя из нынешних обстоятельств — оно было бы недопустимо... Относительно меня — наиболее соответствующей формой решения дела могло быть конспирирование моего пребывания и жизни... Относи-

тельно инициатив выезда правительства — этот вопрос очень деликатен, и его решать необходимо очень осторожно».

Хотя, в феврале 1921-го, в письме к немецкому послу Петлюра и заявлял, что уже не имеет надежд на военную помощь Европы в борьбе против Советов, все же через три месяца после этого заявления, как можно понять идею писем к А. Шульгину и А. Никовскому, Петлюра был уже готов к новым походам и «политическим комбинациям». Он снова хочет верить, что в союзе с Францией, Италией, Турцией у будущего украинского движения есть перспективы и даже Кубань «может упасть нам, как спелая груша». Свои новые идеи Петлюра развешивает в письме начальнику Генерального штаба УНР, стремясь увязать их с разработкой новой военной доктрины. В этом письме Петлюра рассуждает о возможности создания системы Черноморско-Балтийского оборонного блока «против Москвы» и привлечения Италии и Турции в свои «союзники».

В апреле—мае 1921 года Пилсудский и Петлюра обещали лагеря украинских войск, причем Пилсудский извинился перед украинскими войсками за отход от Варшавского договора и за Рижский мир. К этому времени было решено перенести начало похода Петлюры на Украину с конца апреля на вторую половину мая 1921 года (ориентировочно на 20 мая). Поляки к этому времени согласились подготовить и вооружить 5 тысяч бойцов-петлюровцев. Переговоры с Борисом Савинковым, главой «Российского эвакуационного комитета», и казачьим донским полковником Гнилорыбовым обещали Петлюре поддержку до 10 тысяч «савинковцев», что находились в подполье и в партизанах в БССР и УССР. Восстание должно было начаться с перехода отрядов Петлюры и Савинкова, силой в 500 человек, советско-польской границы. Эти отряды, после объединения с повстанческими отрядами атаманов Мордалевича и Струка, должны были объявить мобилизацию крестьян Волыни и ударить всеми силами на Киев. Считалось, что к этому времени, когда силы Петлюры и Савинкова увеличатся до 20 тысяч бойцов, из Польши выступит пять тысяч петлюровцев, сведенных в четыре вооруженные поляками дивизии. Эти дивизии должны были создать костяк 1-й армии УНР; 2-я армия УНР, как планировалось, будет создана исключительно из крестьян повстанцев и бывших красноармейцев. В эти дни Петлюра заявил Мазеле: «Я хочу с конницей идти на Украину».

Но поход на Украину второй раз откладывается. Некоторые считали, что причиной тому «козни» Петлюры, но в действительности в середине мая 1921-го «вокруг Польши» сложилась напряженная обстановка.

Советская Россия угрожала с востока, советские диверсионные группы постоянно переходили польскую границу. Германия готовила вторжение с запада, угрожая войной, а в Галичине и Волыни разворачивалось антипольское украинское восстание. Эффект неудачного покушения на Пилсудского галицкого украинца также подрывал идею «борьбы за Украину». У Пилсудского начался затяжной конфликт с сеймом, а у Петлюры возникли серьезные расхождения с Савинковым. Шпионы и провокаторы сеяли слухи и подозрения.

В этих условиях польский Генштаб решил отложить «поход Петлюры» на середину июня 1921 года. Но к этому времени обстановка «не прояснилась», и «поход» был отложен до середины августа того же года. А в начале августа он был перенесен на начало сентября... 31 августа Петлюра собрал на конференцию всех «готовых к бою» командиров. И хотя было отмечено, что к этому времени большинство повстанкомов разгромлено, конференция приняла план «похода», что намечался на 3—15 сентября. По этому плану петлюровцы должны были захватить приграничный Каменец-Подольский, а уже после этого, провозгласив «всеобщее восстание», развернуть наступление на Киев.

К августу 1921 года вызрел новый внутренний конфликт между Петлюрой и Тютюнником. «Разделяй и властвуй» — этим принципом воспользовались поляки для «решения украинского вопроса». Они провоцировали вражду между Петрушевичем, Коновальцем, Петлюрой и Тютюнником. Цель поляков — поставить под полный контроль структуру Петлюры и структуру Тютюнника, сориентировать их структуры в качестве противовеса поднявшим восстание галичанам. От Петлюры и Тютюнника польская разведка требует информацию не только о событиях в УССР, но и по «галицкому вопросу». Юрий Тютюнник, возмнив себя новым лидером Украины, решил самостоятельно добиваться «польской ласки» и поддержки украинских «правых». Он самопровозгласил себя «заместителем Петлюры», нашел поддержку у немногочисленных «хлеборобов», «самостийныков», национал-республиканцев и у высших чинов польской разведки, завязал «личную друж-

бу» с Савинковым. Уже в августе Юрий Тютюнник заявлял, что «Петлюра на Украину не пойдет» и если до 15 сентября не будет дано «добро на поход на Украину», он самостоятельно начнет поход, причем «акцию всеобщего восстания» возглавит только он — «командарм» Юрий Тютюнник.

Польский Генштаб заявил, что сможет «выпустить на Украину» не более 1200 человек и то без самого Петлюры. Генштабу не нужна была широкая акция, которая могла бы спровоцировать войну с Советской Россией. Достаточно было прощупать «красный» тыл, посеять хаос и разорить приграничную инфраструктуру. К тому же польские власти уже не видели в Петлюре политической силы. Более того, он стал все чаще раздражать польские власти, например, своим протестом против нового польского закона о наделении землей польских ветеранов войны на украинской Волыни.

Тютюнник пользовался старыми, непроверенными, преувеличенными данными. Так, в конце августа он заявлял, что на Украине в повстанческих отрядах воюет более 50 тысяч человек, называя части атаманов: Заболотного — 6 тысяч человек (в реальности — едва ли 2 тысячи), Струка — 3 тысячи человек (около 1 тысячи), Махно и махновских атаманов — 30 тысяч человек (около 4 тысяч). Петлюра же, стремясь ограничить возможности Тютюнника, начал переводить повстанческие отряды на Украину под контроль «своих людей» — генерала Гулого-Гуленко и полковника Карого...

В сентябре 21 года польский Генштаб заявил, что летний пик восстания пропущен и на Украине уже нет подходящих условий для успеха акции петлюровцев. Но Тютюнник рвется в бой, заявляя, что восстание необходимо провести «любой ценой». Исходя из этого было решено наметить «акцию восстания» на 10 октября 1921 года. Петлюра согласился на проведение «октябрьской акции», но по неизвестным причинам польская сторона затянула подготовку акции еще на 20 дней.

Тем временем Москва усиливает нажим на Варшаву, требуя высылки или выдачи Петлюры. «Вопрос о Петлюре» увязывается с возвращением в Польшу польских военнопленных и с обещанием выплаты контрибуций Польше, за урон нанесенный РККА в войне 1920 года.

7 октября был подписан совместный протокол, по которому поляки обязались до конца октября 1921 года вы-

слать: Петлюру, Тютюнника, Савинкова, Булах-Балаховича и других руководителей «антисоветских формирований». Кроме того, в УССР Петлюра заочно приговаривается к «высшей мере наказания». Правительство Польши вынуждено было официально заявить, что Петлюра 28 октября 1921 года выехал из Польши и его нет на польской территории. Однако поляки все-таки разрешили Петлюре остаться в Польше, с условием перехода на «конспиративную жизнь». Теперь Петлюре приходилось скрываться даже от ближайших единомышленников. Он поселяется на конспиративной квартире в Варшаве, не имея возможности «подавать признаки жизни», и только вечерами выходит из дома, чтобы прогуляться, встретиться с семьей или единомышленниками. Он скрывается под псевдонимами: Торнтон, Ряст...

В октябре 1921-го поляки выслали в вольный город Данциг петлюровских генералов Омеляновича-Павленко и Зелинского. Выехать из Польши были вынуждены Савинков и Булах-Балахович.

Советское посольство в Польше, располагая обширными агентурными сведениями, хорошо знало о подготовке «вторжения». Советы заявили протест против готовившейся акции «вторжения» и, показав свою отличную проинформированность, требовали полного разоружения украинских отрядов и эвакуации украинских лагерей на запад Польши.

Наиболее удачным моментом для акции всеобщего восстания на Украине был март—май 1921 года. К этому времени были созданы структуры украинского Повстанческо-партизанского штаба в Польше, Украинского повстанческого центра в Румынии, подпольной «Казачьей Рады» на Киевщине, Повстанческого комитета на Киевщине и на Подолье, повстанческого центра Гелиева на Екатеринославщине, причем некоторые «красные» командиры проявляли «скрытые симпатии» к петлюровцам.

Февраль—апрель 1921 года — время пика восстаний против большевиков. Махно вновь подымает Запорожье, Антонов — Тамбовщину, восстают советские моряки Кронштадта. Только на Украине ЧК фиксирует до 40 тысяч повстанцев.

Но взрыв восстаний породил кровавые карательные акции: за первые три месяца 1921 года было обнаружено 28 подпольных организаций, убито и арестовано около

10 тысяч повстанцев. В мае—августе 1921-го по Украине прокатилась новая волна арестов. Были раскрыты практически все повстанческие комитеты, арестовано до 6 тысяч подпольщиков, убито и арестовано до 10 тысяч повстанцев, расстрелян «красный» комбриг Крючковский, на выступление которого надеялся Петлюра. Всего с января по октябрь 1921 года около 30 тысяч антисоветских повстанцев и подпольщиков в УССР было арестовано, убито или расстреляно, около 3 тысяч повстанцев ушло в Румынию и Польшу. К ноябрю на землях УССР сохранялось примерно 4—5 тысяч повстанцев.

Разгром систем повстанкомов, что были связаны со штабом Тютюнника, объясняется тем, что как в окружении Тютюнника, так и в окружении Петлюры имелось до десятка агентов большевиков, которые были в курсе всех планов повстанцев. Именно эти агенты раскрыли многочисленное петлюровское подполье в УССР и «приложили руку» к разгрому повстанчества. Советские агенты раскрыли основные центры по подготовке всеобщего восстания: «Казачью Раду» в Киеве, Всеукраинский повстанческий комитет там же и на Подолье, ряд местных организаций подполья и повстанчества.

Весной—летом 1921-го повстанческое движение было подорвано следующими событиями: а) объявлением всеобщей амнистии повстанцам, результатом которой стало «покаяние» около 5 тысяч повстанцев и переход на сторону Советов известных атаманов; б) тотальным террором и «зачисткой» УССР от «политического бандитизма», передислокацией в «бандитские районы» УССР до 100 тысяч бойцов частей РККА и ЧК; в) началом колоссального голода в УССР, что подорвал возможности сопротивления режиму; г) переходом режима к политике НЭПа, отказом от продразверстки, свободой торговли.

Эти факторы привели к резкому затуханию крестьянских восстаний в УССР уже к октябрю 1921 года. Исходя из реальной оценки ситуации, представители польского Генштаба заявили, что время для похода на УССР упущено. Последним «приемлемым сроком» для похода был август 1921 года, когда в УССР проходил сбор урожая и его изъятие продотрядами. В октябре уже не было никакой надежды поднять всеобщее восстание, информация подтверждала, что повстанчество замерло.

Однако Петлюра и Тютюнник настаивали на том, что бы начать «акцию» не позднее 10 октября 1921 года и по-

требовали от польской стороны 1,5 тысячи винтовок, 60 пулеметов и 300 коней. Петлюра и Тютюнник надеялись на чудо, мечтая снова поднять крестьянство, занять Подолье и триумфально въехать в Каменец-Подольский, а далее втянуть в войну против Советов Румынии и Польшу. Тогда-то были отданы фантастические приказы: третей повстанческой группе Левченко захватить Полтаву и провести рейд на Харьков, четвертой группе Бровы захватить Днепропетровск, второй группе взять в осаду Киев.

17 октября 1921 года Петлюра приказывает начать поход в УССР, возложив на Тютюнника обязанности командования «армией вторжения». Первыми во «Второй зимний поход» Тютюнника вышли: Бессарабская группа (около 300 человек) — из Румынии, в рейд на советский город Тирасполь, и Подольская группа (более 500 человек) — из Польши, в рейд на Подолье. 3 ноября в поход в УССР, на Киев, выступила основная Волынская группа Юрия Тютюнника (около 900 человек). Однако только 50% бойцов группы Тютюнника были вооружены, а у 30% не было даже зимней одежды. Тютюнник мечтал на Рождество взять Киев и поднять всеобщее восстание, но уже через две недели похода у села Миньки его группа была полностью разгромлена. Около 300 человек погибли в бою, 450 оказались в плену, причем 359 из них, отказавшиеся «покаяться», были немедленно расстреляны.

20 ноября около сотни бойцов во главе с Тютюнником вернулись в Польшу. Полная неудача «Второго зимнего похода» подорвала и без того шаткое положение Петлюры. Вскоре Тютюнник лишается польского покровительства, своего «штаба» и становится «частным лицом», нелегально проживающим в Варшаве. Петлюра оказывается «полководцем без армии», польские власти лишают его всякого контроля над интернированными солдатами УНР. Поляки уже не верят ни в возможность «восстаний», ни в «союзнический потенциал» петлюровцев, поэтому резко сокращается финансирование «украинских политиков».

Враги Петлюры стали распространять в «украинской среде» слухи о том, что только Петлюра виноват в разгроме «похода», что он специально затягивал поход и даже просил поляков не выдавать «армии Тютюнника» оружия, что Петлюра превратился в «обыкновенного польского шпиона», а петлюровская «контрразведка» выдает польским карателям галицких инсургентов... Эти слухи не были подтверждены фактами, но значительно понизили «рейтинг» Петлюры в «украинских кругах».

Несмотря на крах всех начинаний, о котором стало доподлинно известно уже в конце ноября 1921 года, Петлюра не смирился с очередным поражением. В декабре того же года Петлюра заявляет: «Мы обязаны продолжать борьбу».

Петлюра снова и снова повторяет: «Мы должны воссоздать повстанческую армию для похода на Украину». Однако поляки уже не стремятся к реализации этих идей. Напротив, всеми силами они стараются перехватить связи Петлюры с украинскими подпольщиками и повстанцами и использовать «оппозицию в УССР» только в интересах своей разведки. Очевидно, с этими целями новые тайные рейды совершает отряд Тютюнника в декабре 1921-го и весной 1922-го.

Бывший петлюровский контрразведчик Чоботарев и генерал Змеенко из «Отдела разведки при миссии УНР» стали заниматься подготовкой разведчиков и диверсантов, антисоветской агитацией по «заказу» польского Генерального штаба. В первой половине 1922 года Петлюра разрывает всякие отношения с Тютюнником, расформировывает Повстанческий штаб, а структуры Чоботарева и Змеенко становятся практически полностью независимыми от Главного атамана. Центр подготовки повстанцев и разведчиков перемещается в Ровно. В августе 1922 года в УССР были направлены отряды атаманов: Трейка, Шепеля, Щербанюка, Хмары. Но и они уже не в силах поддержать повстанческое движение хотя бы на уровне осени 1921-го. Еще в апреле 1922 года в УССР была объявлена амнистия всем участникам гражданской войны, кроме пятерых: Махно, Тютюнника, Скоропадского, Савинкова и Петлюры. Уставшие от пятилетней войны инсургенты стали возвращаться в родные хаты.

Летом 1922 года в УССР была проведена последняя «чистка» повстанцев. Были арестованы атаманы Гулий-Гуленко, Лихо, Голик, Орлик, Здобудь-Воля, ликвидировано 40 отрядов повстанцев, арестовано около 3 тысяч повстанцев и подпольщиков, около 200 повстанцев сдались добровольно, около 900 убито в боях. К весне 1923 года так называемый «политический бандитизм» в УССР был ликвидирован. Однако летом 1923 года была предпринята последняя попытка поднять «всеобщее восстание». Тогда на восток, на Подолье, выступила группа атаманов Трейко и Грищенко, подготовленная при участии польского Генштаба. Возможно, этот рейд был ответом на акции «ак-

тивной разведки» со стороны СССР. Отряды советских диверсантов из «активной разведки» террором «осваивали» тогда восточные земли Польши.

В 1923 году Петлюра еще имеет какую-то «самостоятельную» связь с повстанчеством и «глубоким» подпольем в УССР, но иллюзий относительно «всеобщего восстания» уже не испытывает. О необходимости формирования новой единой идеологии «главной линии» Петлюра пишет в письмах к Никовскому и генералу Удовиченко в 1922 году. В письме к дипломату А. Яковлеву Петлюра предлагает заинтересовать капиталистов Европы украинскими предприятиями.

Для продолжения борьбы Петлюра стремился сохранить лагерь для интернированных «любой ценой... как армию Украины для будущего». На начало 1922 года в этих лагерях еще находилось около 11 тысяч человек. Но к декабрю того же года большинство лагерей «для воинов армии УНР» польскими властями было ликвидировано. Около 3 тысяч украинцев уезжают из Польши в Чехословакию, 3 тысячи находят работу в Польше, около 2 тысяч украинцев, воспользовавшись всеобщей амнистией, возвращаются в УССР. В польских лагерях остаются только 3 тысячи украинцев. Советские дипломаты требуют ликвидировать петлюровские лагеря, выслать петлюровцев из Польши или передать их списки дипломатам СССР «для контроля». В лагеря зачастили советские визитеры, уговаривая «прощенных солдат» возвращаться в УССР.

Если еще весной 1922 года Петлюра думал о возможной войне Польши, Финляндии, Румынии против Советов, надеялся на «распад режима Ленина», то к лету того же года всякие расчеты на это казались уже самообманом. Генуэзская конференция открыла путь признания Советских республик европейскими странами. Европа хотела мира, а не войны. Европа хотела торговать с Советами и обогащаться.

Еще одним ударом по надеждам Петлюры стал процесс «украинизации» в УССР. Советская власть начала создавать условия для свободного функционирования украинского языка и украинской культуры. «Советская украинизация» коснулась административного аппарата, школы, церкви, советская политика открыла путь украинцам в советское и партийное руководство. Многие «лозунги УНР» реализовывались в УССР: земля была роздана крес-

тьянству, Украина возрождала свою промышленную мощь, УССР получила некоторую автономию, формально считалась равноправной республикой, понятие «Украина» и «украинец» не вызывало агрессии со стороны центральной власти, язык и культура народа пропагандировались на государственном уровне... И хотя Петлюра заверял, что украинизация в СССР «только провокация», что мог он предложить «взамен» в 1923—1926 годах?

Войну, атаманское повстанчество, интервенцию? Снова разруху, лишения, смерть? И ради чего? Многие в УССР уже надеялись на постепенную «мирную эволюцию» режима, демократизацию общества, прекращение репрессий; укрепление суверенитета УССР, продолжение НЭПа оставляло надежду на формирование смешанной, либеральной экономики и заполнение внутреннего рынка. Днепрогэс обещал начало «эры прогресса». В своих письмах 1921—1922 годов Петлюра стремится организовать международную помощь голодающим УССР, обратить внимание мировой общественности на трагедию украинского крестьянства. Вместе с тем в письмах Петлюры начиная с весны 1921-го обозначается и отход от безоглядной поддержки польского курса и даже заявление о том, что польские границы на Волыни, закрепленные по Рижскому договору, им «не могут быть приняты».

Петлюра не мог объяснить многого и украинским крестьянам Галичины и Волыни, попавшими в польскую кабалу и в 1923—1926 годах смотрели на УССР, как на украинскую «землю обетованную».

В начале 1922 года жена и дочь Петлюры проживали в Южной Чехии, а в середине года вернулись в Варшаву. Несмотря на свою «конспирацию», Петлюра поселился с семьей в небольшой квартирке на окраине Варшавы. Жизнь под чужим именем и невозможность «подать голос» продолжалась... Поляки и Советы изолировали Петлюру, он как будто был под домашним арестом. До декабря 1923 года Советы настаивают на высылке Петлюры из Польши.

Кроме Симона, Ольги Петлюр и их дочери Леси в их квартире жили молодой племянник Петлюры Степан Скрипник и адъютант-телохранитель Петлюры Гаевой. Денег для этой большой семьи начиная с 1922 года хронически не хватало. А в 1923-м добавились еще проблемы с братом Петлюры Александром, который был вынужден покинуть польский лагерь, с болезнью и операцией Ольги Петлюры. В 1923-м году материальное положение семьи

Петлюры резко ухудшилось. Петлюра пишет Ливицкому, что от него отвернулись банкиры, потому что помогать ему уже не считается «хорошим тоном».

Уйдя из «большой политики», Петлюра возвращается в журналистику. В 1923 году им написан ряд статей для журналов «Трибуна Украины» и «Табор»¹. Однако эти издания не могли предложить даже гонорара.

В том же году Петлюра пишет и издает в Польше в виде скромной, тоненькой брошюры большую программную статью — «Современная украинская эмиграция и ее задания». В этой статье он, смирившись с неизбежностью длительного эмигрантского «жития», пишет о том, что, хотя борьба и не закончена, период войны, «бури и натиска» уже прошел, и впереди у петлюровцев кропотливый труд по подготовке нового этапа государственного строительства. (Собственно о том, что нужно смириться с перспективой длительной борьбы, он писал еще в письме к А. Никовскому, в декабре 1921-го). В 1923 году Петлюра выступает уже как «солидарист», сторонник консолидации и компромисса на основе «приоритета государственности над партийностью, общенациональных интересов над классовыми, групповыми, партийными...» Петлюра считал, что необходимо показать единство украинской политической эмиграции перед лидерами западных стран и своими сторонниками в УССР. Своих оппонентов из числа украинских эмигрантов Петлюра рассматривал не как личных врагов, а как «ослепленных эгоизмом» врагов «общей нашей работы».

Петлюра писал, что, даже не имея государственной территории, можно сохранить правительство «в изгнании» и армию для того, чтобы «подготовить нацию к самостоятельной государственной жизни». Одним из главных заданий эмиграции Петлюра считал выход ее на мировую политическую арену через Лигу наций, международные организации. Он заявлял, что не имеет смысла ограничиваться только социалистическими международными организациями, а необходимо искать пути к сотрудничеству с

международной демократией и даже консервативным движением. Он говорил о необходимости «информационной войны» против большевиков, критики самой «модели» СССР.

Украинская эмиграция должна изучить язык страны, которая ее приняла, перевести информацию об Украине, создавать архивы и библиотеки, воспитывать «новое» эмигрантское студенчество и построить систему социального обеспечения украинских эмигрантов.

Подобные мысли сквозят еще в одной программной статье Петлюры 1923 года — «Табор» («Лагерь»). Хотя в ней основное внимание и уделено созданию новой украинской военной литературы, профессиональных военных исследований, Петлюра говорит и о подготовке к новому этапу борьбы и о геополитических задачах. Внутренний политический кризис Версальской системы, надвигающийся экономический кризис и связь этих процессов с советско-немецким сближением — все это волновало Петлюру.

В письмах к Н.Шумицкому (лето—осень 1923 года) Петлюра указывает, что в деле формирования предпосылок для дальнейшей борьбы «дипломатия должна играть главную роль», что необходимо «искать опору на великую державу (с морским путем к нам)». Петлюра надеялся на то, что английский капитал должен заинтересоваться Украиной «как кратчайшим путем в Индию» и помочь петлюровцам, интерес к Украине должен проявиться и у Италии.

Вспоминая «сложный» 1923 год, Вячеслав Прокопович писал: «Политическая работа почти замерла. Дипломатические миссии едва ли не все прекратили свое существование... Правительство дышало на ладан, и никакой работы проводить было невозможно. И условия, в каких он находился, и исчерпание всех средств не давали ему возможности даже пошевелиться. Тарнов доживал последние дни, постепенно замирая. Наши ответственные люди расseyлись повсюду; значительная часть из них отошла от конкретной политики и борьбы и перешла к культурной работе, отдавшись ей полностью. Лагеря еще существовали, однако уже были под угрозой ликвидации; частые наезды различных большевистских комиссий, которые завлекали слабых духом домой, хоть и встречали у большинства соответственное отчуждение, но все же дезорганизовывали лагерную жизнь, вносили разложение. Материальные и духовные условия все ухудшались и ухудшались; сверху

¹ Издание «Трибуна Украины» — непериодический орган украинской эмиграции петлюровского направления (УНР) в Польше — Украинского Центрального комитета. Печатался в 1921—1923 гг. в лагере для интернированных воинов армии УНР в Польше, редакция была в Варшаве, редактор — Саликовский. «Табор» («Лагерь») — общественно-литературный и военный журнал петлюровского направления (УНР), что издавался в Польше (в Калише и Варшаве) в 1923—1939 гг., основан Петлюрой, редактор В. Куш.

приходили новые ограничения; иногда сильно допекали смена настроений у комиссаров и их промахи. Ясно было, что приходит конец. Молодежь потянулась в Чехию за образованием. Среди лагерников обозначилось сильное течение ехать на работы во Францию, и должны были уже выехать туда первые партии. Организационные связи между эмиграцией ослабли; усилились влияния разных враждебных групп. Давала знать общая усталость, депрессия, апатия. Мы как будто переходили в стадию анабиоза... трудно было говорить о какой-либо работе, когда административное своеволие на местах делало невозможными сами условия жизни наших людей. К тому же беспокоили повседневные проблемы; безденежье центра становилось преградой для любой инициативы...»

В письмах Н. Шумицкому (лето—осень 1923 г.) Петлюра указывает: «Ситуация в Польше ухудшается. Дороговизна все более безумствует, а вместе с ней углубляется политический кризис...» Петлюра откровенно заявляет о полном разочаровании в польских покровителях и об отказе от каких-либо обязательств, связанных с Варшавским договором 1920 года.

«Я с большим желанием (персональным) жил бы в Лондоне или в Риме, когда имел бы ресурсы и возможность работы там. Когда бы можно было достичь определенных договоренностей в этом деле, то это был бы лучший выход из данного одиозного положения... К сожалению, сейчас я не вижу возможности что-то изменить из-за финансовых трудностей...» — писал Петлюра.

Следующими ударами по Петлюре и его группе в середине 1923 года стало разоблачение советской агентуры в миссии УНР, в окружении Петлюры, а также возвращение генерала Тютюнника и полковника Добротворского в УССР и их «покаяние» перед Советской властью. Тютюнник не только согласился сотрудничать с Советской властью, но и выдал архив Повстанческого штаба и структуры подполья. Тютюнник публикует открытое письмо к бывшим воинам-петлюровцам с призывом возвращаться в УССР. Это привело к новой волне возвращений украинцев в УССР — из польских лагерей и польской эмиграции (около 800 человек). В конце 1923 года такая тенденция приводит к закрытию украинских лагерей в Польше. Кто не уехал в УССР или не нашел свое место в Польше, выезжает на работы во Францию, Бельгию, США, Канаду.

Хотя «петлюровская» эмиграция переживает время полного развала, Совет министров УНР продолжает в Польше (в 1922—1923 годах) проводить подпольные заседания с участием Симона Петлюры. В мае 1923 года Петлюра организует в Польше Государственный центр УНР в эмиграции из 10 единомышленников во главе с премьером Ливицким. Премьер-министр становится еще и заместителем главы Директории и его «наследником». В случае гибели или смерти Петлюры именно Ливицкий должен был наследовать власть Петлюры. Государственный центр УНР пробует заниматься финансово-экономическими, культурно-просветительскими вопросами эмиграции, стремится сохранить влияние на военную эмиграцию и наладить дипломатические контакты с представителями стран Запада. Но денег, которые удавалось собирать на Государственный центр и поддержание жизни семей «петлюровского руководства» едва хватало, чтобы не умереть от голода и холода. Только весьма небольшие суммы высылались Петлюре украинскими эмигрантами из США, Канады, Венгрии, Чехословакии, Румынии.

Оставаясь сторонником союза с Польшей, Петлюра писал, что правительству Польши «политически и психологически связано по рукам и ногам» и зависит от частых смен настроения и импульсивности польских властей, что не дает никаких гарантий исполнения обещаний украинской эмиграции. Лето—осень 1923 года пугали Петлюру революционными событиями в Германии, возможностью нападения СССР на Польшу. Красная Армия была готова начать «мировую революцию». Польские власти стали осторожнее в отношении с Петлюрой и его «кругом». Вспышки волнений украинцев в Галичине и на Волыни подталкивали к полному свертыванию какой-либо помощи Петлюре. Он пишет даже о высылке «наших людей» с Волыни и из Польши.

С декабря 1922 года, со времени отставки Пилсудского, кризис власти и экономики в Польше нарастал. Политическая нестабильность в Польше тяготила Петлюру, а после отставки «защитника петлюровцев» Пилсудского, он мог ожидать от польской власти не только своей высылки, но даже и выдачи Советам.

В конце 1923 года Петлюра был вынужден выехать из Польши, спасаясь от безденежья и опасной нестабильности, от слежки польских и советских агентов и своей «заброшенности». Это была последняя попытка найти себя.

Он понимал, что выжить в эмиграции можно было, только выйдя на «международную арену», а «польское уединение» не давало таких возможностей. Петлюра надеялся стать представителем идеи «самостийной Украины» в Европе, координатором действий украинской эмиграции в Европе, перенести в Западную Европу Украинский Государственный центр в изгнании. Александр Шульгин вспоминал, что «Петлюра незадолго до его смерти считался многими человеком прошлого; считали, что карьера его закончилась, а он примирился с этим. Однако это ошибочное мнение — Петлюра не отказывался никогда от своих должностей, оставаясь во главе национального правительства, которое не переставало существовать ни минуты...»

Вместе с Вячеславом Прокоповичем он выехал по маршруту Вена—Будапешт. Путешествие началось 31 декабря 1923 года. Из Варшавы Петлюра выехал под именем Степана Могилы — начальника пресс-службы украинской миссии в Будапеште.

ГЛАВА 21

УВИДЕТЬ ПАРИЖ — И УМЕРЕТЬ

Январь 1924 г.—май 1926 г.

1 января 1924 года Петлюра и Прокопович через Вену выехали в Будапешт, где еще оставалась дипломатическая миссия УНР. Это была единственная, признанная в Европе на правительственном уровне миссия исчезнувшей республики, которая имела широкие права и могла организовать въездные визы в страны Европы. Венгры дали согласие на проживание Петлюры в Будапеште, а серьезную финансовую помощь предложил посол УНР Николай Василько, который снабжал Петлюру деньгами начиная с 1922 года. Однако спокойное, «растительное», «венгерское житие» не прельщало Петлюру. В Венгрии почти не было украинской эмиграции, страна входила в лагерь побежденных в Первой мировой, считалась окраиной Европы, находясь в сфере германских и австрийских интересов. Долгое нахождение в Венгрии могло повредить политическому имиджу Петлюры, а изоляция чувствовалась в Венгрии намного больше, чем в Польше. В начале 1924 года стало заметно тайное сближение СССР и Венгрии на основе пересмотра послевоенных границ и территориальных претензий СССР и Венгрии к Румынии, что привело к автоматическому прекращению признания «де-факто» миссии УНР в Венгрии. Уже в марте 1924 года Петлюре стало понятно, что миссия будет вскоре ликвидирована. И в Венгрии Петлюра чувствовал «нестабильность условий жизни».

Из Венгрии он еще пытается руководить подпольем в УССР, что существовало в условиях строящейся конспирации. В 1923 году Петлюра призвал к переходу на «новую тактику», которая предполагала отход от повстанческо-партизанских действий. В «мирную эпоху» Петлюра советовал «украинскому подполью» проникать в аппарат Коммунистической партии, комсомола, на командные должности

в Красную Армию, ГПУ, милицию, для их «перерождения, разложения... взрыва изнутри». Допускались только отдельные акты террора против «вредных элементов большевистской власти». «Украинизация» в УССР открывала «новые перспективы вращающегося в систему», использования церковного автокефального движения, огромного потенциала молодой украинской интеллигенции. Петлюра тогда отмечал определенные симпатии «украинского подполья» к итальянскому фашизму.

В мае 1924 года Петлюра уезжает в Швейцарию (через Прагу и Вену), в Женеву, где также существовала миссия УНР (хотя и непризнанная) при Лиге наций во главе с Александром Шульгиным. Женева была одним из главных центров мировой политики. Сюда съезжались политики со всего света, а также многие политические эмигранты. Петлюра в Женеве пытался добиться официального статуса для миссии УНР при Лиге наций, однако никто не хотел и слышать о миссии несуществующей уже более трех лет страны. Неудача постигла Петлюру и в деле с признанием Великой ложи Украины масонским координационным центром. Очевидно, в Женеве, где находились отдельные представители Великой ложи Украины, на поддержку которых рассчитывал Петлюра, направляясь в Женеву... Так, Н. Свитков в книге «Масонство в русской эмиграции» (Париж, 1932) указывает, что «подвергшись преследованиям советской власти, Великая ложа Украины не была уничтожена полностью и перенесла свою главную квартиру в Женеву... Адрес при Ассоциации масонского интернационала, улица де Лион, 61». Но поездка в Женеву для Петлюры оказалась безрезультатной из-за интриг Моркотуна, направленных на «отлучение» Петлюры от международного масонства и от активной политической жизни, Петлюра попал в «зачарованный круг» неудач.

Смерть, в августе 1924 года, Николая Василько, который обещал создать фонд материальной помощи Петлюре, серьезно ударила по финансовому положению Петлюры. У Петлюры и Прокоповича на двоих оставалось только 100 франков и они были вынуждены питаться чаем и жареными кабачками. Петлюра тогда писал Шумицкому: «...материальных возможностей у меня нет никаких» — и думал даже возвратиться к семье в Польшу. Однако ему казалось, что это «замутит национальную атмосферу, которая вроде бы почистилась после моего отъезда из Варшавы, и фактически поставит крест на более-менее независимой акции с нашей стороны». Все чаще рождались

мысли о том, чтобы отойти от политики и превратиться в «частного человека», чтобы физическим трудом зарабатывать своей семье на жизнь.

В середине октября 1924 года Петлюра и Прокопович переезжают в Париж, который в 20-е годы претендовал на звание «центра мира». Что искали в Париже два «украинских беженца»? У них еще сохранялась последняя надежда на «французских друзей», что помогут им добиться какого-то официального статуса во Франции, а может и «выбьют» денежную помощь для «борьбы с коммунизмом». Но французскую политику уже не интересовали перспективы борьбы с СССР, ее полностью устраивала как «версальская система» передела Европы, так и существование СССР как противовеса германским «интересам» на востоке. Франция помогала Польше, Румынии и Чехословакии, которые захватили часть украинских земель, и поэтому «украинского вопроса» для французов просто не существовало. Петлюре хотя и дали вид на жительство, но в официальных структурах его полностью игнорировали, рассматривали как «частное лицо», как бедного и бесправного эмигранта. Несмотря на это, Петлюра продолжал демонстрировать свое франкофильство и призывал украинскую эмиграцию воздерживаться от «ориентации на Германию», заявляя, что такая ориентация «дорого нам будет стоить».

Кроме того, абсолютно незаинтересованные «украинским вопросом» французские власти вообще перестали рассматривать Петлюру как вождя и лидера украинской эмиграции в Европе. Слишком много политических деятелей заявляли о своих претензиях на то, чтобы руководить несколькими десятками тысяч украинских эмигрантов, а в самой Франции «за Петлюрой» как за политическим лидером могло пойти тогда от полутора до трех тысяч человек, причем 95% из них даже не имели французского гражданства.

Осенний Париж встретил Петлюру неприветливо и враждебно. Планы рушились, и надежды развеялись в прах. В полиции Петлюру предупредили, что он не должен заниматься широкой «публичной политикой» и может вести жизнь только частного лица. На первых порах Петлюра хотел даже покинуть Париж и вернуться в Женеву. В письме к канадским украинцам (март 1925 г.) Петлюра объясняет причины кризиса своей политической линии: «Нынешняя ситуация в Европе такая, что больше всего и бояться и не хотят каких-либо конфликтов и выступлений, что угро-

жали бы миру... Вот из-за чего все украинские планы и требования, связанные с вариантом разрушения в Европе, не найдут ни понимания, ни симпатий среди влиятельных вершителей европейской политики».

В письме к П. Чижевскому он пишет: «С переездом нашим из Женевы в Париж, материальное положение, мое и В. К. (Прокоповича. — В. С.) не стало лучше по сравнению с жизнью в Женеве. Мы, как и раньше, перебиваемся «с хлеба на квас»...» Часто Петлюра и Прокопович были вынуждены делить одну комнату для ночлега с французским безработным, бывшим князем И. Токаржевским и французским заводским токарем, бывшим заместителем министра УНР Косенко. Петлюра замечал, что жил в Париже в 1924 году, «словно в собачей будке».

Франция 1924 года неприятно изумила Петлюру, он писал в письме В. Куровскому, что в Париже «коммунистическая пропаганда проводится откровенно», «коммунизм укрепляется» и в стране «взрывоопасная» ситуация, подобная российской «керенщине» осени 1917-го. «Я живу, словно на парижской Борщаговке или Демеевке (пролетарские окраины Киева. — В. С.), и вижу, как дети маршируют в красных беретах со знаками серпа и молота...»

С момента своего появления в Париже Петлюра ощутил травлю, которую начали большинство группировок русской и украинской эмиграции. Петлюру называли «врагом русского народа и православия», «убийцей русского офицерства, врагом Великой России», «немецким шпионом и предателем», «бандитом и погромщиком». Некоторые украинские эмигранты клеймили его как «врага украинского народа, польского наймита, предателя украинского движения», ему не могли простить «уступку» Польше Вольны и Галичины, обвиняли даже в сотрудничестве с польской полицией в деле удушения украинского восстания в Галичине. Многочисленные эмигрантские издания поносили его имя на все лады... Даже издание анархистов-махновцев в Париже «Дело труда» не преминуло лягнуть Петлюру. Особенно активно против Петлюры выступал эмигрант из Украины Илья Борщак, создавший в Париже на советские деньги газету «Украинские вести». Не унимались в «критике петлюровщины» Моркотун со своим «Украинским национальным комитетом» и масонскими связями, группа «сменовеховцев», социалист Шаповал, сформировавший во Франции многочисленную «Украинскую громаду».

Как раз с 1924 года активизируются просоветские элементы во Франции, которые формируют в стране сеть разведывательных групп, пытаясь привлечь к шпионажу «патриотов» из российских эмигрантов, французских коммунистов. Как центры советского влияния во Франции возникают «Союз украинских граждан» и «Союз студентов УССР во Франции». В статье 1925—1926 гг. Петлюра снова возвращается к идее о том, что «государство выше партий, нация выше классов», к мыслям об объединении всей украинской эмиграции. Он утверждает, что украинская государственность является реальностью, а петлюровцы морально и идейно не потерпели поражения. Разочаровавшись во Франции, Петлюра уже мечтал о поездке в Англию, США, Канаду — «на поиски денег и положения». Разочарование сквозит в письме Петлюры к дочери (май 1925 года), в котором он констатирует, что, наверно, на своем веку уже не увидит начала нового этапа борьбы за украинскую государственность.

В середине 1925 года Петлюра получил какие-то деньги из «неизвестных источников», что позволило ему «воссоединиться с семьей» и начать в Париже выпуск «своего» толстого журнала. В августе 1925 года из Польши в Париж к Петлюре переезжают жена и дочь. Семья Петлюры находит дешевую квартиру, две маленькие комнатки, на пятом этаже, без кухни, на улице Тенар около Сорбонны, в Латинском квартале Парижа.

С сентября 1925 года Петлюру захватило издание журнала «Трыzub»¹ («Трезубец»), который рассматривался как «официоз УНР в изгнании» и как «главный орган петлюровцев». «Трыzub» просуществовал в Париже почти 15 лет и стал центром сплочения для всех сторонников Директории и Петлюры. Начиная это издание, Петлюра и Прокопович шли на сильный издательский риск по причине практически нищеты, бедности украинской диаспоры. Но вскоре распространение журнала удалось наладить не только во Франции, но и в Чехословакии, Польше, Румынии, США, Канаде, Аргентине, Германии, Югославии, Австрии, Болгарии и даже среди украинских эмигрантов в Китае. Этот журнал объединил генералов УНР Удовиченко, Осецкого и украинских интеллектуалов Д. Дорошенко, А. Лотоцкого, И. Мазепу, Н. Славинского, да и сам Петлюра помещал в каждом номере журнала свои статьи.

¹ «Трыzub» — общественно-политический и литературный ежедневник, орган УНР (петлюровцев). Выходил в Париже в 1925—1940 гг., редактор В. Прокопович.

Жили Петлюры тихо и бедно, под постоянной угрозой «высылки из страны». Профессор В. Коваль вспоминал: «Петлюра живет убого, обедает без вина за 4 франка. Без зубов. Читает много военной литературы по-французски и всю военную большевистскую литературу».

Петлюра относительно хорошо знал французский и теперь, оказавшись в Париже, не имея работы и отлученный от политической деятельности, он полностью погрузился в чтение. Кажущееся бесконечным время он «убивал», исследуя Париж, прогуливаясь в соседних Люксембургском и Ботаническом садах, по набережным Сены, иногда посещал художественные выставки и музеи. Рядом развлекался после кровавой войны «веселый Париж», тысячи туристов со всего мира устремляются в его ночные клубы, кабаре, мюзик-холлы, модные кафе, но аскет Петлюра далек от этого. Он не любил Париж туристический... Те небольшие суммы «личных» денег, что изредка у него появляются, он тратит на книги, бумаги, папиросы. Сам пишет, что выкуривает в среднем по 40 дешевых сигарет в день. В Париже он начал часто болеть, но отсутствие денег не дает возможности лечиться. К тому же болела и его жена, и прежде всего деньги шли на ее лечение.

В Париже Петлюра пишет политические эссе, но на их издание нужно как минимум 200 франков, а таких денег у него просто нет. Так и осталась эта книга не изданной при жизни... Какие-то небольшие суммы Петлюра продолжает получать от своих сторонников в Америке, а также от Ливицкого из Польши.

Во Францию на работу в шахтах, на заводах и фабриках начиная с осени 1923 года стали приезжать бывшие солдаты и офицеры УНР, покинувшие польские лагеря. К лету 1925 года количество эмигрантов с бывшей УНР составило около трех тысяч человек. Гораздо больше оказалось во Франции украинцев из армий Деникина, Врангеля, Колчака, русского корпуса во Франции. С 1921 года на заработки во Францию устремились украинцы из Волыни, Буковины, Галичины. К 1925 году общее число украинских эмигрантов во Франции приблизилось к 25 тысячам.

Петлюра понимал, что «правительство УНР в эмиграции» может выжить только благодаря организации многочисленных «трудовых» эмигрантов, которые подчас были далеки от политики. Для оформления украинской эмиграции в 1924 году был создан «Союз Украинских эмигрантских организаций Франции», во главе с Николаем Шумицким. Однако Шумицкому удалось объединить толь-

ко тысячу-полторы украинских эмигрантов. Петлюра подержал создание «Союза украинских эмигрантских организаций», однако не вошел в его руководящее звено. Он намеренно дистанцировался от этой организации, не желая влезать в «местные склоки» и создавать конфликты вокруг своей особы. Петлюра решил действовать через Шумицкого, который был давнишним и верным другом Петлюры и его «братом» по украинской масонской ложе.

Более активно действовал «конкурент» Петлюры украинский социалист Шаповал, который сформировал достаточно «левую» «Украинскую громаду», насчитывающую до трех тысяч членов. Шаповал построил свою пропаганду на критике Петлюры как «буржуазного прихвостня, продавшего Галичину и Волынь полякам», а большинство членов громады были выходцами как раз из Галичины и Волыни. Более тысячи сторонников имел и просоветский «Союз украинских граждан во Франции», множество украинцев оставалось в русских эмигрантских объединениях.

Петлюра предложил организовать в Париже Украинский культурный центр с украинской библиотекой и хором. Однако за этот «проект» взялись только после гибели Петлюры...

С приездом Петлюры в Париж сюда тайно переместился «государственный центр УНР в изгнании». И хотя большинство «министров УНР» проживало в Чехословакии и Польше, несколько раз в год «министры» съезжались вместе и строили планы на будущее. В Париже существовала также непризнанная миссия УНР, которая пыталась защитить бесправных «остарбайтеров» во Франции и сплотить их вокруг Петлюры.

Некоторые долгосрочные надежды Петлюра возлагал на организацию «Прометей», что объединяла находящихся в изгнании национальных политиков Украины, Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, Дона, Кубани, Туркестана, татарского Крыма: Эта организация претендовала на роль продолжателя идеи формирования России на основе конфедерации.

За 11 месяцев до смерти Петлюра писал Ливицкому, что чувствует близость своей смерти, которая будет внезапной. Не давала покоя и слезка. За восемь дней до своей смерти Петлюра в письме Ливицкому заметил, что «Петлюру, если не говорить о личности, не так легко уничтожить...»

Во вторник 25 мая 1926 года в час дня Петлюра пошел пообедать в соседний дешевый ресторанчик, который рас-

полагался в трех кварталах от его дома. Их семья постоянно ходила именно в ресторан Шартье, ведь в квартире не было кухни, но в этот день Петлюра был вынужден обедать один: жена заболела, а четырнадцатилетняя дочка находилась в гимназии. Пообедав, Петлюра пошел по улице Расин и остановился у лотка с книгами на углу улицы Расин и бульвара Сен-Мишель (в нескольких шагах от Сорбонны и Клюни).

В это время (примерно в 14 часов 10 минут) к нему приблизился неизвестный мужчина в рабочей блузе. Он окликнул Петлюру по фамилии и, когда Петлюра повернулся, выхватил пистолет (восьмизарядный «Мелиор» калибром 7,3 мм) и начал стрелять в упор. Петлюра, увидев дуло пистолета, замахнулся на нападавшего тростью, попытавшись выбить оружие, но не успел. Первая пуля попала в правое плечо Петлюры, он потерял равновесие и упал на тротуар. Нападавший закричал: «Это тебе за убийства! Это тебе за погромы!» Следующая пуля скользнула по коже подбородка, третья и четвертая — попали в живот и вышли через левый бок. Петлюра еще успел крикнуть: «Боже мой, хватит, хватит!» Пятая — смертельная — пуля прошла у самого сердца, пробила левое легкое и сердечные сосуды. Убийца выпустил шестую и седьмую пули, но они уже не попали в корчившегося в агонии Петлюру. Гильза от седьмой пули застряла в револьвере и не дала возможности убийце продолжать стрелять.

Подоспевший полицейский набросился на стрелявшего, отнял у него револьвер, после чего с десяток прохожих, подбежав к убийце, начали его избивать. Только втроем полицейские смогли вырвать убийцу из рук толпы и доставить в полицейский комиссариат. Еще дышавшего Петлюру немедленно отвезли в госпиталь на улицу Сен-Жермен (сейчас здание украинской греко-католической церкви в Париже), где через 20 минут он и скончался.

На первом же допросе преступник заявил, что он Самуил Шварцбард и что он убил Петлюру осознанно, мстя за организацию Петлюрой кровавых еврейских погромов на Украине. На следствии Шварцбард утверждал, что подготовил убийство Петлюры целиком самостоятельно и не является ничьим агентом. Шварцбард стремился представить свой поступок «актом справедливой, благородной мести», заявляя, что он убил Петлюру «как виновника в смерти десятков тысяч евреев во время погромов 1918—1920 годов на Украине», что «Петлюра заслуживал самого страшного наказания».

Справка: Шварцбард Самуил (Шелом) Соломонович (1886—?) родился в еврейской семье в Смоленске. Вырос в местечке Балта. С 1905 г. жил в Австро-Венгрии. Анархист, участвовал в налетах анархистов на банк в Вене, приговорен к каторге. С 1910 г. живет в Париже, анархист и часовой мастер. В 1914—1917 гг. воевал во французском Иностранном легионе. В 1917 г. вернулся в Россию, служил в Красной армии на Украине в 1918—1920 гг. По некоторым свидетельствам служил в кавалерийской бригаде Г. Котовского. Родной брат Самуила Шварцбарда был выслан из Франции в 1919 г. за коммунистическую пропаганду. В 1920 г. Самуил Шварцбард выехал в Париж, добился французского гражданства, снова открыл часовую мастерскую и вступил в анархистскую группу. Свел знакомства с виднейшими анархистами, приехавшими во Францию из России, Волиным, Беркманом, Гольдман, а также с Нестером Махно и его единомышленником Аршиновым-Мариным. С 1928 года жил с семьей в США.

Парижский суд не хотел рассматривать версию о том, что Шварцбард — советский агент, и предпочел версию «террорист-одиночка», хотя Шварцбард и сознался, что был анархистом и марксистом. Однако украинцы Франци провели свое расследование и пришли к выводу, что руку Шварцбарда направляли советские агенты.

Советская разведка укрепились в Париже еще с весны 1920 года. Одним из самых активных агентов был некий Михаил Володин (очевидно псевдоним). В 1920—1921 годах он «действовал» на Галичине и Закарпатье, которые тогда принадлежали Польше и Чехословакии. В 1922 году за «коммунистическую пропаганду» он был выслан из Чехословакии. Далее, выдавая себя то за анархиста, то за левого эсера, то за максималиста, он «работал» в Берлине, «подготавливая революцию», а летом 1925 года переехал в Париж. В Париже Володин завел дружбу с французскими социалистами и коммунистами, с Нестером Махно и его женой Галиной, со Шварцбардом и непримиримым критиком Петлюры Шаповалом. Очевидно, приказ об устранении Петлюры Володин получил в январе 1926 года, когда он стал активно интересоваться адресом Петлюры (державшимся в тайне даже от украинских эмигрантов) и его привычками. С апреля 1926 года Володиным и его сообщниками за Петлюрой велась слежка. Очевидно, именно Володин «подобрал» Шварцбарда на роль исполнителя террористического акта, внушил ему идею «справедливой мести» и сообщил о месте пребывания Петлюры.

Володин в свое время предлагал «старому террористу» анархисту Махно «ликвидировать» Петлюру, однако Махно не поддержал саму «идею» убийства политического кон-

курента и отговаривал от этого Шварцбарда, хотя есть сведения о том, что к убийству Петлюры, какое-то отношение имела жена Махно Галина, достаточно «боевая особа», которая стремилась к возвращению в СССР, хотела «прощения» и работала в «Союзе украинских граждан во Франции». К чести Махно надо заметить, что он после убийства Петлюры выступил в прессе с осуждением террористического акта и опровержением «антисемитизма» Петлюры.

Возможно, убийство Петлюры «курировал» Владимир Ауссем, тогдашний большевистский полпред в Париже, член КП(б)У. В декабре 1917-го он был начальником секретариата первого Советского (харьковского) правительства Украины. В 1919 году Ауссем организовывал борьбу против петлюровцев, а в 1920 году был руководителем военной разведки Советской России, сменив на своем посту известного «киевского большевика» Георгия Пятакова. С 1921 года Ауссем — разведчик, дипломат, полпред УССР в Германии, Австрии, Франции... В 1926—1927 году был торгпредом и разведчиком СССР в Турции (пока не был уличен в связях с Троцким). Полпредом СССР во Франции также был троцкист и «украинский товарищ» Христиан Раковский, политический конкурент Петлюры и глава правительства Советской Украины с 1919-го по 1923 год. Раковский «заигрывал» с французской богемой, «опекал левых» и «дружил» с Арагоном, Барбюсом, Кашеном. Он обеспечивал идеологическое прикрытие «акции».

Следствие по делу об убийстве Петлюры продолжалось с мая 1926 года по июль 1927 года. Суд начался только в октябре 1928 года. Обвинительный акт достаточно правдиво описывал роль Петлюры «в истории», указывая, что Петлюра боролся с погромами и не являлся ни виновником, ни организатором многочисленных погромов времен гражданской войны. Документально были подтверждены приказы Петлюры, направленные против погромов.

Но коллегия присяжных парижского суда оправдала убийцу Петлюры Шварцбарда, что шокировало многих присутствующих. Талантливый адвокат Анри Торез обвинил покойного Петлюру в организации погромов, антисемитизме, германофильстве, враждебности по отношению к Франции. Во время процесса над Шварцбардом показала свою силу французская «левая пресса» (социалистов и коммунистов), а так же «левые» настроения, «симпатии к СССР», которые были тогда модны в кругу французских интеллектуалов. Постарались и представители СССР, ко-

торые предоставили суду письмо жителей режимного советского городка Проскуров, в котором 1325 советских жителей твердили, что Петлюра организовал ужасную Проскуровскую резню (во Франции тогда мало кто догадывался, как собирались эти подписи). Адвокат убийцы сконцентрировал свои усилия прежде всего на том, чтобы доказать, что Петлюра организовал резню евреев в Проскурове в феврале 1919 года. Впрочем, многим в зале суда казалось, что Петлюру судили за все погромы гражданской войны на Украине, причем даже за погромы в тех районах, которые не контролировала регулярная армия Петлюры. Защита вызвала свидетелей самых разнообразных погромов и на эмоциональной волне, подавив обвинение, превратила защиту Шварцбарда в обвинение Петлюры.

Тогда Шварцбард уверял, что Петлюра «вел антисемитскую пропаганду», «угрожал еврейскими погромами». Он хотел связать имя Петлюры с еврейскими погромами на Украине, что происходили в XVII—XVIII веках, заявляя, что Богдан Хмельницкий был «главный погромщик», а Петлюра — «это внук Хмельницкого». Сначала Шварцбард заявил, что на совести Петлюры полмиллиона еврейских жизней, что именно на нем лежит ответственность за погромы, которые три года проходили во всех районах Украины. Потом, правда, количество «жертв Петлюры» он сократил до 100 тысяч... В суде была пущена явная «утка» о том, что петлюровцы носили форменные нарукавники с надписью «Бей жидов — спасай Украину!»

Вторя своему подзащитному, адвокат Торез уверял, что «вся армия УНР — погромщики», а Петлюра был их «главным вдохновителем». К обличению Петлюры приложили руку и сторонники Деникина, российские монархисты, гетманцы, коммунисты, и ряд «леваков» из еврейских партий.

Оправдывая Шварцбарда, защита сыграла на его заслугах во время мировой войны, на его участии в боях за Францию в составе Иностранного легиона, ранении на фронте, на французском гражданстве обвиняемого... Даже на том, что он был членом «Лиги прав человека». Петлюру же представили как «лицо без гражданства», с подозрительными «немецкими связями в 1918 году» (в год наступления немецкой армии на Париж), как «лицо, разрушившее союзническое Франции государство — Россию». Под воздействием эмоций и непроверенной информации, 8 из 12 присяжных заявили, что Петлюра виновен. Подробное описание процесса можно найти в книге «Документы су-

дебной ошибки» (Париж, 1958, на украинском языке). Но главную роль на процессе, очевидно, играло «красное закульсье».

Вот что говорилось в секретной директиве Народного комиссариата иностранных дел СССР от 18 января 1927 года: «Предоставить в распоряжение защиты соответствующие документы и свидетелей» для того, чтобы доказать, что «петлюровское движение не было национальным революционным движением широких украинских масс и ничего общего с революцией на Украине не имеет. Наоборот, это было авантюристическое движение, с неизбежностью превращения в атаманщину, со всеми вытекающими отсюда проявлениями погромов, грабежей, насилия над мирным населением... Оправдание или обвинение Шварцбарда за совершение террористического акта ни в коем случае не может снять с Петлюры и всего возглавляемого им движения, известного под именем петлюровщины, ответственности за погромы и прочие причиненные им бедствия...»

В директиве предлагалось отправить на процесс, в качестве свидетеля некого Лысенко, якобы «адъютанта Петлюры». Причем «советская сторона» брала на себя все расходы по перевозке его в Париж, очевидно, под наблюдением ГПУ. Как надежного «свидетеля» НКВД рекомендовал Винниченко, который снова «искал путей сближение» с большевиками, постоянно критикуя Петлюру, забывая при этом, что большая часть приписываемых Петлюре погромов произошла с ноября 1918-го по февраль 1919-го, когда сам Винниченко был главой Директории. Советские дипломаты мобилизовались, чтобы принять меры по недопущению «свидетеля Милюкова», которого в особых симпатиях к Петлюре тяжело было заподозрить, зато можно было «опасаться» его объективности.

Итак, был создан такой необходимый советскому режиму миф о Петлюре. Имя Петлюры должно было ассоциироваться со всем темным и кровавым, «петлюровский миф» должен был быть более страшным и пугающим, нежели «черные боёны» и ГУЛАГ 30-х. Грехи Петлюры были невероятно раздуты, он был «возведен» в ранг главного «всеукраинского антигероя», пока его не сменил Степан Бандера, но это уже совсем другая история...

ГЛАВА 22

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Гражданская война — это жуткое, темное время. Безумие свободы, что превратилась в кровавый пир диктаторов, когда жестокость становится главным аргументом в политической борьбе. Сейчас практически невозможно измерить степень вины враждующих сторон. Расстрелы у «красных», виселицы у «белых», «порубание шашками» у махновцев... А петлюровцы? Воевали, убивали, расстреливали: «красных» и «белых», «шпионов», «агитаторов» и «provokatorov». Потери гражданской войны с большим трудом поддаются исчислению (от 5 до 8 миллионов), причем на фронтах гражданской погибло только 1/3 от этих потерь, примерно столько же приходится на потери мирного населения, уничтоженного карательными отрядами, ЧК, всевозможными контрразведками, погромщиками. Убийцы мирных жителей в большинстве своем прожили жизнь в почете и достатке, позвякивая боевыми орденами, рассказывая о своих мнимых подвигах. Они все остались не наказанными. Да и пуля Шварцбарда не оказалась мечом Немезиды...

Трудно сейчас искать правых и виноватых, но все же легче, чем 80—30 лет назад, когда события эти имели свое продолжение, а их участники жили рядом с нами. Время для анализа пришло только сейчас, когда «отболело и травой поросло», когда утихли барабаны беспощадной пропаганды, когда на Красной площади двуглавые орлы мирно соседствуют с «мумией» Ильича, а в Киеве жовто-блакитные флаги вывешиваются на 7 ноября и на День Победы. Кстати, по странной иронии истории Петлюра еще в начале 20-х своим законом определил праздник украинского войска и нерабочий день в УНР — 9 мая. Правда он считал, что праздновать на Украине должны были в память о Первом всеукраинском военном съезде 1917 года.

Погромы стали постоянными спутниками гражданской войны, и за «чертой оседлости», где евреев были единицы, они, естественно, не происходили, поэтому 95% погромов припадает на Украину и Белоруссию. Первые погромы начались еще до провозглашения УНР в августе—октябре 1917 года, когда масса дезертиров армии Временного правительства ринулись с фронта в тыл. Эти солдаты уже поставили себя вне закона, покинув окопы, да и понятие «частной собственности» было для них только пустым звуком. Солдаты, обезумевшие от окопной жизни, от смертей и крови, распропагандированные ленинским лозунгом «экспроприация экспроприаторов», уже жили в «перевернутом» мире хаоса и вседозволенности... Эти солдаты, двигаясь большими группами на восток, разоряли на своем пути как еврейские местечки, так и украинские села... Погромная стихия утихла только к середине марта 1918-го... Уже через 15 дней после того как Петлюра оказался военным министром УНР в ноябре 1917-го, он издал первое воззвание, направленное против погромов.

Новая волна погромов началась летом 1918 года, когда вспыхнуло восстание против гетмана. Петлюра тогда сидел в гетманской тюрьме... Стихийные крестьянские ватаги иногда собирались не только в «революционных целях», а и для того чтобы пограбить, ведь революция проводила тотальный передел собственности. С первых дней организации новой революционной власти Директории глава Директории Винниченко (кстати, женатый на еврейке) и Главный атаман Петлюра призывали восставших не допускать погромы, угрожали расстрелами за участие в погромах, за погромную агитацию. Но не всегда они могли контролировать все отряды «стихийных» повстанцев, что временно вливались в армию Директории, но не допускали какого-либо диктата со стороны Центра. Они были временными и ненадежными союзниками, все эти атаманы: Зеленый, Ангел, Григорьев, Коцюр, Струк — сегодня воевали за УНР, а завтра — за Советы. Винниченко и Петлюра были бессильны сдерживать их, даже расстреливая отдельных погромщиков. В январе 1919-го, когда фронтами и отрядами Директории начали разваливаться под ударами большевиков, «белых», поляков, хаос усилился. Вчерашние союзники отказывались наступать, подчиняться Петлюре, переходили к «красным» или становились бродячими отрядами «вольных стрелков», постепенно склоняясь на сторону откровенного бандитизма...

К февралю 1919-го Петлюра мог полностью положить примерно только на 20% бойцов от той массы войск, что собрались вокруг Директории в середине декабря 1919 года. Только в этих частях была дисциплина, их можно было использовать для подавления погромов, и они подчинялись приказам Петлюры (как например сечевые стрельцы), к этому времени 75—80% армии Петлюры разбежалось, они подчинялись приказам только местных атаманов или перешли к «красным». За погромы этих ватаг дезертиров из армии УНР Петлюра просто не мог отвечать... Разбегающееся войско в январе—феврале 1919-го устроило ряд кровавых погромов в Житомире, Бердичеве, Овруче, Коростене, Сарнах, Литине...

Погром в Проскурове. Тут случай иной: кровавую вакханалию учинила разложившаяся часть, которая еще формально пребывала в составе армии Петлюры, но его приказов она уже не выполняла, в частности строжайших приказов о недопущении еврейских погромов. Петлюра не провозгласил этого погрома, покарал его организатора, создал комиссию по расследованию погромных преступлений в Проскурове.

Самой страшной была волна погромов во время полной анархии на Украине в апреле—июне 1919-го. Чернобыль, Елизаветград, Черкассы, Смела, Умань, Тростянец... Погромы учиненные отрядами восставших крестьян, бандитскими ватагами или частями Красной Армии, что подняли восстание против «красных маршалов» Антонова-Овсеенко и Троцкого (например советская дивизия атамана Григорьева). Ричард Пайпс, описывая 1919 год, констатировал, что вся страна «распалась на огромное количество отдельных районов, никак не связанных между собой, изолированных от всего мира, отдаленных на милость бандам вооруженных крестьян и уголовных преступников», а районы «жили собственной жизнью, в которой реальную власть имел тот, кто опирался на винтовку... По всей Украине возникали банды крестьянских партизан, которые нападали на села и местечки, грабили и убивали еврейское население...»

«Скорбный лист погромов», составленный в 20-х годах в Советской России, фиксировал на Украине таких организаторов погромов: белогвардейцы — совершили 226 погромов, польская армия — 29, различные повстанческие атаманы — 834, петлюровцы — 139. Красноармейцы 1-й Конной Армии (в 1920-м), и бойцы украинских советских дивизий (в 1919-м) также участвовали в погромах (не менее 40, особенно жестокие в Глухове и Новгороде-Северском).

Однако никто не обвинял Антонова-Овсенко, Буденного, Щорса, Боженко или самого Троцкого в том, что они виновны в этих погромах.

Как и не обвиняли в организации погромов Деникина, Пилсудского, Скоропадского, Савинкова (в войсках последнего значились соединения Булах-Балаховича, которым «Скорбный лист» «отводит» 47 погромов) или Николая П. Погромы не были «инструментом» внутренней политики ни у Пилсудского, ни у Деникина, ни у Петлюры...

В январе 1919-го Директория издает первое свое воззвание против погромов. Более того, по приказу Петлюры правительство УНР постоянно выделяло деньги жертвам погромов (около 32 миллионов гривен). В 1919 году возник Всеукраинский ЦК при еврейском министерстве по оказанию помощи пострадавшим при погромах. В мае того же года Петлюра создал особую следственную комиссию для расследования противоеврейских погромов, а «Чрезвычайные военные суды УНР» расстреляли не один десяток активных погромщиков. Среди министерств Центральной Рады и Директории постоянно существовало министерство еврейских дел. Осенью 1919 года Петлюра предлагал создать международную следственную комиссию для расследования погромов, приглашая приехать на Украину лидеров еврейских общественных организаций и партий.

В июне 1919 года властью Директории были предотвращены погромы в Каменец-Подольском и Проскурове. В августе 1919-го в воззвании правительства УНР, что было направлено против погромов, указывалось, что «еврейские демократы во главе с Бундом, «Объединенцами», «Поалей-Цион» и «Фолькс Партай», представители которых входят в совет министерства по еврейским вопросам, а руководители занимают ответственные должности в других министерствах, поддерживают правительство украинского народа». В августе 1919-го в войсках были распространены приказ и воззвание Петлюры против погромов, в которых за участие в погромах власть «обещала» немедленный расстрел. В обращении Петлюры к армии УНР (27 августа 1919 г.) говорилось: «Украинцам, как и евреям, что поддерживают правительство Республики, наша национальная Армия должна принести равенство, братство, свободу. Все еврейские партии, конкретно «Бунд», «Объединенцы», «Поалей-Цион», «Популисты», перешли на сторону возрождения независимости Украины. Я знаю сам, как евреи помогали нашей армии и нашей республике... С большим вниманием и переживанием я думаю о жертвах еврейско-

го народа, об их славной жизни, положенной на алтарь Отечества. Из донесений офицеров и инспекторов я знаю и о том, что еврейское население самоотверженно выхаживало наших больных и раненых; о еврейских детях, что в госпиталях, организованных в 5 верстах от фронта, промывали раны нашим мужественным воинам. Я был глубоко взволнован, видя слезы благодарности в их глазах за ту заботу, что они получили от евреев, и с удовольствием увидел, что многие из наших воинов stanовились охранять магазины и склады евреев, чтобы пресечь их разграбление...

Командиры и воины Украинской армии! Рабочие массы украинских евреев видят в вас своих освободителей, и будущие поколения никогда не забудут ваших усилий... Опасайтесь провокаторов и тех кто хочет погромов и стремится уговорить наиболее слабых в своих убеждениях.

Будьте безжалостными! Смертная казнь ждет участников погромов, как и подстрекателей к ним. Я требую от вас суровой дисциплины, чтобы даже волос не упал с невинной головы...

В августовском приказе (1919 г.) Петлюра призывал войско пресекать антиеврейские выступления и погромы, предупреждая: «Кто же допустит это тяжкое преступление, тот является предателем и врагом нашего края и должен быть исключен из человеческого общежития».

Но не всегда жесткие меры для пресечения погромов приводились в исполнение по причинам мизерности надежных частей, иногда следствие затягивалось, а слабость карательного аппарата Директории приводила к тому, что он просто не справлялся с потоком «погромных дел». К этому нужно прибавить и то, что длительное время все «силовые аппараты» УНР были на колесах, постоянно отступая или наступая, и в этом вечном хаосе очень трудно было «вершить правосудие». Отсутствие союзников в борьбе с врагами толкало Петлюру на союз с разнородным повстанческим движением, которое просто невозможно было контролировать. Тем более не было никакой возможности контролировать повстанцев в тылу Красной Армии. Иногда в «союзниках» Петлюры оказывались и атаманы, которых прямо обвиняли в организации погромов: Ангел, Зеленый, Волынец. Фатальный недостаток военных сил у Петлюры приводил его к вынужденным связям с атаманами за линией фронта, в «красном» тылу. Но атаманские части были только «союзниками», они никогда не были регулярными частями УНР и власть Директории их просто «не доставала». Некоторые атаманы (например Струк), что проводи-

ли погромы, намеренно заявляли о том, что они действуют под «началом» Петлюры и исполняют его «наказы». Атаманы искали легализации, поддержки, авторитета, поэтому иногда разбойничьи банды называли себя петлюровцами, никакого отношения к войскам Петлюры не имея. Йозеф Лихтен писал: «Следует признать великой исторической несправедливостью сам факт обвинения Петлюры в преступлениях различных атаманов...»

Эти особенности гражданской войны на Украине вероятно усложняли процесс расследования погромных злодеяний, оставляя некую «лазейку» для врагов Петлюры в их стремлении очернить своего противника.

Уже в эмиграции, с марта 1921 года, Петлюра готовит подробный отчет о мерах, что проводились Директорией против погромов (документы следствий, приказы, даты погромов и списки расстрелянных за них). Тогда же Петлюра снова обратился к населению УССР, к повстанцам с призывом не допускать еврейских погромов.

Петлюра еще в конце 1917 года предлагал создавать вооруженные отряды «еврейской самообороны», открыл доступ евреям в офицерские школы УНР, в правительстве Директории было несколько министров-евреев. Евреям УНР была предоставлена «национально-персональная автономия», за которую они боролись предыдущие десятилетия. Представители Петлюры вели в 1921 году переговоры с лидером сионистов Жаботинским по поводу формирования отрядов еврейской жандармерии на Украине.

Владимир Жаботинский писал: «Является безусловным фактом то, что ни Петлюра, ни Винниченко, ни кто-нибудь из ведущих деятелей украинского правительства не был погромщиком. Я вырос рядом с ними, я вместе с ними боролся против антисемитизма; никто и никогда не сможет убедить ни одного из сионистов Южной России, что подобные люди были антисемитами».

Лидер «Бунда» Моисей Рафес добавлял: «... одной из самых любимых идей Петлюры и многих других украинских националистов была идея создать союз украинской и еврейской демократий».

Арнольд Марголин (Генеральный секретарь Южнороссийского отдела Союза борьбы за достижения равных прав для евреев, адвокат на процессе Бейлиса, Президент еврейской территориальной организации) утверждал, что в 1919 году «...украинское правительство последовательно выступало против погромов, никогда не принимало в них участия и не несет за них никакой ответственности».

В последние пять с половиной лет своей недолгой жизни Петлюра подвергался непрекращающемуся шельмованию, гибель его была логическим завершением этой травли. Ему решили не прощать ни ошибок, ни побед. Его обвиняли белогвардейцы и махновцы, «левые» и «правые», демократы и «фашиствующие», сторонники гетмана и сторонники Винниченко, буржуазная и советская печать. Но обиднее всего были Петлюре даже не плевки вчерашних друзей и единомышленников, обиднее всего было кажущееся забвение на Родине. Казалось, Петлюра так и останется антигероем новой истории народа, который, постепенно пройдя через революцию и войну, начал себя осознавать украинским народом. Но в год убийства Петлюры, в 1926-м, «новая» советская украинская интеллигенция, замалчивая имя Петлюры, бичуя при случае петлюровцев и отрекаясь от их «наследия», осторожно стала проводить «петлюровские идеи» в жизнь. Вчерашний чекист, а к 1926 году классик «модерной» украинской советской литературы Николай Хвильевой провозгласит «свой» лозунг — «Геть від Москви!» («Долой влияние Москвы!»), нарком просвещения УССР Александр Думский «погрязнет в национал-уклонизме». Недаром один из большевистских лидеров УССР Влас Чубарь в речи на Конгрессе коммунистической молодежи (март 1926 г.) указывал: «...у нас еще есть люди, что симпатизируют Петлюре, сочувствуют «мелкобуржуазному» режиму, что продолжает свое тайное дело. Они себя называют защитниками национальной республики, независимой от России, однако, по сути, независимой от диктатуры пролетариата».

Разоблаченные Сталиным, как «петлюровские», эти уклоны («хвильевизм» и «шумскизм») частью унаследовали идеи украинской революции, Центральной Рады, Директории.

Неслучайно Петлюра, подметив подобную тенденцию, выступил за тактику борьбы посредством «врастания в систему», «духовного изменения» самосознания советского украинца. Борьба уже была не за территорию, а за душу народа. Сталин к 1928 году, почувствовав надвигающиеся изменения, решил начать новый поход на Украину, предусмотрительно затоптать ростки нового сознания. Это ему удалось посредством превращения следующего десятилетия в десятилетие национальной трагедии Украины.

Ошибки Петлюры... Они были одновременно заблуждениями всего поколения и результатом предыдущего развития Украины. Но главной ошибкой (или достоинством) его были идеализм и идеализация положения на

Украине, которые порождали неправильную оценку ситуации, но вместе с тем служили «оправданием» такого необходимого в борьбе энтузиазма. Петлюра наследовал романтический образ «казацкой Украины», сформированный еще Шевченко, Гоголем, множеством украинских писателей и историков эпохи Николая I и Александра II. Во многом это был образ «прекрасного прошлого», «вольного казачества». Однако в мечтаниях о новой, свободной Украине не было места для анализа будущего экономического и социального развития, анализа геополитических реалий мировой политики. Стихийность, импульсивность, некоторая анархичность, неподготовленность украинской революции передалась ее лидерам, в большей степени Махно и в некоторой Петлюре. Петлюра, наследуя социалистические традиции украинского движения, так и не нашел места в новой Украине ни крупному капиталу, ни денационализованному городскому пролетариату. «Петлюровщина» страдала патриархальностью, тактическими шатаниями, аматорством, революционным романтизмом.

Петлюра стремился быть «в центре зарождающейся бури», участвовать в развале старого и созидании нового общества. Многим его современникам казалось, что он был только «халифом на час». Ведь до 1917 и с 1922 года, когда буря еще не разразилась и когда она улеглась, Петлюра был только «скромным обывателем». Но, скорее всего, такое мнение было неверным. Не его выбрало время, но он пытался изменить время, «моделировать» новую человеческую общность.

За сто двадцать лет до Петлюры, Иван Котляревский, а через сорок лет после Котляревского и Тарас Шевченко начали создавать украинскую нацию. Петлюра продолжил этот процесс, четко осознавая свою миссию. И хотя к 1917 году украинская нация еще была «сыровата», Петлюра и петлюровцы (как, впрочем, и большинство деятелей Центральной Рады и Директории), резко ускорили процесс ее «вызревания».

Большинство украинцев начала XX века даже не предполагало, что они «украинцы», называя себя «русинами», «руснаками», «малоросами», «руськими», обижаясь на презрительное прозвище «хохол», но уже четко зная, что они не «москальи». Сто лет назад казалось, что между украинцами Галичины и Центральной Украины непреодолимая пропасть, что между сельским и городским населением Украины нет даже намека на единство. У нации практически не было своей буржуазии, рабочий класс был сплошь «интернациональным», язык был запрещен, а культура вынуждена была тратить силы на свою оборону...

Но история уже предоставила шанс. Грушевский, Петлюра и тысячи идеалистов-энтузиастов приняли вызов. Нужно ли было спешить, нужна ли была вся эта кровавая борьба за «самостийность»? Что в себе таит «феномен Украины» и сможет ли Украина обосновать и реализовать «украинскую идею»? Эти вопросы обращены больше не к Петлюре, а к нашим современникам — гражданам Украины XXI века. Ведь шанс был дан и оплачен дорогой ценой.

Петлюра и петлюровцы уже скрепили своей жертвой идею Украины. И даже в их гибели было не только поражение, но и победа. Победа Петлюры и петлюровцев заключалась в том, что благодаря их борьбе режим советской власти был вынужден эволюционизировать, отказавшись от колхозов и продразверстки, перейти к НЭПу; отказавшись от политики русификации и непризнания Украины, перейти к украинизации, к развитию украинской культуры, к закреплению государственного понятия Украина — СССР.

Да, Петлюра 1923—1926 гг. — это лидер, потерявший большинство своей паствы. Время уже отвернулось от него, предоставив большевикам реализовывать хотя бы часть его проектов. Но коммунисты были сторонниками строжайшей централизации и врагами «самостийности» и демократии, они так и не смогли реализовать «украинскую идею» и были вынуждены путем террора «свернуть» украинизацию.

Научный интерес к личности Петлюры дозировался и дозируется политическими интересами, властями, партиями, группами. Сторонники Петлюры достаточно одиозно и очень осторожно освещали, «мифологизируя» жизненный путь Петлюры (с 30-х годов в украинской эмиграции идет «бой за Петлюру» и его наследие между различными политическими группировками, который не закончен и до сего дня). Советским историкам было просто запрещено «заниматься Петлюрой». Интересно, что и в независимой Украине не вышло ни одной новой научной монографии о Петлюре-политике (за исключением нескольких сборников статей, вышедших микроскопическими тиражами). Официальное «петлюроведение» так и не сложилось по причине политических комбинаций, и если к памятнику Грушевскому, что на улице Владимирской, официальные лица приносят венки и букеты «к празднику», то памятника Петлюры в Киеве просто не существует, а близ киевского «Арсенала» памятники революционеру, борющимся с петлюровцами в далеком 1918-м, продолжают удивлять туристов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	
Полтава. Юноша без особых примет. 1879—1901 гг.	9
ГЛАВА 2	
Мятежные годы скитаний. 1902—1908 гг.	24
ГЛАВА 3	
Скромный российский обыватель. В преддверии громкой славы. 1908—1917 гг.	43
ГЛАВА 4	
Масонская тайна Симона	58
ГЛАВА 5	
Жребий брошен. Вызов Центральной Рады. Май—октябрь 1917 г.	67
ГЛАВА 6	
Военный министр республики. 1 ноября—12 декабря 1917 г.	96
ГЛАВА 7	
Отставной министр. 13 декабря 1917 г.—13 января 1918 г.	115
ГЛАВА 8	
Командир гайдамаков. Столкновение с реальностью. 14—23 января 1918 г.	136
ГЛАВА 9	
Потеря Киева и «чудеса Брест-Литовска». 24 января—1 марта 1918 г.	154
ГЛАВА 10	
Гарант демократии — немецкий штык. 2 марта—29 апреля 1918 г.	169

ГЛАВА 11	
И «от тюрьмы не зарекайся». 30 апреля—13 ноября 1918 г.	184
ГЛАВА 12	
Под флагом Директории. 14 ноября—27 декабря 1918 г.	200
ГЛАВА 13	
Вторая война против «красных». 28 декабря 1918 г.—1 февраля 1919 г.	219
ГЛАВА 14	
Время выбора. 2—15 февраля 1919 г.	237
ГЛАВА 15	
Шаг вправо... шаг влево... 16 февраля—20 апреля 1919 г.	252
ГЛАВА 16	
«В вагоне Директория, а под вагоном ее территория». 20 апреля—26 июля 1919 г.	274
ГЛАВА 17	
Поход на Киев и потеря Киева. 26 июля—22 сентября 1919 г.	295
ГЛАВА 18	
Война против «белых». 23 сентября—6 декабря 1919 г.	316
ГЛАВА 19	
С поляками против Советов. 7 декабря 1919 г.—21 ноября 1919 г.	343
ГЛАВА 20	
«Польское сидение». Декабрь 1920 г.—декабрь 1923 г.	372
ГЛАВА 21	
Увидеть Париж — и умереть. Январь 1924 г.—май 1926 г.	393
ГЛАВА 22	
Палачи и жертвы	405

Литературно-художественное издание

САВЧЕНКО
Виктор Анатольевич

СИМОН ПЕТЛЮРА

Главный редактор *Н. Е. Фомина*
Ответственный за выпуск *А. Н. Гончаченко*
Художественный редактор *Б. Ф. Бублик*
Компьютерная верстка *Н. А. Побигайло*
Технический редактор *А. С. Таран*
Корректор *Л. И. Вакуленко*

Подписано в печать 15.03.06. Формат 84x108 1/32.
Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 21,84. Усл.кр-отт. 22,68. Уч.-изд. л. 26,8.
Тираж 3 000 экз. Заказ № **6-36**.

ТОВ «Видавництво Фоліо»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 502 від 21.06.2001 р.

ТОВ «Фоліо»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 683 від 21.11.2001 р.
61057, Харків, вул. Донець-Захаржевського, 6/8

Електронна адреса:
www.folio.com.ua
E-mail: realization@folio.com.ua
Інтернет магазин
www.bookpost.com.ua

Надруковано з готових позитивів
у ТОВ «ФОЛІО-АРТ»,
61143, м. Харків, вул. Велика Кільцева, 99
. Свідоцтво про реєстрацію
ДК №2271 від 26.08.2005 р.